

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

~~~~~

ГОДЪ СОРОКЪ ВОСЬМОЙ.

1907.

~~~~~

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

—————
○ ○ ○

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1907.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва. Апрѣля 7 дня 1907 года.

Цензоръ *Протоіерей Іоаннъ Петропавловскій.*

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ЛЕОНИДА, АРХІЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКАГО *).

Май (1864 г.) 1. Ъздилъ на докладъ къ владыкѣ; примѣчательно: первый мой докладъ какъ викарія былъ 1 мая 1859; нынѣ ровно 5 лѣтъ. Отъ владыки при насъ вышелъ прот. Ключаревъ, докладывавшій о томъ, что говорила съ нимъ В. Княгиня. Она была на дняхъ въ Лаврѣ, обошла ея заведенія, академію, взяла съ собою бакалавра Субботина, съ нимъ всю дорогу говорила о расколѣ, и на другой день, въ полдень, призвала его для продолженія той же матеріи. Съ ректоромъ академіи пр. Горскимъ она уже знакома съ свѣтлой субботы. Она бесѣдовала съ нимъ долго о многоразличныхъ предметахъ. «Духовенство шатко (ей сказано на это, что примѣръ духовенства западнаго края показалъ иное, и если бы подобныя же испытанія прошли по другимъ частямъ имперіи, духовенство явилось бы тѣмъ же), не надобно ли дать больше развитія богословскимъ наукамъ въ университетѣ, не надо ли всѣмъ открыть доступъ въ духовныя академіи, или читать публичныя лекціи богословскихъ наукъ, не надобно ли усилить проповѣданіе (послѣ вечерни особою службою) и т. д. Прот. Ключареву дѣлала вопросъ: не полезны ли бѣлые архіереи, отчего разладъ между чернымъ и бѣлымъ духовенствомъ? Слышно еще, что толкуютъ о заведеніи ходячихъ проповѣдниковъ при епархіальныхъ архіереяхъ, о

*) Продолженіе. См. мартовскую кн. *Душепол. Читанія* 1907 г.

ковниктахъ (общежитіяхъ) для семинаристовъ. Дошло дѣло и до меня. Докладываютъ мнѣ: А. А. Араповъ отъ Великой Княгини. Я перекрестился: неужели, подумалъ, дошло дѣло и до меня? Я устранилъ себя при ея приѣмѣ въ Успенскомъ соборѣ: я морякъ-солдатъ, слѣдовательно человѣкъ грубый и малоприготовленный, не могу удовлетворить ея просвѣщеннаго любознанія, я монахъ, слѣдовательно долженъ говорить прямо, я по свойству натуры своей если заговорю прямо, то дѣлаюсь рѣзокъ, а это некстати при дворѣ.—Дѣйствительно: Араповъ въ шитомъ кафтанѣ. «Я прямо отъ в. княгини, она проситъ ваше п—ство завтра въ часъ». — За чѣмъ я ей? — «Желаетъ познакомиться и досказать то чего, позабывъ, не сказала владыкѣ». Между тѣмъ, когда объ этомъ говорилъ я владыкѣ, то отъ него услышалъ, что можетъ быть онъ и самъ поѣдетъ.—«За чѣмъ же мнѣ-то потомъ, или она и еще что нибудь забудеть». — П. М. Хрущовъ говорилъ мнѣ, что накануне онъ съ нею долго обо мнѣ говорилъ, но о чемъ — я не спрашивалъ. Умникъ мой, о. арх. Пименъ, слыша, какъ она бесѣдуетъ, скача отъ предмета къ предмету, сказала: «хорошій покупательъ войдя въ лавку спроситъ товаръ, который ему нуженъ, осмотритъ его внимательно, сторгуется и возьметъ, а кто требуетъ, чтобы ему и то, и другое, и пятое, и десятое показывали, и ко всему прицѣнивается, словно хочетъ скупить всю лавку, о томъ опытный продавецъ тотчасъ заключаетъ, что этотъ покупательъ, дѣлающій видъ, что хочетъ купить на сотни и тысячи, въ самомъ дѣлѣ готовъ купить на пять копѣекъ, или, и ничего не купивъ, вынырнетъ изъ лавки». — Что-то будетъ со мною говорено: даруй только, Господи, не сказать чего либо вреднаго для Церкви! — Ибо не можетъ быть, чтобы слова наши пропадали; нѣтъ, они принимаются, частію забываются, частію хранятся въ памяти, а большая часть съ языка на языкъ перебѣгаютъ извращаясь, измѣняясь до безконечности.

2. Сегодня на солнцѣ градусовъ 13. Утро было прекрасное. Въ часъ ровно я подъѣхалъ къ дворцу и послалъ о себѣ доложить. У подъѣзда было нѣсколько каретъ. Лишь вошелъ я въ залу, великая княгиня показала изъ дверей гостинной и быстро подошла ко мнѣ. Я передалъ ей письмо отъ владыки. Отъ ризничаго взялъ и вручилъ ей икону, которая также отъ митрополита прислана. Она приложилась, и не замѣтилъ, что съ ней сдѣлала. Мы вошли въ гостинную, посреди которой маленькой цвѣтникъ, окна въ садъ. Идя мы рекомендовались другъ другу и уже говорили о владыкѣ. Сѣли: она прочитала письмо, сказала: «какъ драгоценно для всѣхъ здоровье владыки» и скоро перешла къ главному предмету разговора, къ конвиктамъ для училищъ духовныхъ. — «Я говорила, чтобы дать сначала столъ; а о. Ключаревъ говорить, что имъ нужны помѣщенія». — Я сказалъ на это, что и то, и другое полезно, потому что ученики очень бѣдны; но что на первый разъ надобно сдѣлать опытъ въ одномъ, двухъ, трехъ мѣстахъ въ самомъ маломъ размѣрѣ (такова мысль владыки). Великая княгиня, съ навернушеюся слезой, отозвалась, что она чрезвычайно рада, что находитъ такое согласіе съ своею мыслию. Я повторилъ слова Г. А—ны Цеммернъ императору Николаю, что «большія учебныя заведенія—фабрики воспитанія». — «Или полки», сказала великая княгиня. Гдѣ учредить? — Тамъ гдѣ легче избрать людей и имѣть надъ ними надзоръ. Тогда она выразила желаніе, чтобы это сдѣлано было въ Москвѣ,—и поручила мнѣ доложить объ этомъ владыкѣ. При этомъ я замѣтилъ, что хорошій успѣхъ этихъ малыхъ учреждений возбудить въ обществѣ желаніе подражать доброму примѣру. Она пожелала, чтобы къ осени ей данъ былъ отвѣтъ непосредственно на ея имя. Потомъ она спрашивала, какъ образовать народныхъ учительницъ? Я сказалъ ей о сестрѣ моей Ушаковой и передалъ ей проектъ, который состоитъ въ слѣдующемъ. Классныя дамы и домашнія наставницы рано истощаютъ силы

свои въ неимовѣрныхъ трудахъ своихъ. Тѣ, которыя имѣютъ пенсію или сберегаютъ маленькій капиталъ, оставляютъ дѣло еще въ цвѣтѣ лѣтъ; но не многія находятъ покойную жизнь; потому благодарительно было бы, если бы учредилось общество, которое открыло бы домъ, въ которомъ такая дама за 100 или 150 руб. въ годъ имѣла бы небольшую квартиру и столъ. Какъ привыкшія къ труду эти дамы могли бы въ благодарность готовить каждая по нѣскольку человѣкъ. Она говоритъ, что объ этомъ дѣлѣ былъ у нея разговоръ съ Стрекаловой, о которой она съ похвалою отзывается, и изъявила надежду, что и это пойдетъ. Разговоръ продолжался не краткое время, но все въ предѣлахъ этихъ двухъ вопросовъ, изъ коихъ послѣдній поручаетъ ли она моему разсмотрѣнію—я не понималъ, и полагаю по сущности дѣла, что онъ меня не касается.—Этимъ и кончилось дѣло.

4-го былъ у меня гр. А. А. Закревскій и говорилъ рѣзко о современномъ порядкѣ вещей. «Молюсь, чтобы не было хуже», говоритъ онъ, «а лучшаго не ожидаю». Соглашается съ прямодушнымъ признаніемъ своихъ силъ, что, если бы его послали въ Финляндію на время сейма, глупостей финны не надѣлали бы.

7. Утромъ былъ у Н. Н. Муравьева, гдѣ встрѣтился съ владыкой. Н. Н.—чѣ очень тронуть расположеніемъ владыки, которому нравится его расположеніе и сужденіе, и М.—въ удивляется, что онъ поцѣловалъ его въ обѣ щеки на прощанье.

9. Освященіе церкви. Я не хотѣлъ было остаться объять, но староста бросился на колѣна. Оттуда я прямо ко владыкѣ. Владыка прислалъ мнѣ предъ освященіемъ мантию, которую ему поднесъ храмоздатель. Я употребилъ ее и не замѣтилъ, что у нея на скрижаляхъ кресты:

братъ поздравилъ меня съ отличіемъ, а я, право, не знаю что дѣлать: носить не смѣю и спороть не смѣю, а спросить не сумѣю. Староста подарилъ мнѣ той же (сиреневаго цвѣта) матеріи рясу и кафтанъ. Его тронуло то, что я не отказался отъ обѣда.

20. Имѣлъ утѣшеніе вдвойнѣ: въ первый разъ въ день святителя Алексія служилъ литургію въ Чудовѣ и притомъ со владыкою.—Сквозь серебряныя листья, изъ коихъ сплетены царскія врата, смотрѣлъ я изъ алтаря во храмъ, какъ владыка шелъ со славою и слушалъ молитву входа. Какъ онъ идетъ медленно, величаво, какъ молится смиренно, благоговѣнно, какъ онъ во всѣхъ движеніяхъ граціозенъ. Все въ немъ и трогаетъ и восхищаетъ душу. Смотрю и каждое движеніе руки, поворотъ лица хотѣлось бы глубоко врѣзать въ память. Отъ него такъ и вѣетъ торжественностію и благоговѣніемъ. Словно инымъ воздухомъ наполняется храмъ, инымъ все духомъ. Думалъ: какъ скоро входитъ на священнодѣйствіе великій первосвятитель Московскій. Много духовенства сошло на поздравленіе въ Чудовскія келліи.

Въ этотъ день я получилъ письмо отъ князя Урусова, при которомъ онъ препровождаетъ, присланное чрезъ азіатскій департаментъ на мое имя, письмо. Распечатываю: отъ Иларіона, епископа Черногорскаго.

Съ этимъ письмомъ я отправился ко владыкѣ, сначала прогулявшись между паркомъ и Бутырками; вводятъ въ долгую комнату. Владыка въ большихъ креслахъ; около стола на диванчикѣ прот. Никольскій, священникъ Добровъ, на стулѣ—Сергіевскій. «Извините, в—шій владыка, я не зналъ, что у васъ собраніе». — «И я не зналъ; садитесь».—Сѣлъ я и слушалъ, слушалъ чтеніе Сергіевскаго до утомленія. Что же онъ читалъ? Извѣстно, что на пожертвованные владыкою 175 тысячъ руб. построены домъ для училища бѣдныхъ сиротъ дѣвицъ духовнаго званія.

Для этого училища отъ попечительства представленъ проектъ. Пересмотрѣть его поручено, какъ выразился владыка, консервативному прот. Никольскому, либеральному свящ. Доброву и прогрессивному, но отчасти и консервативному, Сергіевскому. Эти отцы даютъ иную цѣль заведенію: воспитаніе дочерей московскихъ священниковъ, которыхъ предполагается учить музыкѣ, языкамъ французскому, нѣмецкому, англійскому и пр. Я очень скучалъ, слушая чтеніе, утѣшался только замѣчаніями владыки и кротостію его. Благовѣсть къ всеобщему бдѣнію прекратилъ чтеніе.

21. Уже прочитавъ канонъ къ причащенію, принужденъ былъ отказаться отъ служенія литургіи. Сиднемъ просидѣлъ я зиму; но два дня за городомъ ходилъ по полчаса, и отъ этого ноги и спина разболѣлись, ктому утомленіе отъ слушанія чтенія проекта и неудовольствіе, имъ посѣянное въ душѣ, все меня мучило. Владыка пригласилъ насъ въ 5 часовъ и до 10 просидѣли мы у него. Онъ поручилъ намъ обоимъ прочитать оба проекта въ тишомолку и дать мнѣніе. Ему хочется, чтобы рѣшеніе не имъ было произнесено. Но справедливо замѣтилъ пр. Савва, что владыка, какъ жертвователь, имѣетъ полное право указать рѣшительно цѣль заведенію. У него собрались Н. А. Жеребцовъ, Н. В. Сушковъ, кн. М. Ѡ. Голицынъ. Говорилъ болѣе Жеребцовъ; конечно слова владыки были примѣчательны; но разговоръ не вязался потому, что владыка былъ утомленъ трудами дня, спѣшилъ собраться въ Лавру и говорилъ намъ: «какъ заключенный въ темницу ищетъ и не находитъ средствъ къ освобожденію, такъ я ищу и не нахожу средствъ вырваться изъ Москвы». На замѣчаніе, что пр. Литовскій пишетъ чисто по-русски, владыка сказалъ: «у него умъ сильный, а потому и языкъ чистый».—Разсказалъ о началѣ воссоединенія униі. Когда заявилъ я желаніе свящ. Минскаго, чтобы въ благословеніе послана была икона со св. мощами; то владыка от-

клонилъ этотъ запросъ слѣдующимъ образомъ: «Когда по возсоединеніи уніатовъ предложено было перенести изъ Кіева въ Полоцкъ св. мощи благов. Евфросиніи Полоцкой, то я представилъ: Богу приказывать нельзя. Хорошо, если Онъ проявитъ благодатную силу Свою въ чудесахъ отъ св. мощей,—это усилитъ вѣру; а если этого не будетъ, тогда хорошо ли будетъ? Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Эти дѣла дѣлаются не по человѣческимъ распоряженіямъ, а по указанію Божию».

23. Служили литургію съ моленіемъ о благополучномъ путешествіи владыки; но за нездоровьемъ онъ остался на неопредѣленное время, хотя лошади и были готовы. Впрочемъ, онъ былъ у пр. м. Арсенія, въ Чудовѣ, и чуть не тамъ ли кушалъ. М. Кіевскій пріѣхалъ въ пятницу. Владыка посѣтилъ его въ субботу утромъ, въ понедѣльникъ вечеромъ и сидѣлъ часа полтора, въ среду послѣ служенія въ Чудовѣ и сегодня.

24. «Свѣтися, Свѣтися новый Іерусалиме», громко раздавалось въ Успенскомъ соборѣ при входѣ моемъ и напомнило мнѣ и утреню дня Пасхи, совершенную здѣсь со владыкою, и жалостно было подумать, что скоро конецъ пасхальнымъ пѣснямъ, и пламенно молилъ я Господа, чтобы и на слѣдующій годъ со владыкою въ Успенскомъ соборѣ встрѣчать мнѣ Пасху! Съ этою же молитвою отпускалъ я и св. потиръ съ престола на жертвенникъ въ концѣ литургіи. Жарко, но я не отлагалъ еще бархатнаго облаченія, полагая, что ярко-малиновый цвѣтъ саккоса особенно гармонируетъ съ радостными повтореніями «Христось воскресе». У звуковъ и цвѣтовъ одни законы: ими одинаково можно выражать разные состоянія духа.—Изъ собора прямо ко владыкѣ. Вчера обѣдалъ въ Чудовѣ; онъ и не думалъ, а расположился проститься съ кіевскимъ, выѣхалъ, но отъ Цвѣтнаго бульвара воротился и

въ половицѣ втораго отказался отъ поѣздки въ Лавру. Я подалъ просфору; говорилъ со мною владыка очень недолго. Его глаза свѣтлы, но слабость чрезвычайная. Отъ сидячей жизни, неимовѣрныхъ трудовъ напоръ крови на нижнюю часть живота производить боли несносныя до того, что даже владыка говоритъ, что ему тяжело. Обѣдъ дома. Заѣзжалъ къ В. Н. Р...нову и съ нимъ ко владыкѣ. Онъ сидѣлъ у его в—ства, а я гулялъ по саду. Воздухъ пока очень пріятный. Владыка спокойнѣе, и здоровье немножечко лучше.

25. Часу въ 10 утра отправился я къ пр. Саввѣ, съ нимъ занимался до обѣда, у него обѣдалъ, съ нимъ съѣздили на подворье навѣдаться о здоровьѣ владыки, и привезенъ имъ на Саввинское. Вечеромъ были Беклемишевы и братъ, да по приглашенію о. намѣстникъ: Кіевскій викарій желаетъ знать, выѣхалъ ли пр. Арсеній и на какіе города? Предметомъ занятій были проекты устава Московскаго училища для дѣвицъ духовнаго званія. Ко владыкѣ входить не хотѣли; но Ник. Вас—чъ (секретарь) доложилъ, что мы пріѣхали, спрашиваемъ его о здоровьѣ владыки. Владыка велѣлъ просить. Вошли въ кабинетъ: лежить, для насъ привсталъ. «Зачѣмъ беспокоитесь?».

26. А. М. Потаповъ сдѣланъ помощникомъ Н. Н. Муравьева по гражданской части, а по военной Хрулевъ. Государь не хотѣлъ отдавать Потапова, но подумавъ сказалъ, что точно въ виду имѣеть только его да Кауфмана, но Кауфманъ — нѣмецъ. Государь, по благодушію, улыбается всему и не хочетъ видѣть, что дѣла идутъ худо. Императрица пробудеть за границей до ноября. Она не больна, а слаба и харкаетъ кровью, но не опасно. Наслѣдникъ очень боленъ. Всю весну хворалъ, очень блѣденъ; въ борьбѣ съ братомъ надорвалъ себя и почувствовалъ сильную боль въ спинѣ, что приписываютъ ревма-

тизму. Отложили поѣздку въ Царское и совѣтуютъ на зиму въ Италію. Не одобряютъ выбора Чичерина: говорятъ, что атеистъ. Чернышевскому Государь смягчилъ: вмѣсто 14 лѣтъ 7 лѣтъ. Когда на площади (куда не на эшафотъ, а въ каретъ везли его), ему читали приговоръ, онъ слушалъ презрительно и священнику подошедшему съ крестомъ сказалъ: «отойди съ твоимъ І. Хр., Который не умѣлъ умереть, не прося помощи, между тѣмъ какъ Сократъ выпилъ чашу съ ядомъ спокойно».

27. Богъ сподобилъ меня служить литургію. Каждое дѣйствіе въ священнослуженіи, усвоенное пасхальному чинопослѣдованію, такъ восторгаетъ и умиляетъ душу, что день отданія Пасхи всегда отпечатывается въ душѣ скорбію, какъ бы о скоро прешедшемъ блаженствѣ. Что же будетъ съ душою, когда окончательно будетъ извѣстно, что она лишена блаженства вѣчнаго?—Черезъ письмо къ Н. В—чу Данилову справлялся о здоровьѣ владыки, который велѣлъ сказать: «все въ томъ же положеніи».

28. Служилъ въ Вознесенскомъ монастырѣ. Послѣ чашки кофе и отвѣдочнаго пирога я отправился ко владыкѣ, который говоритъ опять, что лучше нѣтъ: «дѣло, говорить, мастера боится, а мастеръ не я, а врачъ, поэтому его оно и боится; но мнѣ кажется, что между прошлогодней и нынѣшней моей болѣзней есть разница, и не знаю понимаетъ ли В. И. ¹⁾ мою болѣзнь; впрочемъ, ему этого не говорите».

31. Былъ у владыки и сказалъ, что В. И. сѣтуетъ на него за непослушаніе. Съ Ахматовымъ онъ говорилъ два часа и такъ изнемогъ, что дѣлалось дурно, но пересилилъ естество волею, и Ахматову показалось, что владыка «такъ, ничего, хорошо».

¹⁾ Влад. Ив. Рахмановъ.

Июнь, 7. Былъ я сподобленъ въ Успенскомъ соборѣ совершить въ началѣ 40-цы, чинъ православія, на страстной вечерню великаго пятка, въ день Пасхи всѣ три служенія и, наконецъ, служба дня пятидесятаго. Скорбно, что все это по оскудѣнію тѣлесныхъ силъ владыки, но радостно, что мнѣ выпалъ жребій. Я употребилъ облаченіе князево изъ золотого глазета: при митрѣ съ изящнымъ узоромъ жемчуговъ и драгоценныхъ каменьевъ: это великолѣпно. Подъѣзжая въ $\frac{3}{4}$ десятаго къ собору, я видѣлъ, что площадь была покрыта народомъ; также точно и соборъ былъ полонъ. Мнѣ хотѣлось обновить подаренное платье и кафтанъ и рясу изъ сиреневаго цвѣта. Правда, что кафтанъ стянутый пестрою гирляндю по золотой канвѣ очень красивъ, но за то какъ только облачили меня, я почувствовалъ, какъ будто я вошелъ въ рѣку очень теплой воды, и такъ продолжалось до конца службы. Дивны чины нашихъ богослуженій! Какъ восторгаютъ, какъ трогаютъ и смиряютъ они душу.—Въ половинѣ втораго я шелъ въ карету. У князя Оболенскаго шелъ чай.

Послѣ повечерія былъ у владыки. Онъ совершилъ литургію, но не вечерню, и говорилъ, что мало силъ, сидитъ въ тѣсной столовой своей, гдѣ какъ въ банѣ, и работаетъ.

10. Въ часъ поѣхалъ къ сестрѣ въ Сокольники и пробылъ у нея до трехъ. Жара смертельная. Дома ожидало меня приглашеніе ко владыкѣ. Приѣзжаю. Ведутъ въ садъ. Тамъ владыка гуляетъ съ пр. Саввою. Владыка въ черномъ кафтанчикѣ, опоясанъ чернымъ шитымъ поясомъ, въ черной шапочкѣ, въ рукахъ серенькія четки изъ шелка и палочка съ клюкой. Пригласилъ въ бесѣдку. Далъ прочитать его приглашеніе къ старостамъ не скрывать въ пользу мѣстной церкви тѣхъ свѣчыхъ денегъ, которыя нужны на училища духовныя. Потомъ еще что-то и напоилъ насъ чаемъ. Былъ очень веселъ, любезенъ, разговорчивъ. Теперь я спокоенъ: прежніе викаріи обѣдали у

владыки каждое воскресенье; иногда пили чай въ саду, и преосв. Алексій передъ отъѣздомъ; наконецъ слышу, что въ Духовъ день пр. Можайскій и арх. Симоновскій. Миѣ очень было больно. За то этотъ вечеръ останется незабвеннымъ. Отъ него, дома переодѣвшись, поѣхали было къ пр. Кіевскому, но не попали. Владыка предупредилъ насъ и мы не захотѣли тревожить ихъ.

12. Собиралъ благочинныхъ, чтобы передать имъ возваніе владыки относительно болѣе точнаго взноса денегъ свѣчныхъ на содержаніе духовныхъ учебныхъ заведеній.

16. Былъ на экзаменѣ въ Заиконоспасскомъ училищѣ: очень хорошо, особенно географія, преподаваемая инспекторомъ Александромъ Алексѣевичемъ Невскимъ. Поразительна его неустанющая усердная любовь къ дѣлу. Ревизоръ говорилъ, что никогда еще экзамены не были такъ хороши. Заѣзжалъ въ Богоявленскій. Митрополитъ Месопотамскій очень жалокъ: языка не знаетъ и потому сидитъ дома, къ нему жертвователи не идутъ: очень миѣ жалокъ онъ.

18. Подъ дождикъ поѣхалъ съ о. Пименомъ въ Донской. Сначала были у пр. Евгенія, потомъ на экзаменѣ. Преосвященный говоритъ на приглашеніе отъ имени владыки: «быть вмѣсто него на экзаменѣ въ семинаріи и предлагать вопросы! Нѣтъ! Я уже не гоюсь ни на вопросы, ни на отвѣты. Лѣвая сторона головы болить. Не есть ли это начало болѣзней предсмертныхъ? Уже 86 лѣтъ стучитъ 29 іюня. Кн. С. Михайловичъ, Ермоловъ и протоіерей Семенъ Ивановичъ 86 лѣтъ скончались».—Эти простые расчеты имѣющаго предъ очами смерть повравились о. Пимену.

21. Проѣхалъ ко владыкѣ, который очень дряблъ и какъ-то скорбенъ отъ обстоятельствъ и отъ болѣзни. «Болѣзнь не хочетъ меня оставить; вчера къ вечеру стало хуже», сказалъ онъ и заставилъ меня читать его записку о раскольникахъ. Онъ полагаетъ, что браки раскольниковъ можно записывать въ полиціи, а рождающихся и умирающихъ записывать въ приходскихъ метрикахъ, при свидѣтеляхъ, расторгать браки можетъ гражданская палата, но требуя у духовнаго начальства свѣдѣнія по канонамъ церкви: подлежитъ ли бракъ разводу? Послѣ вечерни занимался въ саду, который хорошо пестрѣетъ и благоухаетъ. Благодарю Бога за этотъ уголокъ.

24. Посѣтилъ попечителя учебнаго округа, отъ котораго узналъ, что дѣло о измѣненіи программы гимназій въ Государственномъ Совѣтѣ сѣло за споромъ между классическою и нигилистическою школою. Д. С. Левшинъ говорилъ Государю, что до тѣхъ поръ не пойдетъ дѣло образованія, пока не увидимъ, какъ общество понимаетъ образованіе, а для этого надо перестать пряниками кормить, т.-е. привилегіями университетскаго студента въ службѣ. Онъ радъ, что поправляется духъ гимназій, что первая гимназія даже просила Иверскую икону поднять предъ экзаменами, и ученика, который вздумалъ посмѣяться надъ этимъ, тотчасъ выключили.

30. Въ началѣ 6-го былъ на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ уже былъ пр. Савва. Докладъ начался чтеніемъ записки о расколѣ. Все превосходно, но особенно хорошо то, что онъ обнаружилъ недобросовѣстность свѣтскихъ вліятельныхъ людей. Онъ напомнилъ имъ, что ихъ обязанность охранять православныхъ, а не содѣйствовать расколу въ ущербъ православію. Владыка сказалъ: «Валуевъ съ лжеархіереями раскольниковъ проклянетъ меня».

Юля 5. Видѣлся съ гр. Бобринскимъ, который говорилъ, что дворяне къ выборамъ готовятъ меморандумъ о гимназіяхъ. «У насъ отняли часть достоянія и внѣшнія права; но пусть не отнимаютъ правъ на воспитаніе нашихъ дѣтей». Хотятъ требовать, чтобы основа была классическая, чтобы естеств. науки изгнаны были изъ гимназій, ибо онѣ, по признанію профессоровъ естественныхъ наукъ, даютъ пустыхъ не способныхъ къ труду студентовъ.

За минуту до отъѣзда—письмо изъ Лавры отъ владыки: «Оставшіеся знаки отличія для духовенства велите економу Аеанасію принести къ вамъ, а секретарю скажите, чтобы тѣ, которымъ оныя назначены, явились къ вамъ, и вы возложите. Мой путь совершенъ благополучно; однако я еще между здоровьемъ и болѣзнью. Слава Богу о всемъ. Здравствуйте вы и пр. Савва».

31. Послалъ письмо въ утѣшеніе Б. С. Шереметеву. Вчера сказала мнѣ А. В. Кирѣева: «мать моя часто говорила: кто можетъ сдѣлать добро ближнему, и не дѣлаетъ, тотъ воръ».—За сообщеніе такой назидательной сентенціи я впомянулъ ее на литургіи и благодарилъ въ письмѣ, которое пришлось писать.

Докладъ принималъ владыка въ саду, въ бесѣдкѣ: тамъ и чай мы пили. На звонъ колокольчика тотчасъ явился о. Пареевій, гдѣ то, за угломъ, или въ кустахъ скрывавшійся. Владыка былъ въ одномъ черномъ кафтанѣ съ шитымъ зеленю пояскомъ и въ черной шапочкѣ. Записка о купцѣ Крыловѣ, который усиливается расположить умы въ пользу отдѣльной старообрядческой іерархіи. Первыхъ трехъ іерарховъ поставятъ православные епископы, а эти, независимо отъ Синода, будутъ управлять,—ставить епископовъ, собирать соборы и пр.... Составъ новой паствы: единовѣрцы и раскольники, поповцы и безпоповцы, также кто хочетъ изъ православныхъ. Названіе раскольникъ, единовѣрецъ нѣтъ: всѣ православные. Но двѣ іерар-

хія не сообщаются одна съ другою. Говорили о сепаратизмѣ племенномъ по странамъ; но вотъ еще новость: іерархія въ іерархіи и отсюда дѣленіе и возстаніе междоусобное цѣлаго народа; между тѣмъ въ западномъ краѣ цѣлыя уѣзды переходятъ въ руки жидовъ, которые на имя своихъ батраковъ скупаютъ имѣнія; такъ и имѣніе кн. Сапѣги куплено жидомъ. Какіе-то три іерея вдовца изъ Волыни и Подольска просятъ владыку, чтобы онъ устроилъ разрѣшеніе священникамъ втораго брака. О безуміе! Въ Синодѣ оставлены Платонъ, Филоевъ, а Евсеій уволенъ въ епархію.

Августъ 3. Пр. Тобольскій поѣхалъ въ Омскъ жаловаться генераль-губернатору на то, что передъ его домомъ катанье съ горъ устроено: ему въ Омскѣ отвели квартиру въ домѣ публичныхъ женщинъ. — Я постоянно говорю, что для обновленія Церкви русской необходимы съѣзды епископовъ, подъ руководствомъ старѣйшаго (съ предварительнымъ совѣщаніемъ cadaго епископа со своимъ духовенствомъ), возвращеніе училищъ къ простотѣ прежнихъ, на классическомъ элементѣ основанныхъ, программъ; наконецъ, введеніе въ духовенство (бѣлое и черное по желанію) лицъ изъ образованнаго и, если можно, высокаго круга, но не безъ строгаго разбора и испытанія. Гр. Толстой (съ которымъ я объ этихъ предметахъ бесѣдовалъ) говоритъ, что настоящій составъ архіереевъ не таковъ, чтобы можно было ожидать пользы. При этомъ а. р—го онъ прямо назвалъ измѣнникомъ, о а. М—и отозвался, какъ о слабодушномъ, по дѣлу о дарованіи *преимуществъ* раскольникамъ, и замѣчаетъ, что для русской церкви настали времена гоненій. Духовенства не бьетъ только лѣнливый: одинъ бьетъ, а прочіе поощряютъ бьющаго.

7. Пр. Савва пріѣхалъ, и я видѣлся съ нимъ у владыки. Владыка, благодаря милосердаго Господа,—здравствуетъ:

служилъ дома и 5 и 6 (посвятилъ іер. Григорія инспектера м. семинаріи въ архимандриты); Государь уже рѣшилъ, что 15 числа слушаетъ литургію въ Успенскомъ соборѣ, совершаемую м. московскимъ; но владыка страшится за тягость этого дня. Говоритъ, что употреблялъ саккосъ, который былъ на немъ при коронаціи, и усталъ въ немъ; показывалъ мнѣ митру бѣлую, газетную, убранную корольками, спрашивая, можно ли ее употребить. Я сказалъ утвердительно.

11. Погода холодная, сырая. На докладѣ владыка читалъ намъ наизусть рѣчь, приготовленную для встрѣчи Государя, и при этомъ замѣтилъ, что въ рѣчи упомянуть о полякахъ, чтобы показать, что Москва имѣетъ свое мнѣніе и мнѣніе твердое. Это почелъ онъ нужнымъ сдѣлать, ибо въ Бельгійской газетѣ напечатано, что Александръ II даетъ Польшѣ самыя либеральныя учрежденія, которыя долженъ былъ ввести еще в. к. Константинъ, но поляки его не поняли, а европейскіе кабинеты раздули мятежь, что народный патріотизмъ былъ искусственный, и что въ русскомъ народѣ нѣтъ мнѣній и желаній, кромѣ мнѣній и желаній правительства, что Москва не выше другихъ мѣстъ въ этомъ отношеніи. Владыка былъ словоохотенъ и передалъ презанимательный разговоръ Скрыпича, который посѣтилъ владыку въ Лаврѣ.

14. Докладъ былъ, но краткій, ибо въ 6½ владыка сталъ одѣваться ѣхать къ генераль-губернатору просить, чтобы раскольникамъ не дозволяли особо представляться Государю, какъ будто они особое сословіе или какое привилегированное общество.

15. Въ 40 м. десятаго владыка прибылъ въ Успенскій соборъ. Еще не были прочитаны часы, какъ раздались трезвонъ и крики народные. Духовенство вышло къ юж-

нымъ дверямъ, когда Государь уже виденъ былъ на площади. Съ нимъ двое сыновей, взрослые уже молодые люди. Владыка привѣтствовалъ Государя рѣчью. Началась литургія. Вотъ ея особенности, кромѣ сказаннаго въ служебникѣ. Митрополитъ уже не всходилъ на облачальный амвонъ. Посоха моего не было, но были митрополичій посохъ и лампада. Діаконы по окончаніи ектеніи дѣлали поклонъ Государю и поклонъ митрополиту. Государя на маломъ входѣ владыка осѣнилъ свѣчами, не восходя на солею, а народъ съ солей. При чтеніи апостола сидѣли архіереи, но іереи не садились. По окончаніи литургіи митрополитъ поднесъ просфору и икону, представилъ архіереевъ и повелъ царя и великихъ князей по святынямъ собора, оттуда въ Чудовъ; Государь, приложась къ мощамъ, ушелъ въ Николаевскій дворецъ, куда предшествовалъ ему владыка съ крестомъ. Затѣмъ владыка съ тремя епископами совершилъ въ Чудовѣ благодарный молебенъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„ТЩЕСЛАВІЕ“ ИЛИ УРОКЪ?

(Въ защиту памяти Оптинскаго старца Амвросія).

Есть люди, о которыхъ должно говорить только съ благоговѣніемъ; иныя рѣчи о нихъ—преступны.

Это особенно нужно знать и помнить современной печати. Были грѣхи легкомыслія у ней и раньше; она по пословицѣ: «для краснаго словца не жалѣла и родного отца».

Но въ наше время нѣкоторая часть печати утратила всякое понятіе о серьезности, о своемъ долгѣ предъ истинной и, если хотите, даже самымъ стыдъ.

Въ январской книжкѣ *Историческаго Вѣстника*, въ статьѣ Д. И. Стахѣева «Группы и портреты», упоминается объ одномъ уважаемомъ старцѣ Оптиной пустыни.

Авторъ этого произведенія рассказываетъ такую исторію: къ одному старцу Оптиной пустыни (по всѣмъ даннымъ это былъ о. Амвросій, умершій въ 1891 году) пришли Л. Н. Толстой и Н. Страховъ; послѣдній, представляя старцу своего пріятеля, сказалъ, что это, вотъ, графъ, а, во-вторыхъ, всемірная извѣстность, и на это старецъ сказалъ якобы слѣдующее: «а у меня родной братъ—генераль!»

Эта фраза, приписываемая Стахѣевымъ уважаемому старцу, даетъ ему возможность сдѣлать такое заключеніе: «вотъ-де старецъ-то глубокая сѣдина, а тщеславія въ себѣ не побѣдилъ».

Такой выводъ, по нашему мнѣнію, есть или клевета

сознательная или крайне легкомысленное отношеніе къ дѣлу.

Предположимъ, что старецъ сказалъ, что у него есть родной братъ генераль (хотя такого брата у него не было); но кто зналъ о Амвросіа, тотъ понялъ бы, что въ этихъ словахъ говорило не тщеславіе, а назиданіе.

Изъ словъ самого Стахѣева видно, что Л. Н. Толстой держалъ себя гордо, потому что онъ графъ и извѣстность; старецъ и говорить ему (если только онъ говорилъ это) прикровенно, что его извѣстность имѣетъ такое значеніе, какое для него самого имѣетъ *воображаемое* генеральство его брата.

Стахѣевъ, печатая свои воспоминанія, очевидно, воображаетъ, что онъ сообщаетъ новости о пребываніи Л. Толстого въ Оптиной пустыни. Пусть, однако, онъ посмотритъ исторію ея: тамъ лицо, близкое къ графу, передаетъ свои впечатлѣнія о его тоекратномъ посѣщеніи этой пустыни; изъ той же исторіи онъ узналъ бы, что о. Амвросій сказалъ о Л. Н. Толстомъ: «очень гордъ». Въ этихъ словахъ вотъ и нужно искать истинную причину словъ о. Амвросія, сообщаемыхъ Д. Стахѣевымъ, а отнюдь не въ тщеславіи старца. Это предположеніе не только обидно для памяти великаго человѣка — старца о. Амвросія, но и не дѣлаетъ оно чести уму и сердцу автора.

Какой смыслъ тщеславиться генеральствомъ брата тому, кто пользовался такой славой и извѣстностью, какой не пользуется никакой генераль?

Вѣдь Оптину пустынь посѣщали такіе замѣчательные люди, какъ Н. В. Гоголь, И. В. Кирѣевскій, Ф. М. Достоевскій, К. Леонтьевъ, Л. Толстой, Н. Страховъ, и пр., и пр.,—значитъ, если бы старецъ захотѣлъ похвалиться, то онъ могъ бы указать на это; но не таковъ онъ былъ, чтобы отдаться этому грѣху.

Кромѣ того—слова Д. Стахѣева стоятъ въ противорѣчій съ словами другихъ лицъ, которые знали старца Амвросія.

Возьмемъ хотя бы Ѳ. М. Достоевскаго; всѣмъ извѣстно, что въ своемъ романѣ «Братья Карамазовы» въ лицѣ старца Зосимы, онъ описалъ о. Амвросія. Вотъ какія слова вложилъ Ѳ. М. Достоевскій въ уста старца, характеризую его: «любите все созданіе Божіе, и цѣлое, и каждую песчинку. Каждый листокъ, каждый лучъ Божій любите... И полюбишь, наконецъ, весь міръ уже всецѣлою, всемірною любовью»... Если Ѳ. М. счелъ нужнымъ вложить въ уста старца такія возвышенныя слова, значитъ и впечатлѣніе о немъ онъ сохранилъ самое свѣтлое и возвышенное, — во всемъ романѣ этомъ нѣтъ нигдѣ и одного худого слова, которое бы онъ обронилъ по отношенію къ личности дорогого старца.

Приведемъ еще небольшой отрывокъ изъ письма одной благочестивой женщины, написаннаго ею подѣ вліяніемъ личности старца Амвросія; вотъ что она пишетъ: «невозможно описать и выразить словами того, что чувствовалось тогда на душѣ. Это былъ и благоговѣйный трепеть предъ праведникомъ, проникнувшимъ своею прозорливостью въ мою душу, и это была какая-то неземная, восторженная радость отъ общенія, вѣянія міра духовнаго!.. Нѣтъ, словами, повторяю, не выскажешь, что за чудный, торжественный праздникъ былъ тогда на душѣ, — точно свѣтлое Христово Воскресеніе» (см. Жизнеописаніе старца Амвросія, стр. 99). Такое вліяніе на человѣческую душу могъ имѣть только великій, святой человѣкъ, далеко-далеко возносившійся надъ толпой.

Большой грѣхъ взялъ на свою душу тотъ, кто сказалъ о немъ: «это — тщеславный старецъ». Это неправда, это клевета, это непростительное легкомысліе.

Ректоръ Волынской семинаріи, *архимандритъ*
Виссаріонъ.

ВСЕОБЩНОСТЬ И ЕДИНСТВО ПРАВСТВЕННОСТИ¹⁾

Правственность имѣетъ свою исторію развитія. Исторія нравственности воспроизводитъ предъ нами смѣну разнообразныхъ нравственныхъ принциповъ и нравственныхъ воззрѣній въ различныя эпохи человѣческой жизни. Она свидѣтельствуєтъ даже о большемъ, именно, что «нѣтъ такой мерзости, которая не признавалась бы гдѣ-нибудь и когда-нибудь за добро»²⁾. Среди правилъ первобытной нравственности встрѣчаются нелѣпыя и безнравственныя съ нашей точки зрѣнія предписанія. Въ виду такихъ показаній исторіи, всеобщность и единство нравственности издавна весьма многими подвергались сомнѣнію и даже отрицанію. Особенной силы эти отрицанія всеобщихъ абсолютныхъ этическихъ принциповъ и правилъ достигаютъ въ новѣйшее время. Нравственности усвоется условное, относительное значеніе; она разсматривается, какъ результатъ общественныхъ и экономическихъ условій³⁾.

Несомнѣнно, что нравственныя понятія людей сильно различаются, а иногда и противорѣчатъ другъ другу. Но столь же несомнѣнно, что они, не смотря на свое разнообразіе, носятъ на себѣ *нравственный* характеръ, поскольку они являются, въ глазахъ исповѣдниковъ ихъ, выраженіемъ постоянной и обязательной для всѣхъ нрав-

¹⁾ Изъ уроковъ по Нравств. Богословію въ Виѣанской семинаріи.

²⁾ Соловьевъ Вл.—Оправданіе добра, стр. 2.

³⁾ Менгеръ.—Новое ученіе о нравственности,—Каутскій.—Этика и материалистическое пониманіе исторіи.

ственной нормы или идеала. «Тотъ, кто ходить на голѣ,—замѣчаетъ французскій мыслитель Гюйо,—подчиненъ еще закону движенія; тотъ, кто съ добрымъ намѣреніемъ совершаетъ дѣйствія наиболѣе странныя, подчиняется еще тому, что онъ считаетъ нравственнымъ, хорошимъ»¹⁾.

Различіе между добромъ и зломъ и примѣненіе его къ главнымъ отношеніямъ человѣческой жизни присуще всѣмъ народамъ и расамъ, даже самымъ грубымъ человѣческимъ племенамъ. Естественный нравственный законъ составляетъ общее достояніе. Совѣсть такъ же стара, какъ само человѣчество. Правда, считаютъ совѣсть, которая живетъ въ сердцѣ каждаго человѣка, открытіемъ стойковъ. Но это справедливо лишь по-стольку, по-скольку мудрецы этой школы для обще-человѣческаго сознанія и чувства нравственности подыскивали соотвѣтствующій терминъ. Самыя же дѣйствія и состоянія, которыя выражаются этимъ понятіемъ, свойственны и извѣстны всѣмъ. Конечно, нужно было пройти долгому времени, прежде чѣмъ они были научно изслѣдованы и подведены подъ извѣстный опредѣленный терминъ. Ученые и до сихъ поръ спорятъ еще о сущности этого понятія. Но чрезъ различіе мнѣній самый фактъ всеобщаго существованія совѣсти и повсюднаго дѣйствія ея нисколько не подрывается, но остается неприкосновеннымъ.

Не особенно давно было распространено убѣжденіе, что существуютъ цѣлыя племена, лишеныя всякихъ нравственныхъ понятій, чуть ли не самаго нравственнаго чувства. Но теперь установлено, что существованіе безнравственныхъ племенъ принадлежитъ къ области такихъ же легендъ, какъ сказанія о безрелигіозныхъ и нѣмыхъ народахъ.

Отказы о безрелигіозности тѣхъ или другихъ племенъ

¹⁾ Исторія и критика современныхъ англійскихъ ученій о нравственности.—Собр. соч. т. IV, стр. 417.

хорсны его матери, съ удивленіемъ замѣтилъ отсутствіе трупа въ похоронной процессіи. Онъ обратился съ недоумѣвающимъ вопросомъ къ дикарю, и тотъ указалъ ему на свою мать, которая шла совершенно здоровою и веселою около него. «Но она очень стара и совершенно готова умереть», — послѣшилъ успокоить миссіонера дикарь. Его сыновняя любовь побуждала его убить свою мать, и никто иной кромѣ его и его брата, не могъ оказать ей этой услуги. Все краснорѣчіе миссіонера не могло поколебать сознанія любящимъ сыномъ своей обязанности. — Итакъ, и самые безнравственные съ нашей точки зрѣнія обычаи не всегда говорятъ противъ всеобщности нравственности.

Доказательствомъ всеобщности нравственности можетъ служить также способность дикаря быстро подниматься въ нравственномъ отношеніи, лишь онъ попадетъ въ благопріятныя условія. Тысячи дикарей подъ рукою искусныхъ и терпѣливыхъ миссіонеровъ — воспитателей были облагорожены въ нравственномъ отношеніи, хотя лучшіе зародыши ихъ природы въ силу неблагопріятныхъ религіозныхъ и общественныхъ условій были подавлены въ своемъ развитіи. Язычество своими суевѣріями, своими взглядами на вѣдшній міръ и человѣка сдѣлало все возможное, чтобы подавить добрыя побужденія и влеченія въ естественныхъ народахъ, но не могло совсѣмъ искоренить ихъ. Нужно лишь было оживляющее дѣйствіе христіанства на ихъ совѣсть, и они становились весьма нравственными людьми. Очевидцы сообщаютъ, что нравственная жизнь дикарей можетъ выдержать сравненіе съ жизнью лучшихъ христіанскихъ общинъ въ Европѣ.

Приведенныя соображенія позволяютъ намъ заключить, что возраженія противъ всеобщности нравственности неосновательны.

Теперь нужно сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу вообще разнообразія и измѣнчивости моральныхъ требованій въ разныя эпохи и у разныхъ народовъ. Дѣйстви-

тельно ли мораль въ виду этого есть нѣчто единое и цѣлостное по своему существу, или она является безсвязной кучей требованій, не имѣющихъ общаго принципа?— На это можно отвѣтить сравненіемъ морали съ гигиеной. Гигіена, несомнѣнно, возникала у различныхъ народовъ въ формѣ отрывочныхъ, разнообразныхъ и весьма противорѣчивыхъ требованій. Но можно ли на этомъ основаніи отрицать единую научно-раціональную гигиену и ея значеніе? Можно ли отрицать у нея единый реальный принципъ? Нѣтъ. Разрозненность правилъ и требованій гигиены, какъ и морали, указываетъ только, что люди искали ощупью и опытно условій лучшаго существованія. Часто они могли ошибаться, но часто ихъ требованія улавливали и выражали дѣйствительное содержаніе нравственнаго идеальнаго закона. Нравственный законъ, какъ и всякій законъ, заключаетъ въ себѣ вѣчныя и неизмѣнныя опредѣленія. Насколько человѣческая природа и ея развитіе въ существенномъ одинаковы у всѣхъ людей, настолько одинаковы и ея проявленія — религіозныя ли то, нравственныя или эстетическія. Постольку справедлива и мысль Бокля, «что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ничего такого, чтобы измѣнилось такъ мало, какъ тѣ великіе догматы, изъ которыхъ слагаются нравственныя системы». Законъ тяготѣнія дѣйствуетъ во всемъ матеріальномъ мірѣ, основной законъ нравственности дѣйствуетъ также среди всѣхъ народовъ. Приведемъ свидѣтельство отъ внѣшнихъ. Вольтеръ нѣкогда писалъ: «чѣмъ больше я видѣлъ людей, различныхъ по климату, нравамъ, языку, законамъ, культу, силамъ своего ума, тѣмъ больше я замѣчалъ, что у всѣхъ ихъ одна и та-же основа морали; всѣ они имѣютъ первичное представленіе о справедливости и несправедливости, не зная даже слова — теологія; они пріобрѣли это представленіе въ томъ возрастѣ, когда развивается разумъ, все равно какъ отъ природы они пріобрѣли умѣнье поднимать тяжести на палкахъ, переправляться на обрубахъ дерева, не учившись матема-

тикѣ». А разъ люди будутъ поставлены въ одинаковыя условія жизни, однообразіе и совпаденіе въ нравственныхъ правилахъ и требованіяхъ будутъ значительнѣе и полнѣе. Мы намѣренно подчеркиваемъ выраженіе «въ одинаковыхъ условіяхъ», потому что только въ такомъ случаѣ сравненіе можетъ быть законнымъ.—Нравственное чувство, какъ и чувство красоты, воспитывается подѣ влияніемъ опредѣляющихъ идей и нравственныхъ образцовъ. Чѣмъ виноватъ человекъ, если кругъ идей, въ которомъ онъ вращается, слишкомъ узокъ и недоброкачествененъ, а высокихъ образцовъ предѣ глазами нѣтъ? Примѣненіе нравственныхъ требованій къ жизни посредствуется, далѣе, различными условіями и обстоятельствами, съ которыми встрѣчается человекъ. А жизнь такъ сложна, отправленія ея такъ многообразны и противорѣчивы. Удивительно ли, если простой и ясный смыслъ нравственныхъ требованій затмѣвается въ умахъ и сердцахъ людей, въ пониманіи ихъ возникаютъ разногласія и несообразности, а въ осуществленіи послабленія, уклоненія и прямыя нарушенія? Было это прежде, наблюдается теперь и будетъ всегда. Но говорить ли это противъ всеобщности и единства нравственности? Разумѣется, нѣтъ. Исключенія здѣсь, какъ и вездѣ, только способствуютъ большей, такъ сказать, выпуклости общаго правила.

Отрицаніе всеобщей и единой нравственности происходитъ обыкновенно во имя прогресса самой нравственности. «Какъ только моральныя предписанія получаютъ самостоятельное бытіе, — разсуждаетъ Каутскій, — они этимъ самымъ перестаютъ служить элементомъ общественнаго прогресса. Они застываютъ, становятся консервативнымъ элементомъ, тормозомъ дальнѣйшаго развитія». — Но моральныя предписанія только тогда и дѣйствительны, только тогда и властны надъ нами, когда мы мыслимъ ихъ вѣчными, самостоятельными, самодовлѣющими. Самостоятельность моральныхъ предписаній, независимость ихъ отъ нуждъ и цѣлей человека, отъ

различнаго соотношенія социальныхъ силъ именно и является залогомъ ихъ могучаго влiянiя. Самостоятельность означаетъ *абсолютную истину, абсолютное добро, абсолютную справедливость*,—а вѣдь только ради нихъ Сократы могутъ выпивать цикуту, Джордано Бруно идти на костры, Галилеи повторять: «а все-таки вертится!» и тѣмъ самымъ укрѣплять значенiе этихъ цѣнностей.

Несомнѣнно, что все сущее развивается, но изъ этой неоспоримой истины нельзя извлечь ни одного аргумента противъ абсолютнаго нравственнаго закона, который мыслится нами, какъ категорiя *должнаго*, а не сущаго. Абсолютный нравственный законъ, нравственныя нормы должнаго лишь постепенно осуществляются въ жизни человѣчества, становятся частью эмпирической дѣйствительности. Но сами нравственныя нормы такъ же мало могутъ развиваться (эволюционировать), какъ напр. логическiе законы. Нравственность неизмѣнна, измѣняется только степень приближенiя къ ней. Совершенно справедливо различаетъ Вл. С. Соловьевъ между понятiями нравственнаго совершенства и нравственнаго совершенствованiя. Подъ нравственнымъ совершенствомъ онъ разумѣетъ высшее, совершенное добро, всецѣло осуществленное въ Богѣ, вѣчно-сущее. Подъ нравственнымъ же совершенствованiемъ онъ разумѣетъ историческiй процессъ приближенiя къ идеалу добра, воплощенному въ Богѣ, необходимый путь къ совершенству ¹⁾.

Ив. Николкинъ.

¹⁾ Оправданiе добра. Стр. 201—210

РАБСТВО И СВОБОДА¹⁾.

Когда пришло христіанство, съ большою вѣроятностью можно было бы ожидать, что первымъ дѣломъ проповѣдниковъ новаго ученія будетъ—уничтожить рабство, или—призвать рабовъ къ свободѣ. Однако въ Новомъ Завѣтѣ нѣтъ ни одной строки, гдѣ бы содержался призывъ къ освобожденію рабовъ отъ власти господъ. И вы знаете, что рабство существовало много вѣковъ и въ христіанскихъ уже государствахъ. Такое явленіе многихъ удивляетъ, многимъ кажется непонятнымъ. Развѣ рабство совмѣстимо съ христіанствомъ?

Нѣтъ. Христіанство провозгласило равенство всѣхъ людей предъ Богомъ и братскую любовь между людьми,—провозгласило такія начала, съ которыми несовмѣстимо было рабство, какъ понимали его язычники. По ученію Христа, всѣ люди—дѣти одного небеснаго Отца. Въ христіанской Церкви, по слову Апостола Христова, всѣ люди, какое бы общественное положеніе они ни занимали, одинаково сыны *Божіи по вѣрѣ въ І. Христа*,—въ христіанской Церкви *нѣтъ уже іудея, ни еллина, нѣтъ ни раба, ни свободного, нѣтъ мужескаго пола, ни женскаго, ибо всѣ—одно во Христѣ Іисусѣ* (Гал. 3, 26, 28). Провозгласивши равенство всѣхъ людей предъ лицомъ Божиимъ, Христосъ заповѣдалъ всѣмъ Своимъ послѣдователямъ взаимную любовь: *«Заповѣдь новую даю вамъ, да любите*

¹⁾ Окончаніе. См. апрѣльскую кн. *Душепол. Чтенія* 1907 г.

друг друга». И подъ оживляющимъ дыханіемъ этого духа братства и любви благодатные лучи свободы начали проникать въ темную и доселѣ закрытую отъ нея область рабства. Человѣкъ, воспитанный въ духѣ ученія Христова, не могъ уже считать раба простымъ служебнымъ орудіемъ для себя и цѣнить его наравнѣ съ животнымъ, какъ это было въ язычествѣ. Христіанство указало ему видѣть въ рабѣ своего брата и разъяснило ему, что предъ лицомъ нашего общаго Отца рабъ и господинъ совершенно равны между собою. *«Богъ всѣмъ хочетъ спастися и въ разумъ истины прийти»*. Въ пришествіи Христа *«явилась благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкамъ»*,—Божественная Кровь Христа-Искупителя пролилась за всѣхъ,—высшихъ и низшихъ по общественному положенію, сильныхъ и слабыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, господъ и рабовъ... Отсюда, изъ этого ученія о равенствѣ всѣхъ людей предъ Богомъ, о братствѣ и единеніи во Христѣ, вытекало и новое понятіе о достоинствѣ человѣка и о христіанской свободѣ. *«Между тѣмъ какъ у язычниковъ достоинство человѣка опредѣлялось его вѣшнимъ состояніемъ, это послѣднее не имѣло для христіанъ никакого значенія, и истинное внутреннее достоинство цѣнилось совершенно независимо отъ него. Рабъ или господинъ—это есть лишь нѣчто случайное»*. Истинное достоинство человѣка—внутри его, въ душѣ. *«Рабъ можетъ быть поистинѣ, именно внутренно, свободнымъ, а господинъ можетъ быть поистинѣ, именно внутренно, рабомъ: такъ какъ есть только одно истинное рабство, и именно рабство грѣха, и одна только истинная свобода, именно свобода во Христѣ»*,—въ единеніи съ Нимъ, освободившимъ насъ отъ рабства грѣху и діаволу ¹⁾...

Провозглашеніемъ равенства всѣхъ людей предъ Богомъ и братской любви между людьми, новымъ ученіемъ объ истинномъ достоинствѣ человѣка и объ истинной свободѣ

¹⁾ Фарраръ, „Первые дни христіанства“, изд. 2, 1892 г., стр. 116.

во Христъ, или со Христомъ, рабство было подорвано въ корнѣ, оно было уничтожено въ смыслѣ нравственномъ. Но рабы и господа, какъ общественные классы, остались и въ обществѣ христіанъ; христіанство не вырвало сразу рабства изъ общественнаго организма. Почему?

Такое уничтоженіе рабства, — виѣшнее и насильственное, — было бы потрясеніемъ всего соціальнаго строя жизни. Но глубоко ошибается тотъ, кто представляетъ Христа соціальнымъ реформаторомъ, пришедшимъ въ міръ за тѣмъ, чтобы измѣнить существовавшія виѣшнія формы общественной жизни. Нѣтъ, не за тѣмъ Онъ пришелъ. Виѣшній общественный организмъ, существующее устройство общества І. Христось принимаетъ въ томъ видѣ, въ какомъ застаеть его на землѣ. Вспомните, какъ І. Христось подчиняется гражданскимъ законамъ той земли и того времени, въ которыхъ Онъ жилъ, — какъ Онъ платитъ дань за Себя и за учениковъ Своихъ сборщикамъ податей, — какъ Онъ отвѣчаетъ на лукавый вопросъ іудейскихъ книжниковъ, позволительно ли платить дань Кесарю (Римскому Императору), словами: *«Воздадите Кесарево Кесареви, а Божіе — Богови»*, — какъ, наконецъ, рѣшительно отказывается отъ раздѣла наслѣдства между спорящими о немъ братьями: *«Кто поставилъ Меня судить или дѣлать васъ?»* и тутъ же замѣчаетъ имъ: *«Смотрите, берегитесь любостыжанія, ибо жизнь человека не зависитъ отъ изобилія его имѣнія»* (Лк. 12, 13—15). Нѣтъ, І. Христось — не соціальный реформаторъ. Не перестраивать виѣшнія формы государственной и общественной жизни пришелъ Онъ, а *перемѣнить настроеніе душъ* человѣческихъ, *возродитъ души людей къ новой жизни*. А «для перерожденія общества не достаточно перевернуть его вверхъ дномъ, какъ не достаточно вспахать поле, чтобы сдѣлать его плодороднымъ. Для этого нужно нѣчто иное: общество, какъ и почва, нуждается въ новыхъ сѣменахъ, на немъ слѣдуетъ посвятить новыя начала жизни». І. Христось часто называетъ Себя *сѣятелемъ*, а ученіе Свое — сѣменемъ.

Это сравненіе прекрасно уясняетъ намъ тотъ путь или способъ, какимъ Онъ хочетъ преобразовать человѣческое общество. «I. Христосъ не навязываетъ людямъ истины путемъ насилія или какого-либо принужденія. Онъ влагаетъ ее въ сердца людей,—тамъ она должна прозябнуть»¹⁾, т.-е. дать ростокъ, какъ сѣмя въ почвѣ.—Не новое государственное устройство, не новыя формы общественной жизни даетъ Христово Евангеліе,—оно заложило въ основу общества, т.-е. въ глубину души человѣческой новыя нравственные законы, законы правды и любви, подрывающіе въ корнѣ жизнь языческаго общества съ ея несправедливостью и жестокостью. Пусть медленно будетъ прозябать это сѣмя,—это уже зависитъ отъ свойства почвы, которая приметъ это сѣмя,—отъ души человѣческой. Пусть медленно будутъ утверждаться въ душахъ человѣческихъ правда и любовь; за то каждый, сердце котораго плѣнять эти евангельскіе законы, будетъ уже новымъ человѣкомъ,—человѣкомъ Христовымъ, или въ духѣ Христа. И эти новые люди во Христвѣ дадутъ новое направленіе общественной жизни, обновятъ міръ, мало-по-малу передѣлаютъ его. Не новыя формы и учрежденія могутъ обновить міръ, а новые по духу люди могутъ составить то царство Божіе на землѣ, вѣстью о приближеніи котораго началъ Христосъ Свою проповѣдь (Мѣ. 4, 17). На обновленіе душъ, на устроеніе въ нихъ царства Божія и направлена дѣятельность Христа и провозвѣстниковъ Его ученія. Не отмѣняя и не уничтожая внѣшнихъ формъ существующаго устройства общества, христіанство старается влить въ него новый духъ, который можетъ дать ему новую жизнь, новое направленіе этой жизни, естественнымъ слѣдствіемъ чего будетъ видоизмѣненіе и всего внѣшняго строя общества.

Въ частности, и рабство не отмѣнено, не уничтожено христіанствомъ въ смыслѣ юридическомъ: остались и на-

¹⁾ Берсье,—въ *Прав. Обзор.* 1888 г., т. I, стр. 324.
часть II.

званія, — господинъ и рабъ, — остались, по гражданскимъ законамъ, и власть господина надъ рабомъ, и зависимость раба отъ господина. Но въ ихъ отношенія взаимныя внесень христіанствомъ новый духъ, дано новое направление этимъ отношеніямъ, и стала возможна новая жизнь: господинъ самъ, безъ всякаго внѣшняго принужденія, не сталъ пользоваться принадлежащими ему по закону правами надъ рабомъ, а рабъ на самомъ дѣлѣ не сталъ чувствовать тяжести въ своемъ положеніи, хотя гражданскій законъ и не предоставлялъ еще ему свободы. Между христіанами могло оставаться рабство, но только внѣшнимъ образомъ, на взглядъ постороннихъ людей и гражданскихъ языческихъ законовъ, а внутренно оно исчезало: между господиномъ и рабомъ — христіанами уже не было тѣхъ отношеній, какія существовали между господиномъ и рабомъ въ язычествѣ.

Прекрасный примѣръ того, какъ христіанство внутренно преобразовало отношенія между господиномъ и рабомъ, даетъ намъ ап. Павелъ въ своемъ «Посланіи къ Филимону». Ни одна книга Новаго Завѣта не знакомитъ васъ лучше съ тѣми приемами, какими христіанство пользовалось для того, чтобы произвести въ мірѣ великій нравственный переворотъ.

Ап. Павелъ встрѣчается въ Римѣ съ однимъ рабомъ, Онисимомъ, убѣжавшимъ отъ своего господина Филимона, возвѣщаетъ ему Евангеліе и обращаетъ въ христіанство. Подъ любвеобильнымъ и благодатнымъ вліяніемъ Апостола душа Онисима перерождается: онъ, жалкій бѣглый рабъ по своему общественному положенію, становится по духу, по вѣрѣ сыномъ Апостола, который, какъ онъ самъ говоритъ, «родилъ его для вѣчной жизни». Какъ же поступаетъ далѣе ап. Павелъ? Какой прекрасный случай представлялся Апостолу выразить протестъ противъ рабства, какъ общественнаго учрежденія, — сказать рабу Онисиму: «Вотъ ты теперь христіанинъ, и рабомъ не долженъ быть. Можешь не возвращаться въ Колоссы, къ своему госпо-

дядю Филимону, предъ которымъ ты провинился и который тебя, пожалуй, накажеть. Ты свободенъ. Оставайся при мнѣ, или иди, куда тебѣ угодно!» Но Апостоль поступаетъ не такъ. Вѣрный основному правилу: *«Каждый оставайся въ томъ званіи, въ которомъ призванъ»* (ко Христу) (1 Кор. 7, 20), ап. Павелъ отсылаетъ раба къ его господину, съ препроводительнымъ письмомъ, которое и есть *«Посланіе къ Филимону»*.—Въ письмѣ своемъ Апостоль не приказываетъ Филимону принять Онисима и отнестись къ нему благосклонно,—хотя и могъ бы, и въ правѣ былъ приказать, обладая священнѣйшею властью Апостола. Онъ дѣйствуетъ инымъ образомъ. Если бы ап. Павелъ приказалъ Филимону благосклонно принять Онисима, Филимонъ, конечно, послушался бы Апостола, но сдѣлалъ бы это не по сердечному своему расположенію, и отношенія между господиномъ и рабомъ были бы если не старья, то — холодныя, натянутыя. Чтобы отношенія между ними были искреннія, сердечныя,—ап. Павелъ старается пробудить въ Филимонѣ любовь къ провинившемуся предъ нимъ, но, — безъ сомнѣнія, — раскаявшемуся рабу, возродившемуся къ новой жизни, измѣнившемуся духовно, ставшему новымъ человѣкомъ во Христвѣ. *«Прошу тебя»*, — пишетъ Апостоль, — *«о сынъ моему Онисимѣ... Прими его, какъ мое сердце... не какъ уже раба, но выше раба,—какъ брата возлюбленнаго... прими его, какъ меня»* (10—12, 15—17). Этими словами ап. Павелъ провозгласилъ въ сущности отмѣну рабства въ христіанскомъ обществѣ,—отмѣну прежнихъ отношеній между господиномъ и рабомъ. Могла ли задушевная просьба Великаго Апостола Христова, покрывшаго своею любовью проступокъ раба, удостоившаго его своей близости, — могла ли не тронуть сердце Филимона? Апостоль просить Филимона, сына своего духовнаго, принять Онисима, своего новаго сына, какъ брата возлюбленнаго, какъ *самого его*—Павла!.. Въ ту минуту, какъ писалъ Апостоль эти слова, рабство Онисима уничтожено: предъ людскимъ закономъ онъ бу-

дѣть, пожалуй, оставаться рабомъ, но для Филимона онъ будетъ уже не рабомъ, а дорогимъ, любимымъ членомъ его семьи, его *домашней церкви* (2 ст.). — Мы не сомнѣваемся, что такъ непремѣнно и было, — что такъ и принять былъ Онисимъ Филимономъ: вѣдь, не даромъ Апостоль выражаетъ въ концѣ письма увѣренность, что Филимонъ сдѣлаетъ и больше того, о чемъ онъ просить его (21 ст.)...

Съ другой стороны, отправляя Онисима къ Филимону, ап. Павелъ могъ потребовать, чтобы Филимонъ отпустилъ его на свободу, и могъ быть увѣреннымъ, что требованіе его было бы исполнено. Но Апостоль и этого не дѣлаетъ. Онъ не осуждаетъ обладанія рабами, онъ далекъ отъ мысли посягать на гражданскія права Филимона, какъ господина, и этимъ еще разъ показываетъ, что ученіе Христа, проповѣдуемое и проводимое имъ въ жизнь въ этомъ частномъ случаѣ, не есть социальная реформа. Если Филимонъ самъ пожелаетъ дать рабу своему Онисиму гражданскую свободу, то Апостоль, конечно, радъ будетъ этому, какъ свободному проявленію христіанской любви; но требовать этого онъ не находитъ нужнымъ, такъ какъ вынужденное, насильственное, — подъ давленіемъ авторитета и власти Апостола, — отпущеніе раба на свободу лишало бы поступокъ Филимона нравственной цѣнности. Очевидно, по взгляду Апостола Христова, социальная реформа, переменна общественныхъ отношеній, *можетъ* послѣдовать въ христіанскомъ обществѣ, но *не* сразу, — *внѣшнимъ* и насильственнымъ образомъ, а *изнутри* — постепеннымъ укрѣпленіемъ въ душахъ людей началъ ученія Христова... Въмѣсто требованія гражданской свободы для Онисима, ап. Павелъ своимъ письмомъ приготовляетъ ему въ домѣ его господина такое положеніе, при которомъ онъ самое освобожденіе сочтетъ за ничтожное дѣло. Съ письмомъ Апостола, Онисимъ вступаетъ въ домъ Филимона уже не прежнимъ рабомъ, ничтожнымъ и безправнымъ, а *братомъ возлюбленнымъ во Христа*, дорогимъ сы-

номъ духовнымъ ап. Павла, какимъ былъ и самъ Филимонъ. Рабъ сравнивается съ господиномъ въ новыхъ, духовныхъ правахъ. Что предъ ними гражданскія права?— Были—господинъ и рабъ,—христіанство сдѣлало изъ нихъ двухъ братьевъ! Что гражданская свобода теперь для Онисима? Онъ будетъ служить Филимону, но не *за страхъ*, какъ раньше, а *за совѣсть*; онъ будетъ повиноваться Филимону, какъ господину своему, и все дѣлать для него *отъ души, какъ для Господа*; ибо онъ знаетъ теперь, что какъ галилейскимъ рыбакамъ ихъ низкое общественное положеніе не помѣшало быть Апостолами Христа, такъ и его низкое званіе раба не помѣшаетъ *служить Господу Христу* (Еф. 6, 5—8). Онисимъ—христіанинъ будетъ стараться теперь о сохраненіи въ себѣ *внутренней свободы*,—свободы отъ грѣха, дарованной ему Христомъ чрезъ Апостола, а не о приобрѣтеніи *внѣшней гражданской свободы*, которая бессильна что-нибудь прибавить къ его истинному достоинству, — къ достоинству человѣка, искупленнаго Христомъ и возведеннаго въ званіе сына небеснаго Отца... (1 Кор. 7, 17—23).

То, что произошло въ домѣ Филимона, случалось и въ другихъ домахъ, гдѣ приняли Евангеліе: рабы-христіане входили въ семью господина, какъ младшіе ея члены, какъ «домочадцы», и вмѣстѣ съ господами, ихъ дѣтьми и родственниками составляли одну «домашнюю церковь», по выраженію ап. Павла.—Между господами и рабами, какъ членами Церкви, уже не было никакого различія. Они собирались въ одинъ и тотъ же домъ Божій, вмѣстѣ молились, исповѣдуя одного и того же Спасителя, вмѣстѣ пѣли священныя пѣсни, вѣшали одного и того же Тѣла Христова и пили изъ одной и той же св. Чаши; послѣ евхаристіи, они вмѣстѣ садились за вечерю любви. Все это должно было совершенно иначе настраивать господина по отношенію къ своимъ рабамъ. Онъ не могъ уже

относиться, какъ къ вещи, къ тому, кто былъ его братомъ во Христѣ, кто былъ равноправнымъ членомъ Церкви. Въ дѣлахъ чисто-церковныхъ Церковь дѣйствовала такъ, какъ будто рабства совсѣмъ не существовало: она не дѣлала различія между господиномъ и рабомъ. Въ ея глазахъ оба они — одинаково *рабы Христовы*: различіе общественнаго положенія ничего не значило, — цѣнилось Церковью внутреннее, нравственное достоинство человека, — его вѣра, чистота его жизни, его духовныя дарованія и добродѣтели. И вотъ становятся возможными и нерѣдкими такія явленія: господинъ ведетъ въ Церковь ко крещенію всѣхъ своихъ рабовъ, — дѣлаетъ ихъ братьями во Христѣ, а рабы воспринимаютъ своихъ господъ откупели крещенія, — становятся ихъ поручителями предъ Богомъ и Церковью и духовными руководителями. Церковь открываетъ рабамъ доступъ и къ должностямъ церковнымъ, и къ степенямъ священства. Случалось такъ, что рабъ былъ пресвитеромъ той же самой церковной общины, къ которой принадлежалъ и господинъ его, какъ простой ея членъ ¹⁾. Случалось даже, что рабъ получалъ и санъ епископа. Такъ, церковное преданіе говоритъ, что упоминаемый въ посланіи ап. Павла рабъ Онисимъ былъ впоследствии епископомъ Ефесскимъ.

Понятно, что, при этой равноправности рабовъ-христіанъ, какъ членовъ Церкви, съ господами, сами собой исчезали прежнія, языческія отношенія между господами и рабами. Устанавливались новыя отношенія, проникнутыя духомъ христіанскаго братства и любви. Надъ этимъ и трудилась особенно Церковь, — это была ея специальная область. При этомъ она дѣйствовала своими внушеніями одинаково на оба класса, — и на господъ, и на рабовъ. — Господамъ она внушала относиться къ рабамъ не высоко-

¹⁾ Но принятіе раба въ составъ церковнаго клира производилось съ согласія его господина, а рукоположеніе въ священный санъ — послѣ дарованія ему господиномъ свободы (82-е Правило св. Апостоловъ).

мѣрно и презрительно, а уважать въ нихъ достоинство человѣка и христіанина, не быть къ нимъ слишкомъ требовательными и суровыми, оказывать должное и справедливое ихъ трудамъ и заслугамъ и относиться не только внимательно, но и сердечно, любвеобильно къ ихъ нуждамъ и потребностямъ (Еф. 6, 9; Кол., 4, 1). Худое обхожденіе съ рабами считалось въ древней христіанской Церкви достаточнымъ основаніемъ для отлученія господина отъ Церкви. — Съ другой стороны, рабамъ Церковь внушала—почитать своихъ господъ и повиноваться имъ во всемъ безпрекословно, — кто бы они ни были: язычники или христіане, добрые и кроткіе, или суровые и гнѣвные. Если господинъ—христіанинъ, то рабъ тѣмъ болѣе долженъ служить ему, исполняя волю Божию, а не дѣлать единство вѣры поводомъ къ непочтенію и неповиновенію. Рабамъ внушала Церковь помнить, что нѣтъ низкаго и недостойнаго христіанина труда, если онъ честный трудъ, — что жребій раба, какъ и жребій господина, получается отъ одного и того же раздаятеля жизненныхъ даровъ, и,— стало быть, — проходя добросовѣстно свое скромное служеніе, рабы *служатъ Господу Христу* подъ видомъ служенія людямъ; поэтому рабы должны все, что дѣлаютъ, дѣлать безъ хитрости и лицемерія, безъ лести и человѣкоугодничества, а *въ простотѣ сердца, отъ души, какъ для Господа, а не для людей* (1 Тим. 6, 1—2; Тит. 2, 9—10; 1 Петр. 2, 18—19; Кол. 3, 22—24; Еф. 6, 5—8) ¹⁾. — Такимъ образомъ, господинъ Церковь удерживала отъ злоупотребленія властью и правами надъ рабами, а рабовъ—отъ недовольства своимъ трудомъ, отъ ропота на свое положеніе, внушая тѣмъ и другимъ *достойно ходить въ*

¹⁾ Подробнѣе раскрыто ученіе св. Апостоловъ о взаимномъ отношеніи господъ и рабовъ въ нашихъ чтеніяхъ 22 и 29 февр. 1904 г.: „Господа и слуги“.—См. *Душ. Чтеніе* 1904 г. №№ 9 и 10, и „Нравственно-христіанское ученіе“, вып. V-й, изд. Комиссіи по устр. обществ. чтеній для ф.-завод. рабочихъ г. Москвы.

званіи, въ какомъ кто празванъ въ Церковь Христову. Подъ вліяніемъ Церкви не только сглаживались и исчезали ненормальности и уродливости языческихъ отношеній между господами и рабами, но и создавались новыя отношенія, проникнутыя справедливостью и взаимнымъ уваженіемъ. А духъ христіанской любви, обильно наполнявшій первыхъ христіанъ, дѣлалъ то, что господа относились къ рабамъ, какъ къ членамъ своей семьи, и рабы не только не чувствовали какой-либо тяжести въ своемъ положеніи, но и забывали, что предъ закономъ гражданскимъ они все еще рабы. Рабамъ-христіанамъ и въ голову не приходило искать или домогаться гражданской свободы. «Если я рабъ, то я долженъ сносить это; если я свободенъ, то не долженъ хвалиться этимъ»,—въ этихъ словахъ писателя древней Церкви (Таціана) выражается то настроеніе, какое обыкновенно было у рабовъ-христіанъ

Теперь понятнымъ становится, почему ни рабы-христіане не стремились къ достиженію гражданской свободы,—возстанія рабовъ, которыми полна исторія языческихъ Греціи и Рима, прекращаются съ пришествіемъ христіанства,—ни Церковь не требуетъ отъ господъ обязательнаго освобожденія рабовъ. Церковь, вѣрная своему Основателю Христу, заботилась о созданіи новыхъ нравственныхъ отношеній между господами и рабами, о созданіи въ нихъ новаго христіанскаго настроенія душъ, о водвореніи и укрѣпленіи въ нихъ свободы внутренней, духовной,—свободы отъ грѣха и страстей,—въ сравненіи съ которой внѣшняя, гражданская свобода совершенно ступшеывалась, не имѣла никакой особой цѣнности. Церковь, дѣйствуя исключительно въ области нравственной, полагала *единственно прочное основаніе для измѣненія и гражданскаго строя жизни*, такъ какъ новыя нравственные отношенія между людьми,—въ частности между господами и рабами,—повели естественно и къ новымъ гражданскимъ отношеніямъ между ними.

Исторія свидѣтельствуеть, что нравственное вліяніе Церкви Христовой на господъ и рабовъ было чрезвычайно благотворно, — что подъ этимъ вліяніемъ происходило нравственное возрожденіе рабовъ и господъ, вслѣдствіе котораго рушились прежнія, извѣстныя намъ въ язычествѣ, отношенія между ними и возникали и устанавливались новыя, дотолѣ не бывалыя.

Вотъ факты. Открылись, съ конца 1-го вѣка, гоненія на христіанъ,—и рабы переносятъ ихъ вмѣстѣ съ господами. Вмѣстѣ они скрываются въ катакомбахъ, вмѣстѣ подвергаются истязаніямъ и пыткамъ,—и рабы не уступаютъ въ мужествѣ господамъ, но нерѣдко и превосходятъ ихъ. Нерѣдко рабъ поддерживалъ своего господина, изнемогавшаго въ пыткахъ, подкрѣплялъ его вѣру и мужество, и вмѣстѣ умирали они за Христа. Нерѣдко рабъ-христіанинъ защищалъ своего господина предъ языческими властями и готовъ былъ умереть за него; а когда рабу не удавалось спасти господина, и господинъ умиралъ, оставивъ малолѣтнихъ дѣтей,—рабъ посвящалъ всю жизнь свою ихъ защитѣ, охранѣ и воспитанію въ духѣ отца. И умирающій господинъ смѣло поручалъ рабу-христіанину попеченіе о своихъ малыхъ дѣтяхъ: онъ былъ увѣренъ, что отдаетъ дѣтей въ надежныя руки... Откуда эта вѣрность и самоотверженная преданность рабовъ господамъ? Ихъ не зналъ языческой міръ. Это—плодъ вліянія христіанства на рабовъ. Умные язычники, зная настроеніе своихъ рабовъ, наружно раболѣпныхъ и льстивыхъ предъ господами, говорили: «наши главные враги—рабы», — «чѣмъ больше рабовъ, тѣмъ больше враговъ». Христіанство совершаетъ чудо: враги превращаются въ преданныхъ друзей!.. Откуда эта нравственная, духовная высота рабовъ, увѣнчанная мученичествомъ за Христа? Писатели языческаго міра изображаютъ своихъ рабовъ-язычниковъ погрязшими въ порокахъ и развратѣ. Христіанство изъ «подлыхъ» рабовъ дѣлаеть героевъ вѣры—мучениковъ!..

Благотворно повліяло христіанство и на господъ. И господа засвидѣтельствовали о благотворномъ вліяніи на нихъ христіанства не только новыми отношеніями къ своимъ рабамъ, — отношеніями справедливыми, кроткими, любвеобильными, — отношеніями, въ которыхъ не было и тѣни прежней жестокости, — но и дарованіемъ рабамъ гражданской свободы. Церковь, какъ мы уже сказали, не требовала этого отъ господъ, — она предоставляла это свободному рѣшенію господина; но она одобряла и благословляла это рѣшеніе. Поэтому освобожденія рабовъ господами были часты съ первыхъ же лѣтъ христіанства. «Нѣкоторые господа, обращаясь въ христіанство, освобождали всѣхъ своихъ рабовъ въ самый день крещенія своего, или избирали для ихъ освобожденія какой-либо торжественный праздникъ, особенно Пасху, чтобы засвидѣтельствовать о своей благодарности за воспринятую благодать св. крещенія. Такъ одинъ богатый римлянинъ временъ Траяна, сдѣлавшись христіаниномъ, въ праздникъ Пасхи даровалъ свободу всѣмъ своимъ рабамъ, которыхъ было у него 1250 человекъ. — Съ III-го столѣтія вошло въ обычай производить освобожденіе рабовъ въ церкви, въ присутствіи священника и прихожанъ. Господинъ за руку подводилъ рабовъ къ алтарю, тамъ прочитывалась освободительная грамота, и въ заключеніе священникъ произносилъ благословеніе. И съ внѣшней стороны дѣлоставилось такъ, что рабы должны были благодарить за свою свободу Церковь. Она являлась тѣмъ, чѣмъ была, — именно хранительницей и раздательницей свободы»¹⁾. — Отпустивъ своихъ рабовъ на свободу, ихъ прежніе господа считали своимъ долгомъ помогать имъ и дѣломъ, и совѣтомъ, какъ своимъ братьямъ во Христѣ. Благодаръ такому отношенію къ себѣ своихъ прежнихъ господъ, освобожденные рабы, или отпущенники, оказывались не отчужденными отъ общества, не выброшенными безъ

¹⁾ Фарраръ, „Первые дни христ.“, стр. 118.

средствъ и нравственной поддержки, — какъ это бывало въ язычествѣ, гдѣ откупившіеся отъ господъ рабы весьма часто увеличивали собою ряды празднаго, неспособнаго къ труду, полуголоднаго и порочнаго пролетаріата, — но дѣлались ближайшими членами христіанской общины, учившей ихъ правильно пользоваться своей свободой и воспитывавшей изъ нихъ дѣятельныхъ, трудолюбивыхъ и полезныхъ людей.

Со времени Императора Константина Великаго, когда христіанская религія была объявлена господствующею, начинается рядъ законодательныхъ мѣръ, направленныхъ къ облегченію положенія рабовъ. Уже при Константинѣ былъ изданъ законъ, облегчавшій формы освобожденія рабовъ и увеличивавшій поводы и способы къ совершенію этого добраго дѣла. При немъ же состоялся указъ, узаконившій ранѣе практиковавшійся обычай совершать отпущеніе рабовъ на свободу въ церкви, предъ священникомъ. Церкви этимъ была предоставлена великая задача — далѣе проводить, при содѣйствіи государственной власти, уже начатое ею освобожденіе рабовъ.

И Церковь постепенно выполняетъ эту задачу двоякимъ путемъ, — путемъ непосредственнаго нравственнаго вліянія на господъ и путемъ вліянія на законодательство о рабахъ. — Положеніе рабовъ замѣтно все болѣе и болѣе улучшается. Господа начинаютъ дорожить жизнью и здоровьемъ рабовъ и все мягче обращаются съ ними. Рабамъ разрѣшается закономъ имѣть семью. Все чаще и чаще господа сажаютъ своихъ рабовъ на землю, т.-е. даютъ имъ отдѣльные земельные участки, которые тѣ обязаны воздѣлывать и отдавать извѣстную часть урожая хозяину, остальное же составляло ихъ собственность. Такимъ путемъ совершается постепенный переходъ отъ рабства къ *крѣпостному состоянію*. — Этотъ переходъ рабства въ крѣпостное состояніе совершался въ западной Европѣ постепенно въ теченіе V, VI и VII вѣковъ. — Крѣпостная зависимость (отъ владѣльцевъ земли), конечно, не есть

свобода: это состояніе переходное отъ рабства къ свободѣ. Тѣмъ не менѣе можно сказать, что къ VIII вѣку въ христіанскихъ государствахъ западной Европы *рабство пало*: не стало рабовъ, явились крестьяне, находившіеся въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ. — Исчезнувши въ Европѣ, рабство, къ сожалѣнію, возродилось въ колоніяхъ европейскихъ государствъ, въ другихъ частяхъ свѣта, и держалось тамъ очень долго—до половины XIX вѣка. — И крѣпостное состояніе, сначала довольно тяжелое, постепенно все болѣе и болѣе смягчается и, наконецъ, исчезаетъ,—въ разное время въ разныхъ государствахъ Европы. Въ настоящее время ни рабства, ни крѣпостного состоянія въ христіанскомъ мірѣ не существуетъ.

Мы не имѣемъ времени представить вамъ хотя бы краткій очеркъ постепеннаго умиранія рабства и постепеннаго, въ разныхъ мѣстахъ, освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости: это завело бы насъ слишкомъ далеко въ область исторіи и законодательствъ разныхъ государствъ. — Дѣйствующими лицами въ этомъ очеркѣ, работавшими надъ уничтоженіемъ рабства, мы увидѣли бы и представителей Церкви, и законодателей, и философовъ, и ученыхъ, и писателей. Этотъ очеркъ показалъ бы намъ,—что уже мы отчасти видѣли, — что *сила, уничтожившая древнее рабство*, разбивавшая кольцо за кольцомъ цѣпь раба, пока отъ этой цѣпи не осталось ничего, *коренилась въ новыхъ идеяхъ*, которыми христіанство озарило умы, *въ новыхъ чувствахъ*, которыми оно наполнило сердца людей, *въ новыхъ нравахъ*, порожденныхъ имъ же.— Короче, — уничтоженіемъ рабства и крѣпостной зависимости человечество обязано христіанству. Христу и Его Церкви мы должны быть благодарны за то, что мы не рабы, а свободные граждане.

Но это уничтоженіе рабства было совершено христіанствомъ не революціоннымъ путемъ, не открытымъ провозглашеніемъ необходимости немедленной отмѣны раб-

ства, не возстановленіемъ рабовъ противъ господъ, а путемъ постепеннаго развитія и просвѣщенія нравственнаго сознанія христіанскаго общества, — путемъ медленнаго, но прочнаго воспитанія челоувѣчества въ христіанскихъ идеяхъ равенства, братства и любви. — При этомъ Церковь, особенно православная у насъ въ Россіи, вѣрная завѣтамъ Христа, воздерживалась отъ вмѣшательства въ гражданскія и политическія дѣла, — не требовала освобожденія холоповъ отъ ихъ владѣльцевъ или — позднѣе — крѣпостныхъ крестьянъ отъ помѣщиковъ: она помнила, что «у нея своя территорія — это вѣрующая совѣсть, своя политика — это оборона совѣсти отъ грѣховныхъ влеченій. Но воспитывая вѣрующихъ для *грядущаго* града, для жизни будущей, она постепенно обновляетъ и перестраиваетъ и градъ, *здѣь пребывающій*»¹⁾), — перестраиваетъ гражданское общежитіе на началахъ Евангелія. — Правда, медленно совершается этотъ процессъ перестройки; но причина этого лежитъ не въ самомъ ученіи Евангелія Христова, а въ медленномъ усвоеніи его людьми.

Священникъ П. Архангельскій.

¹⁾ Ключевскій, „Содѣйствіе Церкви успѣхамъ русск. гражд. права и порядка“, Пр. къ Тв. Св. От., 1888 г., ч. XLII, 383.

КРАТКОЕ ПОВѢСТВОВАНИЕ О ЛЖЕ-ПАТРИАРХѢ ИГНАТИИ.

Въ 6 книжкѣ *Душеполезнаго Чтенія* за 1906 годъ, въ статьѣ «Новоспасскій архимандритъ Аполлосъ Алексѣевскій» между прочимъ упомянуто о замѣчаніи этому архимандриту, сдѣланномъ Синодомъ по поводу его статьи о лже-патріархѣ Игнатіи. Это сочиненіе архимандрита Аполлоса, напечатанное въ *Московскомъ телеграфѣ* за 1831 г. представляетъ теперь библиографическую рѣдкость и мы, въ дополненіе къ нашей біографіи архимандрита Аполлоса, печатаемъ его полностью. Редакторъ телеграфа, помѣщая эту статью о. архимандрита, сдѣлалъ примѣчаніе, что «это есть отрывокъ изъ историческаго сочиненія о всероссійскихъ патріархахъ, коимъ занимается почтенная духовная особа, архимандритъ Воскресенскаго монастыря и кавалеръ, Аполлосъ. Долгомъ почитаемъ благодарить автора за сообщеніе трудовъ его».

Однако, объ этомъ опытѣ трудовъ о. архимандрита митрополитъ Филаретъ сдѣлалъ Свят. Прав. Синоду такое предложеніе: «*Московского телеграфа* въ № 15, на страницѣ 402 и слѣдующихъ, напечатано Краткое повѣствованіе о лже-патріархѣ Игнатіи. Въ сей статьѣ на стр. 406 сказано — онъ уложилъ при томъ и впредь латинъ не крестить, а только муромъ помазать, хотя при коронованіи надъ лже-Димитріемъ и не совершенно сего обряда.

«Сказанное здѣсь о некрещеніи латинъ, уложенномъ якобы лже-патріархомъ Игнатіемъ, во-первыхъ, ложно, ибо сіе основывается на древнемъ соборномъ уложеніи лже-

патріарха; во вторыхъ, оскорбительно для православной церкви, будто она и нынѣ слѣдуетъ уложенію лже-патріарха; въ-третьихъ, благопріятно раскольникамъ перекрещиванцамъ, кои, если узнаютъ сіе, могутъ упрекать православныхъ въ послѣдованіи уложенію лже-патріарха.

«Другія слова статьи разбирать нѣтъ нужды. Необдуманное можно терпѣть; вредъ прекращать должно. Въ примѣчаніи къ сей статьѣ сказано, что это отрывокъ изъ сочиненія, коимъ занимается почтенная духовная особа, архимандритъ Воскресенскаго монастыря и кавалеръ, Аполлосъ.

«Долгомъ поставляю сіе довести до свѣдѣнія Св. Синода и передать на его разсмотрѣніе. № 417, 31 октября 1831 года».

Святѣйшій Синодъ опредѣлилъ: «Московской Синодальной Конторѣ предписать указать, чтобы архимандриту Аполлосу было подтверждено не передавать впредь сочиненій своихъ, ни цѣлыми, ни частями или отрывками въ печать, безъ предварительнаго разсмотрѣнія оныхъ въ духовной цензурѣ». Архимандритъ Аполлосъ, вызванный въ Московскую Синодальную Контору, далъ подписку какъ въ слушаніи, такъ и въ исполненіи этого Синодскаго опредѣленія, и, затѣмъ, свой обширный трудъ— историческое сочиненіе о всероссійскихъ патріархахъ— не только не продолжалъ, но и начатое все уничтожилъ

Лже-патріархъ, архіепископъ Игнатій, родомъ Грекъ, былъ первоначально архіепископомъ на островѣ Кипрѣ; по завоеваніи жъ онаго Турками, ушелъ въ Италію и принялъ исповѣданіе Римско-Католической вѣры; оттуда прибылъ онъ въ Россію, около 1588 года, въ царствованіе Царя Феодора Іоанновича, котораго особенная набожность и щедроты извѣстны были во всѣхъ христіанскихъ земляхъ, для чего многіе приходили отовсюду для испрошенія милости, и изъ числа оныхъ нѣкоторые оставались

въ Россіи; въ числѣ послѣднихъ и Игнатій остался, коему изъ состраданія, какъ единовѣрцу, какимъ себя выдавалъ онъ, изгнанному отъ невѣрныхъ, далъ Государь Рязанскую епархію въ управленіе, коею до смерти Годунова онъ управлялъ, не отступая отъ церковныхъ правилъ, хотя и содержалъ втайнѣ папское исповѣданіе.

Когда жъ Гришка Отрепьевъ въ Польшѣ наименовалъ себя Царевичемъ Димитріемъ, сыномъ Всероссійскаго царя Іоанна Васильевича, убіеннымъ Годуновымъ, и, возмутьивъ симъ два Государства, обольстилъ коварными грамотами, Европейскія области, и самую Россію, то заключилъ онъ союзъ съ папою Климентомъ, и во многихъ областяхъ россійскихъ начали преклоняться къ нему по приверженности русскихъ къ природнымъ государямъ, каковая въ успѣхахъ его непосредственно и участвовала. Безостановочно дошедши до самой Тулы, откуда онъ прислалъ о себѣ въ Москву грамоту, въ коей объяснилъ, что онъ Царевичъ Димитрій, чудными судьбами Божиими отъ убійца сохраненный, а Годуновъ, восхитивъ престолъ, ему не принадлежащій, чинилъ боярамъ гоненія, а всему народу тяжкіе налоги, притѣсненіе, за что, яко хищникъ, праведно отъ Бога внезапною смертію наказанъ и проч.— Когда грамота по полученіи прочтена была на Лобномъ мѣстѣ, то всѣ сословія не только признали его истиннымъ Димитріемъ Царевичемъ, но тутъ же учинили присягу, несмотря на всѣ увѣренія патріарха Іова, представлявшаго противное сему и неустрашимо вопіявшаго, что писавшій грамоту есть самозванецъ; но чтеніе другихъ грамотъ сего самозванца заглушило голосъ пастыреначальника; лже-Димитрій признанъ истиннымъ Царевичемъ и тутъ же провозглашенъ отъ всѣхъ Всероссійскимъ Царемъ. Лучшіе бояре и народъ тогда жъ отправились въ Тулу, въ видѣ депутатовъ, съ просьбою о принятіи имъ Россійскаго царства, на мѣсто сведеннаго съ престола Феодора Годунова. Игнатій встрѣтилъ его еще прежде, яко пришлецъ и хитрый ласкатель, первый изъ духовен-

ства привѣтствовала лже-Димитрія, и всѣхъ, съ возвращеніемъ на престолъ Россійскій потомка Великаго Князя Владиміра. Изъ Тулы и въ Москву провожалъ Димитрія изъ духовенства одинъ Игнатій, вмѣстѣ съ посланными просить его на престолъ Россійскій.

Самозванецъ нашелъ сего архіепископа подобнымъ себѣ и, почитая твердымъ уже себя на царствѣ, духовенство же Россійское видя тогда безъ патріарха, который, до прибытія Отрепьева въ Москву, сообщниками его низвергнуть съ престола патріаршаго и сослать въ монастырь на заточеніе, по вступленіи своемъ въ столицу и царскій домъ, 1605 года 20 іюня, безъ избранія духовенства, но единственно по волѣ своей и совѣту Іезуитовъ, въ іюль мѣсяцъ опредѣлилъ Игнатія Московскимъ патріархомъ. Сіе сдѣлалъ онъ сколько въ знакъ признательности своей къ безгласному подданству его, столько не хотя вдругъ пристать самъ къ паствѣ папы; притомъ и потому, что изгнанный патріархъ Іовъ, когда Игнатій, по волѣ самозванца, просилъ его благословенія на Московское патріаршество, для чего въ Старицу дважды ѣздилъ, не только не далъ онаго, но ниже согласія, несмотря на всѣ его убѣжденія и угрозы отъ лже-Димитрія, которому симъ случаемъ желалось еще болѣе утвердиться на престолѣ Россійскаго государства и, удобнѣе покоривъ Россійскую Церковь подъ ноги папѣ, примѣшать латинство къ православной греческаго исповѣданія вѣрѣ. Совершенно зная, что Игнатій, хотя и Грекъ, но исповѣданія римскаго воспитанникъ іезуитовъ и приверженный къ Польшѣ, увѣренъ былъ Отрепьевъ въ его готовности для мірской славы жертвовать вѣрой и душою, что вскорѣ на самомъ дѣлѣ со стороны его и воспослѣдовало.

Когда самозванецъ, по чину царскому, былъ имъ вѣнчанъ на царство Россійское, того жъ года 20 го іюня, тогда лже-патріархъ Игнатій, въ знакъ своей благодарности къ нему, позволилъ: первое, въ церквахъ играть при священнослуженіи на трубахъ и литаврахъ. Второе,

всѣхъ иновѣрцевъ, стоявшихъ въ церквахъ безъ всякаго благочинія, и даже сидѣвшихъ облокотясь на иконы и самыя мощи, не велѣлъ удерживать отъ сего безчинія и неблагообразія. Третье, во время одиннадцатимѣсячнаго патріаршества его, многія церкви Іезуитамъ были отданы, какъ его учителямъ, съ коими онъ имѣлъ всегдашнее сношеніе; а священники отъ оныхъ удалены. Коротко сказать: Россійская Церковь, въ сіе малое время его священноначалія, приведена была въ беспорядокъ и замѣшательство до того, что патріархъ Гермогенъ первое обратилъ вниманіе по вступленіи на патріаршество, чтобы распуганныхъ имъ овецъ собрать воедино, и опустошенныя святаыя церкви снабдить искусными священниками. Между тѣмъ лже-патріархъ, къ стыду нашего духовенства, уговорилъ весьма многихъ духовныхъ и бояръ подписать грамоту къ Сендомирскому воеводѣ Мнишку, для испрошенія дочери его въ жены для лже-Димитрія, которая грамота боярами и даже архіереями подписана была и отправлена въ Польшу съ нарочитымъ посольствомъ, прибывшимъ въ то время, когда король сочетался бракомъ въ Краковѣ. По сему случаю и съѣхалось въ оный множество дворянъ и вельможъ. Въ присутствіи ихъ и самого короля воспослѣдовалъ обрядъ обрученія Русскаго Посла съ Мариною, и вскорѣ она и отецъ ея, въ сопровожденіи нѣсколькихъ тысячъ оруженосцевъ, отправились въ Москву, гдѣ 8-го мая, по прибытіи, со лже-Димитріемъ, въ Успенскомъ соборѣ, Марина была вѣнчана лже-патріархомъ. При совершеніи сего таинства, Марина помазана была св. муромъ, въ царскихъ вратахъ; ибо прежде вѣнчанія съ нею требовали многіе, а особливо Гермогенъ, митрополитъ Казанскій, дабы она торжественно приняла нашу православную вѣру; но лже-патріархъ, какъ преданный лже-Димитрію, для прекращенія сего спора и для нѣкотораго удовольствія народа, избрѣлъ сей наружный обрядъ, чтобы безъ всякаго отрицанія отъ своей вѣры и общанія къ нашей церкви присоединиться, помазать ее

муромъ, давая видъ, яко бы она чрезъ сіе помазаніе присоединены къ Грекороссійской Церкви. Онъ уложилъ притомъ и впредь Латинь не крестить, а только муромъ помазать, хотя при коронованіи надъ лже-дмитріемъ и не совершенно было сего обряда.

Послѣ брачнаго торжества, лже-дмитрій съ Мариною вскорѣ обнаружили явное пренебреженіе къ Грекороссійской Церкви, ея обрядамъ, духовенству, и ко всѣмъ русскимъ обычаямъ. Народъ и нѣкоторые бояре, изумленные таковыми неожиданными поступками, притомъ жестокою, разновѣріемъ, и не стерпѣвъ насилія и посмѣяній отъ Поляковъ, пришедшихъ съ нимъ, лишили лже-Димитрія жизни 1606 года 17-го мая. Былъ онъ на царствѣ меньше года, и къ увѣренію народа, что онъ точно убитъ, тѣло его лежало три дня на Лобномъ мѣстѣ, потомъ сожжено на Котлахъ, и разсыянъ прахъ его.

А на четвертый день, то-есть 21 мая, принялъ бразды Россійскаго государства Василій Ивановичъ Шуйскій; до вступленія жъ оцѣ на престолъ его, 19 мая, сообщникъ и собесѣдникъ лже-дмитрія, лже-патріархъ Игнатій заключенъ былъ въ Чудовъ, и соборомъ духовнымъ лишенъ патріаршаго сана, яко похитившій оный незаконно и не бывшій посвященъ; въ Чудовъ какъ простой монахъ и находился онъ подъ стражею. вмѣсто жъ его поставленъ царемъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ митрополитъ Казанскій Гермогенъ. Виновникъ переворота, развѣявшій и прахъ самозванца, увѣрявшаго, что Богъ возвелъ его на царство и престолъ родительскій, не хотѣлъ даже видѣть Игнатія, который помазалъ на царство самозванца и безстыдную его лезавель, Марину. Но вдругъ возстало другое смятеніе: Царь, клявшисъ не мстить никому, нарушилъ сію клятву и тѣмъ возжегъ онъ новые мятежи и раздоры; немедленно разнеслась вѣсть, что лже-Димитрій живъ: зашумѣла новая буря и неслась прямо къ престольному граду. Всѣ унивали, и вѣра, вѣрность и единодушіе, охраняющія царство и народы, водворилися только

въ стѣнахъ Троицкой Лавры. Патріархъ. взываетъ къ народу на Лобномъ мѣстѣ: «Мужайтесь, великодушествуйте, а болѣе не прельщайтесь!» Но ни мужество, ни вѣрность не могли отклонить тучи, скопившейся надъ главою злополучнаго Царя Василія. И наконецъ, всѣ оставили его, кромѣ патріарха, вѣщавшаго народу: «Не оставляйте Царя». Но голосъ пастыря заглушенъ буйственными кликами тѣхъ, въ душѣ коихъ онъ уже былъ сведенъ съ престола своякомъ, княземъ Воротынскимъ, и насильно съ женою въ Чудовъ монастырѣ постриженъ, и удаленъ въ Іосифовъ монастырь. Все сіе случилось 10-го іюня 1610 года.

Послѣ сего, предатели и измѣнники отечества съ Поляками обрели и патріарха Гермогена въ жертву голода, и по низверженіи его съ патріаршаго престола, повиновались возвести на патріаршество единомысленника разстригина, низверженнаго лже-патріарха Игнатія, въ надеждѣ, что онъ будетъ поспѣшникъ имъ пожать плоды вѣроломства и измѣны; о чемъ извѣстили и короля Польскаго. Потомъ, видя, что и сей приверженецъ Дмитрія къ нимъ не пристаеетъ, находясь на престолѣ патріаршемъ цѣлый годъ почти, рѣшились Москву сжечь и съ нею и жителей не пощадить. Видя такое странное и неслыханное предпріятіе, а другихъ усилія и всеобщее возстаніе о защищеніи отечества, убоясь Игнатій послѣднихъ, яко поборниковъ по благочестію, и изъ-за Литовскаго сидѣнія въ Москвѣ бѣжалъ, или, какъ другіе пишутъ, увезенъ Поляками въ Польшу, гдѣ былъ принятъ съ честію королемъ Сигизмундомъ III-мъ, и жилъ въ Виленскомъ Троицкомъ монастырѣ до самой смерти своей, послѣдовавшей около 1640 года, и тамо былъ и погребенъ; но въ 1655 году русскими войсками по взятіи Вильны, неизвѣстно куда сокрытъ. Польскіе историки пишутъ, что онъ обратился въ уніатское исповѣданіе; но лѣтописцы наши говорятъ, что хотя онъ къ самозванцу и присталъ, яко пришлецъ и иноплеменникъ, и ласкалъ ему; но нигдѣ въ оныхъ не видно, чтобы онъ злымъ его намѣреніямъ содѣйствовалъ.

своими представленіями, или бы отъ него въ какой со-
вѣтъ былъ употребленъ. Одинъ только патріархъ Іовъ,
когда узналъ о намѣреніи самозванца воззвать его на
патріаршій престолъ, то, съ насмѣшкою къ лже Димитрію
писалъ, что онъ Гришка *по ватагъ атаманъ*, а сей Игна-
тій *по овцамъ пастыръ*.

И дѣйствительно, оба они на самомъ дѣлѣ оказали себя
такowymi, бывъ руководимы издавна папою и его учени-
ками на пагубу Россіи и истребленіе въ ней православ-
ной вѣры, что доказывается письмомъ отъ перваго, пи-
саннымъ къ папѣ Павлу V, 1605 года 30-го ноября ¹⁾, а
потому Димитрію церковь наша ежегодно возглашаетъ
анаѣму; а Игнатія, яко неправедно вступившаго на
престолъ патріаршій, въ поношеніе и укоризну прежде
бывшему патріарху Іову, между десятью Московскими
патріархами не полагаетъ, почитая его похитителемъ сего
высочайшаго сана, *лже-патріархомъ*.

Въ заключеніе этой статьи мы можемъ замѣтить, что
архимандритъ Аполлосъ раздѣлялъ, вполне распростра-
ненное мнѣніе, что самозванецъ былъ именно Гришка
Отрепьевъ; мнѣніе это духовенствомъ почиталось за истин-
ное со временъ самаго царствованія лже-Димитрія. Под-
тверждаетъ это, между прочимъ, и профессоръ А. И. Со-
болевскій въ своей замѣткѣ: «Москва и первый самозва-
нецъ», въ которой приводитъ послѣсловіе безмѣстнаго
папа Константина къ переписанному имъ церковному
уставу XVII вѣка. — Въ этомъ послѣсловіи Константинъ
отмѣчаетъ, что книга, начатая имъ перепиской 3 сентября
1605 г., была закончена 28 апрѣля 1606 г. (т.-е. за 19
дней до убійства Димитрія) въ славномъ и преименитомъ

¹⁾ Оно напечатано въ латинскомъ подлинникѣ, съ русскимъ пере-
водомъ, въ *Собрании Государственныхъ грамотъ*, т. II, стр. 231.—Тамъ
же помѣщена вообще переписка лже-Димитрія съ папою.

и царствующемъ градѣ Москвѣ въ царствованіе Гришки Отрепьева, именуема расстриги, и при великомъ господинѣ Игнатіи, патріархѣ Московскомъ и всея Россіи, тому бо тогда на высокомъ сѣдальномъ степеніи стоящу и правящу престолъ соборныя, вселенскія, пречестныя апостольскія церкви.

А. Титовъ.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.*

(Изъ дневника инока).

О, Благодатная! Какъ сладко любить Тебя! Какъ от-
радно глядѣть на Тебя! Какое счастье предстоять Тебѣ,
повѣрять Тебѣ всѣ нужды, скорби и немощи! Какое пре-
красное удовлетвореніе нашелъ я живѣйшей потребности
нашего сердца — имѣть столь же нѣжную, кроткую, доб-
рую *Матерь* въ Тебѣ, сколь нѣжнаго, кроткаго, добраго
Отца дано имѣть намъ въ *Сынѣ* Твоемъ!..

* * *

Испросить у Господа прощеніе грѣховъ—нетрудно. Го-
раздо труднѣе намъ *отстать* отъ нихъ, уцѣлѣть отъ но-
ваго и новаго впаденія въ эти грѣхи. Почему и нужно
молиться не только о прощеніи грѣховъ, но и о томъ,
чтобы Господь избавилъ отъ грѣховъ, отъ постояннаго
впаденія въ нихъ.

* * *

Не Господь насъ судить, а сами себя мы судимъ и
осуждаемъ во грѣхахъ нашихъ. Онъ, Кроткій и Тихій,
беззащитно и спокойно стоитъ предъ нами, покрываемый
ранами отъ нашей неблагодарности и жестоковѣйности,
и терпѣливо ждетъ, когда эта неблагодарность наша тро-
нетъ, наконецъ, нашу совѣсть и подвигнетъ на заглажде-

*) Продолженіе. См. апрѣльскую вн. *Душепол.* Чт. 1907 г.

ніе грѣха воздержаніемъ отъ него, на уврачеваніе Его ранъ елеемъ соотвѣтствующихъ добродѣтелей.

* * *

«Господи! Мертвъ нареклся еси, умертвивый смерть: во гробъ положился еси, истощивый гробъ!» (Вторн. нед. о слѣп., сѣд. по 1 стих.). Противъ нѣкоторыхъ болѣзней, угрожающихъ смертію, принимаютъ маленькія дозы смертоноснаго яда. Подобнымъ образомъ, жизнь человѣческая спасена смертію Безгрѣшнаго, умертвившаго смерть своею животворною, ядовитою для смерти силою! Гробы опустѣли таинственною силою одного маленькаго живоноснаго Гроба Христова, ставшаго источникомъ и нашего воскресенія!

* * *

Господи! *«Твое есмь созданіе!..»* Хотя я и сдѣлалъ себя негоднымъ, но не пересталъ быть Тебѣ дорогимъ! Я ношу плоть, Тобою мнѣ данную! Хотя я и сдѣлалъ и дѣлаю ее постоянно сѣдалищемъ всякой похоти и сластолюбія, но не отнялъ отъ нея вовсе достоинства Твоего творенія. Ты — мой Творецъ. Будь же и мой Отецъ, Покровитель, Заступникъ и Разрѣшитель всякой злобы и грѣховности моей! Не отними отъ меня вовсе драгоценнаго права быть Твоимъ чадомъ, милуемымъ, жалѣемымъ, прощаемымъ, пріемлемымъ въ Твои Отеческія объятія!

* * *

«Слезы мои были мнѣ хлѣбомъ день и ночь, когда говорили мнѣ всякій день: гдѣ Богъ твой?..» (Псал. 41, 4). Значить, имѣли основаніе такъ говорить! Значить, Давидъ дѣйствительно переживалъ такія ужасныя минуты и состоянія, когда—казалось—Богъ совершенно оставилъ его. И насъ часто постигаютъ такія же состоянія, но плачемъ ли мы объ этомъ такъ, какъ плакалъ Давидъ, для ревности котораго не такъ было больно то, что онъ бѣдство-

валъ, сколько то, что это давало поводъ оскорблять его Господа!..

* * *

«Въ темницѣ бнхъ, и придосте ко Мнѣ!..» А кто въ темницѣ?—Преступники, отбросы общества. А Господь и къ нимъ зоветъ насъ на помощь, принимая всякую услугу имъ, какъ Себѣ Самому, и само собою принимая на Себя и всякое наше нерадѣніе и равнодушіе къ этимъ несчастнымъ. О, какъ Ты милосердъ къ намъ, Господи нашъ!

* * *

Случалось, конечно, вамъ заставлятъ маленькихъ дѣтей показывать, какъ крѣпко они васъ любятъ? И вы испытывали на себѣ, какъ крошечныя рученки сіяются показывать вамъ это со всею доступною имъ маленькою дѣтскою силою. Для большого даже комична эта сила. А между тѣмъ, эта сила васъ и трогаетъ, и умиляетъ, и вполне удовлетворяетъ.

Вотъ такъ точно будемъ и мы любить Господа! Будемъ и мы чаще показывать Ему хотя маленькими напряженіями и порывами, какъ крѣпко мы Его любимъ! Почаще будемъ провѣрять силу любви своей на Его Отеческой выѣ, которая—чѣмъ дальше, тѣмъ пусть чувствительнѣе и чувствительнѣе — ощущаетъ крѣпость и силу нашей любви, по мѣрѣ восхожденія нашего въ мѣру возраста совершенна и въ настоящую крѣпость силъ духовныхъ...

Господи! Дай почувствовать отвѣтъ Отеческій Твой и на слабенькую нашу любовь! Вѣдь она слаба отъ несовершенства нашего, а несовершенство—это тоже дѣтство. Дай только сдѣлаться и взрослымъ въ любви къ Тебѣ и горячности!

* * *

Мы часто думаемъ: чтѣ, если бы намъ увидѣтъ Христа Спасителя нашего? Какъ бы мы упали предъ Нимъ во прахъ, какъ бы залились слезами подъ Его милосерднымъ

взглядомъ, какъ бы обновились душою, перестали бы даже грѣшнить и вообще стали бы совсѣмъ иными!.. Напрасная мечта! Я думаю наоборотъ: насъ, какъ горбатовъ, одна лишь развѣ могила исправитъ. Вѣдь и теперь минуты благодатнаго восторга, изрѣдка переживаемыя каждымъ изъ насъ, исторгающія слезы умиленія и успокоенія—развѣ это не минуты поверженія ницъ предъ сладчайшимъ Спасителемъ у Его отеческихъ ногъ?—Совершенная правда, и это особенно надо сознавать духовно-развитымъ людямъ, могущимъ возвыситься далѣе потребности чувственныхъ видѣній. И однако, послѣ такихъ минутъ мы не всегда ли опять становимся сами собою, одѣваемся опять душою своею въ прежній, грязневѣкій, рваневѣкій будничный обликъ, до слѣдующей праздничной минутки, когда благодать Божія найдетъ возможнымъ еще и еще утѣшить насъ такою минуткою. Въ минуты наиболѣе благодатнаго спокойствія и умиленнаго настроенія, когда я живо чувствую душою, что это отвѣтъ Отца Небеснаго на мольбу о прощеніи грѣховъ и немощей моихъ, когда я живо улавливаю духовнымъ слухомъ кроткое, нѣжное: *«иди и впрѣдѣ не грѣши!..»*—я все-таки не нахожу и въ эту небесную минуту смѣлости обѣщать и поручиться, что въ слѣдующее явленіе душѣ моей Господа не будетъ нужды добавлять этихъ доводящихъ почти до отчаянія словъ: *«иди и впрѣдѣ не грѣши!..»* Нѣтъ, я только спѣшу тутъ же молить: Господи! я знаю, что все-таки буду грѣшнить, пока живъ, буду еще и еще огорчать Твое отеческое сердце! Такъ уже я неисправимъ, настолько слабъ и беспомощенъ! Молю Тебя объ одномъ: будь вѣренъ и Ты Себѣ Самому! Прощай мнѣ даже до 70×7 разъ (т.-е. безъ конца, безъ счету), и въ будущее явленіе Твое опять уследи мой слухъ этимъ единственно-отраднымъ добавленіемъ: *«иди и впрѣдѣ не грѣши!»*

Такъ, будемъ же трезвѣе смотрѣть на нашу невѣрность, нестойкость, непрочность! Но не будемъ приходить и въ отчаяніе отъ всего этого. На то и жизнь, чтобы

она состояла не только изъ измѣнъ и паденій, но и возстаній и горячихъ порывовъ къ исправленію.

* * *

Мы будемъ жить только *одинъ* разъ, и служить должны только *одному* господину—двухъ быть не можетъ. Смотри же, для кого ты живешь и кто твой господинъ? Если Господь, хорошо. А если нѣтъ? Кому ты предаешь этотъ драгоценный даръ Божій, Ему одному принадлежащій? Не посрами и не накажи самъ себя стыдомъ неблагодарности и вѣроломства—вѣчнымъ, неутолимымъ, неописуемо-ужаснымъ и болѣзненнымъ.

* * *

Идетъ за Господомъ вслѣдъ на гору Елеонскую и Пречистая Матерь Его: *«Той бо въ страсти Твоей матерски паче всѣхъ болѣзновавшей подобаше и славою плоти Твоея премноія насладитися радости»* (стих. ст. нед. Отцевъ). Почему вознесеніе отъ земли Господа было радостію для Божіей Матери? Потому, что это хотя и была по человѣчески говоря разлука,—однако, это было и торжественнѣйшее, очевиднѣйшее подтвержденіе всего, что было наиболѣе дорогого, завѣтнаго, таинственно-непостижимаго въ сердечной жизни Пречистой Матери Божіей. Она видѣла ясно, что тайна Ея Божественнаго Сына, отнынѣ увѣнчаваемая столь очевидною для всѣхъ славою, сдѣлалась не только *Ея* вѣрою и убѣжденіемъ, но и вѣрою и убѣжденіемъ *всѣхъ*. Она теперь особенно ясно поняла Своимъ человѣческимъ сердцемъ, на какую высоту вознесъ и Ее дорогой Ея Сынъ, и какъ не обмануло Ее—Ея сердце, вѣщавшее всѣми прошлыми воспоминаніями высокую истину Его Божественности.

* * *

Поразительна тупость и мелочность людей въ воспріятіи вещей Божественныхъ. Вотъ слѣпорожденный дивно исцѣленъ Господомъ. У безглазаго вдругъ явились глаза. Онъ сталъ поразительно скоро у всѣхъ на глазахъ видѣть свѣтлый міръ Божій... Казалось бы, нужно было всѣмъ пролить слезы умиленія, благодарности, страха и трепета къ Цѣлителю. А они — эти безумные свидѣтели столь славнаго чуда—судятъ да рядятъ, какъ Онъ смѣлъ это сдѣлать въ субботу? О, безуміе и ничтожество человѣческое!..

* * *

Господи! Прости мнѣ мое крайнее недостойнство, съ какимъ я дерзнулъ сегодня приблизиться къ Тебѣ, безъ должнаго мира и спокойствія въ душѣ! Ты—миръ и покой нашъ! Тебя я и искалъ, въ Тебѣ и нуждался своимъ немирствіемъ и непокоемъ, отъ которыхъ дивно исцѣляюсь всякій разъ, когда приступаю къ Тебѣ безъ разсужденій о своемъ достоинствѣ или недостойнствѣ, съ единой жаждой Твоего исцѣленія, освященія, наслажденія и успокоенія въ Тебѣ, всегда желанный и милосердый Господь и Богъ мой!

А. І.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОДВИГИ И УСИЛІЯ ВЪ ДОБРОДѢТЕЛИ¹⁾.

О вѣтшихъ чувствахъ.

Внушая намъ правильное употребленіе чувствъ, св. Григорій Богословъ пишетъ: *«Да не побѣдитъ тебя доброты похоть, ниже да восхитишися вѣждама (Притч. 6, 25), если можно, избѣгай даже и бѣглаго взгляда, помня Еву, сію сладкую приманку, драгоцѣнную отраву. Да не услаждается гортань твоя, въ которой бываетъ поглощено все, что даютъ ей, и многоцѣнное, прежде нежели оно принято, дѣлается ничего не стоящимъ по принятіи. Тебя изнѣжило обоняніе? бѣгай благовоній. Разслабило осязаніе? откажись отъ всего, что гладко и мягко. Убѣдиль слухъ? затвори двери всякой обольстительной и празднои бесѣды. Отвергай уста твои Слову Божію (Притч. 31, 81), чтобы привлечь Духа. Если обольщаетъ тебя что-нибудь запрещенное, вспомни, кто ты былъ, и отъ чего погибъ. Во всемъ да начальствуетъ разсудокъ, и лучшее въ тебѣ да не увлекается худшимъ».*

Св. Феодоръ Едесскій пишетъ: *«Постараемся достигнуть того, чтобы разумно управлять чувствами, особенно зрѣніемъ, слухомъ и языкомъ, поставляя себѣ закономъ ничего ни видѣть, ни слышать, ни говорить страстно, а все для пользы нашей душевной. Ибо ничто такъ ни поползновенно на грѣхъ, какъ эти органы, когда они не управляются разумомъ; и напротивъ—ничто паче ихъ не благопріятно дѣлу спасенія, когда ими правитъ разумъ, держитъ ихъ въ строжь и ведетъ, куда должно и куда хочетъ. Ибо когда они безчинствуютъ, тогда и обоняніе изнѣживается, и осязаніе съ неистовствомъ про-*

¹⁾ Продолженіе. См. февральскую кн. *Душепол. Чтенія* 1907 г.

стирается на недолжное, и безчинное множество страстей приходитъ; когда же они разумомъ держатся въ своемъ чинѣ, тогда повсюду въ насъ проявляются великій миръ и невозмутимая тишина».

О просвѣщеніи ума.

Въ умѣ христіанина прежде всего и паче всего должно быть истинное познаніе о Богѣ. Послѣ св. Писанія необходимо знать писанія св. отцевъ и учителей Церкви, заключающія въ себѣ высоту и глубину человѣческой мудрости, озаренной свѣтомъ Божественнымъ, и лучше всего могуція образовать христіанскую душу.

Св. Исидоръ Пелусіотъ пишетъ: «Се благочестіе есть премудрость и еже удалитися отъ зла есть вѣдѣніе (Іов. 28, 28). Дѣйствительно, высшая мудрость есть правое помышленіе о Богѣ, и божественнѣйшее вѣдѣніе — наилучшая дѣятельность. Первая философствуетъ посредствомъ догматовъ, а другое снискиваетъ похвалу дѣлами.

«И умъ и сердце свое подчини тѣмъ, которые, напередъ тебя, своею жизнію и подвигами, воздѣлали Божественный вертоградъ. Ибо смѣшно то, если мы, ища учителей въ наукахъ пустыхъ и искусствахъ механическихъ, переходимъ изъ мѣста въ мѣсто, а изученіе Божественной философіи, какъ чего-то низкаго и презрѣннаго, предоставляемъ однимъ себѣ».

Св. Василій Великій пишетъ: «Мы и въ другихъ писаніяхъ, не вовсе (отъ св. Писанія) далекихъ, упражняемъ на время духовное око»... Намъ предлежитъ подвигъ важнѣйшій — подвигъ, для котораго все должны сдѣлать, для приготовленія къ которому надобно трудиться по мѣрѣ силъ, бесѣдовать и съ стихотворцами, и съ историками, и съ ораторами, и со всякимъ человѣкомъ, отъ кого только можетъ быть какая-либо польза къ попеченію о душѣ... Ежели между ученіями есть какое взаимное сродство, то познаніе ихъ будетъ намъ кстати. Если же нѣтъ сего сродства, то изучать разность ученій сличая ихъ между

собою, не мало служить къ подтвержденію лучшаго ученія.—Конечно, собственное превосходство дерева—изобиловать зрѣлыми плодами; но оно носить на себѣ и нѣкоторое украшеніе—листья колеблющіяся на вѣтвяхъ: такъ и въ душѣ истина есть преимущественный плодъ, но не лишено пріятности и то, если душа облечена внѣшнею мудростію, какъ листьями, которыя служатъ покровомъ плоду и производять не непреличный видъ.

«Есть нѣкоторыя науки, которыми ополчаетъ насъ сама истина, чтобы спасительные догматы соблюлись неодолимыми; а есть также науки, изобрѣтенныя внѣшними и годныя для огражденія лжи и охраненія суетности. Ибо діалектика есть стѣна для догматовъ и не дозволяетъ расхищать и брать въ плѣнъ всякому, кто захочетъ».

«Не должно, замѣчаетъ св. Василій Великій о писателяхъ языческихъ, однажды на всегда предавъ симъ мужамъ кормило корабля, слѣдовать за ними, куда ни поведутъ; но, заимствуя у нихъ все, что есть полезнаго, надобно умѣть иное и отбросить.—Со всякимъ охраненіемъ надобно оберегать душу, чтобъ, находя удовольствіе въ словахъ, незамѣтно не принять чего-нибудь худого.—Поэтому вы должны изучать сіи сочиненія, во всемъ уподобляясь пчеламъ.—Стыдно, въ пищу отвергать вредное, а въ наукахъ, которыя питають нашу душу, не дѣлать никакого разбора, но, подобно весеннему ручью, увлекая за собою все встрѣчающееся, нагружать тѣмъ душу».

Св. Григорій Богословъ пишетъ: «Но со всѣмъ этимъ обращайся благоразумно; съ мудростію собирай отсюду полезное, съ разсудительностію избѣгай всего, что въ каждомъ писателѣ есть вреднаго, подражай работѣ мудрой пчелы, которая садится на всякой цвѣтокъ, но весьма умно беретъ съ cadaго только полезное. У ней наставницей сама природа; а у тебя есть разсудокъ. Обильно поживай, что можетъ доставить пользу; а если что приноситъ вредъ, замѣтивъ дурное, лети скорѣе прочь. Посему, что ни написано въ похвалу добродѣтели — у вос-

пѣвающихъ ее и напротивъ того охуждающихъ пороки, то изучай тщательно, затверживай мысль и красоту реченія; а что суесловили они о богахъ, того бойся, какъ силковъ и свѣтей. Когда же будешь читать то и другое, и смѣшныя сказанія о богахъ, и прекрасныя разсужденія: тогда презри боговъ сластолюбцевъ, уважь же разсужденія, и какъ бы съ одного растенія, обойди терны, сорви розы. Вотъ наилучшее для тебя правило, какъ читать языческія писанія!»

«Образовавшіе въ себѣ даръ слова, не слишкомъ полагайтесь на сей даръ, не мудрствуйте до излишества и паче разума, не желайте во всемъ, даже и со вредомъ, одерживать верхъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, только было бы полезно, уступайте надъ собою и побѣду. Принесите слово въ даръ Слову; обратите ученость въ оружіе оправданія, а не смерти.

«Одна слава была для меня пріятна, отличаться познаніями, какія собрали Востокъ и Западъ и краса Эллады-Аѳины; надъ симъ я трудился много и долгое время. Но всѣ сія познанія, повергнувъ долу, положилъ я къ стопамъ Христовымъ, чтобы они уступили Слову великаго Бога, которое затмѣваетъ собою всякое извѣтіе и многообразное слово ума человѣческаго».

«Подлинно»,—пишетъ св. Григорій Б., «всякій, имѣющій умъ, признаетъ первымъ для насъ благомъ ученость и не только сію благороднѣйшую ученость, которая, презирая всѣ украшенія и плодовитость рѣчи, емлется за единое спасеніе и за красоту умосозерцаемую, но и ученость внѣшнюю, которою многіе изъ христіанъ, по худому разумѣнію, гнушаются, какъ злохудожною, опасною и удаляющею отъ Бога. Напротивъ того, надобно признать глупыми и невѣждами тѣхъ, которые, держась такого мнѣнія, желали бы всѣхъ видѣть подобными себѣ, чтобы въ общемъ недостатѣ скрыть свой собственный недостатокъ и избѣжать обличенія въ невѣжество».

Объ удаленіи отъ грѣха и страстей.

Внушаютъ намъ св. отцы Церкви удаляться отъ грѣха и страстей.

Св. Григорій Богословъ пишетъ: «Ты Христова тварь, Христово дыханіе, Христова честная часть, а потому вмѣстѣ небесный и земной, приснопамятное твореніе—созданный богъ, чрезъ Христовы страданія шествующій въ нетлѣнную славу. Посему не угождай плоти, чтобы полюбить до излишества настоящую жизнь. Но старайся сооружать прекрасный храмъ; потому что человекъ есть храмъ великаго Бога. И тотъ сооружаетъ себя въ сей храмъ, кто отрѣшается отъ земли и непрестанно шествуетъ къ небу».

Св. Іоаннъ Златоустъ пишетъ: «Чрезъ Св. Духа Богъ совершилъ помазаніе и запечатлѣніе наше, содѣлавъ насъ вмѣстѣ и пророками, и священниками, и царями. Итакъ, узнавъ сіе и размысливъ о высококомъ достоинствѣ полученномъ нами въ крещеніи, покажемъ въ себѣ жизнь достойную сей благодати, дабы получить намъ и будущее царство. Поелику Духъ Святой оживотворяетъ насъ: то и сохранимъ сію жизнь, и не станемъ опять возвращаться къ прежней мертвости.

«Пророкъ давно уже предсказалъ о настоящемъ благодствѣ нашемъ, т.-е. о возрожденіи благодатию. Сипцева убо имуще обѣтованія, о возлюбленніи, т.-е. что мы сдѣлались храмами для Бога, сынами и дщерями Его, и Его имѣемъ Богомъ и Отцемъ своимъ, — очистимъ себе отъ всякія скверны плоти и духа,—не будемъ прикасаться нечистотѣ, и тому, что очерняетъ душу, творяще святую въ страсть Божіи».

«Скажи мнѣ, какая польза царю облечься въ багряницу опоясаться мечемъ, но не имѣть у себя ни одного подданнаго, а напротивъ подвергаться насмѣшкамъ и обидамъ всякаго, кто только захочетъ уязвить его? Такъ и

для христіанина нѣтъ никакой выгоды, имѣя вѣру и даръ крещенія, покорствовать всѣмъ страстямъ. Въ такомъ случаѣ и обида чувствительнѣе, и стыдъ несноснѣе. Какъ царь, облеченный въ діадиму и багряницу, не только такимъ нарядомъ ни мало не прибавляетъ себѣ чести, но даже стыдомъ своимъ безчеститъ самый нарядъ: такъ и вѣрующій, если ведетъ развратную жизнь, своею вѣрою не только не внушаетъ къ себѣ почтенія, но еще возбуждаетъ большой смѣхъ.

«Какъ наилучшій врачъ, (Господь) приготовляетъ многоцѣнные лѣкарства и Самъ первый вкушаетъ ихъ. И первое врачество, какъ нѣчто противодѣйствующее, Онъ далъ намъ баню (т.-е. крещеніе), которою мы освободились отъ всякаго зла, и все, что происходитъ и отъ любостыжанія, и отъ ярости, и всякое другое зло истребилось Духомъ. Отверзались очи, отверзся слухъ, языкъ началъ говорить хорошо, душа получила силу, тѣло получило красоту и цвѣтъ, какой прилично имѣть сыну Божию, рожденному отъ Духа благодати, — такую славу, какую прилично имѣть царскому сыну, рожденному и воспитанному въ порфирѣ. О, какое благородство Богъ даровалъ намъ, а мы остаемся неблагодарными къ возлюбившему насъ столь много! Мы Имъ рождены, воспитаны, облагодѣтельствованы: зачѣмъ же мы опять удаляемся отъ Благодѣтеля? Онъ даровалъ намъ оставленіе грѣховъ, а мы отвергли этотъ даръ; Онъ даровалъ намъ богатство, а мы растратили оное; даровалъ намъ крѣпость, а мы истощили ее; даровалъ намъ благодать, а мы погасили ее, расточили ее не на должное, употребили вовсе на бесполезное. И такъ возвратимся: доколѣ будемъ въ удаленіи отъ Него? Возчувствуемъ свое безчестіе, возчувствуемъ свою бѣдность; войдемъ опять въ самихъ себя, образуемся и возвратимся къ прежнему благородству».

Объ умъ и разумъ.

Разумъ и умъ возвышаютъ человѣка надъ безсловесными животными и надъ кругомъ всего земнаго и временнаго.

Святѣйшій Іоаннъ Златоустъ пишетъ: «Что значить глазъ для тѣла, то самое и умъ для души. Богъ даровалъ намъ его для того, дабы мы разсвѣвали мракъ невѣдѣнія, имѣли правильное понятіе о вещахъ, и, пользуясь имъ, какъ орудіемъ и свѣтомъ противъ всего скорбнаго и вреднаго, пребывали безопасны. Конечно, ты никогда бы не захотѣлъ носить золота, облекаться въ шелковыя одежды, и вмѣстѣ быть слѣпымъ, но здравіе очей предпочелъ бы всей таковой пышности; ибо если лишишься зрѣнія, то никакой не будетъ для тебя пріятности въ жизни. Но какъ при слѣпотѣ очей и прочіе члены, не пользуясь болѣе свѣтомъ, очень ослабѣвають въ своей дѣятельности: такъ равно и по растлѣніи ума жизнь твоя исполнится безчисленныхъ золъ. Посему какъ касательно тѣла мы наипаче заботимся о томъ, чтобы имѣть здоровое зрѣніе; такъ и касательно души преимущественно должны заботиться о здравіи ума. Если ослѣпимъ умъ, долженствующій доставлять свѣтъ и прочимъ способностямъ, то чѣмъ смотрѣть будемъ? Загради источникъ, изсушишь и рѣку; подобнымъ образомъ, кто помрачаетъ умъ, тотъ приводитъ въ беспорядокъ всѣ дѣйствія его въ настоящей жизни. Посему Спаситель и говоритъ: Аще свѣтъ иже въ тебѣ тьма есть, то тьма колыми (Мѡ. 6, 23). Когда кормчій содѣлается добычею волнъ, когда свѣтильникъ угаснетъ, когда вождь будетъ плѣненъ: тогда какая уже надежда останется для подчиненныхъ.

«Богъ превознесъ его (человѣка) предъ всѣмъ, даровавъ ему душу разумную, что служитъ величайшимъ знакомъ чести. Ибо посредствомъ разума онъ и города создалъ, и море рассѣкъ, и землю украсилъ, и безчисленныя искусства изобрѣлъ, и свирѣпыхъ звѣрей укротилъ, и, что всего важнѣе и—первое, Бога позналъ, Который сотворилъ его, и къ добродѣтели приведенъ, и позналъ, что добро и что не есть добро».

Ипполитъ.

ИЗЪ МОСКОВСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ СТАРИНЫ.

Праздники въ честь Владимірской чудотворной иконы Божіей Матери.

(21 мая, 23 іюня и 26 августа)

По «Чиновику» патриарха Филарета Никитича, 21 мая въ день Срѣтенія Владимірской иконы Божіей Матери къ вечернѣ и утрени благовѣстили въ «реуть», а звонили во всѣ колокола. Во время вечерни патриархъ облачался къ молебну, а вечерню начиналъ и совершалъ чередной священникъ съ діакономъ. Всенощнаго бдѣнія не бывало. На утрени патриархъ на величаніе не облачался, и аналогій среди церкви не поставлялся; кадилъ всю церковь чередной священникъ съ діакономъ. На девятой пѣсни производили благовѣсть въ колоколь «реуть»; послѣ утрени въ валовые. Въ этотъ праздникъ совершался крестный ходъ съ чудотворными большими иконами изъ Успенскаго собора въ Срѣтенскій монастырь.

Въ томъ же «Чиновикѣ» патриарха Филарета Никитича находится слѣдующее краткое сказаніе объ установленіи сего крестнаго хода. «Въ лѣто 7029 (1521), при державѣ Великаго Князя Василія Іоанновича, нечестивый царь крымскій Мадмегорей послалъ безчисленное воинство для разоренія рускія земли. Наступающу сему бѣдствію, нагоходець Василій, во едину ночь стоя у дверей великія церкви и моляся Богу со слезами, слышалъ шумъ велій внутри тоя церкви, и двери казахуся ему отверсты, чудо-

творный же образъ Владимірскаго Богородицы подвижеся съ мѣста своего. И слыша гласъ, яко образъ Богоматере хочетъ отъйти отъ града сего; съ симъ гласомъ церковь вся исполнися пламене, и образъ невидимъ бысть. Потомъ вскорѣ крымскій той царь внезапно поиде въ рускую землю со многими войски, вся пожигая, разоряя и побивая; достигъ и монастыря святаго Николая, иже на Угрѣшѣ, коего разграбивъ и сожегъ, мыслилъ и самый градъ Москву разорити до основанія. Егда же людіе покашася и надежду на Бога и Пречистую Богородицу положиша, тогда яви Богъ милость Свою: придоша бо вѣстницы, сказующе, яко татаровъ видѣша многія полки, стоящія около града Москвы, и многочисленное воинство, грядущее противу ихъ, убояшася и бѣжаша, никимъ же гоними. Тако избавися градъ Москва предстательствомъ Божіи Матере. Сего ради и уставися крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь, да не забвено будетъ въ вѣчныя роды.

Въ соборныхъ запискахъ о Богослуженіи въ этотъ день говорится, что къ вечернѣ и утрени благовѣсть производилъ въ старый Успенскій колоколь. Всенощнаго бдѣнія не бывало; патріархъ на утрени не облачался; на девятой пѣсни благовѣстили въ большой колоколь не много. Въ полчаса дня (по нашему въ половинѣ четвертаго часа утра) благовѣстили въ большой же не много, и потомъ въ воловы, когда выносили св. иконы изъ дворца, также и въ то время, когда съ крестами выходили изъ собора.

Въ чинѣ Успенскаго собора находимъ такой порядокъ. Вечерня бывала большая съ литією; въ полчаса дня (въ 3¼ утра) благовѣстили къ сбору; большіе крестъ и фонарь не носились. Изъ святыхъ иконъ носились: Петровская икона Божіей Матери, иконы: московскихъ чудотворцевъ, пророка Іліи, Варлаама Хутынскаго, запрестольная икона Божіей Матери, хрустальные кресты, два соборныхъ кадила, третье архіерейское, мисса и крестъ меньшіе.

Въ день Срѣтѣнія Владимірской иконы Божіей Матери. 23 іюня, какъ показано въ «Чиновиѣ» патріарха Филарета Никитича, къ вечернѣ и утрени благовѣстили въ «реуть» и звонили во всѣ колокола. Вечерню служилъ чередной священникъ съ діакономъ. Послѣ вечерни молебень отправлялъ патріархъ соборнѣ со властями; затѣмъ читалось повечеріе.

Къ утрени благовѣстили въ три часа (по нашему въ половинѣ шестаго утра). Патріархъ стоялъ на своемъ мѣстѣ; облаченія ему не бывало; кадиль чередной священникъ съ діакономъ. На девятой пѣсни производился обычный въ день крестнаго хода благовѣсть въ «реуть».

Часу въ четвертомъ дня (по нашему въ седьмомъ утра) совершался крестный ходъ со крестами и чудотворными иконами въ Срѣтенскій монастырь. Объ установленіи сего крестнаго хода въ томъ же «Чиновиѣ» патріарха Филарета Никитича повѣствуется, что въ 6988 (1480) году нечестивый царь большой Орды Ахметъ, желая завоевать рускую землю, пришелъ въ Воронежъ со множествомъ безчисленнаго своего войска. Услышавъ о семъ, Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ послалъ во Владимір за чудотворнымъ образомъ Пресвятыя Богородицы, а самъ пошелъ съ своими силами въ Коломну противъ нечестиваго царя Ахмета. Царь же, услышавъ, что Великій Князь стоитъ въ Коломнѣ, обошедши рязанскою землею и литовскою, пошелъ на Угру. Такъ же и Великій Князь, укрьпившись помощію Божіею, и благословеніемъ митрополита Геронтія, пошелъ противъ непріятели и сталъ на Кременцѣ, а сынъ его—на Угрѣ. Въ то время сама собою возжглась свѣча въ великой церкви Пресвятыя Богородицы; митрополитъ же Геронтій, отпѣвши молебень Пресвятой Богородицѣ, устроилъ вощаницу изъ той свѣчи и святую воду послалъ къ Великому Князю. Между тѣмъ какъ Великій Князь осаждалъ своего врага на одной сторонѣ рѣки Угры, Ахметъ стоялъ на другой сторонѣ той же рѣки. Но никто изъ нихъ выступать одинъ противъ

другаго не рѣшался. Съ наступленіемъ же зимы напалъ внезапно на Ахмета великій страхъ, — и побѣжалъ онъ отъ берега въ осьмой день ноября, похваляясь на слѣдующее лѣто завоевать державу Великаго Князя. Но не попустилъ Богъ исполниться такому его намѣренію.

Въ соборныхъ запискахъ замѣчено, что вечерня наканунѣ этого праздника бываетъ большая съ литією; все-нощнаго же бдѣнія не бываетъ; также не бываетъ и об-лаченія братіи на утрени. Къ вечернѣ и утрени благо-вѣсть и звонъ со старымъ Успенскимъ колоколомъ. На девятой пѣсни благовѣстили въ большой немного. Иногда бывалъ благовѣсть въ старый Успенскій колоколъ ко всѣмъ службамъ въ этотъ день. Крестный ходъ былъ въ Срѣтенскій монастырь. Въ прежнее время предъ этимъ крестнымъ ходомъ приносили въ соборъ изъ дворца большія Богородичныя иконы; но въ 1692 году патріархъ Адрианъ указалъ быть одному образу, что называется нерукотворенный, а Богородичный оставилъ. Въ этотъ крестный ходъ брали св. иконы и изъ Вознесенскаго мо-настыря, съ участіемъ монастырскаго духовенства. Въ Срѣтенскомъ монастырѣ въ этотъ праздникъ служили ли-тургію сами патріархи, а въ соборѣ служилъ архиманд-ритъ съ игуменомъ. И впоследствии этотъ праздникъ со-вершался также безъ все-нощнаго бдѣнія въ Успенскомъ соборѣ. Ко всѣмъ службамъ благовѣстили въ «реуть»; къ крестному ходу въ семь часовъ, къ литургіи въ восемь. Послѣ патріарховъ въ крестный ходъ ходилъ синодальный членъ, а въ соборѣ служилъ чередной священникъ. Весь чинъ крестнаго хода былъ совершенно одинаковъ съ чи-номъ хода въ праздникъ Казанской иконы Божіей Матери, 22 октября (что было изложено въ своемъ мѣстѣ).

26 августа въ праздникъ Срѣтенія Владимірской иконы Божіей Матери, по указанію «Чиновника» патріарха Фи-ларета Никитича, благовѣсть къ вечернѣ и утрени бы-

валъ въ новый большой колоколь, трезвонъ во всѣ. Вечерню и утреню служилъ чередной священникъ. По окончаніи вечерни патріархъ служилъ молебень Пресвятой Богородицѣ соборнѣ. На утрени патріархъ стоялъ на своемъ мѣстѣ и не облачался. На величаніи кадилъ чередной священникъ съ діакономъ. На девятой пѣсни благовѣстили для хода, а по окончаніи утрени звонили въ воловые колокола. Въ четыре часа дня (въ семь утра) начинался крестный ходъ съ крестами и чудотворными иконами въ Срѣтенскій монастырь по тому же чину, какъ и 23 іюня.

Основаніе къ установленію крестнаго хода въ «Чинovníкъ» патріарха Филарета Никитича изложено такъ. Августа въ 25 день 6903 (1395) года, въ седьмое лѣто княженія Великаго Князя Василя Димитріевича Московскаго, нѣкій царь Темираксакъ, восхотѣвъ плѣнить христіанство, пришелъ въ землю рязанскую и оттуда вознамѣрился идти на Москву и всѣхъ христіанъ предать мечу. Услыхавъ сіе, Великій Князь Василій Димитріевичъ собралъ множество войска, пошелъ на Коломну и сталъ на берегу рѣки Оки; а оттуда послалъ на Москву къ митрополиту Кипріану, чтобы онъ приказалъ принести изъ города Владиміра чудотворную икону Пресвятыя Богородицы, называемую Владимірскою, которую, какъ говорятъ, написалъ святой евангелистъ Лука. Митрополитъ тѣмъ же временемъ заповѣдалъ постъ и покаяніе. Протопопъ Владимірскій съ пресвитерами, на праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы, взявши честную икону, понесъ въ городъ Москву. Митрополитъ Кипріанъ, вышедши далеко за городъ Москву, встрѣтилъ ее со всѣмъ освященнымъ соборомъ и принесъ въ соборную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы. Тогда Пречистая Богородица показала великое чудо. Ибо въ тотъ день, въ который принесена была чудотворная икона въ городъ Москву, Темираксаку, когда онъ спалъ, привидѣлся страшный сонъ: видѣлъ онъ какъ бы высокую гору и изъ горы идущихъ святителей, имѣв-

шихъ золотые жезлы въ своихъ рукахъ и весьма угрожавшихъ ему; и затѣмъ видѣлъ надъ святителями внезапно на воздухѣ жену въ багряныхъ ризахъ со множествомъ воинства, страшно угрожавшую ему. Проснувшись въ смятеніи и страхѣ, онъ сперва не могъ разсказать о случившемся, и едва придя въ себя, пересказалъ все своимъ воеводамъ и вскорѣ повелѣлъ все войско возвратити назадъ и обратился въ бѣгство, гонимый Божиимъ гнѣвомъ. Великій же Князь, возвратившись въ Москву, сдѣлалъ совѣтъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ встрѣчена была святая икона, повелѣлъ поставить церковь во имя Пресвятыя Богородицы, честнаго Ея Срѣтенія, и монастырь составить на воспоминаніе и славу бывшаго преславнаго чуда, да незабвено будетъ въ роды родовъ. И отъ того установлено было праздновать праздникъ 26 августа и, неся въ крестномъ ходѣ самую ту икону, совершать молебствіе:

Въ соборныхъ запискахъ показано праздновать Срѣтенію Пресвятыя Богородицы безъ всеобщаго бдѣнія. Благословѣсть и звонъ производили со старымъ Успенскимъ колоколомъ. На девятой пѣсни благословили въ Успенскій же. И поутру рано въ четверть часа дня звонили въ него же немного, а потомъ въ воловые для хода. А какъ выходили изъ собора, звонъ былъ съ воловыми. Когда же патріархъ встрѣчалъ Государя съ иконами, звонъ бывалъ безъ воловыхъ. Въ монастырь патріархи сами ходили и по бѣлому городу архіереевъ посылали.

Въ этотъ крестный ходъ носили: Владимірскій образъ Пресвятыя Богородицы и Петровскій, который носили и по бѣлому городу, крестъ и фонарь большой; изъ Архангельскаго собора брали запрестольный образъ Пресвятыя Богородицы и крестъ запрестольный, Евангеліе и миссу съ крестомъ, кропиломъ и кунганомъ; брали еще Евангеліе и крестъ большой золотой, четыре ослопныхъ свѣчи, четыре кадила, четыре рипиды, два часослова. Тѣмъ иконамъ, которыя приносились обратно въ соборъ прежде другихъ, звонили особо.

И въ послѣдующее время, по упраздненіи патриаршества, этотъ праздникъ отправлялся всегда безъ всеобщаго бдѣнія. Крестный ходъ совершался по примѣру хода 23 іюня. Но по бѣлому городу хожденія уже не было.

Праздникъ въ день святителя Іоны, митрополита Московскаго.

День святителя Іоны, митрополита Московскаго, 15 іюня, по соборнымъ запискамъ, всегда праздновался со всеобщимъ бдѣніемъ. Послѣ малой вечерни служили молебень Пресвятой Богородицѣ у раки святыхъ мощей святителя Іоны; при семь на аналогій полагали Петровскій образъ Божіей Матери.

Ко всеобщему бдѣнію благовѣстили въ Успенскій колоколь, а къ литургіи въ новый большой; звонъ производился со всѣми колоколами. На величаніе облачался патриархъ; для цѣлованія святыхъ мощей приходили къ ракъ святителя, гдѣ патриархъ самъ помазывалъ елеемъ. Литургію служилъ также патриархъ.

Впослѣдствіи, послѣ патриарховъ, ко всеобщему и литургіи благовѣстили въ «реуть»; всеобщее бдѣніе совершалъ чередной священникъ; на литію и величаніе выходилъ протоіерей съ братією; онъ же и елеемъ помазывалъ у раки святителя. Литургію служилъ чередной архіерей по росписанію.

Праздникъ въ честь первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла.

По «Чиновику» патриарха Филарета Никитича въ праздникъ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла 29 іюня вечеромъ и утромъ къ Богослуженію благовѣстили въ «реуть», а трезвонили во всѣ. Звонили тогда, когда Государь шелъ къ празднику въ соборъ, гдѣ онъ и слушалъ вечерню въ придѣлѣ. Патриархъ стоялъ въ соборѣ на своемъ мѣстѣ. Вечерню начиналъ чередной священникъ

съ діакономъ. На литію облачались власти и соборные священники, а патріархъ входилъ въ алтарь и облачался къ молебну, который пѣли Похвалъ Пресвятыя Богородицы и Апостоламъ. Къ утрени благовѣстили въ три часа (по нашему въ половинѣ шестаго утра). Патріарху и властямъ облаченія не бывало. На величаніи кадиль чередной священникъ съ діакономъ. Литургію служилъ патріархъ.

При другихъ патріархахъ, послѣ Филарета Никитича, къ малой вечернѣ благовѣстили во вседневный и звонили въ два колокола. Молебенъ послѣ малой вечерни патріархъ со властями отправлялъ въ соборѣ, а не въ придѣлѣ. Въ соборныхъ запискахъ за 1687 годъ написано: молебенъ пѣли: *Воду проседъ* и святѣйшій молитву говорилъ предъ образомъ Влахернскимъ Божіей Матери. Къ молебну приходили Государи Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ. Ко всеобщему бдѣнію благовѣстили въ большой колоколь. Патріархъ на величаніе облачался, а образъ Апостоловъ приносили отъ патріарха, греческаго письма. Цѣлованіе было на хвалитѣхъ, а елеемъ патріархъ не помазывалъ.

Въ придѣлѣ начинали служить всеобщее бдѣніе, когда въ соборѣ читали первую кѣнѣизму, а потомъ стали служить вмѣстѣ, какъ и въ соборѣ, и наконецъ всеобщее бдѣніе въ придѣлѣ отправляемо было до соборной всеобщей, причемъ въ служеніи были архіереи, а потомъ архимандриты съ игуменами.

Въ 1688 году патріархъ Іоакимъ указалъ священнику всеобщее бдѣніе служить послѣ малой вечерни. Литургію служили равную архіереи или архимандриты.

При патріархахъ благовѣсть къ литургіи бывалъ въ три часа (по нашему въ половинѣ шестаго) въ три съ половиною (въ шесть часовъ) и въ четыре (въ шесть съ половиною). Служилъ патріархъ со властями.

Впослѣдствіи ко всеобщему бдѣнію благовѣстили въ большой колоколь въ семь часовъ по полудни. У всеобщей былъ архіерей съ двумя архимандритами. На хвали-

тѣхъ было цѣлованіе праздничнаго образа, который брали изъ Синодальной церкви двѣнадцати апостоловъ. Священникъ съ діакономъ отправлялъ въ Петропавловскомъ придѣлѣ всенощное бдѣніе до благовѣста къ той же службѣ въ соборѣ и служилъ въ придѣлѣ раннюю литургію. Позднюю же литургію всегда служилъ Синодальный членъ съ архимандритами по росписанію. Послѣ литургіи совершался молебень святымъ первоверховнымъ Апостоламъ. Въ канонѣ запѣвали: «святіи апостоли Петре и Павле, молитѣ Бога о насъ». Въ совершеніи молебна участвовали всѣ находившіеся въ Москвѣ архіереи, архимандриты, игумены и протопопы.

Протопресвитеръ Владиміръ Марковъ.

ПИСЬМА

ОПТИНСКАГО СТАРЦА ІЕРОСХИМОНАХА ОТЦА АМВРОСІЯ.

24 апрѣля 1862 г.

Христось воскресе!

Братъ о Господѣ Д.

На письмо твое отъ 17-го апрѣля отвѣчаю тебѣ вкратцѣ. Касательно желанія твоего выходить въ отставку, я совсѣмъ тебѣ не отказываю, но, кажется, лучше повременить и хорошенько обсудить обстоятельства. Если ты теперь уволишься отъ службы, то надо будетъ тебѣ приписаться къ податному состоянію, изъ котораго опять долженъ будешь искать увольненія для дѣйствительнаго опредѣленія въ монастырь. Не лучше ли тебѣ дослужить до 12 лѣтъ унтеръ-офицеромъ? Тогда при оставкѣ сохранишь военное званіе и будешь человекъ свободный; и тебѣ можно будетъ жить въ какомъ монастырѣ хочешь и сколько хочешь, не приписываясь никуда въ податное состояніе прежде.

Увѣдомь, сколько лѣтъ ты уже унтеръ-офицеромъ; также и о томъ, какого роду могутъ дать тебѣ отставку.

«Лѣствицы» русскаго перевода подожди. Вновь печатается.

Повторяю, что я не возбраняю, но о податномъ состояніи и о войнѣ самъ подумай.

Многогр. І. Амвросій.

30 ноября 63 г.

Братъ о Христѣ Д.

Еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ получилъ отъ тебя письмо и нѣсколько разъ собирался отвѣчать тебѣ, но не могъ, сперва — по недосугу, а потомъ по болѣзни. Вотъ уже почти съ мѣсяцъ, какъ я не только не выхожу изъ келліи, но и почти не схожу съ постели.

Пишешь, что и ты былъ боленъ, такъ что не надѣлся даже остаться въ живыхъ или же думалъ, что будешь колѣкою; но Господь послалъ тебѣ благодѣтелей, которые принимали участіе въ твоей болѣзни, и даровалъ тебѣ и здравіе ногъ и жизнь. Слава и благодареніе премилосердому Богу, наказующему насъ и паки милующему. Тяжкія же страданія, которыя ты перенесъ во время болѣзни, прими какъ епитимію за грѣхи свои. Помни: разбойникъ на крестѣ отъ Самаго Господа слышалъ: днесь со Мною будешь въ рай,—а однако и послѣ этихъ словъ ему перебили голени, и послѣ обѣщанія ему вѣчнаго блаженства долженъ былъ пострадать нѣчто, чтобы не туне получить оное. Помни и то, что благодушное терпѣніе посылаемыхъ Господомъ болѣзней и скорбей выше самоизвольныхъ подвиговъ.

Миръ тебѣ и пребыванію твоему.

Многогр. *І. Аверосій.*

Почтенный о Господѣ братъ Д.

Письмо твое получилъ. Описаннымъ тобою немощамъ душевнымъ и тѣлеснымъ подвергся ты потому, что по неопытности употреблялъ не тотъ образъ молитвы, возносясь умомъ къ Престолу Святыя Троицы и созерцая непостижимое Божество, по человѣческому представленію во образъ и подобіязъ; отъ чего, по слову святаго Григорія Синаита и Симеона Новаго Богослова, неопытные впадаютъ въ прелесть. Образъ молитвы, съ видѣніемъ и

возношеніемъ ума на небо, могутъ употреблять только безстрастные, долгимъ временемъ и подвигомъ, паче же смиреніемъ и помощью Божіею, очистившіе себя отъ грѣмъси страстей; а для новоначальныхъ и немощныхъ это весьма опасно и доводитъ до прелести вражіей, при которой подвергаются неподобнымъ немощамъ и увлеченіямъ, какъ объясняетъ это святой Апостоль: «понеже не восхотѣша имѣти Бога въ разумѣ, сего ради предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ творити неподобная».

Видѣнія, бывшія тебѣ и представлявшіяся, не истинны, какъ-то: видѣніе воскресшаго Господа, видѣніе Божіей Матери и другое прочее подобное. Впередъ не вѣрь ни снамъ, ни видѣніямъ. Все это опасно и обольстительно и не увѣнчивается добрымъ концемъ. Самые плоды настоящей твоей жизни могутъ служить тебѣ яснымъ доказательствомъ, что ты былъ обманутъ и увлеченъ самолюбіемъ отъ бывшихъ представлений и мнимой чистоты, и свѣтлости ума, и случавшимися слезами, и умиленіемъ. Все это питало въ тебѣ тайное и тонкое киченіе, и обольщеніе вражіе, отъ которыхъ произошли потомъ горькіе плоды. Впрочемъ отчаяваться не должно. Нѣсть грѣхъ побѣждающъ челоувѣколюбіе Божіе. Силенъ Господь поправитъ твои душевныя обстоятельства, если понудишься положить новое начало съ истиннымъ покаеніемъ и искреннимъ смиреніемъ. Превжній образъ молитвы оставь и не дерзай восходить умомъ на небо и представлять непостижимое Божество во образѣ. Благоговѣнно поклоняйся на иконѣ образу Святыя Троицы, но не представляй умомъ Божество въ такомъ видѣ. Это опасно, по ученію святыхъ отцевъ Григорія Синаита и другихъ. По краткости теперь нѣтъ возможности распространяться о семъ. Если хочешь поправить испорченное дѣло, то подражай въ молитвѣ мытарю, о которомъ Самъ Господь говоритъ, что онъ не смѣлъ и очей тѣлесныхъ возвести къ небу, а объ умѣ и говорить нечего; т. е. никакъ не дерзалъ умомъ восходить на небо, а стоялъ предъ Богомъ со страхомъ и смире-

ніемъ, какъ зримый свыше отъ Господа, и прося помилованія: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику; и не дерзая спорить съ фарисеемъ, который явно уничижалъ его. Вотъ образъ покаянія и возвращенія на правый путь для всѣхъ согрѣшившихъ. И ты ни съ кѣмъ не спорь и никого не учи, а только внимай своему покаянію и исправленію собственной жизни, во страхъ Божию со смиреніемъ и самоукореніемъ, не оправдываясь и не отвергая укоризны со стороны, коими паче никого не судя и не осуждая.

Многогр. *І. Амеросій.*

8 января 1863 г.

Братъ о Господѣ Д.

На письмо твое отъ 21-го декабря минувшаго года пишу вратцѣ, по немощи и недосугу. Книги: Пр. Варсауфія, Аввы Дорофея, Восторгнутые классы, Лѣствица, два акаѣиста: Успенію и св. Никол. Чуд. и три сочиненія противъ раскольниковъ—посланы съ оказіею въ Москву, къ г-жѣ Н. П. К. съ просьбою хранить ихъ у себя до востребованія о. Павла Ивановича Кроткова. Изъ слѣдующихъ за книги денегъ 9 р. 50 к. с. полтора рубля возьми себѣ на чай, а остальные 8 руб. перешли по почтѣ на мое имя, потому что нашъ книгопродавецъ отлучился изъ обители. Жительствуетъ г-жа К. на Остоженкѣ, въ домѣ Г. Ч.

Благодарю тебя за поздравленіе меня съ прошедшимъ праздникомъ Рождества Христова и желаю тебѣ наступившій новый годъ провести въ обновленіи духа, мирѣ, здравіи и всякомъ благополучіи.

Смиреніе потребно намъ.

Многогр. *І. Амеросій.*

29 сентября 1871 г.

Достопочтенный о Господѣ Д.

Послѣ девятилѣтней, съ 1862 г. неизвѣстности о тебѣ, пріятно мнѣ было получить письмо твое отъ 22-го авг.

Благодарю тебя за увѣдомленіе о себѣ, и очень радъ, что ты провелъ эти годы благополучно и доволенъ настоящимъ своимъ положеніемъ. Посылаю тебѣ для душевнаго твоего назиданія маленькихъ книжекъ нашего изданія и сердечно желаю тебѣ въ чтеніи ихъ обрѣсти себѣ пользу и утѣшеніе.

Пишешь, что желалъ бы выписать себѣ «Письма Георгія Затворника Задонскаго», и спрашиваешь меня, будетъ ли тебѣ эта книга полезна. Въмѣсто этихъ книгъ я совѣтовалъ бы тебѣ выписать изъ Москвы сочиненія Святителя Тихона Задонскаго: «Сокровище духовное, отъ міра собираемое» и прочія. Я нахожу, что по твоему устройенію эти книги были бы для тебя полезнѣе. Въ письмѣ своемъ упоминаешь о душевныхъ своихъ немощахъ, что увлекаешься осужденіемъ ближнихъ, взыскательностію, раздражительностію и т. д. Отъ сихъ немощей и отъ всего душевреднаго ограждайся страхомъ Божиимъ и, призывая помощь Божию, понуждайся къ храненію совѣсти и къ соблюденію животворныхъ евангельскихъ заповѣдей Господнихъ.

Призывая на тебя и на жену твою и дѣтей миръ и благословеніе Божіе, остаюсь съ искреннимъ благожеланіемъ.

Многогр. *И. Амвросій.*

Въ 1868 г. я былъ опасно боленъ, при смерти, но Господь помиловалъ. Съ тѣхъ поръ болѣзнь моя повторилась нѣсколько разъ, хоть и не въ такой силѣ, какъ тогда. И въ прошедшемъ августѣ я былъ опять очень боленъ. Теперь, слава Богу, мнѣ лучше; но противъ прежняго я много ослабѣлъ и болѣе утомляюсь отъ обычныхъ своихъ занятій.

12 ноября 1872 г.

Достопочтеннѣйшій о Господѣ Д. Т.

Два письма твоихъ, послѣднее отъ 20-го октября, получилъ, но по немощи и крайнему недосугу не могъ отвѣчать на оныя въ скоромъ времени. Да и теперь пишу тебѣ вратцѣ.

Описываешь свои немощи и преткновенія и просишь въ нихъ прощенія и разрѣшенія. Господь да проститъ тебя во всемъ прошедшемъ и впредь да укрѣпитъ на все доброе, душеполезное и спасительное. Не унывай, а старайся по силѣ и возможности уклоняться отъ зла и творить благое, возлагая все свое упованіе на всемогущую помощь и заступленіе Божіе.

Желаешь, чтобы хотя одна изъ четырехъ дочерей твоихъ, или даже и всѣ пошли въ монастырь, такъ какъ не имѣешь средствъ дать имъ воспитаніе, да и жизнь въ мірѣ многобѣдная.

Положись въ этомъ на волю Божію. Если будетъ угодно Господу, чтобы какая-либо дочь твоя пошла въ монастырь, то и будетъ по твоему желанію. А если и ни одна изъ нихъ не пойдетъ, то будь покоенъ, Господь попечется о нихъ, и пошлетъ имъ пропитаніе и успокоеніе, сколько для нихъ будетъ нужно по Его святой волѣ.

Пишешь, что берешь у о. *Антонія* для чтенія душеполезныя книги. Это доброе дѣло. Почитывай и впредь оныя.

Испрашивая на тебя и на супругу твою и на дѣтей твоихъ миръ и благословеніе Божіе, остаюсь съ искреннимъ благожеланіемъ.

Многогр. *І. Амеросій.*

Собщилъ Начальникъ Оптинскаго Скита
о. Геромонахъ Исидръ.

УРОКИ ХРИСТИАНСКАГО ДѢЛАНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПАТЕРИКА ПЕЧЕРСКАГО.

(Къ 3-му мая—дню памяти преподобнаго отца нашего Θεодосія, игумена Печерскаго).

«Ревность о богоугожденіи».

Не нашему слабому перу и не въ нашихъ задачахъ подробно излагать житіе преподобнаго отца нашего Θεодосія, игумена Печерскаго, житіе, блистающее многими свѣтлыми лучами и достоподражательными чертами, изъ коихъ изберемъ нѣчто и поучимся... *Ничто*, ибо кто изъ насъ грѣшныхъ возможетъ въ полной мѣрѣ подражать обилію добродѣтелей великаго мужа? Хорошо, если хоть въ чемъ-нибудь положимъ себѣ за правило—слѣдовать по стопамъ святаго, и въ семъ да поможетъ намъ самъ воспоминаемый нынѣ угодникъ Божій, преподобный Θεодосій! Видимъ изъ житія сего блаженнаго мужа, что онъ отъ юности возлюбилъ Христа и Тому Единому пламениѣ поработалъ во вся дни живота своего. Еще въ отроческіе годы, желаніемъ небесныхъ красотъ воспаленный, онъ стремился вся красная міра сего оставить, но въ исполненіи этого своего желанія встрѣтилъ сильное препятствіе въ лицѣ матери-вдовы, которая очень любила сына своего и никакъ не могла примириться съ мыслью — отдать его на служеніе Богу... Много на пути семъ пришлось преподобному претерпѣть скорбей отъ родительницы, которая не только словами убѣжденія, но и строгими нака-

заняла старалась удержать сына отъ исполненія пла-
 меннѣйшаго желанія сердца его... Но рабъ Божій, не-
 смотря на всѣ прещенія матери, все болѣе и болѣе утвер-
 ждался въ мысли оставить міръ. Особенно утвердили его
 въ семь намѣреній евангельскія слова Господни: *уже лю-
 битъ отца, или мать паче Мене, нѣсть Мене достоинъ*
 (Матѳ. 10, 37), и еще: *мати Моя и братія Моя сіи суть,
 слышащии слово Божіе, и творящии е* (Лук. 8, 21), и за-
 тѣмъ еще: *прійдите ко Мнѣ вси труждающіися и обре-
 мененніи, и Азъ упокою вы; возмите што Мое на себе, и
 научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ,
 и обрящете покой душамъ вашимъ* (Матѳ. 11, 28. 29).
 Благодатнымъ дѣйствіемъ сихъ глаголовъ Божіихъ вооду-
 шевленный, богодуховенный Θεодосій еще пламенноѣ вос-
 пылалъ ревностью къ Богу и только и думалъ объ одномъ,
 какъ бы тайно отъ матери постричься во святой иноче-
 скій образъ. По смотрѣнію Божію, случилось матери его
 отлучиться на продолжительное время изъ мѣста постоян-
 наго жительства, г. Курска. Будущій подвижникъ Печер-
 скій возрадовался сему и, помолясь Богу, тайно оставилъ
 домъ свой, имѣя съ собой только одежду на тѣлѣ и не-
 много хлѣба. И устремился въ Кіевъ, такъ какъ слышалъ
 о подвижающихся тамъ инокахъ... Обойдя всѣ тамошніе
 монастыри, пришелъ наконецъ въ пещеру къ преподоб-
 ному Антонію, гдѣ вскорѣ, съ благословенія первоначаль-
 ника Печерскаго, отъ руки блаженнаго Никона пріялъ
 иноческое постриженіе... И съ отытіемъ власовъ началъ
 усердно подвизаться, воздержаніемъ и постомъ смиряя
 душу, бдѣніемъ же и руководѣніемъ утруждая тѣло, такъ
 что и преподобный Антоній, и блаженный Никонъ удивля-
 лись толикому его, несмотря на юность, благонравію, сми-
 ренію, покорности, бодрости и крѣпости въ подвигѣ. Че-
 тыре года искала его мать и наконецъ обрѣла въ Кіевѣ...
 Слезно умоляла сына возвратиться къ ней и не отлу-
 чаться въ монастырь до конца дней ея... Но сынъ иннокъ
 не внялъ сему, а напротивъ, предлагалъ и родительницѣ

постричься въ одномъ изъ Кіевскихъ женскихъ монастырей, и усердно молился о спасеніи матери и объ обращеніи сердца ея... Богъ услышалъ молитву угодника Своего, смягчилъ сердце матери и расположилъ ее къ воспріятію иноческаго образа... Такимъ образомъ, отъ юности стремившійся ко Христу подвижникъ Божій не только самъ достигъ исполненія того, чего такъ сильно желалъ, но и мать свою обратилъ на тотъ путь, отъ котораго она сына всячески хотѣла отворотить... Дивны дѣла Божіи! Дивно житіе преподобнаго Θεодосія, показующее чудный примѣръ того, какъ пламенная ревность о богоугожденіи, не взирая на всѣ препятствія и прещенія, приводитъ къ дѣятельной жизни о Христв! *«Огня приидохъ во-срещи на землю, говоритъ Спаситель, и какъ желалъ бы Я, чтобы онъ возгорѣлся (Лук. 12, 49).* Это говоритъ Онь о христіанской жизни, и говоритъ потому, что видимое ея свидѣтельство составляетъ возжигаемая въ сердцѣ Духомъ Божіимъ ревность о богоугожденіи, похожая на огонь; ибо какъ огонь снѣдаетъ то вещество, въ которомъ внѣдряется, такъ и ревность о жизни по Христв снѣдаетъ душу, которая воспріяла ее. И какъ во время пожара пламя охватываетъ все зданіе; такъ и воспріятый огонь ревности объемлетъ и наполняетъ все существо человѣка. Когда начинается сей жаръ ревности, тогда полагается начало христіанской жизни; и въ комъ онъ постоянно дѣйствуетъ, тотъ живетъ по христіански ¹⁾. Вѣрное свидѣтельство о жизни христіанской есть огонь дѣятельной ревности о богоугожденіи. Жизнь божественная пробуждается, когда проникаетъ въ сердце Духъ Божій и полагаетъ тамъ начало жизни по духу, очищаетъ и собираетъ во едино омраченныя и разбитыя черты образа. Пробуждается желаніе и свободное исканіе (дѣятвіемъ извнѣ), потомъ нисходитъ благодать (черезъ таинства) и, сочетавшись съ свободою, рождаетъ мощную

¹⁾ Еп. Теофанъ. Путь ко спасенію. М. 1879 г., стр. 10.

ревность. И никто не думай самъ собою родить такую силу жизни: объ ней должно молиться и быть готовымъ пріять ее¹⁾. Но какъ *ина слава солнцу, и ина слава мунь, и ина слава звѣздамъ: звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славу* (1 Кор. 15, 41), — такъ и жизнь христіанская многоразлична, въ зависимости отъ рода дѣятельности, семейнаго положенія и многихъ другихъ обстоятельствъ: что, напримѣръ, подъ силу иноку или вообще отрѣшившемуся отъ сладостей мірскихъ, то непримѣнимо въ полной мѣрѣ къ человѣку, обремененному семьей и т. п.; но при всемъ разнообразіи житейской обстановки, на всѣхъ степеняхъ христіанскаго дѣланія, необходима ревность о богоугожденіи, ибо «безъ ревности христіанинъ плохой христіанинъ, — вялый, разслабленный, безжизненный, ни тепель, ни хладень, — и жизнь такая не жизнь»²⁾. Вотъ въ этомъ-то вся суть. Самое опасное состояніе — если человѣкъ ни тепель, ни хладень... Легче обращеніе къ Господу совершенно невѣрующаго, нежели равнодушнаго. Вспомнимъ св. апостола Павла, который изъ усерднѣйшаго гонителя ученія Христова обратился въ ревностнѣйшаго проповѣдника христіанства... Главное — *неослабное* поддержаніе въ себѣ духа ревности о богоугожденіи, иными словами, необходимо стяжать николиже престающее горѣніе духа, пламенное воодушевленіе и непрестанное стремленіе къ Богу. Сими всѣми качествами отъ юныхъ дней обладалъ преподобный Феодосій и не зарылъ данный ему отъ Бога талантъ, но съ годами постоянно восходя отъ силы въ силу, все болѣе и болѣе стремился приблизиться къ Тому, Кто изрекъ: *аще кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдуетъ* (Іоан. 12, 26). И намъ всѣмъ надлежитъ быть, по мѣрѣ силъ и возможности, подражателями Преподобнаго, а если не имѣемъ еще въ себѣ достаточной ревности о богоугожденіи, если недостаточнѣ

¹⁾ Тамъ же, стр. 13, 14.

²⁾ Тамъ же, стр. 13.

еще тверды въ вѣрѣ, то необходимо о семъ усердно молиться Господу: *вѣрую, Господи, помози моему невѣрію* (Марк. 9, 24)! Но если нѣтъ совсѣмъ въ комъ духа ревности о Господѣ? Какъ тогда быть? Сами такіе люди своимъ состояніемъ не тяготятся и въ своемъ равнодушіи не замѣчаютъ опасности, ихъ ожидающей... О такихъ, любви ради христіанской, надобно усердно молиться, да смягчитъ Господь окамененныя сердца ихъ, да просвѣтитъ, да согрѣетъ ихъ огнемъ благодати... И лишь кого коснется Божественная искра, необходимо усилить молитвы, да возгрѣется въ немъ ревность о Господѣ и да обратится сія ревность въ горѣніе духа, или нелѣнное тщаніе — сіе неотъемлемое свойство христіанской жизни! Вспомнимъ преподобнаго Феодосія, который искру благодати, путемъ непрестаннаго упражненія въ подвигахъ благочестія, обратилъ въ пламень огненный, и помолимся угоднику Божію, да научитъ и насъ не ослабѣвать въ ревности о богоугожденіи! Возьмемъ себѣ за правило слова апостола Павла, который о себѣ сказалъ: *братіе, азъ себе неупомышляю достигша: едино же, задняя убо забывая, въ предняя же простираяся, со усердіемъ гоню, къ почести вышняго званія Божія о Христвъ Исусъ* (Филип. 3, 13. 14). Проникнемся сими апостольскими словами, и если тако тецемъ, то постигнемъ (1 Кор. 9, 24)!

А. Зеландъ.

Замѣчательный типъ діаконства, въ связи съ вопросомъ о призрѣніи бѣднаго духовенства и воспитаніи духовнаго юношества въ прежнее время.

Діаконъ Георгій Евстаѳіевичъ Солнцевъ.

6-го числа мѣсяца февраля 1907 года умеръ діаконъ Воскресенской города Рославля церкви, Георгій Евстаѳіевичъ Солнцевъ, на 86 году своей жизни. По поводу этого позволяемъ себѣ высказать нѣсколько словъ касательно житія-бытія почившаго о. діакона и касательно священнослуженія его въ теченіе почти полвѣка при одномъ и томъ же храмѣ.

Прежде всего, можно неложно сказать, что почившій о. діаконъ былъ глубоко вѣрующій человекъ, благочестивый христіанинъ и добрый семьянинъ. Съ подрукою жизни своей богобоязненною Анною Іустиновною онъ постоянно жилъ въ любви и согласіи. Не судилъ Богъ имъ имѣть своихъ дѣтей, а вмѣсто нихъ послалъ имъ дѣтей при-свѣныхъ имъ вдовъ и сиротъ, которыхъ они любили, какъ своихъ дѣтей, и о коихъ съ усердіемъ заботились въ теченіе всей своей жизни. И не только по отношенію къ близкимъ роднымъ своимъ, но и по отношенію къ дальнимъ родственникамъ, и даже чужимъ вдовамъ и сиротамъ, они старались выражать любовь свою и прости-рять заботу свою объ нихъ, предоставляя имъ приютъ и пропитаніе въ своемъ домѣ и оказывая призрѣніе имъ въ такой же мѣрѣ, какъ и близкимъ роднымъ своимъ. Въ

виду этого, почившаго достойно и праведно можно наименовать сиротовоспитателемъ и вдовопопечителемъ, подобнымъ святому пресвитеру Зотику сиротокормителю; сердобольную же супружницу его и благочестивую сестру ея Наталію Іустиновну можно поистинѣ назвать діакониссами ¹⁾; а домъ ихъ можно назвать домомъ призрѣнія нуждающейся братіи или богадѣльнею и пріютомъ въ своемъ родѣ.

Такого рода благотворительности почившій о. діаконъ научился отъ благочестивыхъ духовныхъ собратій своихъ прежняго времени, когда существовалъ въ средѣ духовенства такой порядокъ, что каждому поступавшему на мѣсто священнослужителя вмѣнялось въ обязанность доставлять пропитаніе вдовамъ и сиротамъ своего предшественника, и такимъ образомъ каждый привлекался къ этого рода благотворительности, на основаніи изреченія Царя-Пророка, который говоритъ: Тебѣ оставленъ есть нищій, сиру ты буди помощникъ (Псал. 9, 35). Такого рода призрѣніемъ имѣлъ счастье пользоваться пишущій сіи строки, во время сиротства своего, и съ глубокою признательностію всегда поминающій призрѣвавшихъ его лицъ.

Жаль, что, съ теченіемъ времени, прекратился этотъ порядокъ призрѣнія и благотворенія въ средѣ духовенства и чрезъ то упразднились эти, можно сказать, *домашнія школы милосердія*. Послѣ этого, вдовы и сироты бѣднаго духовенства большею частію остаются безъ пріюта и призрѣнія, и потому объ нихъ можно сказать, что онѣ какъ бы выброшены на улицу и оставлены на произволь судьбы, какъ будто излишній балластъ. Между тѣмъ какъ эти лица, какъ своего рода домочадцы, могли бы быть полезными въ домохозяйствѣ, замѣняя собою нерѣдко домашнюю прислугу и даже наемныхъ рабочихъ лицъ и

¹⁾ Тѣмъ паче, что та и другая были долгое время просфорницами при Реславльскихъ градскихъ церквахъ.

чрезъ то сокращая значительную сумму расхода въ домашнемъ бюджетѣ. Въмѣстѣ съ симъ, вдовы и сироты могли бы чрезъ то привыкать къ труду и воздержанію, чрезъ что дома духовенства являлись бы своего рода *школами трудолюбія и благочестія*, которыя могли бы благотворно отображаться и на окружающей приходской средѣ, въ ея матеріальномъ и моральномъ отношеніи, по изреченію народной мудрости: *Præcepta docent, sed exempla trahunt.* — Не говоримъ уже о томъ, что эта своего рода милостыня своей духовной братіи могла бы составить какъ-бы страховую премію для духовенства отъ всякихъ злоключеній, по неложному въ томъ увѣренію Псалмопѣвца, который говоритъ: Блаженъ разумѣвая на нища и убога, въ день лють избавить его Господь. Господь да сохранить его и живить его и да ублажить его на земли и да не предастъ его въ руки враговъ его. Господь да поможетъ ему на одрѣ болѣзни его... (Псал. 40, 1—3).

На основаніи вышесказаннаго, мы приходимъ къ такому убѣжденію: если невозможно возвратиться къ прежнему вышеуказанному порядку призрѣнія бѣдныхъ вдовъ и сиротъ духовнаго званія, такъ какъ духовенство находится теперь въ иныхъ условіяхъ и само нуждается въ улучшеніи своего матеріальнаго положенія, со стороны правительства и приходскаго общества; то посему надобно установить другой порядокъ призрѣнія вдовъ и сиротъ бѣднаго духовенства. Для этого, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ возстановить первобытный порядокъ, существовавшій въ первенствующей церкви, начиная отъ апостольскихъ временъ, а именно: нужно организовать при всѣхъ церквахъ благотворительныя заведенія, ввидѣ богадѣленъ и пріютовъ, съ ассигнованіемъ на содержаніе ихъ достаточныхъ средствъ отъ церквей и церковно-приходскихъ обществъ, и завѣдываніе этими заведеніями слѣдуетъ поручить отцамъ діаконамъ, коихъ первоначальная профессія состояла въ служеніи при трапезахъ бѣдныхъ вдовицъ, какъ повѣствуется о томъ въ

книгѣ Дѣяній Апостольскихъ. Въ помощь же оо. діаконамъ въ этомъ дѣлѣ можно будетъ назначить нѣкоторыхъ вдовъ и сиротъ изъ числа тѣхъ же самыхъ призрѣваемыхъ лицъ, въ качествѣ своего рода діакониссъ или се-стеръ милосердія, которыя также были въ древнее время при церквахъ и принимали живое и дѣятельное участіе въ дѣлѣ призрѣнія бѣдныхъ вдовъ и сиротъ. Такимъ образомъ возстановился бы порядокъ призрѣвія бѣдныхъ лицъ, установленный самими святыми апостолами и вмѣстѣ съ тѣмъ возстановился бы прототипъ изначальной діаконской профессіи совмѣстно съ діакониссами. Позаботиться объ организаціи этихъ заведеній, съ такимъ служебнымъ персоналомъ, настоятъ крайняя надобность особенно въ нынѣшнее—богатое суетою, но бѣдное благочестіемъ—время, когда нерѣдко приходится слышать и даже читать такое дикое выраженіе: homo homini lupus est, которое свидѣтельствуютъ о крайне-ненормальномъ моральномъ состояніи современнаго человѣчества...

Считаемъ нужнымъ оговорить, что мы слишкомъ распространили рѣчь свою о призрѣніи вдовъ и сиротъ бѣднаго духовенства, составляющемъ собою большое мѣсто въ нашей духовной корпораціи, руководясь русскимъ присловіемъ: «у кого что болить, тотъ про то и говорить», и побуждаясь къ тому чувствомъ состраданія къ крайне нуждающейся духовной братіи своей, а также и долгомъ служенія, въ званіи предсѣдателя отдѣленія попечительства о бѣдныхъ лицахъ духовнаго званія, съ намѣреніемъ вызвать чрезъ то сужденіе по сему предмету на Епархіальномъ Сѣздѣ и на предстоящемъ Всероссійскомъ Соборѣ.

Затѣмъ, возвращаясь къ повѣствованію о почившемъ о. діаконѣ, скажемъ о томъ, каковъ былъ онъ въ служебномъ отношеніи. Оставаясь вѣрнымъ истинѣ, можемъ засвидѣтельствовать, по долгу службы своей въ качествѣ бывшаго благочиннаго, что почившій съ благоговѣніемъ и страхомъ Божиимъ совершалъ діаконское свое

священнослуженіе въ теченіи почти полвѣка и всегда приступалъ къ нему съ надлежащимъ приготовленіемъ, за исключеніемъ двухъ лишь случаевъ, о коихъ нерѣдко упоминалъ въ разговорѣ съ собратіею своею. При этомъ нельзя не упомянуть о томъ, что почившій, по своему смиренію, никогда не помышлялъ о своемъ возвышеніи въ санъ іерея, хотя имѣлъ на то болѣе другихъ право, по своему образованію, какъ старинный философъ, и не домогался перемѣщенія на другой лучшей приходъ, довольствуясь своимъ жребіемъ. Также, какъ на замѣчательную особенность, слѣдуетъ указать и на то, что почившій съ рѣдкимъ усердіемъ заботился о чистотѣ и опрятности въ алтарѣ и о сохраненіи священныхъ сосудовъ, облаченій и всѣхъ вообще принадлежностей церковныхъ, привлекалъ нерѣдко къ участию въ этомъ и своихъ домочадцевъ.—Послѣ увольненія своего заштатъ, почившій о. діаконъ не оставался совершенно празднымъ, а очень часто принималъ участіе въ священнослуженіи въ приходскомъ храмѣ и приходѣ и довольно долгое время служилъ въ Рославльскомъ монастырѣ. Въ виду этого, благочестно было бы для братіи этой обители принять участіе въ погребеніи и поминаненіи почившаго сослужителя своего, хотя не принадлежавшаго къ ней, но не мало потрудившагося въ ней, по случаю неимѣнія въ обители въ то время своего о. іеродіакона.

Вмѣстѣ съ симъ, имѣемъ засвидѣтельствовать и о томъ, что отношенія почившаго о. діакона къ отцамъ настоятелямъ храма отличались всегдашнею благопокорностію и уважительностію. Равнымъ образомъ и къ прихожанамъ своимъ почившій относился всегда съ любезностію и постоянною готовностію, почему пользовался и отъ нихъ взаимною любовью и уваженіемъ. Любовь свою по отношенію къ прихожанамъ почившій старался выражать посредствомъ усердной молитвы своей объ нихъ. Въ особенности онъ любилъ молиться объ усопшихъ родителяхъ и сродникахъ ихъ, поминая всякій разъ у жертвенника и

престола Божія, какъ свидѣтельствуеть о томъ личный его Сѹнодикъ, въ которомъ вписано многое множество именъ духовныхъ отцовъ и собратій и бывшихъ прихожанъ, которыхъ онъ постоянно поминалъ въ церкви, при совершеніи проскомидіи и на ектеніяхъ во время литургіи, а также и на домашней молитвѣ своей, какъ можно заключать изъ того, что, когда почившій лишился зрѣнія и находился долгое время въ тяжко-болѣзненномъ состояніи, то и тогда продолжалъ поминать умершихъ и, при этомъ, прочитывать на память весь свой сѹнодикъ, заканчивая помяновеніе возгласеніемъ вѣчной памяти имъ. И въ этомъ почившій почерпалъ для себя нѣкоторое ободреніе и утѣшеніе въ скорбномъ положеніи своемъ. Изъ этого также можно заключить, что почившій о. діаконъ смотрѣлъ на священнослуженіе не какъ только на профессію свою, но и какъ на насущную духовную потребность души своей.

Въ заключеніе, не лишнимъ считаемъ упомянуть и о домашнемъ образѣ жизни почившаго о. діакона Георгія, заслуживающемъ вниманія и подражанія. Жизнь свою усопшій проводилъ въ патриархальной простотѣ, занимаясь земледѣліемъ и скотоводствомъ. Къ этого рода занятіямъ и къ простому образу жизни почившій отчасти пріобыкъ еще отъ дней дѣтства своего, которое провелъ онъ въ трудахъ при разныхъ лишеніяхъ и недостаткахъ. Очень часто приходилось ему испытывать голодь и холодъ, ходить босикомъ и только по праздникамъ обуваться въ лапотки, о чемъ покойный любилъ рассказывать, вспоминая добрую старину и сравнивая оную съ теперешнимъ временемъ. Такому же, крайне умѣренному образу жизни пріобучила усопшаго и добрая старинная духовная школа, умѣвшая на мѣдныя деньги воспитывать духовныхъ богатырей для священнослужительскихъ подвиговъ. Въ нынѣшнее время, въ дѣлѣ воспитанія юношества принято руководствоваться изреченіемъ челоуѣческой мудрости, которая гласить: *«mens sana in corpore sano»*. На основаніи этихъ словъ, главная забота воспитателей, да и нѣкоторыхъ родителей, обра-

щается исключительно на развитіе въ дѣтяхъ тѣлесной стороны; духовная же сторона при этомъ совершенно игнорируется и даже отрицается, какъ вредящая будто бы дѣлу образованія. Слѣдствіемъ такого воспитанія или, точнѣе сказать, упитыванія юношества является чрезмѣрное усиленіе въ нихъ тѣлесности, и чрезвычайное ослабленіе духовности, съ отрицаніемъ духовныхъ потребностей и даже самой души. Результатомъ такого матеріалистическаго міровоззрѣнія и отрицательнаго направленія обучающагося юношества являются разные современные недуги душевные, ввидѣ маловѣрія, невѣрія и нечестія, а также и тѣлесныя немощи, въ формѣ разныхъ тяжкихъ заболѣваній, вслѣдствіе ослабленія въ организмѣ духовности, составляющей собою животворное начало въ человѣческомъ ествѣ: ибо ненарасно сказано въ словѣ Божіемъ, что «духъ животворитъ», а плоть не только «не пользуется», но и производитъ еще тлѣніе, по слову Апостола, который сказалъ: «сѣявъ въ плоть, отъ плоти пожнетъ истлѣніе», и Господь Богъ нѣкогда изрекъ: «не имать Духъ Мой пребывать въ человѣцѣхъ сихъ во вѣкъ, зане суть *плоть*» (Быт. VI, 3) ¹⁾.

Высказываемъ это въ виду несправедливыхъ нареканій на духовенство и на духовно-учебныя заведенія съ церковно-приходскими школами, которыя нѣкоторые суемудрые борзописцы обзываютъ «духобойнями». Между тѣмъ какъ это названіе болѣе причлещуется свѣтскимъ учеб-

¹⁾ Поистинѣ, нужна своего рода духовная дисциплина надъ нашимъ больнымъ тѣломъ, чтобы „опрокинуть всю теорію поверхностнаго матеріализма, дѣлающаго человѣческой духъ узникомъ тѣла“, по выраженію г. А. Введенскаго; а для этого, по нашему мнѣнію, благопотребно было бы организовать повсюду духовно-просвѣтительныя общества, съ спеціальною задачею — содѣйствовать развитію духовнаго разума и христіанскаго благочестія въ современномъ обществѣ и особенно въ учащемся юношествѣ, и такимъ образомъ противодействовать распространенію лукаваго плотскаго мудрованія и противухристіанскаго нечистиваго отрицательнаго направленія.

нымъ заведеніямъ. И потому касательно этихъ нареканій нужно лишь замѣтить, что это значитъ «сваливать съ больной головы на здоровую». Впрочемъ мы и не удивляемся сему, ибо «душевенъ чловѣкъ, по слову Апостола, не вѣсть яже отъ Духа Божія»...

Не знаемъ, какъ впередъ будетъ идти образованіе духовнаго юношества нашего, когда духовно-учебныя заведенія наши организованы будутъ на общеобразовательныхъ началахъ, какъ проектируютъ нѣкоторые реформаторы духовной школы, упуская изъ виду то, что и «малъ квасъ, по слову Апостола, все смѣшеніе квасить». — Но справедливость требуетъ сказать, что, до сихъ поръ, духовно-учебныя заведенія стояли на высотѣ своего призванія и соотвѣтствовали своему названію, воспитывая духовное юношество въ духѣ православія и христіанскаго благочестія, и изъ этихъ заведеній выходили люди, умудренные разумомъ Божиимъ, съ горящимъ духомъ готовые послужить святой матери церкви во славу Божию въ смиренномъ званіи священно-церковно-служителей и съ честію совершали это свое священнослуженіе. Въ подтвержденіе сказаннаго, можно указать на почившаго о. діакона Георгія, который, благодаря такому духовному образованію и воспитанію и строго умѣренному образу жизни, пребылъ глубоковѣрующимъ чловѣкомъ и достойнымъ священнослужителемъ и дожилъ до самой глубокой старости (85 л.), не подвергаясь никакимъ тяжкимъ заболѣваніямъ. Только, при концѣ жизни своей онъ подвергся тяжкому недугу, съ лишеніемъ притомъ зрѣнія. Но это, собственно говоря, былъ уже не недугъ, а естественная старческая немощь, о которой Псалмопѣвецъ сказалъ: «аще въ силахъ восемьдесятъ лѣтъ, множая же трудъ и болѣзнь». Такъ и смотрѣлъ почившій на свое тяжело болѣзненное состояніе и потому съ благодушіемъ и терпѣніемъ переносилъ это злостраданіе свое, благословляя Господа и уподобляясь тѣмъ святому праведному многострадальному Іову. Изъ этого можно было усматривать,

что, хотя плоть почившаго была немощна, но духъ его былъ бодръ до послѣдняго издыханія, которое послѣдовало послѣ напутствованія его св. таинствами покаянія, причащенія и елеосвященія. Затѣмъ, онъ почилъ отъ своихъ трудовъ праведныхъ.

Вѣруемъ и уповаемъ, что милосердый Отецъ небесный приметъ послѣднія злостраданія почившаго, какъ очистительную жертву за вольныя и невольныя его прегрѣшенія, а долготѣнее доблестное священнослуженіе, соединенное съ дѣлами милосердія,—яко благовонное кадило въ вою благоуханія духовнаго, и учинить душу его въ селеніихъ праведныхъ, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная.

Позволяемъ себѣ думать, что всѣ духовные отцы и братія наши, а также други и сродники и бывшіе прихожане, съ любовію вознесутъ къ Богу усердную мольбу свою объ упокоеніи души усопшаго отца діакона Георгія и отъ всей души скажутъ: дай Богъ ему царство небесное и вѣчный покой! И не одною только молитвою потщимся помянуть почившаго о. діакона, но и добрыми дѣлами, подражая ему въ добромъ житіи и въ дѣлахъ христіанскаго милосердія; слѣдуя наставленію святаго Апостола, который, какъ бы отъ лица почившаго, ко всѣмъ говоритъ: «Подражатели мнѣ бывайте... Духа не угашайте... Благотворенія и общенія не забывайте: таковыми бо жертвами благоугождается Богъ».

Протоіерей Алексѣй Шукинъ.

ФИЛОСОФІЯ БЕЗРЕЛИГІОЗНАГО ОТЧАЯНІЯ.

(„Жизнь человѣка“ Леонида Андреева).

«Нѣкто въ сѣромъ, именуемый Онъ, говоритъ о жизни человѣка. Подобіе большой, правильно четырехугольной, совершенно пустой комнаты, не имѣющей ни двери, ни оконъ. Все въ ней сѣрое, дымчатое, одноцвѣтное: сѣрыя стѣны, сѣрый потолокъ, сѣрый полъ. Изъ невидимаго источника льется ровный, слабый свѣтъ — и онъ также сѣръ, однообразенъ, одноцвѣтенъ, призраченъ и не даетъ ни тѣней, ни свѣтлыхъ обликовъ.— Неслышно отдѣляется отъ стѣны прильнувшій къ ней Нѣкто въ сѣромъ. На немъ широкій безформенный сѣрый балахонъ, смутно обрисовывающій контуры большого тѣла; на головѣ его такое же сѣрое покрывало, густою тѣнью кроющее верхнюю часть лица. Глазъ его не видно. То, что видимо: скулы, носъ, крутой подбородокъ — крупно и тяжело, точно высѣчено изъ сѣраго камня. Губы его твердо сжаты. Слегка поднявъ голову, онъ начинаетъ говорить твердымъ, холоднымъ голосомъ, лишеннымъ волненія и страсти — точно наемный чтець, съ суровымъ безразличіемъ читающій книгу Судебъ»...

— Что это такое?—спросить читатель.—Это—начало новаго произведенія Леонида Андреева: «Жизнь человѣка—представленіе въ пяти картинахъ съ прологомъ»¹⁾, пред-

¹⁾ Литературно-художественные альманахи издательства „Шиповникъ“, книга первая, Сиб. 1907 г.

ставляющее собою попытку, въ литературной формѣ, философіи человѣческой жизни.

Въ недавнее время довольно часто, а иногда и теперь, можно было встрѣчать лубочную картинку «Ступени человѣческой жизни». Она изображаетъ собою различные возрасты и положенія человѣка отъ рожденія до смерти и представляетъ собою пирамидально расположенный рядъ отдѣльных картинокъ. Въ самомъ низу, въ лѣвомъ углу картины изображенъ новорожденный, спеленатый младенецъ. Выше и правѣе—ребенокъ, играющій въ игрушки. Еще выше и еще правѣе—отрокъ, учащій уроки. На самомъ верху, въ срединѣ картины — молодой человѣкъ съ своею невѣстой, предъ брачнымъ аналоемъ. Отсюда картинки идутъ уже внизъ, направляясь попрежнему вправо, къ противоположному краю картины. Доселѣ происходило возрастаніе, теперь жизнь идетъ уже на убыль. Въ послѣдующемъ рядѣ картинокъ человѣкъ изображается все старше и старше и, наконецъ, на послѣдней картинкѣ—дряхлымъ старикомъ, за спиною котораго стоитъ уже смерть съ косою. Всѣ картинки сопровождаются соотвѣствующими подписями ¹⁾. Нѣчто подобное въ литературной формѣ представляетъ собою и Андреевская «Жизнь человѣка»; только народно-христіанскій характеръ картины у него совершенно исчезаетъ, и все его произведеніе представляетъ собою нѣчто отвлеченное, проникнутое самымъ мрачнымъ, безотраднымъ пессимизмомъ. Вотъ краткое содержаніе пьесы.

Прологъ. Извѣстный уже намъ Нѣкто въ сѣромъ, неотлучно присутствующій отъ начала до конца пьесы и напоминающій собою отчасти хоръ въ древнихъ греческихъ трагедіяхъ, дѣлаетъ краткое обзорніе жизни Человѣка. (Замѣтимъ кстати, что «Человѣкъ» замѣняетъ здѣсь—соб-

¹⁾ Въ разсказѣ Горькаго „Трое“ „сознательная“ гимназистка Медвѣева, увидавъ на стѣнѣ у Лунева эту картину, съ негодованіемъ срываетъ „эту мерзость“ со стѣны.

ственное имя. Такъ именуется здѣсь главное дѣйствующее лицо пьесы).

— «Смотрите и слушайте, пришедшіе сюда для забавы и смѣха—начинаетъ Нѣкто въ сѣромъ. — Вотъ пройдетъ предъ вами жизнь Человѣка, съ ея темнымъ началомъ и темнымъ концомъ. Доселѣ небывшій, таинственно схороненный въ безграничности времени, не мыслимый, не чувствуемый, не знаемый никѣмъ — онъ таинственно нарушитъ затворы небытія и крикомъ возвѣститъ о началѣ своей короткой жизни. Въ ночи небытія вспыхнетъ свѣтильникъ, зажженный невѣдомою рукой—это жизнь Человѣка. Смотрите на пламень его—это жизнь Человѣка.

Родившись, онъ приметъ образъ и имя человѣка и во всемъ станетъ подобенъ другимъ людямъ, уже живущимъ на землѣ. И ихъ жестокая судьба станетъ его судьбою, и его жестокая судьба станетъ судьбою всѣхъ людей. Неудержимо влекомый временемъ, онъ непреложно пройдетъ все ступени человѣческой жизни отъ низу къ верху, отъ верху къ низу. Ограниченный зрѣніемъ, онъ никогда не будетъ видѣть слѣдующей ступени, на которую уже поднимается нетвердая нога его, ограниченный знаніемъ, онъ никогда не будетъ знать, что несетъ ему грядущій часъ—минута. И въ слѣпомъ невѣдѣніи своемъ, томимый предчувствіями, волнуемый надеждами и страхомъ, онъ покорно совершитъ кругъ желѣзнаго предназначенія.

Вотъ онъ—счастливый юноша. Смотрите, какъ ярко пылаетъ свѣча! Ледяной вѣтеръ безграничныхъ пространствъ безсильно кружится и рыскаетъ, колебля пламя; свѣтло и ярко горитъ свѣча. Но убываетъ воскъ, съѣдаемый огнемъ. Но убываетъ воскъ.

Вотъ онъ счастливый мужъ и отецъ. Но посмотрите, какъ тускло и странно мерцаетъ свѣча: точно морщится желгѣющее пламя, точно отъ холода дрожить и прячется оно. Ибо таетъ воскъ, съѣдаемый огнемъ. Ибо таетъ воскъ.

Вотъ онъ старикъ, больной и слабый. Уже кончились

ступени жизни, и черный провалъ на мѣстѣ ихъ,—но все еще тянется впередъ дрожащая нога. Пригибаясь къ землѣ, бессильно стелется синѣющее пламя, дрожить и падаетъ, дрожить и падаетъ—и гаснетъ тихо.

Такъ уреть Человѣкъ. Прийдя изъ ночи, онъ возвратится къ ночи и сгинетъ безслѣдно въ безграничности временъ, не мыслимый, не чувствуемый, не знаемый никѣмъ. И я тотъ, кого называютъ Онъ, останусь вѣрнымъ спутникомъ Человѣка во всѣ дни его жизни, на всѣхъ путяхъ его. Невидимый Человѣкомъ и близкими его, я буду неизмѣнно подлѣ, когда онъ бодрствуетъ и спитъ, когда онъ молится и проклинаятъ. Въ часы радости, когда высоко воспарить его свободный духъ, въ часы унынія и тоски, когда смертнымъ томленіемъ омрачится душа, и кровь застынетъ въ сердцѣ; въ часы побѣдъ и поражений, въ часы великой борьбы съ непреодолимымъ—я буду съ нимъ.—Я буду съ нимъ.

И вы, пришедшіе сюда для забавы, вы, обреченные смерти, смотрите и слушайте: вотъ далекимъ и призрачнымъ эхомъ пройдетъ передъ вами, съ ея скорбями и радостями, быстротечная жизнь человѣка».

Нѣкто въ сѣромъ умолкаетъ. И въ молчаніи гаснетъ свѣтъ, и мракъ объемлетъ его и сѣрую, пустую комнату».

Картина первая. Рожденіе человѣка и муки матери. Совершенно темная комната. За стѣною слышатся стоны и крики рождающей женщины. Въ комнатѣ, «какъ вучка сѣрыхъ притаившихся мышей», смутно намѣчаются сѣрые силуэты Старухъ, въ странныхъ покрывалахъ. Равнодушно слушая стоны и крики родильницы, они тихо пересмѣиваются и болтаютъ. Крики становятся все сильнѣе и сильнѣе (Старухи, несмотря на это, продолжаютъ смѣяться и болтать) и вдругъ обрываются. Старухи думаютъ, что родильница умираетъ... Въ это время Нѣкто въ сѣромъ говоритъ звучно и властно:

— Тише! Человѣкъ родился.

«Почти одновременно съ его словами проносится крикъ»

ребенка и вспыхиваетъ свѣча въ его рукѣ. Высокая, она горитъ неувѣренно и слабо, но постепенно огонь становится сильнѣе. Тотъ уголь, въ которомъ неподвижно стоитъ Нѣкто въ сѣромъ, всегда темнѣе другихъ, и желтое пламя свѣчи озаряетъ его крутой подбородокъ, твердо сжатые губы и крупныя костистыя щеки. Верхняя часть лица скрыта покрываломъ. Ростомъ онъ нѣсколько выше общаго человѣческаго роста.

Свѣча длинная, толстая, вправлена въ подсвѣчникъ старинной работы. На зелени бронзы выдѣляется его рука, сѣрая, твердая, съ тонкими, длинными пальцами».

Медленно свѣтлѣетъ, но свѣтъ остается тусклымъ, безжизненнымъ, холоднымъ. Старухи, пересмѣиваясь, поспѣшно ускользаютъ, «странными, зигзагообразными движеніями», обѣщаясь придти еще. Входятъ отецъ человѣка и докторъ. Отецъ благодаритъ Бога за рожденіе сына и проситъ сдѣлать такъ, чтобы онъ былъ умнымъ и честнымъ. Являются карикатурно изображенные родственники и поздравляютъ отца. «Въ углу, обративъ къ нимъ каменное лицо свое, неподвижно стоитъ Нѣкто въ сѣромъ».

Картина вторая. Любовь и бѣдность. Человѣкъ — уже юноша и уже женатъ. Его жена красавица и добрая женщина, и они очень любятъ другъ друга, но они очень бѣдны, — бѣдны до того, что имъ нечего ѣсть. Онъ — талантливый архитекторъ, но пока еще неизвѣстенъ міру. Но счастье уже приближается: его рисунки уже обратили на себя вниманіе богатыхъ людей, и люди эти уже ищутъ Человѣка, хотя онъ еще и не знаетъ объ этомъ. Объ этомъ повѣствуетъ зрителямъ Нѣкто въ сѣромъ, заканчивая свою рѣчь словами: «Такъ приходитъ въ человѣку счастье, — и такъ же уходитъ оно».

Въ отсутствіе Человѣка и его жены приходятъ любящіе ихъ сосѣди, украшаютъ цвѣтами и зеленью ихъ нищенски бѣдную комнату, оставляютъ на окнѣ кусокъ бѣлаго хлѣба, бутылку молока, сигару и розовую ленточку и уходятъ.

Входить жена Человѣка, очень грустная, и просить Бога о хлѣбѣ и за своего мужа. Является и самъ Человѣкъ, столь же прекрасный, какъ и его жена, и бодрый, но страшно голодный. Онъ бросаетъ року или жизни вызовъ на бой, и оба они мечтаютъ, но вдругъ находятъ хлѣбъ, молоко и сигару и приходятъ въ веселое расположеніе духа.

А въ углу, который темнѣе другихъ, стоитъ Нѣкто въ сѣромъ и равнодушно смотритъ. «Свѣча въ его окаменѣлой рукѣ убyla на одну треть, но пламя еще очень ярко, высоко и бѣло и бросаетъ сильные блики на каменное лицо его и подбородокъ».

Картина третья. Балъ у Человѣка. Человѣкъ — на верху своего богатства и славы. У него обширный и богатый домъ, гдѣ въ настоящую минуту происходитъ балъ. Домъ полонъ гостей, которые восхищаются богатствомъ Человѣка, завидуютъ и злословятъ. Въ описаніе и дома, и обстановки, и гостей внесена какая то нарочитая искусственность и безжизненность. Въ залѣ — двери очень малы въ сравненіи съ окнами; музыканты, которыхъ всего трое на такомъ богатомъ и многолюдномъ балу, очень похожи на свои инструменты; они играютъ очень усердно и все одинъ и тотъ же очень коротенькій и чрезвычайно пустой мотивъ (помѣщены и ноты) и притомъ не въ тонъ другъ другу; танцы хотя и граціозны, но крайне несложны (собственно всего только одинъ танецъ); гости, «застывшіе въ чопорныхъ позахъ, тупо двигаются, едва ворочая головами, также тупо говорятъ, не перешоптываются, не смѣясь, почти не глядя другъ на друга и отрывисто произнося, точно обрубая, только тѣ слова, что вписаны въ текстъ. У всѣхъ руки въ кисти точно переломлены и висятъ тупо и надменно. При крайнемъ, рѣзко выраженномъ разнообразіи лицъ, всѣ они охвачены однимъ выраженіемъ: самодовольства, чванности и тупого почтенія передъ богатствомъ Человѣка. Они повторяютъ одинъ и тѣ же фразы: «какъ богато! какъ пышно! какъ свѣтло!» Костюмы танцующихъ почти одного цвѣта.

За Человѣкомъ идутъ его Друзья и Враги. У Друзей Человѣка—благородная осанка, у Враговъ его—трусливыя, безобразныя, подлыя лица и длинныя, обезьяньи руки! У Друзей въ петлицахъ бѣлыя розы, у Враговъ — желтыя. Человѣкъ и его жена — съ страннымъ, почти остановившимся взглядомъ, идутъ, смотря прямо предъ собою, точно не замѣчая окружающаго. Оба они сильно постарѣли, но все еще мужественны и красивы. Балъ кончается приглашеніемъ гостей къ ужину, котораго съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ дожидаются гости.

А въ ближнемъ углу, болѣе темномъ, чѣмъ другіе, «неподвижно стоитъ Нѣкто въ сѣромъ, именуемый Онъ. Свѣча въ его рукѣ убыла на двѣ трети и горитъ, колеблясь, ярко желтымъ пламенемъ, бросая желтые блики на каменное лицо и подбородокъ его». Когда всѣ уходятъ въ столовую, онъ, не поднимая головы «поворачивается и медленно, черезъ весь залъ, спокойными и тихими шагами, озаренный пламенемъ свѣчи, идетъ къ тѣмъ дверямъ, куда ушелъ Человѣкъ, и скрывается въ них».

Картина четвертая. Несчастіе Человѣка. Человѣкъ снова въ бѣдности. Прекратились заказы; мебель и даже книги — все продано, и Человѣкъ съ женою и сыномъ ютятся лишь въ двухъ комнатахъ своего обширнаго, но теперь уже совершенно пустаго дома. Оба они состарились и совершенно сѣры, но другъ другу все еще кажутся красивыми. Къ довершенію несчастія, ихъ единственный сынъ тяжело раненъ на улицѣ камнемъ въ голову и тяжело боленъ.

А въ углу, болѣе темномъ, чѣмъ другіе, стоитъ Нѣкто въ сѣромъ, именуемый Онъ. «Свѣча въ его рукѣ не больше, какъ толстый, слегка оплывшій огарокъ, горящій красноватымъ, колеблющимся огнемъ. И также красны блики на каменномъ лицѣ и подбородкѣ его».

Докторъ обнадеживаетъ Человѣка и его жену. Они нѣсколько успокоиваются и мечтаютъ, вспоминая дѣтство сына и рассматривая его старыя игрушки; потомъ ста-

новятся на колѣна и начинаютъ пламенно молиться о выздоровленіи сына; жена Человѣка плачетъ; Человѣкъ ложится и засыпаетъ. И начинаетъ говорить Нѣкто въ сѣромъ:

«Крѣпко и радостно уснулъ Человѣкъ, обольщенный надеждами. Тихо дыханіе его, какъ у ребенка, спокойно и ровно бьется старое сердце, отдыхая. Онъ не знаетъ, что черезъ нѣсколько мгновеній умереть его сынъ, и въ сонныхъ таинственныхъ грезахъ предъ нимъ встаетъ невозможное счастье...

Онъ не знаетъ, что уже умираетъ его сынъ. Онъ не слышитъ, какъ въ послѣдней безумной надеждѣ, съ дѣтской вѣрой въ силу взрослыхъ, сынъ зоветъ его безъ словъ, крикомъ сердца: папа, папа, я умираю! Удержи меня! Крѣпко и радостно спитъ Человѣкъ, и въ таинственныхъ и обманчивыхъ грезахъ предъ нимъ встаетъ невозможное счастье.

— Проснись, Человѣкъ, твой сынъ умеръ!»

Съ испугомъ и страхомъ просыпается Человѣкъ и слышитъ плачь надъ умершимъ ¹⁾. Обратившись въ тотъ уголь, гдѣ стоитъ Нѣкто въ сѣромъ, онъ раздражается страшными проклятіями; наконецъ, умолкаетъ съ грозно поднятою рукою. И равнодушно внемлетъ проклятію Неизвѣстный или Нѣкто въ сѣромъ, и колеблется пламя свѣчи, точно раздуваемое вѣтромъ. Такъ нѣкоторое время въ сосредоточенномъ молчаніи стоятъ одинъ противъ другого Человѣкъ и Нѣкто въ сѣромъ. Жена Человѣка рыдаетъ. Плачь за стѣною становится громче и протяжнѣе, переходя въ мелодію страданія».

Картина пятая. Смерть Человѣка. Сцена изображаетъ внутренность питейнаго дома.

«Неопредѣленный, колеблющійся, мигающій, сумрачный

¹⁾ Плачь „многихъ женскихъ голосовъ“, тогда какъ Человѣкъ съ своею женою всѣми покинуты и живутъ въ совершенномъ одиночествѣ.

свѣтъ, мѣшающій что-либо разсмотрѣть съ перваго взгляда. Когда глазъ привыкаетъ, онъ видитъ такую картину.

Широкая, длинная комната съ очень низкимъ потолокомъ, безъ одного окна въ стѣнахъ. Входъ откуда-то сверху, по ступенямъ. Стѣны гладки и сумрачно грязны — похожи на грубую, запятнанную кожу какого-то большого звѣря... За небольшими столиками на деревянныхъ табуретахъ сидятъ пьяницы. Количество людей увеличивается ихъ тѣнями, блуждающими по стѣнамъ и по толку.

Безконечное разнообразіе отвратительнаго и ужаснаго. Лица, похожія на маски съ непомѣрно увеличенными или уменьшенными частями: носатые и совсѣмъ безносые, глаза, дико вытаращенные, почти вылѣзшіе изъ орбитъ, и сдузившіеся до едва видныхъ щелей и точекъ; кадыки и крохотные подбородки. Волосы у всѣхъ спутанные, лохматые, грязные, иногда закрывающіе половину лица. На всѣхъ однако лицахъ, при ихъ разнообразіи, лежитъ печать страшнаго сходства: это зеленоватая, могильная окраска и выраженіе то веселаго, то мрачнаго и безумнаго ужаса.

Одѣты Пьяницы въ одноцвѣтныя лохмотья, обнажающія то зеленую костлявую руку, то острое колѣно, то впалую страшную грудь... Женщины мало отличаются отъ мужчинъ и еще страшнѣе, чѣмъ они. У всѣхъ трясутся руки и головы, и походка неровная... и голоса одинаковые: хриплые, сипящіе, и, такъ же нетвердо, какъ ходить, выговариваютъ Пьяницы слова непослушными, точно замерзшими губами ¹⁾.

Среди сборища за отдѣльнымъ столикомъ сидитъ Человѣкъ, положивъ сѣдую всклокоченную голову на руки. Такимъ остается онъ все время, за исключеніемъ того момента, когда говорить. Одѣтъ онъ очень плохо.

¹⁾ Въ этой сценѣ можно видѣть вліяніе другой народной картинки „Жизнь пьяницы“.

Въ углу неподвижно стоитъ Нѣкто въ сѣромъ съ догорающей свѣчей. Узкое, синее пламя колеблется, то ложась на край, то острымъ языкомъ устремляясь вверхъ. И могильно сини блики на каменномъ лицѣ и подбородкѣ его».

Дикій бредъ и галлюцинаціи Пьяницъ. Одному кажется, что вокругъ него все плыветъ и качается, другому, что кругомъ падаютъ, какъ дождь, большіе камни, третьему мерещатся огромные костры и на нихъ горящіе люди, четвертому змѣи, пятому чудовища; у одного подъ черепомъ ползаютъ черные тараканы, у другого распадается мозгъ и т. д., и т. д. Но какъ ни плохо Пьяницамъ,—наверху, на улицѣ имъ кажется еще ужаснѣе, и они низачто не хотятъ выйти изъ подвала.

Незамѣтно входятъ Старухи въ странныхъ покрывалахъ и вмѣшиваются въ разговоръ. Всѣ издѣваются надъ спящимъ Человѣкомъ; старухи вспоминаютъ молодость и счастье Человѣка; наконецъ, начинаютъ танцовать, напѣвая мотивъ музыки на балу у Человѣка и уродливо подражая движеніямъ молодыхъ дѣвушекъ, танцовавшихъ на этомъ балу. Внезапно встаетъ Человѣкъ, выпрямляется и, прокричавъ нѣсколько словъ, падаетъ мертвымъ. «Въ то же мгновеніе, ярко вспыхнувъ, гаснетъ свѣча, и сильный сумракъ поглощаетъ предметы. Точно со ступенекъ ползетъ сумракъ и постепенно заволакиваетъ все, только свѣтлѣетъ лицо умершаго Человѣка...

Нѣкто въ сѣромъ: Тише! Человѣкъ умеръ.

Молчаніе. Тишина. И тотъ же холодный, равнодушный голосъ повторяетъ изъ глубокой дали, какъ эхо:

— Тише! Человѣкъ умеръ».

Медленно густѣетъ сумракъ, но Старухи снова начинаютъ кружиться вокругъ мертвеца—сперва тихо, потомъ все быстрѣе и быстрѣе, наконецъ ихъ круженіе переходитъ въ дикій, бѣшеный танецъ, съ топаньемъ, визгомъ, дикимъ хохотомъ. Появившіеся откуда-то музыканты играютъ въ тактъ пляшущимъ. Наступаетъ полная тьма. Еще

свѣтлѣть лицо мертвеца, но вотъ гаснетъ и оно. Черный, непроглядный мракъ.

«И во мракъ слышно движеніе бѣшено танцующихъ, взвизгиванія, смѣхъ, нестройные, отчаянно громкіе звуки оркестра. Достигнувъ наивысшаго напряженія, всѣ эти звуки и шумъ быстро удаляются куда-то, замираютъ... Тишина».

Мы уже говорили о близости сюжета разбираемой «Жизни человѣка» къ нѣкоторымъ русскимъ лубочнымъ картинкамъ. Къ этому можно добавить, что вообще попытки изобразить въ нѣсколькихъ картинахъ (все равно—литературныхъ, музыкальныхъ, художественныхъ) человѣческую жизнь не новы въ искусствѣ и носятъ общечеловѣческой характеръ. Что касается, въ частности, поэзіи и литературы, то подобные же сюжеты еще ранѣе Л. Андреева затрогивались у западныхъ символистовъ—Метерлинка, Ибсена, Гауптмана, Эдгара По (вліяніе которыхъ на творчество Л. Андреева и въ особенности на «Жизни человѣка» замѣтно очень ясно), и нужно сказать, что у нихъ тема эта трактуется глубже, сильнѣе, богаче содержаніемъ и красивѣе (последнее можно сказать, напр., о «Колокольчикахъ и Колоколахъ» Эдгара По, гдѣ повѣсть человѣческой жизни рассказывается въ звукахъ и представляется въ гаммѣ различныхъ звоновъ колокольчиковъ и колоколовъ).

Своимъ Человѣкомъ Л. Андреевъ хотѣлъ создать общечеловѣческой или всечеловѣческой типъ¹⁾, и типъ этотъ ему не удался. Вышелъ не всечеловѣкъ, а просто отвлеченный, искусственный типъ,—частный случай, изъ иностранной, какъ можно заключить по нѣкоторымъ даннымъ,

¹⁾ Своему герою онъ поэтому не даетъ даже имени, а называетъ его просто Человѣкомъ, что выходитъ въ особенности неестественно и искусственно въ разговорахъ о человѣкѣ другихъ.

и уже ни въ какомъ случаѣ не русской жизни. Собственно человѣческой жизни и не получилось,—получились лишь клочки или уголки жизни. Получилась не дѣйствительность, воплощенная въ идеѣ, а идея, облеченная въ форму дѣйствительности. Нарочитая искусственность, неестественность, неопредѣленность перемѣшивается съ банальнымъ и общежитскимъ, что во всякомъ случаѣ не способствуетъ цѣлостности и однородности впечатлѣнія. — Библейски-поучительный тонъ и повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ рассчитаны на усиленіе впечатлѣнія.

Можно разсматривать «Жизнь человѣка» и какъ сатиру на мѣщанство, на человѣческую пошлость,—сатиру переходящую, подъ конецъ, въ дидактической, поучительный тонъ. Сатира въ особенности замѣтна въ третьей картинѣ — балъ у Человѣка, изображающій въ своемъ родѣ «ярмарку тщеславія», — тщеславіе самого Человѣка, пустоту, пошлость и чванство его гостей, явившихся только затѣмъ, чтобы поѣсть и посудачить, заранѣе мечтающихъ о томъ, какъ будутъ завидовать имъ другіе, и восхищеніе и преклоненіе предъ Человѣкомъ и его богатствомъ мѣняющіяся на отвратительное злословіе при одной мысли о томъ, что ихъ могутъ не пригласить къ ужину.

При всемъ томъ, нѣкоторыми своими мѣстами «Жизнь человѣка» производитъ сильное впечатлѣніе. На сценѣ, говорятъ, это впечатлѣніе еще сильнѣе.

Но все это собственно частности. Главное же—въ основной мысли, въ той идеѣ, которая вложена въ разбираемое нами произведеніе. А идея эта—извѣстная фаталистическая идея о безсиліи человѣка предъ Рокомъ. Основная мысль большей части и притомъ лучшихъ произведеній Леонида Андреева, красною нитью проходящая по страницамъ его творчества и съ особенною рельефностью и силой выраженная въ его «Жизни Василя Фивейскаго», — это та, что жизнью человѣка всецѣло распоряжаются какія-то незримыя, таинственно-загадочныя, роковыя силы, отъ которыхъ человѣку нигдѣ и ни въ

чемъ вѣтъ спасенія. Всѣ усилія человѣка побороть эти силы, его умъ, мужество, вѣра — все безсильно въ тщетной борьбѣ съ этими силами, и самая жизнь его — лишь мыльный пузырь, возникающій и лопающійся по капризу этихъ роковыхъ силъ. Въ «Жизни человѣка» эти роковыя силы олицетворены въ Неизвѣстномъ, въ Нѣкомъ въ сѣромъ (сѣрый цвѣтъ — цвѣтъ безразличія и неопредѣленности — преобладаетъ въ разбираемомъ произведеніи), именуемомъ Онъ, который неразлученъ съ человѣкомъ отъ его рожденія до смерти и одинаково равнодушно слышитъ и видитъ его молитвы и проклятія, его восторгъ и отчаяніе. Нѣкоторымъ отраженіемъ Нѣкогого въ сѣромъ служатъ Старухи въ сѣрыхъ покрывалахъ, присутствующія, какъ какія-то злыя феи, какъ парки, при смерти, какъ и при рожденіи, человѣка и одинаково издѣвающіяся и надъ муками матери, и надъ счастьемъ человѣка, и надъ его несчастьемъ и предсмертными страданіями. Нужно ли говорить, что такое міросозерцаніе есть чистѣйшій восточный фатализмъ и притомъ въ самой безотрадней, пессимистической его формѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ это есть и самый безпросвѣтный детерминизмъ, полнѣйшее отрицаніе всякой свободы воли и отсюда — всякой инициативы, смысла и цѣли какой бы то ни было дѣятельности. Нужно ли говорить и о томъ, что подобное міросозерцаніе есть могильный крестъ надъ человѣческой дѣятельностью и полнѣйшее *testimonium paupertatis* (свидѣтельство о бѣдности), выданное себѣ невѣріемъ.

Нужно ли, наконецъ, говорить и о томъ, какъ нищенски бѣдно, какъ ничтожно и жалко міросозерцаніе это предъ возвышеннымъ, бодрымъ и свѣтлымъ міросозерцаніемъ христіанства! И христіанство не отрицаетъ зла въ мірѣ и его силы, но оно учитъ и окрыляетъ насъ надеждою и вѣрою, что зло не вѣчно, и торжество его лишь временно. Оно учитъ христіанина не склонять головы передъ зломъ, но бороться съ нимъ и побѣждать его; оно съ рожденія вооружаетъ христіанина на подвигъ борьбы и побѣды

надъ зломъ и даетъ ему для этого всё силы и средства. Христось—Побѣдитель ада и смерти, Христось Искупитель грѣха, Христось безконечный Источникъ истины и добра—вотъ Кто стоитъ предъ умственнымъ взоромъ христіанина во всю его жизнь и даетъ ему, какъ это достаточно показала исторія христіанства, безконечное и непобѣдимое мужество для борьбы со зломъ и адомъ. И врата адовы—всѣ силы зла и грѣха—не одолѣютъ христіанина и не заставятъ его склонить голову предъ какимъ-то Рокомъ, мнимо распоряжающимся его жизнью, и смѣшенъ и бессмыслененъ для христіанина несуществующій Рокъ или Неизвѣстное или Нѣкто въ сѣромъ или какъ бы тамъ его ни называли.

Итакъ, вотъ къ какому поистинѣ безотрадному выводу съ логическою неизбежностью приходитъ невѣрующая мысль. Жизнь не только ничтожна, — она *бессмысленна и нелѣпа*, она — *позоръ*, какъ жалкая игрушка въ рукахъ невѣдомаго Рока или просто Ничто. И, какъ такая, она не должна существовать. Не есть ли это самое полное отрицаніе жизни, какое только можно себѣ представить? И не есть ли это поистинѣ *философія невѣрующаго отчаянія*?

Весьма замѣчательно въ то же время и то, какъ тянетъ писателей отрицательныхъ направленій къ мистическимъ и сверхнатуральнымъ темамъ и сюжетамъ. Повидимому, они давно уже покончили со всякой «метафизикой», и подобные вопросы должны бы быть для нихъ неинтересны и даже смѣшны; но они все возвращаются къ нимъ и горячо обсуждаютъ вопросы о первопричинѣ бытія и о смыслѣ и цѣли жизни. Не значить ли это, что вопросы эти неистребимы и вѣчны, ибо вложены въ человѣческую душу Богомъ, Котораго напрасно селятся они отрицать?

Свящ. Н. Колосовъ.

СЧАСТЬЕ И ХРИСТИАНСТВО ¹⁾.

Что такое образованіе? Что такое культура?

«Цѣль культуры для отдѣльнаго человѣка заключается въ томъ, чтобы самостоятельно развиваться въ направленіи къ тому, чѣмъ онъ долженъ быть, и устраивать свою жизнь въ соотвѣтствіи съ тѣми задачами, которыя вытекаютъ изъ его существа. Эту цѣль мы называемъ культурой — въ отношеніи къ цѣлому, образованіемъ — въ отношеніи къ единичнымъ личностямъ». Такъ обыкновенно говорятъ. Однако, такія и подобныя объясненія не только ничего не объясняютъ, но лишь запутываютъ и еще болѣе затемняютъ дѣло. Всякій пользуется словами «образованіе» и «культура», но только немногіе даютъ себѣ отчетъ въ томъ, что они разумѣютъ подъ этими словами.

Культура не была неизвѣстна древнему міру, но она долгое время была собственно *cultura animi*, то-есть этическимъ образованіемъ, развитіемъ духа. Тогда культура должна была обнимать собою все: сама религія, наука и добродѣтель принадлежали къ этой культурѣ разума. Въ 18-мъ столѣтіи разумѣли при этомъ образованіе, которое ближайшимъ образомъ и больше всего относилось къ физическому развитію тѣла. Съ тѣхъ поръ эти понятія остались на протяженіи всего дальнѣйшаго времени и, несмотря на то, что оба слова находятся во всеобщемъ

¹⁾ Продолженіе. См. мартовскую кн. *Душепол. Чтенія* 1907 г.

употребленіи, нѣтъ никакого общепризнаннаго пониманія ихъ. И вотъ, въ то время какъ у грековъ παιδεία (воспитаніе) стремилось къ ясной и опредѣленной цѣли, прежде всего къ воспитанію гуманности,—современная культура хочетъ быть универсальной и безконечной. Прогрессъ идетъ въ безконечность, онъ безграниченъ, не можетъ остановиться, и «образованный» долженъ знать о всемъ; но онъ не знаетъ ничего истиннаго и долженъ учиться многому, разъ онъ хочетъ оставаться на вершинѣ образованія. Даже и тотъ, кто посвящаетъ всю свою жизнь наукѣ, можетъ обнять только маленькую частицу ея, свою спеціальность, и оказывается одностороннимъ. Раньше литература, археологія, исторія, особенно богословіе были руководящими науками, которыя у простыхъ людей пользовались большимъ уваженіемъ; теперь этими науками стали—естествознаніе и народное хозяйство. Раньше культура преслѣдовала идеальныя задачи и цѣли: развитіе и образованіе человѣческаго духа; теперь съ самой ранней юности память загромаждается самыми противорѣчивыми теоріями, которыми рѣдко пользуются взрослые, и когда вздумаютъ воспользоваться ими, то находятъ ихъ уже забытыми или устарѣвшими. И всякое знаніе, всякое изслѣдованіе устремлено въ практическую сторону: профессоръ химіи, электротехникъ и т. д. дѣлаютъ открытія, которыя приносятъ имъ большіе доходы; изобрѣтатель ворочаетъ милліонами; медикъ зарабатываетъ сотни тысячъ; юристъ владычествуетъ надъ всѣмъ современнымъ міромъ и занимаетъ видныя мѣста... «Знаніе — сила; въ образованіи — свобода»: это истасканныя слова, которыя не сходятъ съ языка, и тотъ, кому не посчастливилось, обращается въ социалдемократа и кончаетъ, если его надежды рухнули, нерѣдко самоубійствомъ. Прежде культура преслѣдовала идеальныя цѣли, теперь почти только матеріальныя: жизненныя наслажденія должны быть увеличены, жизнь—улучшена, облегчена и насколько возможно удлинена... И хотя при этомъ, какъ часто бываетъ,

обнаруживается и обратная сторона дѣла, многіе пресыщаются и становятся уже неспособными къ наслажденію, однако у нихъ все-таки культура и образованіе являются «религіей», «религіей по сю сторону», которая, большею частью, относится отрицательно къ религіи потусторонней и не хочетъ ничего знать о Божественномъ Откровеніи.

Такое образованіе и культура не могутъ сдѣлать человѣка счастливымъ, потому что наше стремленіе къ счастью имѣетъ свои корни не въ разумѣ, а въ сердцѣ: разумъ можетъ еще развиваться, сознаніе можетъ наполняться различными данными опыта, фактами и свѣдѣніями, разумъ можетъ умнѣть; а сердце остается пустымъ и неудовлетвореннымъ... Совершенно наоборотъ,—именно кто бѣденъ такого рода образованіемъ и культурою, тотъ будетъ чувствовать себя болѣе счастливымъ, чѣмъ иной высокообразованный человѣкъ. Также не требуется вовсе высшаго образованія и культуры и для водворенія мира между людьми; напротивъ, съ развивающейся культурой растетъ и національная гордость передъ другими народами, стремленіе къ завоеваніямъ и опустошительнымъ набѣгамъ на чужія владѣнія: цивилизація теперь измѣряется преимущественно силой и количествомъ военнаго матеріала, военными способностями и боевой готовностью народовъ.

Ж. Ж. Руссо, со своими и теперь еще многочисленными послѣдователями, безусловно осуждаетъ культуру. По его мнѣнію, человѣчество—хорошо, только культура погубила его: «Культура и общество портитъ по природѣ добрыхъ людей и дѣлаетъ ихъ несчастными. Современный человѣкъ похожъ на мраморную статую, которая долго лежала въ болотѣ и теперь вся покрыта грязью. Очистите ее отъ болотныхъ наростовъ, и мраморъ заблеститъ своей ослѣпительной бѣлизной. Вѣдь все, что культура даетъ человѣку, искусственно, ложно, нездорово. Весь блескъ

прославленной цивилизаціи есть только мишурная, безпокойная дѣятельность обезьянь, которыя копируютъ другъ друга и вмѣстѣ портятъ себя. Цивилизація сама по себѣ дурна, и плоды, которыя изъ нея вырастаютъ, бываютъ большею частью ядовитыми. Къ чему служатъ науки? Онѣ недостовѣрны и бесполезны и служатъ только пищей для спорщиковъ. Къ чему эта эфемерная философія, которая рождается въ закоулкѣ большого города и заглушаетъ голосъ природы, такъ же какъ и крикъ человѣчества, которая подъ именемъ философіи распространяетъ по всему свѣту одни лишь предрасудки и суевѣрія? Кто сталъ бы тратить свою жизнь на безплодныя умствованія, если бы каждый исполнялъ обязанности человѣка, жилъ сообразно съ потребностями природы и отдавалъ бы свое время только своей родинѣ, несчастнымъ и друзьямъ? Философія, литература, искусство только изнѣживаютъ; они хороши только для небольшой кучки блестящихъ и шумящихъ насѣкомыхъ, которыя собираются на вершинѣ общества и высасываютъ изъ него народныя силы. Только та одна наука необходима, которая удовлетворяетъ наше сердце; только то искусство необходимо, которое доставляетъ намъ хлѣбъ для пропитанія, кровь для нашей защиты, одежду для покрытія нашего тѣла, оружіе для самообороны. Существуетъ только одно здоровое званіе, званіе крестьянина, который питается плодами воздѣлываемаго поля и вращается въ кругу своей семьи своихъ, одинаковыхъ съ нимъ по положенію, сосѣдей и работниковъ, обходясь съ ними, какъ съ друзьями. Существуетъ только одинъ, достойный уваженія, классъ людей, работающихъ своими руками, классъ ремесленниковъ, хлѣбопашцевъ, которые одни только — дѣйствительно полезные люди и которые, вслѣдствіе своего приближенія къ голосу природы, подъ внѣшней, грубой оболочкой сохраняютъ первобытную теплоту, доброту, честность чувства.— Но теперь уже называютъ настоящимъ именемъ и оцѣниваютъ по дѣйствительному достоинству эту цивилизацію,

которую предразсудокъ выдаетъ за цвѣтъ человѣческой жизни; равнымъ образомъ осуждаютъ и толпу людей, которые живутъ ею, толпу праздныхъ аристократовъ, бездѣятельное, изнѣженное высшее общество, члены котораго пустословятъ и наслаждаются всѣми благами жизни, считая себя отборной знатью общества, тогда какъ они—только его паразиты».

Такъ говорить. И все это было бы очень хорошо, если бы только человѣкъ по природѣ былъ добръ; но черезъ Адамово паденіе человѣческая природа совершенно извратилась. Помышленія и стремленія человѣческаго сердца—зло отъ юности его (Быт. 8, 21; 6, 5). Кто, поэтому, захочетъ возстановить первобытную невинность человѣка и возвратитъ потерянный рай, тотъ долженъ, прежде всего, вырвать грѣхъ изъ міра; грѣхъ именно есть причина всякихъ неустройствъ, всѣхъ бѣдъ и несчастій, всего мірового зла и страданій.

Замѣчательное мнѣніе о переодѣнкѣ образованія въ наше время было вскользь высказано Трейчке (Политика 1, 51): «въ корни ошибаются, когда смотрятъ на умственное образованіе, какъ на самое существенное въ исторіи или вообще какъ на что-то такое, въ чемъ можно найти основанія для настоящаго счастья. Какая дикая мысль—считать женщинъ менѣе счастливыми, чѣмъ мужчинъ! Стоитъ ли ученый несравненно выше простаго работника потому только, что онъ образованъ? Во мнѣ самомъ нѣтъ этого ученаго самомнѣнія, и всѣ истинно великіе люди чужды его. Я всегда почтительно склонялся передъ простыми добродѣтелями бѣднаго, забитаго люда. Счастья жизни нужно искать не въ утонченномъ образованіи, а въ добродѣтеляхъ души, встрѣчающихся у каждаго человѣка, въ силѣ любви и въ спокойной совѣсти. Эти блага даны всѣмъ—и малому, и великому».

Заключается ли цѣль воспитанія «въ развитіи всѣхъ человѣческихъ силъ и способностей», «въ самообладаніи его собственнаго личнаго я?» Есть ли образованіе, «перевоспитаніе человѣка, улучшеніе его?»

О всѣхъ этихъ и подобныхъ представленіяхъ, неизбѣжныхъ для философіи и даже теологіи, ничего не знаетъ Библія. По ея ученію — Богъ сотворилъ человѣка совершеннымъ по Своему образу, и настоящее, дѣйствительное образованіе и развитіе можетъ и должно быть только восстановленіемъ въ человѣкѣ его богоподобія. Развитіе природныхъ дарованій и способностей не только не содѣйствуетъ скорѣйшему осуществленію этой цѣли, но и прямо отвлекаетъ въ сторону отъ нея; и это потому, что такое развитіе или «улучшеніе» человѣка необходимо ведетъ къ перевѣсу плоти надъ духомъ; поэтому, мы наблюдаемъ во всѣхъ сильно развитыхъ культурахъ переоцѣнку чувственныхъ наслажденій, страсть къ обладанію, гордость богача, надменность ученаго... Христіанство, напротивъ того, требуетъ смерти ветхаго человѣка, о которомъ разумъ заботится, стараясь его улучшить и перевоспитать, но и теперь и никогда не въ силахъ дѣйствительно улучшить путемъ воспитанія. «Вы въ Немъ научились... отложить прежній образъ жизни ветхаго человѣка, истлѣвающаго въ обольстительныхъ похотяхъ, и обновиться духомъ ума вашего и облечься въ новаго человѣка, созданнаго по Богу, въ праведности и святости истины» (Ефес. 4, 21—24). «Совлекшись ветхаго человѣка съ дѣлами его и облечшись въ новаго, который обновляется въ познаніи *по образу Создавшаго его*... Итакъ, облечитесь, какъ избранные Божіи, святые и возлюбленные, въ милосердіе, благость, смиренномудріе, кротость, долготерпѣніе, снисходя другъ къ другу и прощая взаимно, если кто на кого имѣетъ жалобу: какъ Христось простилъ васъ, такъ и вы. Болѣе же всего облечитесь въ любовь, которая есть совокупность совершенства, — и да владычествуетъ въ сердцахъ вашихъ миръ Божій»... (Колос. 3, 9—14; Фил.

3, 20 и д.; Рим. 8, 29; 2 Кор. 4, 4—6). Никто не может освободиться отъ недостатковъ, слабостей и грѣховъ своими собственными силами; мы можемъ это сдѣлать только по вѣрѣ во Христа, силою Божіей. Только истинный христіанинъ живетъ непосредственной жизнью въ мирѣ съ Богомъ, съ самимъ собою и съ другими людьми, въ чистой радости, добросовѣстно и прилежно занимаясь своими и чужими дѣлами, не погружаясь въ трудовую работу изъ честолюбія и завистливой жадности, безъ страха и раболѣпства передъ высшими, безъ гордости и высокомерія передъ низшими и подчиненными, — все это очевидныя качества христіанина, которыхъ нельзя получить путемъ одного только воспитанія, которымъ нельзя и научиться путемъ исполненія отдѣльныхъ предписаній. Они всѣ суть послѣдствія возстановленія въ человѣкѣ Богоподобія и гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ отсутствуетъ истинное образованіе.

Прогрессъ—

одно изъ любимѣйшихъ словъ нашего времени, и наша земная наука и мощь въ нѣкоторомъ отношеніи дѣйствительно прогрессируютъ.

Много хорошаго сдѣлала на пути своего развитія медицина; но, съ другой стороны, также и многія отдѣльныя болѣзни развились больше, чѣмъ прежде, напр., инфлуэнція, невралгіи и т. п., такъ что конечныя благопріятныя результаты еще весьма сомнительны. Также обстоитъ дѣло и въ другихъ областяхъ: несмотря на улучшеніе и облегченіе политико-экономическихъ взаимоотношеній и несмотря на необычайное развитіе внѣшней и внутренней торговли, нужда и голодъ въ Индіи, Китаѣ и Россіи становятся острѣе, чѣмъ прежде. Вообще потребности и желанія человѣчества растутъ быстрѣе, чѣмъ средства къ ихъ удовлетворенію.

Какой высоты современный человѣкъ можетъ достигнуть, объ этомъ говорить I. Михельсонъ въ заключеніи въ своему докладу о мозгѣ и языкѣ: «Картина непрерывнаго прогресса, котораго не измѣрилъ еще ни одинъ взоръ, невольно направляетъ нашу мысль на судьбы человѣческаго мозга и языка; короче—всего человѣческаго духа. Какъ изобразить это, въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій не прерывающееся, развитіе современнаго человѣка? Позволимъ нашимъ мыслямъ опередить время. Существа совершенно другого рода, увѣнчанныя тиарой изъ чудныхъ дарованій, сіяющія славой, несравненно превосходящей блескъ героевъ духа нашего вѣка, способны привести зрителя въ восхищеніе. Чтѣ мы можемъ теперь осуществлять, только примѣняя всѣ наши благороднѣйшія силы, это возвышенному созданію будущаго покажется легкимъ дѣломъ. Наша самая глубокая работа мысли станетъ простой игрой рефлексивнаго мышленія. Сознательному бытію откроются новыя перспективы, которыя не грезились даже и въ мечтахъ».

Наиболѣе величественнымъ и нагляднымъ является прогрессъ въ сферѣ науки и власти человѣка надъ природой; здѣсь многіе естествоиспытатели надѣются на безгранично-широкій прогрессъ, вплоть до проникновенія въ происхожденіе движенія, жизни, сознанія. Но другіе признають, что и тутъ деревья не будутъ расти до неба, что наука никогда не рѣшитъ міровыхъ загадокъ. «Быть можетъ уже и теперь маятникъ дошелъ до своей предѣльной точки и началъ бить отбой... Преувеличенное мнѣніе о научныхъ изысканіяхъ и ихъ результатахъ, кажется, уже перешло черезъ свою предѣльную, высшую точку, а благоговѣйное удивленіе передъ искусствомъ политиковъ уже начало ослабѣвать», пишетъ Паульсенъ (Einl. in die Philosophie, S. 343). Можно найти много основаній для оправданія страха передъ тѣмъ, что человѣческому духу въ подчиненіи себѣ природы положены границы и что, какъ это часто случалось въ прошедшемъ, и въ будущемъ наступить опять

регрессъ. Какъ часто достигшіе кульминаціонной точки въ своемъ развитіи народы древности опять опускались на самыя низы! Во всѣ времена въ исторіи передъ нами выступаютъ высококультурные народы—Вавилоняне, Индійцы, Египтяне, Греки, Римляне, Китайцы, туземные Американцы...; ихъ науки и знанія во многихъ отношеніяхъ не уступали нашему времени; теперь же они или совсѣмъ или въ значительной своей части пришли въ упадокъ, а то и вовсе забыты. Кто поручится за то, что та же участь рано или поздно не постигнетъ и находящіяся теперь на вершинѣ культуры государства? Тогда всякій прогрессъ даже и въ матеріальной области окажется лишь безконечнымъ круговращеніемъ,—вкатываньемъ въ гору камня, который, едва докатившись до половины, опять низвергается внизъ. «Говорить о цѣли человѣчества безсмысленно, а слѣдовательно и самое понятіе прогресса есть безсодержательный терминъ: вѣдь уничтоженіе созрѣвшей культуры напоромъ физически болѣе сильныхъ варваровъ—это правило въ исторіи», говоритъ Гольцеръ въ торжественной рѣчи въ Ульмѣ 25-го февраля 1897 г. «Вверхъ или внизъ» — это зависитъ, по мысли Каррьера, отъ рѣшенія народа направить свои симпатіи въ сторону матеріализма или идеализма (точнѣе отъ того, высказывается ли масса за или противъ Христа). «Отрицаніе нравственнаго міра, когда оно распространяется въ массѣ, приводитъ къ господству чувственныхъ наслажденій, похотей и физической силы. Теоретическое одичаніе человѣка поведетъ за собою практическое, и тогда наша культура и нашъ народъ погибнутъ».

«Только условный прогрессъ можно признать въ нашей цивилизаціи; человѣческій индивидуумъ не становится болѣе нравственнымъ съ развитіемъ культуры; звѣрь просыпается въ культурномъ человѣкѣ такъ же часто, какъ и въ варварѣ. Ничего нѣтъ истиннѣе библейскаго ученія о радикальной грѣховности человѣческаго рода, которую не могла преодолѣть еще никакая, даже высоко развитая,

культура. И можно еще усумниться, какія времена лучше: времена ли грубой, необузданной силы, или же времена искусно и хитро взимаемыхъ барышей. Теоретическая нравственность людей, конечно, утончается и развивается по мѣрѣ развитія культуры: мы осуждаемъ теперь многое, что считали для себя дозволеннымъ древніе; но это теоретическое признаніе нравственныхъ принциповъ не ведетъ еще къ дѣйствительному прогрессу, осуществляемому практически, къ субъективному улучшенію личностей; потому что не интеллектъ владычествуетъ надъ людьми, а воля, которой разумъ только служить. Поэтому и нельзя разумъ брать масштабомъ для измѣренія нравственнаго прогресса въ человѣческомъ мѣрѣ. И другія силы души, кромѣ моральныхъ, какъ-то воображеніе, память, также весьма важныя и непосредственно связанныя съ разумомъ, ослабляются культурой... Уже Платонъ говорилъ, что изобрѣтеніе письма было несчастьемъ для человѣчества: воображеніе и память очень пострадали отъ него. И это несчастье потомъ было увеличено изобрѣтеніемъ книгопечатанія и другими подобными открытіями» (Трейчке, Политика 1, 10).

Везпрерывный прогрессъ человѣчества во всѣхъ областяхъ—это пустая фраза, безъ всякаго содержанія, которую выдумала ложная наука и которую произносятъ уста только полуобразованныхъ людей. Въ религіозныхъ взглядахъ не бываетъ, вообще, никакого прогресса, нѣтъ никакихъ новыхъ путей къ старому Богу; какъ Адамъ и Ева и всѣ вѣрующіе Ветхаго и Новаго Завета, также и мы можемъ достигать блаженства только черезъ вѣру во Христа; никакой языческой и христіанской богословъ не открылъ другого пути къ небу; въ государствахъ и обществахъ господствуютъ сейчасъ себялюбіе, мошенничество, исканіе легкой наживы, страсть къ наслажденіямъ, нецѣломудріе, и эти пороки такъ же сильно развиты, какъ и тысячу лѣтъ тому назадъ... Скорѣ здѣсь можно было бы вести рѣчь о регрессѣ. Въ объясненіи бытія и происхожде-

нія существующаго философія ни на волосъ не подвинулась впередъ--и здѣсь то же незнаніе, что и тысячи лѣтъ тому назадъ. Современный прогрессъ, именно прогрессъ знанія и подчиненія природы, нисколько не содѣйствуетъ достиженію истиннаго счастья и скорѣе поселяетъ въ душѣ какую-то общую неудовлетворенность всѣмъ; матеріализмъ и индустріализмъ достигли такой степени развитія, какой не достигали никогда прежде; идеализмъ и образованіе духа все больше и больше отходятъ на задній планъ, христіанская вѣра падаетъ, себялюбіе и эксплуатація болѣе слабыхъ сильными начинаетъ господствовать повсюду.

Содѣйствуетъ ли прогрессъ достиженію счастья? Сдѣлались ли владыки мудрѣе, народы послушнѣе, а нравы лучше? Къ сожалѣнію, нѣтъ. Здѣсь совершенно нѣтъ никакого прогресса; число преступленій не уменьшилось; только, осужденіе и наказанія стали мягче. Если бы были истреблены души всѣхъ тѣхъ, которые преступили заповѣди (Лев. 18—21), особенно же заповѣди противъ прелюбодѣянія, блуда вообще и кровосмѣшенія, то многіе большіе города значительно уменьшились бы со стороны численности своего населенія, составляющагося изъ нравственно - испорченныхъ людей; теперь многія преступленія, караемыя въ Ветхомъ Завѣтѣ смертною казнью, у насъ вовсе не запрещаются, и смертная казнь въ отдѣльныхъ странахъ даже для убійцъ отмѣняется вовсе, вопреки заповѣди Божіей: «кто прольетъ кровь человѣческую, того кровь прольется рукою человека» (Быт. 9, 6). Какими послѣдствіями сопровождается такая гуманность? Становятся ли отъ нея лучше люди? Конечно нѣтъ! Все то, что не запрещено они считаютъ уже дозволеннымъ; вѣдь, если они не подвергнутся наказанію за проступокъ, или если для нихъ будетъ больше пользы отъ совершенія преступленія, чѣмъ вреда отъ наказанія за него, то они ни за что не остановятся и передъ преступными дѣйствіями. Есть люди, которые и живутъ только эксплуатаціей другихъ, — которые, несмотря на

многократное перенесеніе наказаній, все-таки поступаютъ вопреки закону; и даже сами убійцы, едва только они выйдутъ изъ тюрьмы, уже опять дѣлаются убійцами!

На мѣсто божественнаго права, гражданское право выступаетъ просто, какъ право сильнаго, и это мнимое право даетъ сильнымъ оружіе противъ слабыхъ. А какъ ведутся теперь войны? Есть ли въ нихъ хоть капля гуманности? Конечно нѣтъ. Можетъ быть, битвы и не такъ кровопролитны, но о жестокомъ и безчеловѣчномъ обращеніи съ дѣтьми, женщинами и плѣнниками сообщаетъ каждое описаніе войны; измѣна, подкупъ, нарушеніе договоровъ и данныхъ обѣщаній — служить для «цивилизованныхъ» народовъ однимъ изъ главныхъ средствъ борьбы, у побѣжденныхъ же отнимаютъ свободу, насколько только это бываетъ можно.

Только *одинъ* прогрессъ, идетъ безъ замедленія — прогрессъ отступленія отъ истиннаго Бога и забвеніе Его, и этотъ прогрессъ не остановится, не дойдетъ до точки покоя до тѣхъ поръ, пока Сынъ Человѣческій, придя вторично на землю, не найдетъ вѣры на землѣ (Лук. 18, 8). Но тогда наступитъ уже конецъ міра.

Большею частью люди приписываютъ себѣ, своему уму и находчивости всѣ открытія и изобрѣтенія; между тѣмъ только одинъ Богъ даетъ людямъ способности и дѣлаетъ возможнымъ пользованіе ими и приложеніе ихъ къ жизни. Но кто вспоминаетъ теперь о своемъ Творцѣ и благодаритъ Раздавателя благъ за всѣ Его дары? Никто болѣе не чтитъ Бога въ художникѣ, въ ученомъ: искусство и науку цѣнятъ, какъ таковыя, а не какъ даръ Бога, Который все-таки остается могущественнымъ и дѣятельнымъ Богомъ и никому другому не захочетъ отдать Своей славы и чести. Художники и ученые, прославившіеся открытіями и изобрѣтеніями, считаются благодѣтелями человечества, его свѣточами, хотя таковымъ является только одинъ Иисусъ Христосъ; имъ воздвигаютъ памятники и въ торжественныхъ панегарикахъ и пышныхъ біографіяхъ про-

славляютъ, какъ людей, поднявшихъ собственными силами и средствами на вершину культуры; Бога же, Который имъ и намъ далъ все, забыли. Тварь поставили выше Творца и снова ввели грубое идолопоклонство.

Весь матеріальный прогрессъ основывается на заповѣди Божіей: «наполняйте землю и *обладайте ею*» (Быт. 1, 28). Если такъ, то прогрессъ, видимо, спѣшитъ къ своему концу. Конечно, разсудокъ думаетъ: такъ какъ земля долго была неизвѣстна или же существовала отъ вѣчности, то она и просуществуетъ долго. Но на ряду съ исполненіемъ многихъ знаменій, которыми Св. Писаніе опредѣляетъ наступленіе послѣднихъ временъ, видимо исполняется и божественное повелѣніе: «обладайте землею». До сихъ поръ это владычество людей, даже и самая наука, простирались только на часть земли; но скоро вся земля будетъ изслѣдована человѣческимъ умомъ, наполнится людьми и подчинится человѣку.

Счастливы ли „сверхъ-человѣкъ“?

«Сильный низвергаетъ слабого и безжалостно уничтожаетъ его, пока не явится болѣе сильный, чѣмъ онъ, и не сдѣлаетъ съ нимъ того же. Это старая истина, и каждый надѣленъ отъ природы желаніемъ властвовать, господствовать, предаваться неограниченнымъ наслажденіямъ».

Это для многихъ является теперь міровымъ закономъ. Что давить, мучить, опустошаетъ, низвергаетъ, разбиваетъ и уничтожаетъ—до сихъ поръ считалось дурнымъ, но теперь становится для широкихъ круговъ общества хорошимъ, важнымъ, благороднымъ, возвышеннымъ, потому что соотвѣтствуетъ этому мнимому «общему закону». Кто слѣдуетъ этому закону, тотъ принадлежитъ, будто бы, къ породѣ господъ, онъ—сверхъ-человѣкъ. То же, что противится этому «закону природы», называется дурнымъ, пошлымъ. Смиреніе, терпѣніе, самоотреченіе, самопожертвованіе, состраданіе, любовь къ ближнему: все это будто-бы лишь

инстинкты стадности. Стадный человекъ считаетъ свое дѣланіе и бытіе добромъ, проявленіе власти надъ другими—зломъ. Однако ничто само по себѣ не можетъ быть добрымъ или злымъ: такое различеніе дѣлаетъ будто бы только наша мысль. Стадный человекъ только унижаетъ другого, если за него жертвуетъ собою... Его воля къ власти еще слаба, власть его болѣзненна и лѣвива. «Прочь ее, и да здравствуетъ неумолимая, безжалостная твердость господина! Будьте тверды, тверды и тверды, братья мои!» взываетъ Заратустра Ницше. «Предоставьте первобытному звѣрю полную свободу дѣйствій, предоставьте ему право отживать и умирать, хотя бы то въ трудахъ, нуждахъ и болѣзняхъ! Онъ долженъ побѣдить самого себя, чтобы возвысить типъ человекъ. Цѣль міровой эволюціи — выработка совершеннаго человекъ, сверхъ-человекъ. Общество существуетъ только ради сверхъ-человекъ; народъ не болѣе какъ окольный путь природы, стремящейся создать 5 или 6 великихъ мужей». Временами изъ многихъ, слишкомъ многихъ, возникаютъ сверхъ-человѣки, какъ Наполеонъ, какъ самъ Ницше. Вся жизнь природы есть, по его мнѣнію, одно страстное стремленіе къ его собственной индивидуальности... При всемъ томъ этотъ человекъ, убившій въ себѣ Бога, пришелъ къ умственному помраченію.

Но это не философія, не наука: это самообманъ и ложь. Самъ Ницше отвергаетъ «волю къ истинѣ», какъ не имѣющую будто бы оправданія. Однако, даже самый простой человѣческій разумъ подобныя представленія считаетъ неразуміемъ, сумасшествіемъ. Если бы всѣ эти ученія были признаны справедливыми и цѣнными, то человѣческое общество было бы не въ состояніи просуществовать и одинъ моментъ; борьба всѣхъ противъ всѣхъ уничтожила бы его совершенно. Но почему столь многіе поддаются вліянію «морали господъ», измышленной Ницше, и привязываются къ ней, притомъ не только мужчины, но даже женщины, которыя явно страдаютъ отъ всего этого? По-

тому что имъ кажется, будто она показываетъ простой, лучезарно-возвышенный, пріятный путь къ человѣческому совершенству, къ счастью. Пройти жизненный путь, безъ оглядки удовлетворяя страсти, отдаваясь всякому желанію, могъ бы каждый. Но до сихъ поръ все это считалось безнравственнымъ, грѣхомъ. Ницше возвысилъ то, чего желалъ всякій, а еще болѣе многіе дѣлали, но что многіе считали запрещеннымъ, на степень нравственнаго закона жизни. Эта «господская мораль» уполномочиваетъ каждаго во всякое время слѣдовать влеченію своего сердца даже принуждаетъ его къ этому, и въ заключеніе выставляетъ преступника идеаломъ человѣка. Она разрушаетъ всѣ ограниченія, законы и нравы, которые привила человѣческому роду «рабская мораль толпы». На первомъ планѣ въ круговоротѣ человѣческихъ родовъ вотъ что стоитъ: «да царствуетъ эросъ, отъ котораго все получило начало». И свободная любовь фактически господствуетъ теперь въ литературѣ и искусствѣ, въ обществѣ и семьѣ.

Все это прощаетъ наше время и охотно говорить о мании, о тѣлесныхъ страданіяхъ, которыя нарушаютъ душевное равновѣсіе. Да и Ницше долженъ былъ написать свои безумныя творенія вслѣдствіе физическихъ страданій и въ заключеніе самъ сошелъ съ ума. Но вопреки пословицъ: «*Mens sana in corpore sano*»—только въ здоровомъ тѣлѣ живетъ здоровый духъ, — духъ управляетъ тѣломъ. Если бы духъ не позволялъ господствовать въ себѣ, въ своей фантазіи, страстямъ и желаніямъ, то и тѣло не подчинилось бы имъ.

«Только духъ живетъ. Только жизнь духа—есть истинная жизнь. Жизнь тѣла должна быть подчинена духу и управляться имъ, но не наоборотъ: для достиженія истинной жизни, духъ не долженъ подчиняться капризамъ, настроеніямъ, влеченіямъ тѣла. Эта великая истина издревле для мудрѣйшихъ этого міра считалась краеугольнымъ камнемъ всякой нравственности, добродѣтели, всѣхъ религій,

всего того, что есть великаго и божескаго въ человѣкѣ, всякаго истиннаго блаженства. Она не часто встрѣчается, потому что естественному человѣку ближе и пріятнѣе жить плотскою, чѣмъ духовною жизнію. Мы ни въ коемъ случаѣ не намѣрены отрицать вліянія тѣла на душу; но столь же примѣтна, если не больше, и власть духа надъ тѣломъ. Духъ можетъ причинять и исцѣлять болѣзни, онъ можетъ убивать и оживлять. Не видимъ ли мы очень часто, какъ испугъ и другія страсти, слѣдовательно, душевныя вліянія, причиняють эпилепсію, обмороки, параличи, кровотеченія и множество другихъ болѣзней до смерти включительно? И отъ чего умираетъ такой человѣкъ? Единственно отъ сильнаго, подобнаго молніи, воздѣйствія духа на тѣло» (Гуфеландъ).

Итакъ, сверхъ-человѣкъ не можетъ быть счастливымъ. Независимо отъ того, что такая «господская мораль» осуждаетъ великое множество людей на рабство, даже сверхъ-человѣкъ не можетъ удовлетворить всѣ свои страсти и осуществить всѣ свои желанія. И онъ разрушаетъ свое здоровье кутежами, попойками, разгуломъ, разрушаетъ мотовствомъ благосостояніе свое и семейное. Сверхъ-человѣкъ ни съ кѣмъ не живетъ въ ладахъ, полонъ сомнѣній и невѣдѣній касательно себя самого и своей цѣли. Когда же такія теоріи жизни распространяются шире, тогда начнутся внутренніе и виѣшніе диссонансы и противорѣчія, возстанія противъ всякаго авторитета, неумѣренное стремленіе къ деньгамъ и власти, слабость нервовъ, сомнѣніе, отчаяніе и самоубійство,—это знаменіе нашего времени.

Откуда происходитъ понятіе и выраженіе «сверхъ-человѣкъ»? Оно заимствовано изъ христіанства, но переименовано въ новѣйшее время. Генрихъ Мюллеръ говоритъ въ своихъ «духовныхъ досугахъ» (1664 г.): «Тотъ (естественный) человѣкъ есть не-человѣкъ, тотъ (духовный) есть истинный человѣкъ... Въ обновленномъ человѣкѣ ты становишься истиннымъ человѣкомъ, сверхъ-человѣкомъ, бого-христо-человѣкомъ». Итакъ, кто опускаетъ узду сво-

ихъ страстей, тотъ не только не превосходить обыкновеннаго человѣка, но становится рабомъ своихъ похотей и страстей, дѣлается не-человѣкомъ, который потерялъ истинно человѣческое господство надъ своимъ тѣломъ. Истинный сверхъ-человѣкъ есть христіанинъ, который обуздываетъ свои страсти и презираетъ радости міра, на скорбь и нужду смотритъ, какъ на испытаніе его вѣры, которое посылаетъ изъ любви къ нему премудрый Богъ. Онъ побѣдилъ въ себѣ міръ и очистился отъ грѣховъ; онъ въ согласіи съ Божьей волей желаетъ наилучшаго и съ Божьей помощью дѣлаетъ только доброе,—въ противоположность невѣрующимъ, которые живутъ въ грѣхахъ, не зная, что добро или зло, и думаютъ, что поступаютъ справедливо, если проводятъ свою волю и дѣлаютъ то, что имъ кажется добрымъ. Но... не озаренный благодатію разумъ противится Божіей заповѣди...

Какъ избранные Богомъ, какъ дѣти Бога и братья Христу, христіане суть духовная аристократія, священники и цари, какъ говоритъ слово Божіе, «возвышенныя души и благородныя люди», которые не прикасаются ни къ чему нечистому, которые не пятняютъ себя кровью и порокомъ: они уже здѣсь, на землѣ, счастливы надеждой и созерцаніемъ блаженства.

* *
*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Блаженный Софроній, 3-й Епископъ Иркутскій.

КРАТКОЕ ПОВѢСТВОВАНИЕ О ЕГО ЖИЗНИ, ДѢЯНІЯХЪ И БЛАЖЕННАЯ ПАМЯТЬ О НЕМЪ *).

Прошло еще 20 съ небольшимъ лѣтъ. Возсіявшій изъ-подъ спуда свѣтильникъ вѣры и благочестія опять подъ землею сокрылся. А между тѣмъ время и сырость снова сдѣлали свое: снова погнилъ и попортился деревянный полъ въ Казанскомъ придѣлѣ.

Высокопреосв. архіепископъ Нилъ ¹⁾, правившій Иркут-

*) Продолженіе. См. февральскую кн. *Душ. Чит.* 1907 г.

¹⁾ Высокопреосв. архіепископъ Нилъ (Николай Ѳеодоровичъ Исаковичъ), уроженецъ Могилевской губ., сынъ священника, обучался въ Могилевской семинаріи; 1821 г. поступилъ въ С.-Петербургскую дух. академію; 1825 г. 22 августа постриженъ въ монашество, по окончаніи курса со степенью магистра; 27 августа іеродіаконъ; 29 числа іеромонахъ. Сентября 5-го того же года назначенъ инспекторомъ Черниговской дух. семинаріи; 1828 г. 8 мая—баккалавръ и инспекторъ Кіевской дух. академіи; 2 сентября 1830 г.—ректоръ Ярославской семинаріи, 12 октября того же года возведенъ въ санъ архимандрита; 16 ноября 1835 г. назначенъ епископомъ Вятскимъ, хиротонисанъ декабря 8-го; 1838 г. апр. 23 — епископъ Иркутскій; въ 1840 г. апр. 13—возведенъ въ архіепископы; 1853 г. декабря 24 переведенъ въ Ярославль, гдѣ и скончался 21 юня 1874 г. (Герарх. Всерос. ц. № 287). Его правленіе Иркутскою епархіею ознаменовано: усиленнымъ крещеніемъ Балагонскихъ бурятъ; увеличеніемъ числа, — подобно какъ это было заведено при преосв. Софроніѣ, — походныхъ храмовъ и миссіонерскихъ церквей; 1853 г. основаніе училища дѣвицъ духовнаго званія, открыто 17 янв. 1854 г.; постройка новой духовной семинаріи около Успенской цер-

скою епархією между 1838—1853 годами, владыка энергичный и дѣятельный, прибывъ въ Иркутскъ обратилъ вниманіе и на соборъ. При передѣлкѣ пола въ Казанскомъ придѣлѣ снова были открыты цѣлыми гробъ и мавтія и обрѣтены вторично нетлѣнными мощи блаж. Софронія. На этотъ разъ свидѣтелями нетлѣнія гроба и одеждъ

кви, отдѣленіе семинаріи отъ училища, которое осталось на прежнемъ мѣстѣ близъ архіерейскаго дома и кафедральнаго собора, на архіерейскаго дома землѣ, около консисторіи и Триумфальныхъ (Московскихъ) воротъ на берегу р. Ангары, а семинарія переведена въ новое зданіе 1846 г.; церковь въ семинаріи освящена 9 апр. 1814 г.; основаніе Ниловой (въ честь Нила Столбенскаго чудотворца) пустыни въ Саянскихъ горахъ съ миссіонерскими цѣлями 3-го іюня 1851 года. Пустынь расположена на горныхъ источникахъ Ихе-угун и Хон-холой; по главная цѣнность и значеніе этой пустыни въ миссіонерскомъ отношеніи. Въ этой пустыни горячіе минеральные сѣрные 34° R. источники, куда собираются для леченія отъ всѣхъ своихъ болѣзней буряты. Здѣсь-то для миссіонера удобное поле (мѣсто и время) для сѣнанія слова Божія. Въ этихъ видахъ архіеп. Нилъ и открылъ здѣсь пустынь и миссіонерскій стащъ. Пустынь имѣетъ неприкосновеннаго капитала 20.000 руб. Сюда прѣзжаютъ и русскіе лечиться отъ ревматизма и накожныхъ болѣзней. Переводъ богослужебныхъ книгъ на монгольскій языкъ; но особенная его заслуга — расположеніе Иркутскаго золото-промышленника Евѳимія Андреевича Кузнецова пожертвовать 250 тысячъ капитала на постройку въ Иркутскѣ новаго кафедральнаго собора, каковымъ нынѣ и украшается Иркутскъ. Соборъ этотъ носитъ названіе Новаго Кафедральнаго Казанскаго собора, въ честь Иркутской Казанской чудотворной иконы Богоматери. Основанъ въ 1875 г.; освященъ въ 1894 г. 25 января; въ соборѣ 6 придѣловъ и усыпальница для Иркутскихъ почившихъ владыкъ. Первымъ тамъ погребенъ умершій 2 февраля 1892 г. архіеп. Веніаминъ (Благоправовъ) II. Новый соборъ паритъ надъ всѣмъ Иркутскомъ. Чудотворный образъ Богоматери Казанской Ея иконы поставленъ намѣстнымъ въ главномъ иконостасѣ. Соборъ съ утварью стоитъ болѣе 1 милліона рублей—все это возросшій процентами капиталъ Е. А. Кузнецова, испрошенный архіеп. Ниломъ. Кромѣ того архіеп. Нилъ оставилъ собственные научные труды: „О буддизмѣ“ записки при поѣздкѣ по миссіи; лѣтописъ Иркутской Крестовоздвиженской церкви и 2 книги проповѣдей (Востоchno-Сибирскій календарь 1875 г., стр. 56; Табелъ Иркутскихъ архіереевъ и викаріевъ 1898 г.; *Ирк. Еп. Вѣд.* 1865 г. № 24—376 и др.).

и въ нихъ почивающихъ мощей преосв. Софронія были не только православные, но и магометане татары, которые въ качествѣ плотниковъ перестилали полъ въ Казанскомъ придѣлѣ. Они — татары плотники — и полъ разбировали, и найденный гробъ, при своемъ невѣдѣніи и по любопытству, открыли и съ удивленіемъ и страхомъ сообщили соборной прислугѣ (трапезникамъ и причту). Еще въ концѣ 1890-хъ годовъ живъ былъ въ Иркутскѣ, въ нагорной его части близъ Іерусалимскаго кладбища, старичекъ татаринъ, одинъ изъ тѣхъ плотниковъ, работавшихъ въ соборѣ; онъ говорилъ, что видѣлъ во гробѣ цѣлымъ и въ одеждахъ тѣло лежащаго какъ бы спящимъ, давно уже умершаго русскаго *«большого священника»* (*нона*), какъ выражался онъ свѣтскимъ). Полъ въ придѣлѣ былъ насланъ новый, и опять гробъ и тѣло блаж. Софронія остались подъ поломъ. Но архіепископъ Нилъ обратилъ серьезное свое вниманіе на это событіе, — второе обрѣтеніе нетлѣнныхъ мощей блаженнаго Софронія, послѣ свыше 80 лѣтняго пребыванія ихъ въ землѣ въ сырой мѣстности; говорятъ, онъ объ этомъ сообщалъ Св. Синоду, но о послѣдствіяхъ не имѣемъ подъ руками данныхъ. Однако, архіеп. Нилъ самъ лично принялся за составленіе полной біографіи блаженнаго Софронія и, пользуясь положеніемъ, собралъ все важнѣйшее (документы, бумаги и проч.); но, вскорѣ переведенный изъ Иркутска, онъ не успѣлъ исполнить этого своего горячаго желанія и благоговѣйнаго отношенія къ преосв. Софронію. Такъ и отбылъ въ Ярославль, забравъ съ собою и собранный матеріалъ для жизнеописанія преосв. Софронія.

Снова протекло около 20 лѣтъ. При высокопреосв. архіеписк. Иркутскомъ Парѣеніѣ¹⁾, капитально пере-

¹⁾ Парѣеній, управлявшій Иркутскою епархією съ сент. 1860 г. по 1873 г., въ мѣрѣ Петръ Тихоновичъ Поповъ, урожд. Воронежской губ. Задонскаго уѣзда, сынъ священника, по окончаніи курса въ Воронежской семинаріи и Кіевской академіи со степенію магистра богословія,

строившемъ архіерейскій домъ и архіер. домовую церковь,—и Богоявленскій кафедральный соборъ былъ внутри капитально переустроенъ въ 1869—70 гг.; и тѣло блаженнаго Софронія въ третій разъ было обрѣтено нетлѣннымъ; и на этотъ разъ уже не сокрыто подъ спудомъ отъ взоромъ, но для доступа и поклоненія почитателей блаженнаго и нетлѣнно-почивающаго святителя Софронія Архіеп. Пареній приказалъ оставить противъ гроба отверстіе (люкъ) въ церковномъ полу и закрывать его внѣ богослуженій крышкою на шарнирахъ; а для спуска ко гробу была вставлена въ подполье обычная (простая) лѣстница. Кромѣ того архіеп. Пареній выдалъ отъ себя въ 1872 г. шнуровую книгу соборянамъ для записи заявленій и событій о благодатныхъ знаме-

7 окт. профессоръ Орловской семинаріи; 1836 г. 13 окт. священникъ; 1840 г. 1 окт. протоіерей; 1841 г. ноября 16—монахъ; 1842 г. окт. 24—инспекторъ Орловской семинаріи, того же года 6 декабря игуменъ и управляющій Болховскимъ оптинымъ монастыремъ; съ 20 апр. 1842 г. ректоръ Орловской семинаріи, 20 мая архимандритъ; 1844 г. 22 окт. ректоръ Харьковской семинаріи и настоятель Старо-Харьковского монастыря; 1848 г. апр. 12—ректоръ Херсонской семинаріи и настоятель Одесскаго Успенскаго монастыря; 1852 г. 29 февраля ректоръ Казанской академіи; 1854 г. янв. 23 епископъ Томскій, хиротонисанъ 14 марта; 1860 г. сент. 13—Иркутскій; 1863 г. марта 31 возведенъ въ санъ архіепископа; скончался 31 янв. 1873 г. и погребенъ, по его завѣщанію, въ Вознесен. свят. Иннокентія монастырѣ, въ усыпальницѣ построеннаго при архіеп. Пареніи храма, вмѣсто пришедшаго въ ветхость отъ неправильной и своевольной закладки храма настоятелемъ Вознесенскаго монастыря при преосв. Иннокентіи II; храмъ этотъ разобранъ 1862 г. (Синод. указъ 24 септ. 1862 г.), оконченъ и торжественно освященъ 15 октября 1872 г. Въ управленіе преосв. Паренія миссія еще болѣе благоустроена, крещено очень много инородцевъ. Іерарх. Всерос. ц. № 338; В. С. календ. 56—57 стр. Истор. событ. Ирк. епарх. П. Громова, 10 стр. Высокопреосв. Пареній былъ хорошій и усердный проповѣдникъ; говорилъ каждое свое богослуженіе проповѣди; но проповѣдей арх. Паренія печатныхъ нѣтъ отдѣльно. Объ этомъ намъ передавалъ съ сожалѣніемъ высокопреосв. архіеп. Веніаминъ II.

нѣхъ отъ нетлѣнныхъ мощей блаж. Софронія и чрезъ-
молитвенное обращеніе къ блаж. Софронію заочное въ
разныхъ мѣстахъ Сибири, Европ. Россіи и Кавказа.

Иркутскій каедральный соборъ былъ ремонтированъ
вслѣдствіе поврежденій въ соборѣ, произведенныхъ силь-
нымъ землетресеніемъ, бывшимъ особенно 30 и 31-го де-
кабря 1862 г., а равно и въ 1868 и 1869 гг. Это
обновленіе собора и освѣщеніе его совпало съ днемъ сто-
лѣтія кончины блаженнаго епископа Иркутскаго Софронія,
1871 г. 30 марта (преосв. Софроній, какъ помнятъ чита-
тели, сконч. 30 марта 1771 г. во вторникъ Пасхи). «30
марта 1871 г., пишетъ каедральный прот. Прокошій Гро-
мовъ въ своей хроникѣ событій Иркутской епархіи, со-
вершилось освященіе храма, — во имя Богоматери въ честь
(8 іюля) и празднованіе (22 окт.) Ея Казанскія иконы, —
составляющаго правый придѣлъ каедральнаго Богоявлен-
скаго собора. Наканунѣ (въ понедѣльникъ Пасхи 29 марта),
послѣ пасхальной всеобщей его высокопреосвящ. Пар-
ееніемъ архіеп. Иркутскимъ отслужена заупокойная литія
по преосв. епископѣ Софроніѣ у открытаго въ полу храма
мѣста надъ гробомъ почившаго, со времени кончины кото-
раго исполнилось нынѣ ровно 100 лѣтъ. Освященіе пре-
стола начато въ 8 часовъ утра во вторникъ преславнаго
дня Пасхи, затѣмъ божественная литургія, совершенная
архіеп. Пареееніемъ въ сослуженіи собора старшаго Ир-
кутскаго духовенства ¹⁾). При освященіи: престоль, тумба
съ мощами, даже гвозди и камни остались тѣ же, какіе
были употреблены при устроеніи и освященіи сего пре-
стола и храма въ 1766 г. 6 іюля преосв. Софроніемъ. На
литургіи, послѣ возгласа «Господи спаси благочестивыя»,

¹⁾ Сослужащими архіеп. Парееенію были: ректоръ семинаріи архим.
Модестъ († архіеп. Волынской и Житомирскій), каедральный прот.
Прок. Громовъ († 1880 г.), прот. Вас. Корташевъ († 1892 г. 5 іюня),
игумень Анатолій, ключарь собора Іоаннъ Чирцевъ и прочій собор-
ный причтъ.

«во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь, Господи, усопшему рабу Твоему преосв. Софронію и сотвори ему вѣчную память!» Хоръ умирительно пропѣлъ «вѣчная память!» На сугубой ектеніи присоединена и заупокойная о преосв. Софроніѣ; во время причастна протоіереемъ Прок. Грозовымъ произнесено слѣдующее слово ¹⁾:

«Свѣтлый нынѣ праздникъ праздниковъ, а для насъ онъ сегодня еще свѣтлѣе и радостнѣе! Заботливая любовь архипастыря нашего къ благолѣпію храмовъ Божіихъ приготовила къ настоящему дню — торжество мѣстное, близкое къ сердцу города, родное странѣ нашей... Освятился днесь храмъ, происхожденіе котораго достойно памяти Иркутска; а день освященія вызываетъ невольный вопросъ: почему не раньше, не позже?!

«Когда основывался Иркутскъ, на этомъ — на самомъ этомъ мѣстѣ былъ выстроенъ деревянный храмъ, Богоявленскій кафедральный соборъ ²⁾). Храмъ тотъ сгорѣлъ ³⁾; и когда приступлено было ⁴⁾ къ сооруженію новаго каменнаго соборнаго храма, то отъ благоговѣйнаго предковъ нашихъ полились щедрія приношенія деньгами и вещами на новое строеніе и, что замѣчательно!—приношенія записывались «на сооруженіе храма Богоявленія Господня и Божіей Матери иконы Ея Казанскія». И это первое упоминаніе объ иконѣ Божіей Матери Казанской и желаніе жителей Иркутска видѣть во имя Ея храмъ—возникло не ранѣе, какъ въ годъ слѣдованія назначавшагося въ Китай святителя Иннокентія чрезъ Иркутскъ за Байкаль,—этотъ годъ былъ 1722-й.

¹⁾ Рукописный дневникъ прот. Прок. Громова. Богослужебный журналъ Иркутскаго кафедральнаго собора, кн. 2-я, 1871 г. 29 и 30 марта.

²⁾ Дерев. соборъ первый былъ построенъ и освященъ въ 1693 г. Лѣтоп. Пежемск. листъ 6-й на оборотѣ.

³⁾ Въ 1716 г. 3 авг. Лѣтописъ Пежемск., стр. 30 и 34.

⁴⁾ Основаніе теперешнему камен. Богоявл. собора положено 1718 г. Лѣт. Пежемск., 34 стр.

«Что же это за икона Божіей Матері Казанскія, къ которой (полтора столѣтія тому назадъ) явилось особенное благоговѣніе и усердіе иркутянь? Откуда она? И гдѣ теперь находится? — Икона эта есть—сія, украшающая и дониндѣ здѣсь лѣвую сторону царскихъ вратъ новоосвященнаго нынѣ храма, его главнѣйшая—намѣстная икона! Давнее, непрерывное *честваніе* ея съ *незапамятныхъ временъ*, общая вѣра въ ея чудотворную силу, исключенное отношеніе ея по градамъ и всеямъ Иркутской паствы,—отмѣтили сію *святую* при семъ соборномъ храмѣ, какъ особенный *даръ Божій* на благословеніе Иркутской паствы ниспосланный. Когда же и чрезъ кого этотъ безцѣнный даръ ниспосланъ?

«Была ли сія икона занесена сюда первыми переселенцами изъ Россіи или здѣсь устроена,—мѣстныя лѣтописи вопроса сего пока не рѣшили ¹⁾. Но что начало особен-

¹⁾ По сохранившемуся преданію образъ сей найденъ сторожевыми казаками близъ ихняго сторожеваго зимовья, основаннаго въ 1652 г. на островѣ Дьячемъ,—это версты на двѣ выше нынѣшняго г. Иркутска, построеннаго въ 1661 г. на правомъ берегу р. Ангары, подъ названіемъ Иркутскаго острога (крѣпости). Островъ же Дьячій находится среди рукавовъ р. Иркуты, версты за двѣ—три отъ впаденія Иркуты въ Ангару. Здѣсь-то на островѣ Дьячемъ среди болотъ, покрытыхъ лѣсомъ, и была найдена сія икона и тогда уже давняго письма. Икона, написанная на толстомъ холстѣ фряжскаго письма, была свернута трубкою, ликомъ внутрь. Откуда она сюда явилась? И явилась ли здѣсь, или кѣмъ была сюда на островъ принесена и почему-либо оставлена, или забыта, или осталась за смертію принесшаго:—это осталось неизвѣстнымъ. Но уже слова Пр. Громова, которыя мы нарочито подчеркнули выше, что *икона сія чтится съ незапамятныхъ временъ*, показываютъ, что образъ сей древенъ и чтится иркутянами съ начала существованія Иркутска. Икона писана въ темно-коричневой рамѣ,—типъ письма 15—17 вѣковъ. Вѣроятно, вскорѣ же по обрѣтеніи ея была наложена (наклеена клеестеромъ изъ простой съ отрубями не сѣянной пшеничной муки) на листвичичную доску, въ которой для самаго образа выбрано поле (сдѣлано глубже), а края вокругъ доски, въ размѣръ темно-коричневой рамы иконы, сдѣланы выше (выступомъ). Въ 1693 году перенесена съ

наго ея чествованія совпадаетъ съ годомъ перваго про-
 ѣзда св. Иннокентія (Кульчицкаго) I чрезъ Иркутскъ за
 Байкаль,—то здѣсь есть основаніе благоговѣйному гада-
 нію: не онъ ли нынѣ нашъ святитель и чудотворецъ
 (Иннокентій I) испросилъ у Господа особенную благодать
 сей иконѣ, благочестивымъ усердіемъ отцовъ нашихъ
 сюда занесенной или здѣсь явившейся, прославившейся и
 прославленной; благодать чудотворныхъ провленій во
 благо странъ нашей, каковыя (благодѣянія) на себѣ испы-
 тали, испытываютъ и будутъ испытывать и получать всѣ
 лобызающіе сію икону съ любовію здѣсь и подъемлющіе въ
 дома свои съ упованіемъ и на поля свои съ надеждою, что
 она приноситъ съ собою благословеніе, миръ и благово-
 леніе Божіе и Богоматери. «Откуда мнѣ сіе, да прииде
 Матерь Господа моего ко мнѣ», такъ восклицала проро-
 чица Елисавета, мать предтечева, первая увидя Богоро-

перенесеніемъ караула съ острова Дьячаго внизъ на правый берегъ
 р. Ангары противъ впаденія въ нее слѣва р. Иркуты. Въ 1662 году
 построена деревянная крѣпость, обнесенная бревенчатымъ частоко-
 ломъ, крѣпость эта составляла площадь 288 кв. саж. съ рубленою
 внутри крѣпости бойницею и съ тремя меньшими по угламъ; снару-
 жи крѣпостца была обнесена рвомъ, который могли наполнять по желанію
 водою съ тогда существовавшей протоки р. Ангары. Въ 1686 г. 20
 апр. Иркутскій острогъ былъ пожалованъ титуломъ „городъ“. Этого-
 то новый крѣпостной городъ расширилъ свои границы, въ 1693 году
 построилъ новую крѣпость и въ ней построилъ деревянную Богоявлен-
 скую церковь, въ которой и поставилъ свою святыню — Казанскую
 икону Богоматери. Во время пожара 3 августа 1716 г., когда до тла
 сгорѣла вся крѣпость и въ ней и Богоявленскій соборъ, икона Бого-
 матери какими-то судьбами спасена цѣлою и невредимою; съ сего
 времени и началось ея всеобщее и благоговѣйное чествованіе, соеди-
 ненное съ непремѣннымъ желаніемъ построить для нея придѣлъ при
 Богоявленскомъ новомъ соборѣ. Смотр. Лѣтопись Пеземск, стр. 2. 3.
 9. 11. 30 и 34; Восточн. Сибир. календарь 1875 г., стр. 1—7; Сина-
 ксарь на освященіе Иркутскаго Казанскаго кафедральнаго собора
 1894 г. 24 января. Основаніе сей крѣпостцы, особенно ея внутренней
 бойницы, уцѣлѣло и до нашихъ дней; оно выступаетъ изъ земли между
 Спасскою церковію и Богоявленскимъ соборомъ.

дицу Дѣву пришедшую въ Захаринъ домъ... (Ев. Луки, глава I, стих. 41. 43 и 44).

«Я увлонился! Но каменный Богоявленскій соборный храмъ на мѣсто прежняго погорѣвшаго выстроился однако безъ желаннаго придѣла въ честь иконы Божіей Матери Казанскія и выстроился на новомъ мѣстѣ, немного сѣвернѣе, но близъ мѣста прежняго, оставшагося непокровеннымъ. Однакожь и въ новомъ Богоявленскомъ соборѣ икона сія заняла—первое мѣсто въ иконостасѣ.

«Между тѣмъ третій еп. Иркутскій *Софроній*, при которомъ *Иркутская епархія* получила полное благоустройство и внѣшнее и внутреннее, сохраняющее и понынѣ слѣды свои даже въ отдаленной *Камчаткѣ*, состоявшей подъ его же (Софронія) пасеніемъ,—не оставилъ безъ вниманія давняго желанія обитателей Иркутска: имѣть храмъ во имя Божіей Матери Казанскія... И прекрасно согласилъ это желаніе съ своею мыслию, чтобы поставить прочный памятникъ на томъ мѣстѣ, на которомъ стоялъ первый—деревянный соборный храмъ Богоявленскій, потомъ сгорѣвшій. Плодомъ сей мысли святителя (Софронія) была пристройка къ главному Богоявленскому храму и сего придѣльнаго алтаря и храма во имя Божіей Матери, иконы Ея Казанскія. Въ 1766 г. святитель Софроній сей, устроенный имъ, храмъ освятилъ и, послѣ того чрезъ пять лѣтъ, переселился духомъ своимъ въ вѣчныя обители Отца небеснаго, а тѣломъ своимъ положился подъ симъ святылицемъ, какъ бы нарочито приготовленнымъ въ мѣсто упокоенія себѣ и для своихъ преемниковъ».

Протоіерей Милій Чефрановъ, настоятель Святотроицкой церкви при Императорскомъ Россійскомъ Генеральномъ Консульствѣ въ г. Ургѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Эккурсія студентовъ Московской Духовной Академіи на Ближній Востокъ¹⁾.

10 іюня.

Проснулся рано отъ крика турецкихъ разносчиковъ. Они какъ то особенно кричатъ, визжатъ на всѣ лады. Кажется, что они хотятъ перекричать другъ друга.

Сегодняшнее 10-ое число приходится въ пятницу, а по пятницамъ каждую недѣлю бываетъ парадный выѣздъ султана въ мечеть на молитву. Русскій посоль ходатайствовалъ предъ султаномъ, чтобы намъ всѣмъ экскурсантамъ было позволено явиться на селамликъ. Часовъ около десяти мы собрались у дома посольства, для насъ были приготовлены коляски, и мы важно въ качествѣ почетныхъ гостей султана поѣхали на селамликъ. Нашъ кортежъ состоялъ изъ 11 колясокъ и обращалъ на себя вниманіе проходящей публики. Преосвященный и профессора были приглашены въ особо приготовленное зданіе для почетнѣйшихъ гостей, а мы устроились на площадкѣ, предназначенной просто для почетныхъ гостей. Тутъ были представители разныхъ національностей обо-его пола. До выѣзда султана площадь, по которой онъ долженъ былъ проѣхать, усыпана была желтымъ пескомъ. Начали стягиваться войска. Муллы съ благоговѣніемъ направились въ мечеть. Черезъ нѣсколько минутъ показы-

¹⁾ Продолженіе. См. апрѣльскую кн. *Душепол.* Чт. 1907 г.

вается на высотѣ минарета мулла, который нѣсколько разъ произнесъ печальнымъ и очень мелодичнымъ голосомъ: Аллахъ. Вотъ, наконецъ, ѣдетъ и самъ султанъ, позади его наслѣдникъ и главная жена; всѣ окружены свитой. Наступаетъ мертвая тишина. Войска и гости молча отдають честь султану. Султанъ на привѣтствіи отвѣчаетъ глубокими поклонами. Молитва въ мечети продолжалась приблизительно минутъ 10. Только что султанъ вышелъ по окончаніи молитвы, грянула музыка, и всѣ почувствовали себя веселыми. Гости были угощены кофе и папиросами. Папироса султана у меня хранится и до сихъ поръ. Гости стали разѣзжаться. Поѣхали и мы. Обыкновенно туристы съ селамлика заѣзжаютъ къ дервишамъ, но мы не заѣхали, потому что боялись опоздать на пароходъ. Сегодня послѣдній день нашего пребыванія въ Константинополѣ.

Монахи устроили очень хорошій прощальный обѣдъ. Монахи прощались съ нами на время. Вы еще наши гости—говорили они. Послѣ обѣда мы сразу пошли на таможеню. Здѣсь насъ не задержали. Увидѣли свой пароходъ «Лазаревъ», который снаружи производилъ непріятное впечатлѣніе. 2 профессора, Н. А. Заозерскій и В. А. Соколовъ, и нѣсколько человѣкъ сопутствующихъ далѣе не поѣхали съ нами. Они намъ пожелали на дальнѣйшій путь всего хорошаго.

На пароходѣ намъ не понравилось: вездѣ грязь, тѣсно, устроились на нарахъ на носу. Пароходъ существуетъ слишкомъ 40 лѣтъ, участвовалъ въ Крымской кампаніи. И на этомъ пароходѣ намъ было предоставлено право находиться на палубѣ для пассажировъ 1 и 2 классовъ.

Что-то будетъ дальше? спрашиваешь себя, заглядывая въ зеркало будущаго. Вѣдь путь моремъ продолжается до Яффы 10 сутокъ.

11 іюня.

Познакомился съ ученикомъ Константинопольскаго коммерческаго училища, который послѣ экзамена ѣдетъ на

Аеонъ. Молодой человекъ предвкушалъ прелести проведенія каникулярнаго времени на Аеонъ. «Вы не можете себѣ представить, какая природа на Аеонъ, говорилъ молодой человекъ,—разнообразіе климата, растительности, чудное море?.. Нѣтъ, я вамъ совѣтую когда нибудь провести лѣто на Аеонъ». На пароходѣ было нѣсколько богомольцевъ и послушниковъ, ѣдущихъ на Аеонъ. Подхожу къ благообразному сѣденькому старичку. Куда, дѣдушка, путь держите.—На Аеонъ, дорогой мой. Каждый годъ въ это время отправляюсь на Аеонъ то. Ужъ больно то тамъ хорошо. Экая прелесть, сколько тамъ благодати, святости. Заработаю деньжонки то рублей 50 въ годъ то: ну, на нихъ и поѣду.—Присаживаюсь къ кучкѣ послушниковъ Аеонскаго Панталеймоновскаго монастыря. Одинъ изъ нихъ читаетъ элементарный курсъ анатоміи человека. Я помогъ ему разобраться въ отдѣлѣ костной системы. Послушники въ свою очередь мнѣ рассказали много интереснаго объ Аеонѣ. Да вотъ посмотрите, сказалъ одинъ изъ нихъ, Св. гору видно уже. Я долго смотрѣлъ и ничего похожаго на гору не видѣлъ. Я ничего не вижу, съ досадой сказалъ я, на горизонтѣ только облачко. Монахи радостно объявили мнѣ, что это и есть Аеонъ, онъ виденъ съ парохода на далекомъ разстояніи. Чтобы подойти къ нему, нужно подождать еще 7 часовъ. Всѣ пассажиры вооруженные биноклями устремились на носовую часть парохода. Все ближе и ближе подходили къ Аеону. Мы собрались въ кучку и запѣли стихиры. Радостно было на душѣ. Вѣдь видишь то, чего не помышлялъ видѣть во всю жизнь. Мы уже проѣзжаемъ мимо св. Горы. Мнѣ припоминаются изображенія ея на картинахъ разукрашенныя яркими красками, сравниваю эти изображенія съ своими живыми впечатлѣніями. Нѣтъ на картинахъ ничего подобнаго, что на самомъ дѣлѣ вижу. Вся гора покрыта растительностью, только вершина ея голая. Какъ гнѣзда пріютились на крутизнахъ ея монастыри, скиты, келліи. Просто диву даешься, какъ эти человѣческія гнѣздышки

остаются цѣлыми и невредимыми во время сильныхъ вѣтровъ и бурь.

Пароходъ остановился у турецкой крѣпости Дафны, Часа на 2 на 3. Для насъ уже былъ готовъ маленькій пароходикъ отъ нашего русскаго Пантелеймоновскаго монастыря. На пароходикѣ насъ встрѣтилъ іеромонахъ. Всѣ экскурсанты кромѣ женскаго персонала поѣхали въ Пантелеймоновъ монастырь. Монастырь занимаетъ брасировое мѣсто, все сплошь покрытое зеленью у подошвы горы. Насъ идутъ или вѣрнѣе бѣгутъ встрѣчать монахи, которые съ парохода намъ кажутся черными точками. Настроеніе радостное. Монахи съ трепетомъ встрѣчаютъ русскаго владыку. Сегодня у нихъ большой праздникъ, потому что русскіе архіереи посѣщаютъ Аѳонъ очень рѣдко. Одинъ монахъ говорилъ мнѣ, что Аѳонъ, во все время существованія, встрѣчаетъ сегодня 5-го русскаго архіерея. Всѣ монахи кланяются преосвященному въ ноги и лбызаютъ его руки, а насъ, какъ будущихъ архіереевъ, привѣтствуютъ глубокими поклонами. Услышали радостный для насъ торжественный русскій трезвонъ, отъ котораго въ Константинополь мы уже отвыкли. Колокола здѣсь въ 800 пуд., самые большіе на Аѳонѣ, привезены изъ Россіи. Отъ пристани до главнаго монастырскаго храма всѣ шли пѣшкомъ. Преосвященнаго встрѣтили торжественно на паперти іеромонахи въ свѣтлыхъ облаченіяхъ. Настоятель монастыря архимандритъ Нифонтъ (24 октября сего года скончался; вѣчная ему память) привѣтствовалъ преосвященнаго рѣчью. Входъ въ церковь былъ разукрашенъ цвѣтами и зеленью. Храмъ былъ полонъ молящимися. Молящіеся были мы и монахи. Всего въ монастырѣ братіи 1800 человекъ. Начался молебенъ по случаю нашего благополучнаго прибытія на Аѳонъ. Преосвященный во время молебна стоялъ въ мантии, омофорѣ и митрѣ въ патріаршей столовой. Монахи пѣли не особенно стройно, но задушевно. Архидіаконъ произнесъ многолѣтіе царствующему дому, патріарху Іоакиму, въ вѣдѣніи котораго

находятся всѣ монастыри Аѳона, и преосвященнѣйшему Евдофиму со всѣми его спутниками. Преосвященный, взявши у іеромонаха крестъ, произнесъ многолѣтне всечестному о. настоятелю монастыря архимандриту Нифонту со всею его братіею. Монахи пѣвцы дружно, торжественно грамогласно пропѣли: многая лѣта. Потомъ преосвященный обратился къ братіи съ рѣчью, въ которой просилъ, чтобы братія его приняла не какъ учителя, а какъ ученика, ибо онъ слишкомъ молодъ, чтобы быть для нихъ учителемъ (ему 34 года). Далѣе въ рѣчи преосвященный описалъ тѣ впечатлѣнія, которыя онъ получилъ на пароходѣ при приближеніи къ Аѳону. Эти впечатлѣнія, конечно, гораздо сильнѣе, живѣе и ярче, чѣмъ тѣ, которыя онъ получалъ при чтеніи книгъ объ Аѳонѣ. Среди предстоящихъ и молящихся монаховъ онъ не видитъ великихъ старцевъ подвижниковъ, убѣжденныхъ сѣдинами. О нихъ онъ много читалъ и слышалъ съ самаго ранняго дѣтства. Имъ онъ кланяется до земли. «Кланяюсь вамъ и привѣтствую васъ, дорогіе братіе. Да помогутъ ваши молитвы дорогой нашей Россіи. Призываю на васъ Божіе благословеніе». Картина въ храмѣ была трогательная. Монахи и мы плакали отъ радости. По окончаніи рѣчи мы прикладывались къ мощамъ великомученика Пантелеймона. Монахи изъ главнаго храма повели насъ по темнымъ узкимъ коридорамъ вверхъ по лѣстницамъ. Вошли въ просторное свѣтлое зало, называемое по-гречески архондарикъ. Здѣсь намъ предложили глико, чай, кофе и по стакану хорошаго винограднаго вина. Утоливъ жажду, мы вышли на террасу полюбоваться здѣшними видами. Все утопаетъ въ зелени, всюду цвѣты, а море, синее море намъ представилось еще въ лучшей, чѣмъ прежде, красотѣ. Находишься точно во снѣ. Не вѣришь, что все видишь на самомъ дѣлѣ. Намъ казалось, что здѣсь нѣтъ мѣста обыкновеннымъ смертнымъ грѣшнымъ людямъ. Здѣсь живутъ Ангелы Божіи, которые изъ горней земной преходятъ въ горнюю небесную. Вообще на насъ дивный

чудный Аеонъ произвелъ очень сильное и пріятное впечатлѣніе.

Предводительствуемые о. архимандритомъ Нифонтомъ, мы пошли въ верхній храмъ Покрова Пресвятой Богородицы. Всѣ участники нашей экскурсіи приложились къ образу Іерусалимской Божіей Матери, который былъ спущенъ сверху внизъ и который былъ поддерживаемъ двумя іеромонахами. Мы пропѣли: Подъ твою милость. Когда мы сходили внизъ, то братія насъ привѣтствовала поклонами, а Преосвященному кланялись въ ноги и лобызали его руки. Монахи не знали чѣмъ намъ услужить. Мнѣ думается, если бы мы позволили, чтобы насъ носили на рукахъ, то братія почитала бы это за счастье. Когда монахи замѣтили, что намъ нравятся ихъ цвѣты, то они наперерывъ бросились удовлетворять наше желаніе имѣть какъ можно больше цвѣтовъ.

По просьбѣ о. настоятеля мы зашли въ комнату, гдѣ насъ сняли на память, но, кажется, неудачно. Наскоро осмотрѣли трапезную, бібліотеку. Монахи, очевидно, были недовольны нашимъ бѣглымъ осмотромъ и скорымъ отъѣздомъ съ Аеона. Имъ хотѣлось, чтобы мы у нихъ пожили недѣльки двѣ.

Послѣ 5 ти часовъ пребыванія нашего на Аеонѣ монахи насъ пошли провожать съ колокольнымъ звономъ до монастырскаго пароходика. Одни бѣжали на самую пристань, другіе стояли на балконахъ, однимъ словомъ, вездѣ двигались черныя точки. Всѣ спѣшили отъ русскаго владыки получить прощальное благословеніе. Наконецъ пароходъ даетъ свистокъ, затрезвонили на монастырской колокольнѣ, братія громогласно начала пѣть: «многая лѣта», и все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока мы не доѣхали до своего парохода «Лазаревъ». По-истинѣ картина проводъ была чудная. Начало уже смеркаться, появились огоньки, а наши сердца горѣли духовнымъ огнемъ любви. Въ такія радостныя минуты забываешь все горе, всѣ темныя стороны человѣческой жизни. Все тебѣ

представляется въ розовомъ цвѣтѣ. И чудится, что настала новая жизнерадостная пора, золотой вѣкъ, и хочется жить, жить безъ конца.

Когда мы взошли на свой пароходъ, то на прощаніе получили отъ монаховъ образки, путеводители, четки просфоры, виды Аѳона. Итакъ, я напрасно горевалъ, что ничего не успѣлъ купить въ монастырской лавочкѣ. Ко мнѣ подошелъ послушникъ Михаилъ Никулинъ и просить у меня адресъ и въ то же время свой говорить. Всѣ говорятъ оживленно, прощаются, просятъ о чемъ то, что-то обѣщаютъ устроить. У всѣхъ сіяющія лица, чувствуешь себя точно на праздниѣ, только оставшіеся на пароходѣ дамы ходятъ понурия головы. Хочется благодарить братію, но для выраженія благодарности не находится словъ. Стоишь и не знаешь, во снѣ все это происходитъ или на яву. Мы пробыли на Аѳонѣ какіе-нибудь часовъ пять, а ужъ у насъ появились знакомые, друзья, если хотите родные. Что касается до преосвященнаго, то монахи конкурировали въ услужливости ему и въ подаркахъ. Монахи приглашали насъ когда-нибудь подольше пожить на Аѳонѣ, и мы охотно давали обѣщанія. Монахи насъ снабдили не только духовной пищею, но и тѣлесной: они дали намъ на дорогу столько хлѣбовъ черныхъ и бѣлыхъ, что ихъ хватило намъ до самаго Іерусалима. Дай вамъ Богъ, милые простецы, многая лѣта здравствовать для процвѣтанія и прославленія св. горы.

Мы на Аѳонѣ были только 5 часовъ, а для обозрѣнія его требуется не 5 часовъ и не 5 дней, а 5 недѣль. Мы бѣгло осматривали только одинъ русскій Пантелеймоновскій монастырь. Непремѣнно нужно было побывать въ Андреевскомъ и Ильинскомъ русскихъ монастыряхъ. Мы не были ни въ одномъ греческомъ монастырѣ, не познакомились вообще съ монашеской жизнью, наконецъ, мы вынесли слабое представленіе о природѣ, климатѣ Аѳона. Вообще мы съ Аѳономъ мало познакомились.

12 іюня.

Одинъ изъ профессоровъ разбудилъ насъ часовъ въ 6 утра, чтобы посмотрѣть Олимпъ. Гора виднѣется на горизонтѣ въ видѣ облака, какъ и гора Аеонъ.

Часамъ къ 10 утра мы прибыли въ Солунь (въ Македоніи). Я вспоминаю о Солуни то, что знаю. Сюда въ оно время написалъ апостолъ Павелъ 2 посланія, въ которыхъ трактуется о воскресеніи мертвыхъ и объ антихристѣ. Въ Солуни родились первые славянскіе просвѣтители Кириллъ и Меѳодій, здѣсь когда-то процвѣтало христіанство, о чемъ свидѣлствуютъ древніе храмы, которые турки потомъ обратили въ мечети. Все это меня заинтересовало и заставило обратить большое вниманіе на городъ. Наконецъ, и это самое главное для меня, здѣсь родился и воспитывался святой, имя котораго я ношу— великомученикъ Димитрій Солунскій, который здѣсь же принялъ вѣнецъ мученичества.

Солунь довольно порядочный городокъ, населеніе простирается до 200 тысячъ, раскинуть у подножія холмовъ на самомъ берегу моря,—довольно чистый городокъ. Съ парохода мы поѣхали купаться. Послѣ купанья мы съ коллегой Н. отправились разыскивать мечеть, гдѣ находится подъ спудомъ мощи великомученика Димитрія. Послѣ долгихъ разспросовъ, мы достигли своей цѣли. Входимъ, въ темную грязную мечеть, которая имѣетъ слѣды древней базилики. Позади въ сѣверной сторонѣ храма находится дверь, которая ведетъ въ темное отдѣленіе, гдѣ предъ гробомъ Великомученика мерцаетъ въ темнотѣ лампада. Невольно проникаешься религиознымъ чувствомъ, созерцая убогую скромную обстановку около гроба, гдѣ нѣтъ ни пышности, ни торжественности. Вспоминаешь всю свою жизнь съ ея недостатками и предаешь на судъ святого. Сами собой срываются съ языка молитвенныя слова: святой великомучениче Димитріе, моли Бога о мнѣ. Наблюдавшій за нами мулла; замѣтивъ наше религиозное настроеніе, продѣлалъ слѣдующую операцию,

смѣрилъ гробъ великомученика ниткой, удвоилъ ее, намоталъ на палець и окунулъ ее въ лампадкѣ съ масломъ; присоединилъ сюда земли изъ - подъ гроба, завернулъ все это въ бумагу и сказалъ по русски: «карошь», причемъ мулла попросилъ бакшишъ. Мое религиозное чувство было оскорблено настойчивымъ выпрашиваніемъ денегъ, но я не сталъ спорить и далъ столько денегъ, сколько попросили.

Вечеромъ часа въ 4 мы во главѣ съ преосвященнымъ и профессорами пошли осматривать достопримѣчательности города. Сначала прошлись по главнымъ улицамъ города съ вѣжливымъ кавасомъ (полицейскій чинъ). Гуляли по довольно чистымъ, широкимъ улицамъ съ домами, построенными въ европейскомъ вкусѣ. Прошли мимо турецкій университетъ и гимназіи, дѣвъ-гимназію (женская болгарская гимназія). Въ Солуни находятся школы европейскихъ національностей: итальянцевъ, грековъ, французовъ, нѣмцевъ.

Осматривали мечеть, которая раньше была храмомъ св. Георгія. Архитектура этого храма является первой попыткой перехода отъ базиликообразной формы къ современному устройству храма. Форма храма цилиндрическая съ восьмью нишами. Въ куполѣ сохранилась древне-христіанская мозаика, изображающая святыхъ: Ананію, Григорія и др. Были и въ мечети Димитрія Солунскаго (я въ другой разъ). Здѣсь на стѣнахъ мы разсматривали распятіе, кресты, иконы и др. христіанскія изображенія. Посѣтили греческій храмъ во имя св. Николая, гдѣ находятся мощи св. Григорія Паламы. На обратномъ пути на пароходѣ мы зашли на Пантелеймоновское подворье. Здѣсь гостепріимный отецъ эконома угостилъ насъ лимонадомъ. Мы вышли на балконъ любоваться моремъ, вечернимъ закатомъ солнца и виднѣющимся на горизонтѣ Олимпомъ. Картина была чудная, достойная кисти художника.

Дм. Марковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Графъ Л. Н. Толстой объ анархизмъ.

Современное освободительное движеніе, приведшее къ революціи, вызвало въ текущей литературѣ множество разсужденій, замѣтокъ, комментаріевъ. Встрѣчаются попытки подойти къ этому явленію съ нравственной оцѣнкой. Среди нихъ обращаетъ на себя вниманіе сужденіе Л. Толстого «о значеніи русской революціи» ¹⁾.

Въ этомъ разсужденіи Толстой заявляетъ себя послѣдовательнымъ и убѣжденнымъ проповѣдникомъ анархизма, для котораго онъ указываетъ логическія и нравственныя основанія.

Исходнымъ пунктомъ Толстой ставитъ то, по его взгляду, самоочевидное положеніе, что власть по самому своему характеру дѣйствуетъ развращающимъ образомъ на носителей ея. «При деспотической, единоличной власти число людей, подвергающихся развращенію власти и живущихъ чужими трудами, бываетъ ограничено и состоитъ изъ близкихъ друзей и помощниковъ, прислужниковъ, льстецовъ властителей и ихъ помощниковъ. Дворъ властителей составляетъ единственный фокусъ зараженія развратной жизнью, отъ котораго оно лучами распространяется во всѣ стороны. При ограниченіи же власти, т.-е. при участіи многихъ во власти, число этихъ фокусовъ увеличивается, такъ какъ каждый участникъ власти имѣетъ своихъ друзей, помощниковъ, прислужниковъ, льстецовъ и свое потомство. При всеобщемъ же избирательномъ правѣ число этихъ центровъ заразы еще болѣе распространяется. Каж-

¹⁾ Всеобщая бібліотека. 1907 г. № 2, стр. 1—61.

дый избиратель становится предметом лести и подкупа... Так что при представительном правлении вмѣсто одного или немногихъ центровъ разврата является большое количество такихъ центровъ, т. е. появляется большое количество людей, праздно живущихъ трудами рабочаго народа, появляется тотъ классъ людей, который называется буржуазіей, т. е. людей, которые подъ покровительствомъ насилія устраиваютъ себѣ жизнь, свободную отъ тяжелаго труда, легкую и пріятную».

Если «власть одного человѣка надъ другимъ, основанная на насиліи, въ источникѣ своемъ есть зло», то, понятно, «зло не перестанетъ быть зломъ, будутъ ли народы управляться самыми деспотическими или самыми демократическими правительствами».

Естественнымъ слѣдствіемъ такого взгляда является отрицательное отношеніе къ власти вообще, къ самой идеѣ, лежащей въ основѣ власти. «Что же дѣлать русскому народу? Отвѣтъ, казалось бы, самый естественный и простой, вытекающій изъ сущности самого дѣла: ни повиноваться своему (теперешнему) правительству, которое довело его до настоящаго бѣдственнаго состоянія, ни устраивать себѣ по образцу западныхъ народовъ такое же представительное, насильническое правительство, которое привело эти народы къ еще худшему положенію... Вѣдь стоитъ только русскимъ земледѣльческимъ людямъ перестать повиноваться какому бы то ни было насильническому правительству и перестать участвовать въ нихъ, и тотчасъ уничтожились бы сами собой и подати, и солдатство, и всѣ притѣсненія чиновниковъ, и земельная собственность, и происходящія отъ нея бѣдствія рабочаго народа».

«А между тѣмъ русскій народъ въ теперешнее трудное и важное для него время не только не избираетъ этого естественнаго для него выхода, а колеблясь между тѣмъ и другимъ, правительственными и революціонными насиліями, начинаетъ даже, въ лицѣ своихъ худшихъ представителей, принимать участіе въ насиліяхъ и какъ будто готовится идти по тому гибельному пути, по которому шли западные народы. Отчего это? Отчего происходитъ и произошло такое удивительное явленіе, что люди, страдая отъ злоупотребленій власти, которую они сами допускаютъ и поддерживаютъ, не дѣлаютъ того, что самымъ простымъ и легкимъ способомъ избавляетъ ихъ отъ всѣхъ бѣдствій власти,—не перестаютъ просто повиноваться ей?»

Это зависитъ, по мнѣнію Толстого, оттого, что въ людяхъ ослабѣло «религіозное сознаніе, т.-е. сознаніе своего отношенія къ тому высшему началу, отъ котораго зависитъ ихъ существованіе. Большинство людей нашего времени все больше и больше становится лишеннымъ этого сознанія. Лишено же въ наше время большинство людей этого сознанія потому, что люди, разъ совершивъ грѣхъ подчиненія себя человѣческой власти, не признали этого грѣха грѣхомъ... Насилующіе не видали своего грѣха изъ-за увлеченія и выгоды власти. Насилуемые же думали, что не совершаютъ грѣха, покоряясь насильникамъ, такъ какъ имъ казалось, что покорность ихъ лучше борьбы. Но въ этой покорности былъ грѣхъ, и грѣхъ былъ не менѣе грѣха тѣхъ, которые производили насилія».

«Люди забыли Бога т.-е. забыли про свое отношеніе къ безконечному началу жизни, забыли про вытекающее изъ этого отношенія назначеніе каждаго человѣка, состоящее прежде всего въ исполненіи для себя, для своей души закона, положеннаго этимъ Началомъ—Богомъ. И потому люди, повинующіеся власти, этимъ самымъ повиновеніемъ отрицаютъ свое повиновеніе закону Божію».

Итакъ, власть — зло, а подчиненіе ей есть грѣхъ, противленіе волѣ Божіей.

Такая философія анархизма, построенная на религіозно-нравственныхъ предпосылкахъ, можетъ производить впечатлѣніе и потому она требуетъ внимательнаго отношенія къ себѣ.

Евангеліе—источникъ наивысшей религіозной морали—не подтверждаетъ анархическаго отношенія къ власти. Христосъ разграничилъ двѣ области—Божію и государственную: «Кесарево Кесарю, а Божіе Богу» (Мѣ. 22, 21). Но Онъ не осудилъ Кесареву область и не отрицалъ власти. Онъ училъ платить подати Кесарю. На судѣ предъ Пилатомъ Онъ признавалъ въ его лицѣ власть, хотя она была захвачена надъ Іудеей насильнически. Онъ говорилъ Пилату: «ты не имѣлъ бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебѣ свыше» (Іоан. 19, 11). И эта точка зрѣнія была усвоена его непосредственными учениками—Апостолами. И они также не отвергали власти въ принципѣ, а требовали покорности ей: «всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ, ибо нѣтъ власти не отъ Бога... Ибо начальникъ есть Божій слуга... Для сего

вы и подати платите, ибо они Божіи служители» (Римл. 13, 1, 4, 6).

Божіи служители! Значить, власть, по своей идеѣ, относится къ явленіямъ нравственнаго порядка. Значить, эта форма общественной жизни можетъ быть наполнена нравственнымъ содержаніемъ. Власть призвана служить Богу т.-е. содѣйствовать распространенію царства Божія на землѣ. Она несетъ такимъ образомъ высокое, отвѣтственное служеніе, является орудіемъ промышленности Божія о судьбахъ Его царства. Оно въ буквальномъ, а не переносномъ смыслѣ должно править «милостію Божію». То правда, что «въ исторіи встрѣчаются правители, о которыхъ вѣрнѣе было бы сказать, что они правили гнѣвомъ, а не милостію Божіею. Тѣмъ не менѣе власть и авторитетъ всегда проистекають отъ Бога, даже если бы органы, исполняющіе ихъ, были бы невѣрными и неразумными домоправителями» ¹⁾. По отношенію къ власти, очевидно, должно быть такое же повиновеніе, какъ со стороны рабовъ по отношенію къ господамъ: «рабы, со всякимъ страхомъ повинуйтесь господамъ, не только добрымъ и кроткимъ, но и суровымъ» (1 Петра, 2, 18).

Но нѣтъ ли предѣла такому повиновенію?

Не учили ли Апостолы, что «должно повиноваться больше Богу, нежели человекамъ» (Дн. 5, 29)? Дѣятельность власти не принимаетъ ли иногда противорелигіозный характеръ, оскорбляющій совѣсть подданныхъ и оправдывающій насильственные выступленія противъ нея?

Но это разсужденіе, хотя оно прикрывается авторитетною ссылкой, заключаетъ въ себѣ внутреннюю ложь. О, если бы извѣстныя въ исторіи революціи дѣйствительно совершались во имя религіозной правды, высокихъ нравственныхъ требованій! Всѣ онѣ происходили подъ флагомъ социальной правды, добивающейся уравниенія правъ чисто механическими, внѣшними средствами. Но «лишь только заявлены права, лишь только начинаютъ ихъ поддерживать путемъ стачекъ, организацій, парламентской борьбы (не говоримъ уже о бомбахъ и экспроприаціяхъ), сейчасъ же святость цѣлей испаряется, и настааетъ будничная проза классовой борьбы, исходъ которой зависитъ отъ комбинаціи наличныхъ силъ общества» ²⁾. Нѣкогда Достоевскій

¹⁾ Мартенсенъ. Христіанское ученіе о нравственности. Т. 2, стр. 620.

²⁾ Тартевъ. Одинокіе.—Христіанинъ, февраль, стр. 300.

писалъ въ своемъ «дневникѣ писателя»: «не въ коммунизмѣ, не въ механическихъ формахъ заключается социализмъ народа русскаго: онъ вѣритъ, что спасется лишь въ концѣ концовъ всесвѣтлымъ единеніемъ во имя Христова». Увы, и русская революція пошла по проторенной дорогѣ, проложенной ея предшественницами. На знамени ея написаны христіанскіе завѣты, но они лишены своей жизненной силы, потому что въ дѣйствительности проводятся не во имя Христа, а простой гуманности и утилитарной справедливости. Эти завѣты—свобода, равенство, братство—являются поэтому чисто отвлеченными принципами. И имъ, какъ нѣкогда Молоху, приносятся въ жертву честь, здоровье, умъ, даже сама жизнь.

Итакъ, чѣмъ же питаются революціи, что лежитъ въ основѣ ихъ? Онѣ проистекають во первыхъ отъ того, что власть перестаетъ отвѣчать своей нравственной идеѣ—служить управляемымъ «на добро» (Римл. 13, 4). Вторая причина возникновенія ихъ лежитъ въ забвеніи со стороны подвластныхъ объ источникѣ происхожденія власти—Божественной волѣ и незаконномъ поправеніи ея. Возстановленіе этихъ условій общественной жизни въ ихъ чистомъ, нравственномъ характерѣ служить наилучшимъ средствомъ противъ революцій.

И. Н.

Взаимодѣйствіе церкви и государства на служеніи обществу.

I.

Напряженное чувство неудовлетворенности жизнью — одна изъ особенностей нашего времени. Это безспорно. Не говоря о людяхъ образованныхъ, даже низшіе слои общества стали нынѣ больше знать, глубже чувствовать и большаго требовать. Всѣ говорятъ о несовершенствѣ порядковъ въ нашей жизни, нестроеніяхъ въ ней, хотя иные изъ этихъ непорядковъ и нестроеній оказались бы мнимыми, если бы къ дѣлу относились повнимательнѣе и разсудительнѣе. Всѣ требуютъ преобразованій,—преобразованій самыхъ радикальныхъ. Но если мы отбросимъ

преувеличенія въ этомъ поголовномъ недовольствѣ и въ требованіи реформъ, все же нельзя отрицать до извѣстной степени справедливости перваго и необходимости вторыхъ. Лучшія стремленія и чаянія общества далеко опередили дѣйствительную жизнь. Пусть будетъ безспорно то, что, по необычайному разнообразію созидающихъ жизнь факторовъ, она можетъ вообще подвигаться впередъ только медленно; но у насъ она, кажется, подвигается ужъ слишкомъ медленно.

Откуда же мы должны ждать если не полного исцѣленія разныхъ недуговъ нашей жизни, то хотя бы уменьшенія и ослабленія ихъ? Въ отвѣтъ слышится почти единодушный хоръ голосовъ и въ печати и въ обществѣ: помощь во всѣхъ нашихъ бѣдахъ можетъ придти *только* отъ *культурной* работы отдѣльныхъ гражданъ, цѣлыхъ слоевъ общества, а главное—государственной власти, обновленной на началахъ истинно конституціонныхъ. Общій тонъ этого хора — тонъ крайней самонадѣянности, тотъ тонъ, который впервые прозвучалъ въ словахъ, испедшихъ отъ «мудрѣйшаго всѣхъ звѣрей, сущихъ на земли»: *и будете яко бози, въдыще доброе и лукавое*. Участіе церкви въ этой великой работѣ обновленія и устроенія жизни на новыхъ началахъ не допускается вообще; а иные готовы были бы совсѣмъ стереть ее съ лица земли. При этомъ забываютъ, что культурная работа только тогда можетъ быть поистинѣ плодотворною и благотворною, если она проникнута христіанскимъ религіозно-нравственнымъ духомъ, источникомъ и хранилищемъ котораго является церковь Христова. Въ настоящей замѣткѣ мы и хотимъ напомнить, что культурная работа *государства* по обновленію и устроенію какой-либо страны вообще должна вестись совмѣстно съ *церковію*, въ которой только и заключается источникъ истинно-творческой силы на все доброе. На служеніи обществу государство нуждается въ союзѣ съ церковію: разрывая союзъ съ церковію, оно подрываетъ самые главные устои своего бытія и не можетъ съ успѣхомъ работать къ истинному благу общества.

II.

Въ древнемъ дохристіанскомъ мірѣ государство было всепоглощающимъ установленіемъ, въ которомъ исчезали и личность человѣка и общество, на службѣ у котораго

находилась и религія: древній міръ все, не исключая религіи и священства, несъ къ ногамъ государства. Христось положилъ конецъ этому всемогуществу государства, указавъ границу для него въ словахъ: *воздадите кесарево кесареви, а Божіе — Богови*. Отъ іудеевъ своего времени Господь требовалъ повиновенія императору — иностранному, языческому, иго котораго іудейскій націонализмъ переносилъ съ крайнею ненавистію, — повиновенія императору недостойному, кровожадному Тиберію, личность котораго не возбуждала уваженія даже среди самихъ Римлянъ, и все-же требовать повиновенія не изъ принужденія, но за совѣсть. Однако это повиновеніе не должно покупаться цѣною собственной совѣсти: *«а Божіе воздадите Богови»*. Есть граница для мірской силы; государство болѣе не есть воплощеніе божества. Есть область, которой не могутъ касаться никакіе декреты императора; подданный болѣе не рабъ, но въ своемъ внутреннемъ существѣ, что составляетъ истинное его достоинство и личность, свободенъ и отвѣтственъ только предъ Богомъ. Отнынѣ мы принадлежимъ къ царству, которое не отъ міра сего; отнынѣ мы граждане небснаго Іерусалима, въ которомъ есть вѣчный Царь. И это царство имѣетъ свою видимую организацію на землѣ въ видѣ церкви: *шедше въ міръ весь... научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Мрк. 16, 15; Мѣ. 28, 19—20).

Въ томъ же духѣ говорили объ отношеніи вѣрующихъ христіанъ къ языческому государству апостолы Христовы. Ап. Петръ называетъ Римъ «Вавилономъ» и, однако, заповѣдуетъ христіанамъ: *«повинитесь убо всякому челоувѣчу начальству Господа ради... Братство возлюбите, Бога бойтесь, царя чтите»* (1 Петр. II, 13. 17). Извѣстно также классическое мѣсто о повиновеніи властямъ въ посл. къ Римл. ап. Павла: *Всяка душа властемъ предержавшимъ да повинуется. Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть. Тѣмже противляяйся власти Божію повелѣнію противляется: противляющіися же грѣхъ себѣ приѣмлютъ. Князи бо не суть боязнь добрымъ, но злымъ. Хочещи ли не бояться власти? Благое твори и имѣти будещи похвалу отъ нея: Божій бо слуга есть, тебѣ во благое. Аще ли злое твориши, бойся, не бо безъ ума мечъ носитъ: Божій бо слуга есть,*

«отмститель въ мнѣвъ злое творящему. Тьмъ же потреба повинуватися не токмо за мнѣвъ, но и за совѣсть (Римл. XIII, 1—5).

Отцы и учителя церкви первыхъ вѣковъ христіанства являются вѣрными хранителями этого ученія объ отношеніи вѣрующихъ къ мірской власти. Напр., во время гоненія Домиціана Климентъ Римскій обращается съ увѣщаніемъ къ иноземнымъ общинамъ, въ которомъ, молясь за церковь, онъ также молится и за земныхъ властей, которыя были тогда еще языческими: «Подай имъ, Боже, здоровье, миръ, согласіе, твердость, чтобы они безпрепятственно осуществляли свое господство, какое имъ Ты даровалъ... Направи ихъ совѣтъ къ тому, что добро и пріятно предъ Тобою, чтобы они дарованною имъ Тобою властію пользовались въ мирѣ и кротости и радовались Твоей защитѣ» (Клим. 1 Крѣ., гл. 61).

Какъ вѣрно слѣдовали въ древнемъ христіанскомъ мірѣ этимъ увѣщаніямъ, показываетъ намъ недавно открытый памятникъ древне-христіанской литературы: защительная рѣчь, какую держалъ, при императорѣ Коммодѣ, благородный римлянинъ Аполлоній предъ Сенатомъ. Отказываясь принести присягу предъ статуею Фортуны императора, онъ объясняетъ: «Мы молимся по заповѣди Божіей Тому, Кто живетъ въ небесахъ,—Всеидивому Богу, чрезъ Котораго князья по праву господствуютъ на землѣ, ибо мы убѣждены, что и императоръ поставленъ никѣмъ другимъ, какъ Царемъ, Который все содержитъ въ Своей рукѣ,—Богомъ».

Можно было бы подкрѣпить множествомъ свидѣтельствъ то, что первые христіане отнюдь не видѣли въ государствѣ «царство сатаны», какъ это имъ иногда приписываютъ. Конечно, христіане не могли мириться съ поклоненіемъ языческимъ божествамъ, съ которымъ въ общественныхъ играхъ соединялись безнравственные обычаи, но которое покровительствовалось государствомъ; равнымъ образомъ христіане встрѣчали рѣшительнымъ отрицаніемъ жестокость и кровавую политику насилія цезарей. Такъ христіане содѣйствовали освобожденію людской совѣсти предъ всемогуществомъ государства и открывали путь для новой христіанской культуры и для новаго общественнаго строя. «Человѣкъ», говоритъ Гирке, «отнынѣ не исчезаетъ въ государствѣ. Великое слово, что Богу

должно повиноваться больше, чѣмъ людямъ, открыло свое побѣдоносное шествіе. Предъ нимъ исчезло всемогущество языческаго государства... были возвѣщены право и обязанность непослушанія государству въ случаѣ насилія надъ совѣстію и запечатлѣны кровію мучениковъ».

Вообще древняя христіанская церковь признавала всѣ естественныя и нравственныя цѣли государства: защиту порядка и права, сохраненіе мира, развитіе культуры; но она была противъ самообожествленія государства, символомъ чего былъ языческой культъ, и потому она уклонялась только въ богослуженіи отъ государственной жизни. При этомъ, она, однако, оказывала величайшее благодѣяніе государству, возводя нравственныя условія благосостоянія его къ чистому религіозному основанію.

Особую картину взаимодѣйствія церкви и государства на службѣ обществу представляютъ средніе вѣка. Тогда власть церкви стала простирается на всѣ стороны жизни, не только на религіозную, но и соціально политическую. Думаютъ обыкновенно, что это было плодомъ папскихъ домогательствъ, дѣломъ папскаго властолюбія. До извѣстной степени здѣсь дѣйствительно играли роль папскія домогательства; однако, такое возвышеніе власти папъ, какое мы видимъ въ средніе вѣка, трудно объяснить изъ одного этого источника. Оно было главнымъ образомъ результатомъ историческаго развитія народной жизни и духовныхъ идей; этотъ результатъ, затѣмъ, подкрѣплялся библейскими ссылками и богословскими разсужденіями. Знаменитый историкъ Трейчке говоритъ: «Такому положенію церкви въ средніе вѣка содѣйствовало ея духовное превосходство. Нельзя думать, чтобы въ средніе вѣка государство могло сыграть роль устроителя и воспитателя человѣческаго рода; и церковь взяла у него задачи, какія оно по своей слабости не могло выполнить... Такъ совершенно послѣдовательно появилась тогда теорія превосходства церкви надъ государствомъ и была для тѣхъ временъ не естественною»¹⁾. По сравненію съ церковію, государства среднихъ вѣковъ были еще по своей юности слабы. Сверхъ сего, — что еще болѣе важно, — благодаря только церкви они и *сдѣлались* государствами, т.-е. организованными сообществами съ авторитетомъ и

¹⁾ Treitschke, Politik, I, 332 и слѣд.

высокими культурными задачами. Нѣкогда папа Захарія писалъ франкамъ, что въ государствѣ долженъ господствовать тотъ, кто имѣеть силу, и средневѣковое общество чувствовало, что въ рукахъ церкви долженъ находиться руль союза западныхъ народовъ, такъ какъ она, какъ создательница его, только одна владѣла авторитетомъ, чтобы вести впередъ общественный корабль чрезъ напиравшія на него волны и смущающіе его туманы времени. Несмотря на враждебную самозамкнутость древнихъ народовъ и свойственное по природѣ германскимъ народамъ грубое стремленіе къ разъединенію, она ввела въ міръ идею *единства* культуры и гуманности и въ значительной части провела ее въ жизнь. Она содѣйствовала миру народовъ между собою и довольно часто также поддерживала внутри государствъ миръ, котораго не могло поддержать свѣтское правительство. Противъ натиска Ислама она призывала все снова и снова къ забвенію всего, что раздѣляло тогда западные народы, и къ защитѣ христіанскаго строя обществъ.

Иногда вмѣняютъ въ особенную заслугу протестантскимъ реформаторамъ то, что именно они будто бы выяснили истинное отношеніе между церковью и государствомъ и положили основаніе нынѣшнему государству. Въ дѣйствительности реформаторы сами были готовы столь же охотно, какъ папы среднихъ вѣковъ, пользоваться свѣтскою властію въ своихъ интересахъ тамъ, гдѣ это позволяли обстоятельства. Въ общемъ же они достигли обратнаго результата: въ протестантствѣ церковь стала послушною рабой государства, владѣтельныхъ князей, бюрократовъ. По сравненію съ средневѣковымъ, такое разрѣшеніе міровой проблемы означаетъ не прогрессъ, а скорѣе очевидный регрессъ. — Любопытно отмѣтить, что первымъ государствомъ, которое ясно признало свободу совѣсти и издало законъ о вѣротерпимости, было католическое, именно колонія Мариландъ въ Сѣверной Америкѣ.

Въ настоящее время въ католической церкви съ высоты папскаго престола окончательно признана самостоятельность духовной и мірской властей и необходимость ихъ взаимодѣйствія на служеніи обществу. Еще въ 1885 г. въ энцикликѣ *Immortale Dei* папа Левъ XIII высказался именно въ этомъ смыслѣ: «Попеченіе о человѣческомъ родѣ Богъ распредѣлилъ между двумя властями, духовною

и свѣтскою. Первую онъ поставилъ надъ божественными предметами, вторую — надъ человѣческими. Каждая въ своемъ родѣ есть высочайшая; каждая имѣетъ свои опредѣленные границы, въ которыхъ и должна строго держаться,—границы, которыя указываются ихъ природою и ближайшею цѣлю». Въ энцикликѣ 1890 г. отъ 10 января мы читаемъ также: «Сверхъестественная любовь къ церкви и естественная любовь къ отечеству суть сестры, происшедшія отъ одного и того же вѣчнаго источника; самъ Богъ есть основа и первоисточникъ обѣихъ... Обязанности (въ отношеніи гражданской и церковной власти)... не противорѣчатъ другъ другу, но также не могутъ быть и смѣшиваемы другъ съ другомъ. Первыя имѣютъ въ виду *благосостояніе государства*, послѣднія — *общее благо церкви*, тѣ и другія — усовершенствованіе людей. Изъ этого разграниченія правъ и обязанностей ясно вытекаетъ, что руководители государства—самостоятельны въ управленіи своими дѣлами, и это не только съ согласія церкви, но и при ея постоянной поддержкѣ, ибо хотя она прежде всего требуетъ благочестія, т. е. праведности въ отношеніи къ Богу, но вмѣстѣ съ этимъ также праведности и въ отношеніи къ государямъ».

Протестантскія общества, въ интересахъ борьбы съ Римомъ, признавъ надъ собою верховенство свѣтской власти, теперь пожинаютъ всѣ горькіе плоды этой зависимости церкви отъ свѣтской власти, — плоды, которые оказались крайне разрушительными не только для протестантскихъ церквей, но и для самой христіанской вѣры. Ихъ попытки добиться для себя самостоятельности въ церковныхъ дѣлахъ пока оказывались безуспѣшными. Върующимъ протестантамъ будущее ихъ церкви рисуется довольно мрачнымъ ¹⁾.

Наша православная церковь по вопросу объ отношеніи между государствомъ и церковію всегда стояла внѣ описаннаго движенія на Западѣ. Она твердо хранитъ древнехристіанскій принципъ о самостоятельности церкви и государства, причемъ, въ дѣлахъ церковныхъ признавая

¹⁾ См. невольное признаніе въ этомъ въ только что вышедшей книгѣ: „Иисусъ Христосъ въ современной духовной жизни“ *Е. Пфенндорфа*, стр. 252 и др. Болѣе подробно въ статьяхъ журнала *Вѣра и Разумъ*: „Нѣмецкій протестантизмъ къ началу 20-го вѣка“.

себя независимую, въ государствѣ видитъ своего естественнаго защитника въ отношеніи къ внѣшней своей судьбѣ, въ себѣ же неистощимый источникъ для него чистыхъ идеаловъ, вдохновенія и нравственной энергіи.

Конечно, такими основными положеніями не устраняется всякая неясность, не предотвращаются конфликты между церковію и государствомъ. Есть пограничныя власти, которыя по своей внутренней природѣ имѣютъ отношеніе къ государству и церкви; есть историческія, внѣшне установленныя права, отказаться отъ которыхъ нелегко той или другой сторонѣ.

Вообще практически едва ли возможно раздѣленіе гражданскаго и религіознаго. Если исключить предпринятый въ послѣднее время опытъ подобнаго раздѣленія во Франціи, который неизвѣстно еще чѣмъ кончится, то подобнаго раздѣленія нигдѣ не существуетъ. Его нѣтъ даже въ Сѣверной Америкѣ, юная государственная система которой развивается совершенно въ современномъ духѣ: государство тамъ наказываетъ богохульство, защищаетъ воскресный покой, признаетъ присягу и пользуется ею, даетъ клиру и церквамъ разныя льготы. Теперешній президентъ недавно высказалъ возвышенныя мысли о христіанской семьѣ и назвалъ при этомъ христіанскій духъ «истинною душею націи»: этотъ образъ прямо напоминаетъ средневѣковое сравненіе церкви съ душею и государства съ тѣломъ. Гдѣ этотъ духъ въ теченіе столѣтій проникалъ государственность, созданную самими народомъ, тамъ желаніе погасить его означало бы насильственное умерщвленіе, убійство народной жизни. На чистомъ раздѣленіи между гражданскою и религіозною областію трудно остановиться: раздѣленіе неминуемо переходитъ во враждебность, въ фанатическую ненависть, которая опускаетъ изъ виду интересы самого государства. Изъ ненависти къ догматамъ церкви, служащимъ будто бы только оковами для свободной мысли, падаютъ еще худшему рабству догматамъ невѣрія, которое ведетъ въ концѣ концовъ къ разрушенію всей государственной жизни.

Нѣтъ, не къ раздѣленію между собою должны стремиться государство и церковь, а къ объединенію въ своемъ великомъ дѣлѣ служенія человечеству. Есть общая задача для государства и церкви — усовершенствованіе

человѣчества; нравственная цѣль есть объединяющая и примиряющая цѣль для обѣихъ властей—духовной и свѣтской. *Усовершенствованіе человѣчества подѣ руководствомъ нравственнаго закона*—вотъ истинная культура. Это также есть почва, на которой могутъ сойтись всѣ религіозныя исповѣданія; съ другой стороны на этой основѣ мудрое свѣтское правительство можетъ опредѣлять и свое отношеніе къ религіознымъ обществамъ.

С. П. Н.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О В Ъ Я В Л Е Н І Я

ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Я Т Е Л Ъ“

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА СЛѢДУЮЩАЯ:

- 1) Правительствоныя распоряженія.
- 2) Статьи литературнаго, экономическаго, гигиеническаго, педагогическаго и медицинскаго содержанія.
- 3) Повѣсти, рассказы, стихотворенія и другія статьи бытового, нравственнаго и историческаго содержанія.
- 4) Письма изъ провинціи.
- 5) Свѣдѣнія, полезныя въ жизни.
- 6) Изъ жизни и печати.
- 7) Свѣдѣнія о дѣятельности благотворительныхъ учреждений.
- 8) Борьба съ пьянствомъ въ Россіи и другихъ странахъ.
- 9) Свѣдѣнія о дѣятельности Обществъ трезвости въ Россіи и за границею.
- 10) Протоколы Казанскаго Общества Трезвости.
- 11) Критика и библиографія.
- 12) Объявленія.

Подписная цѣна за годъ 2 рубля. Полугодовая подписка не принимается, а съ приложеніемъ №№ газеты Русь Православная и Самодержавная за годъ 5 руб.

Журналъ за 1904 годъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министер. Народ. Просвѣщ. въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

Выписывающіе за 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905 и 1906 годы платятъ 20 рублей и получаютъ всѣ изданія общества бесплатно.

Адресъ редакціи: Казань.

Редакторъ-издатель **А. Т. Соловьевъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1907 г. на

иллюстрированный журналъ работъ и развлеченій для юношества

„Т Р У Д Ъ и З А Б А В А“.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой — 3 рубля, на полгода — 1 р. 50 к.

Въ теченіи 907 года подписчики получатъ:

- 1) Двѣнадцать номеровъ художественно-иллюстрированнаго журнала, въ которомъ будутъ помѣщены статьи по ручному труду, работамъ, занятіямъ, ремесламъ, естествознанію, популярной физикѣ, биографіи популярныхъ дѣятелей науки, электротехникѣ, фотографіи, живописи, зимнему и лѣтнему спорту, подвижныя игры на воздухѣ, игры и забавы въ комнатѣ, открытія и изобрѣтенія, совѣты, переписка, отвѣты на вопросы, рассказы, стихотворенія, шарады, шутки, загадки и т. п.

Въ теченіе года въ журналѣ будетъ печататься большой и весьма интересный романъ для юношества въ двухъ частяхъ, извѣстнаго французскаго писателя Поля Д'Ивуа „**Докторъ Безымянный**“.

2) **Двѣнадцать книгъ** романовъ и повѣстей для юношества извѣстныхъ иностранныхъ писателей беллетристовъ: Мавра Токая „**Приключеніе матроса забытаго на кораблѣ во льдахъ Сѣвернаго полюса**“, въ двухъ книгахъ. Фенимора Купера „**Слѣдопытъ**“, повѣсть изъ жизни индѣйцевъ въ Америкѣ, въ одной книгѣ. Луи Буссенара „**Жанъ Сорви-голова—Герои Малахова кургана**“, романъ изъ войны во время Севастопольской компаніи въ 3 книгахъ. У. Г. Хедзона „**Натуралистъ на Лаплатѣ**“, интересные записки о жизни и нравахъ животныхъ въ Америкѣ, въ двухъ книгахъ. Фенимора Купера „**Звѣрбой**“, повѣсть изъ жизни американскихъ охотниковъ, въ одной книгѣ. Капитана Стапи „**Сказочное сокровище**“, приключеніе двухъ молодыхъ бретонцевъ на кораблѣ корсары, въ трехъ книгахъ.

3) **Двѣнадцать премій**, въ числѣ которыхъ войдутъ: рисунки для рисованія, рисунки для раскрашиванія, силуэты для тѣневого театра, рисунки для ажурныхъ работъ по дереву и металлу, рисунки для выжиганія по дереву и папкѣ, рисунки для тисненія по кожѣ, рисунокъ для вышиванія; рисунки для рѣзбы по дереву — плоская и выпуклая рѣзба.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 1 р., къ 1 марта 1 р. и къ 1 іюля 1 р. Контора журнала „**ТРУДЪ и ЗАБАВА**“ въ С.-Петербурѣ, Невскій пр., д. № 110.

Содержаніе мартовской книжки журнала

„ХРИСТИАНИНЪ“.

1907 годъ.

Предъ исповѣдію. *Епископа Евдокима.*—Геесиманская ночь. *Д. Радо-нежскаго.*—Каковы были первые христіане? (Перев. съ нѣмецкаго). *Г. Арнольда.*—Христіанство. *Проф. М. Д. Муретова.*—Путь вѣры. *Н. Н. Неплюева.*—Голгоѳа. (Тайна страданій Христа). *П. Н. Василькова.*—Пробужденіе отца Павла. Разсказъ. *І. В. Попова.*—Голодающимъ дѣтямъ. *Свящ. М. К.*—Открытіе подписки на голодающихъ. *Ред.*—Плачь Богоматери (перев. со слав.). *Симеона Логовета.*—Покло-неніе пречистымъ язвамъ Господа *Св. Димитрія Ростовскаго.*—Свя-тыя минуты. *Епископа Евдокима.*—Союзъ дѣтей. *Александра Введенскаго.*—Вопросы религіознаго самопознанія. *П. А. Флоренскаго.*—По-желанія нашему журналу. *Ред.*—Среди журналовъ. „Русская Мысль“ январь. *Владимира Троицкаго.*—Лѣтопись церковно-общественной жи-зни. *Н. Герасимова.*—Изданія Пастырско-Просвѣтительнаго Братства при Московскои Духовнои Академіи.—Объявленія.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ЛЕОНИДА, АРХИЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКАГО *).

16. Въ 6 ч. былъ у владыки; онъ называетъ вчерашній день исключительнымъ. Онъ рѣшился всѣ силы употребить для встрѣчи Государя, для этого надобно было облегчить между прочимъ одежду. Онъ взялъ два облаченія, употребленные при коронаціяхъ Николая Павловича и Александра Николаевича и велѣлъ ихъ взвѣсить; первое оказалось на 2½ ф. легче, его и рѣшился онъ употребить. Изъ него вынута подкладокъ еще фунта на 2, и оно употреблено: красное шитое мелкимъ золотомъ, поношенное, неприглядное, но предпочтена легкость и какъ бывшее при коронаціи. Всячески себя облегчая, владыка даже и карманныхъ часовъ не взялъ съ собою; всталъ хорошо, но когда уже ѣхать въ соборъ почувствовалъ себя худо; черезъ отворенное въ каретѣ окно напился воздухомъ и ожилъ. Въ рѣчи его сказано о мятежныхъ полякахъ, что они недостойны чести именоваться врагами. Эти слова помѣщены по слѣдующему случаю: въ Бельгійской газетѣ сказано, что императоръ Александръ расположился дать полякамъ самыя либеральныя учрежденія и ввести ихъ поручилъ К. Н., но поляки этого не поняли; возникли недоумѣнія, вспыхнулъ мятежь; теперь водворилось спокойствіе, и обѣщанное будетъ даровано: либеральная конституція съ в. к. К. Н. во главѣ. Это

*) Продолженіе. См. майскую кн. *Душеспол. Читенія* 1907 г.
часть II.

сдѣлать не трудно, ибо правительство этого желаетъ, а мнѣнія общественнаго нѣтъ въ Россіи. Москва не представляетъ ничего, кромѣ направленія правительства, которому вторить. Правительство было противъ поляковъ. Тогда Москва и за нею Россія была противъ поляковъ; правительство за поляковъ, и потому Москва и Россія будетъ за нихъ же. Чтобы показать, что Москва имѣетъ свое мнѣніе и держится его, владыка употребилъ эти слова. Владыка крайне опечаленъ извѣстіемъ о Польшѣ. Отъ него я заѣзжалъ къ Н. В. Сушкову. М. Н. Муравьевъ, пишетъ жена его къ Дарьѣ Ив. Сушковой, желаетъ учрежденія въ Вильнѣ монастыря женскаго и Дарьѣ Ив. поручаетъ искать въ Москвѣ монахинь. Я посовѣтовалъ, чтобы пр. Іосифъ обратился къ владыкѣ письмомъ, и чтобы монастырь устроимъ былъ общежительный. Владыка нашъ удивленъ, что Государь ни самъ не посѣтилъ, ни къ себѣ ни призвалъ пр. Іосифа Литовскаго «послѣ такого рескрипта». Рескриптъ великолѣпный, писанъ владыкою, и Государь дважды велѣлъ перечитать его себѣ и былъ очень доволенъ. Владыка говоритъ, что, разумѣется, онъ сказалъ бы Государю о Польшѣ, но вѣроятно, что съ Государемъ болѣе не увидится. Да и такъ Государю некогда: ѣздилъ въ с. Ильинское, ѣздилъ по нѣкоторымъ заведеніямъ, день въ лагерѣ, вечеръ въ театрѣ.

17. Владыка призвалъ меня прежде обѣда, говорить о предстоящемъ молебнѣ, который мнѣ поручаетъ, молебенъ въ Измайловѣ. И говоритъ, что в. П. И. Трубецкой полагаетъ невѣроятнымъ извѣстіе о Польшѣ, ибо Государь старается примирить брата съ обществомъ, но такого довѣрія ему не окажетъ. Владыка съ подробностію занялся распоряженіями къ молебну: ризницею, порядкомъ приема, службы и т. д.

18. Въ первомъ часу одѣлся въ архіерейскій цвѣтъ, couleur d' évêque: кафтанъ блѣдно-сиреневаго цвѣта, опо-

ясалъ его бисернымъ поясомъ съ малинными турецкими цвѣтами, покрылъ лиловою рясою, руку обвернулъ аметистовыми четками, украсилъ грудь, поверхъ орденскихъ знаковъ, моею драгоценною брилліантовой панагіей съ грушевидными жемчужинами и въ этой полной и безукоризненной по придворному приличію одеждѣ ждалъ минуты, въ которую должно выѣхать, чтобы не опоздать: отъ меня до с. Измайлова болѣе 10 верстъ. Покровка усѣяна народомъ. Я пріѣхалъ скорѣе, чѣмъ ожидалъ, поэтому сходить успѣлъ въ церковь Всѣхъ Святыхъ, переименованную во имя св. царицы Александры. Не знаю, почему это плоское мѣсто облюбовалъ царь Алексѣй Михайловичъ; только теперь, когда употреблено много искусства, оно получило приглядность. До 1837 года главная церковь стояла въ заустѣннѣи, и владыка думалъ было сюда перевести Алексѣевскій монастырь. Теперь церковь обновлена въ прежнемъ видѣ, но съ сѣверной и южной стороны она стиснута пристроенными къ ней двухъэтажными корпусами. Иконостасъ сохранился древній, многоярусный, ярко грубовато раскрашенный, но хорошо дѣйствуетъ на глазъ. Икона Іерусалимской Божіей Матери весьма чтима въ окрестности. Въ 2¼ я сталъ облачатся. Раздалось: ѣдетъ Государь. Мы поспѣшили выдти, но то была ошибка; однако въ алтарь мы уже не возвращались. Многіе подходили говорить со мною: кн. Меншиковъ, Долгоруковъ и многіе, многіе. Толстой сказалъ между прочимъ, что въ Россіи почтовыхъ дорогъ на 96 т. верстъ, что много причинъ къ неудовлетворительному состоянію почтъ, и между прочимъ и то, что управленіе путями сообщеній есть, а сообщеній нѣтъ, почтовые тракты таковы только по имени, мостовъ нигдѣ почти нѣтъ.—Левшинъ сообщилъ, что Государь удивился, что лекціи въ университетѣ уже начались, хотя еще не рѣшительно, ибо многіе профессора еще въ отпуску; что онъ сказалъ Государю, что по неудобству помѣщенія 50 человѣкамъ отказано въ пріемѣ. Онъ прямой человѣкъ и Государю го-

ворить прямо! Въ 3 часа раздался колокольный звонъ и отдаленные крики народа. Мы вышли на паперть. Государь, по въѣздѣ на дворъ, вышелъ изъ экипажа и прошелъ по рядамъ инвалидовъ, которыхъ старческій голосъ привѣтствовалъ его обычными словами: «здравія желаемъ!» Какъ только, подвигаясь по довольно высокой открытой лѣстницѣ храма, Государь увидѣлъ св. крестъ въ рукѣ моей, тотчасъ снялъ каску съ бѣлыми перьями. Приложившись ко кресту, онъ спросилъ о владыкѣ и замѣтилъ, что вѣроятно онъ ослабѣлъ отъ служенія въ Успенскомъ соборѣ. Послѣ этихъ словъ онъ отошелъ на шагъ; по очередно подходили велик. Князья: Александръ, Алексій Александровичи, Николай Константиновичъ и князь Евгенийъ Максимовичъ. Обрядъ обычный: каждый приложится ко кресту, получить на руку нѣсколько капель св. воды (которую держать съ правой стороны) и поздоровается съ архіереемъ (рука въ руку). Съ пѣніемъ «Спаси Господи люди Твоя» вошли мы въ церковь. Посрединѣ для меня былъ разосланъ коверъ и на немъ орлець; а для Государя красный бархатъ у праваго столба, но онъ сталъ западниѣе бархата. Я отдалъ крестъ и положилъ начало. Въ это время Государь сказалъ мнѣ: «погодите», но было уже поздно, пѣвчіе начали: Царю Небесный! Онъ обратился къ деж. ген. адъютанту или къ военному министру (не разобралъ я) и спросилъ «вы не сказали»?—Не сказали!—Государь съ неудовольствіемъ покачалъ на него головою и черезъ нѣсколько секундъ кѣмъ-то сказано мнѣ было, чтобы послѣ отпуска діаконъ не начиналъ многолѣтія, пока не будетъ прочитанъ рескриптъ. Молебень шель стройно и не спѣшно. Я опасался охрипlosti, но, слава Богу, ея не было, и я могъ читать Евангеліе и молитву очень громко и ясно. Въ рескриптѣ Государь хвалить дѣйствія Комитета о раненыхъ и вновь назначаетъ его предсѣдателемъ в. к. К—на Н—ча, членами двухъ прочихъ братьевъ и всѣхъ начальниковъ округовъ. За рескриптомъ прочитанъ приказъ по войскамъ объ

этихъ назначеніяхъ. Читаль эти бумаги военный министръ, обратясь лицомъ къ Государю съ средины церкви. По знаку Государя протодіаконъ придворный сказалъ многолѣтіе всѣмъ членамъ Царскаго Дома, потомъ вѣчную память благочестив. Государямъ Императорамъ: основателю Комитета Александру I-му и основателю богадѣльни Николаю I, вѣчную память войнамъ, на брани за вѣру, Царя и отечество животь свой положившимъ, и многая лѣта воинству. Приложились ко кресту Государь и в. князя. Государь пожелалъ, чтобы окроплены были «старики». Пока ходили въ алтарь за св. водою, Государь указалъ членамъ Комитета приложиться ко кресту. Инвалиды были выстроены около западной стѣны; я кропилъ ихъ крестообразно, а Государь шель подлѣ меня или за мною. Изъ церкви онъ пригласилъ меня въ палаты больныхъ и слабыхъ; тутъ я кропилъ каждаго больного особо. При поворотѣ изъ длиннаго коридора въ палату, Государь, который шель съ правой руки, уступивъ мнѣ коверъ, посмотрѣлъ на меня и очень весело улыбаясь сказалъ: «вѣдь и вы тоже были военнымъ?»— «И очень утѣшаюсь этимъ Государь». Многихъ стариковъ спрашивалъ государь: чѣмъ боленъ, или гдѣ служилъ, и т. д. Возвращаясь къ церкви, выразилъ удовольствіе, что нашлось возможнымъ столькимъ старикамъ дать призравніе. «Ваше Величество прекрасный праздникъ празднуете сегодня».—Государь сказалъ, что надѣется нынѣ же добровольною подпискою покрыть нѣкоторые нужды учрежденія. Мы перешли черезъ церковь до южныхъ дверей; тутъ Государю напомнилъ Толмачевъ, что далѣе обѣденная зала. Государь сказалъ, что онъ туда и идетъ, только подождетъ меня пока разоблачусь, и повторилъ то же мнѣ. Разоблачиться было недолго, но надо было отмывать руки, запачканныя краскою, отъ фольги кропила; а при выходѣ изъ алтаря меня задержали требующіе благословенія. Столовая зала была наполнена гостями, Государь меня ожидалъ, я прочиталь молитву и

благословилъ на обѣ стороны трапезы. Мое мѣсто было по правую руку Государя, по лѣвую отъ меня сидѣли: в. к. Ал—дръ А—чъ въ мундирѣ флигель-адъютанта и в. Евг. М—чъ въ мундирѣ лейбъ-уланскаго полка. По лѣвую руку Государя въ бѣломъ конногвардейскомъ кафтанѣ—Мирковичъ и вел. к. Алексій А—чъ въ преображ. и Ник. К—ичъ, въ волынскомъ (съ желтыми лацканами). Противъ Государя сѣлъ кн. В. А. Долгоруковъ. Приглашенныхъ было до 250 человекъ, генералы и георг. кавалеры. Оба архимандрита сидѣли послѣ вторыхъ чиновъ, священники на послѣднемъ столѣ. Ректоръ семинаріи и даниловскій, іерей мѣстный и черкизовскій. Зала большая: это собственно двѣ залы, раздѣленные коридоромъ, но въ стѣнахъ коридоровъ раздѣланы симметричныя арки, весьма широкія, по стѣнамъ портреты государей. Столы были накрыты въ отдѣленіи на право по выходѣ изъ южныхъ дверей церкви вдоль оконъ покоемъ. Государь занялъ мѣсто посрединѣ стола спиной къ окну. Играла военная музыка; кушанья подавались на нѣсколько блюдовъ, начиная съ Государя и съ меня. Нѣкоторыя блюда были общія, нѣкоторыя особыя для монаховъ. Было не шумно, но и не молчаливо, и вообще свободно. Государь началъ говорить со мною при началѣ стола, говорилъ и съ другими, напримѣръ съ Долгорукимъ, съ Толмачевымъ, но очень немного, со мною же весьма не мало. Онъ началъ съ слѣдующихъ словъ: «Не правда ли прекрасная по размѣрамъ церковь?» До 1837 г. она была почти въ развалинахъ; но мнѣ она очень понравилась, я просилъ, чтобы ее возобновить, и Государю пришла тогда мысль устроить при церкви богадѣльню, и такимъ образомъ можно сказать, что я былъ виновникомъ устройства этой богадѣльни. Немного погодя, Государь спросилъ меня, въ какомъ возрастѣ и при какихъ обстоятельствахъ, постепенно и незамѣтно или въ какую-нибудь памятную минуту, пришло ко мнѣ желаніе посвятить себя монашеской жизни? Я отвѣчалъ Государю: «Къ счастью, В. В., такая минута.

была, и я могу дать вамъ отчетъ. Съ малыхъ лѣтъ я желалъ быть военнымъ, и мнѣ особенно хотѣлось, по примѣру нѣкоторыхъ товарищей, служить въ лейбъ-уланахъ. Государь прервалъ меня: «въ которыхъ, въ моихъ уланахъ?» Этотъ вопросъ затруднилъ меня, ибо не знаю, который изъ 2 полковъ въ настоящее время носить имя Его Величества, и отвѣчалъ обоудно, но справедливо, что у меня товарищи были и въ томъ и въ другомъ полку, и продолжалъ: но батюшка основательно отказалъ мнѣ въ моемъ желаніи, такъ какъ не имѣлъ средствъ къ такому содержанію въ конницѣ, а по юношескому легкомыслію я не согласился служить въ пѣхотѣ и по совѣту его пріятеля ген. л. Лог. Ив. Голенищева-Кутузова я рѣшился поступить во флотъ (Государь сказалъ, что онъ помнитъ Кутузова). И въ тотъ день, въ который я объявилъ о своей рѣшимости Кутузову, случилось мнѣ присутствовать при освященіи Пр. Григоріемъ (впослѣдствіи Митрополитомъ) храма на Псковскомъ подворьѣ. Не знаю, какъ это произошло въ душѣ, ибо въ церковь я зашелъ безъ всякой особенной мысли, но изъ храма я вынесъ рѣшимость сдѣлаться монахомъ. Могло быть, что мысль объ опасностяхъ, которымъ подвергнетъ меня избираемая служба, живѣе представила опасности вѣчной гибели!.. Государь спросилъ: гдѣ же я служилъ по постриженіи, въ Троицкой ли академіи? Я отвѣчалъ, что я служилъ въ Виѣ. сем—риі, потомъ въ академіи помощ. профессора или бакалавромъ.—«Вы служили вмѣстѣ съ Бокомъ, который при моемъ сынѣ?»—В. В., въ вѣрные руки отдали дѣло воспитанія его Высочества!—«Да, я давно искалъ такого человѣка и очень радъ, что нашелъ его; благородный и прямой характеръ»—Изъ того же выпуска одинъ изъ ближнихъ вашихъ слугъ: министръ Зеленый.—«Бокъ очень друженъ съ Зеленымъ. Зеленый ровесникъ мнѣ по лѣтамъ, мы родились въ одномъ году, а вамъ сколько лѣтъ?»—Я родился въ 1817.—Ну вы годомъ старше.—Еще Лѣсовскій!—«Да и Лѣсовскій!» Я былъ у него

на эскадрѣ. Давно не доставлялъ мнѣ такого удовольствія морской смотрѣ. Самыя трудныя работы, напр., перемѣна лафетовъ и др., производятся у него съ необыкновенною легкостію и быстротою».—Ему будетъ В. В. очень утѣшительно узнать, если позволите сказать ему, что въ такой знаменательный для военныхъ день, вы такъ милостиво вспоминаете о немъ».—Онъ теперь въ отпуску. Я отпустилъ его въ Швейцарію къ женѣ. Вы не знаете что онъ женился?»—Не знаю.—«Да, съ годъ тому назадъ, на женщинѣ, которая гораздо старше его.—Братъ К. Н—чь исходатайствовалъ устройство на корабляхъ походныхъ церквей: это предполагалось еще при Петрѣ В., но предположеніе это никогда не было приведено въ исполненіе, и церквей не было, вы помните».—Точно такъ, былъ только корабельный образъ.—«И потому, продолжалъ Государь, литургіи нельзя было совершать».—Я прибавилъ: флотъ навсегда останется признателемъ Его Имп. Высочеству за это нововведеніе.—«А вотъ, сказалъ Государь, указывая головою влѣво, гдѣ сидѣли вел. Князя Алексѣй А. и Николай К—чь, его сынъ вмѣстѣ съ моимъ сыномъ только что возвратились изъ морского похода; несли службу, стояли на вахтѣ. Но его сына качиваетъ, ему первую же вахту случилось стоять ночью, при дурной погодѣ, окончивъ вахту онъ сошелъ внизъ и говорить: нѣтъ, я вижу, что не призванъ къ морской службѣ, но братъ все еще надѣется, что превозможетъ».—Я сказалъ Государю, что нѣкогда в. князь К. Н. сказалъ мнѣ о супругѣ своей, что море ее не любитъ, и она всегда страдаетъ на морѣ.—Государь, вставъ провозгласилъ тостъ за благоденствіе комитета и за храброе и славное наше войско и за всѣхъ раненыхъ: «желаю имъ здоровья!» Когда сѣли снова, Государь сказалъ в. к. Ал—дру А—чу: «скажи князю Меншикову, что я пью за его здоровье».—Князь Меншиковъ всталъ и поклонился. Государь сказалъ мнѣ: «у князя Меншикова была необыкновенная рана. Ядро пролетѣло у него между ногъ,

вырвало по куску мяса изъ обѣихъ ногъ, а костей не повредило, и Меньшиковъ приписываетъ это худой своей привычкѣ стоять раскорякой», и Государь при этомъ раздвинулъ два пальца правой руки, быстро опустивъ ихъ, пониже стола, такъ что другіе не видали. Это припоминаетъ, сказалъ я, другую болѣе удивительную рану: Князя Кутузова Смоленскаго.—«Да, въ високъ навывлетъ», подхватилъ Государь, указывая пальцомъ на мѣсто раны Кутузова.—Онъ сталъ затѣмъ рассказывать мнѣ о страшныхъ ранахъ Граббе 1 и о молодецкой смерти Граббе 2. Я привелъ ему на память, что и другого кавказскаго генерала Нейдгарта сынъ убитъ въ сраженіи съ мятежниками.—«Да, изъ моихъ стрѣлковъ, они всѣ отлично дрались; капитанъ моей роты страшно израненъ, раною испорченъ мозгъ спинной, и онъ ужасно страдаетъ; теперь уѣхалъ лѣчиться въ Теплицъ».—«Государь, Богъ не посылаетъ испытаній выше силъ. Слѣпцовъ просилъ у Бога, чтобы умереть въ битвѣ, но не страдая отъ ранъ. Господь исполнилъ его желаніе, ибо при живости его характера ему трудно было бы переносить страданія».—Но Государь сталъ говорить о Слѣпцовѣ съ большимъ чувствомъ и довольно много, вспоминалъ, гдѣ съ нимъ встѣтился. «Какой это былъ славный, благородный, храбрый генералъ! Какъ обожалъ его полкъ».—Онъ съ восторгомъ писалъ мнѣ, Государь, что его полкъ удостоился подвести вамъ коня!—«Да, да!.. а его начальникъ, генералъ Болговскій, кончилъ жизнь на Кавказѣ уже въ чинѣ генералъ-лейтенанта, но ни разу не бывъ въ Петербургѣ!.. Вы гдѣ знакомы были съ Слѣпцовымъ?»—Я учился вмѣстѣ съ нимъ, и это былъ лучшій мой другъ, съ которымъ не прекращались у насъ отношенія до послѣднихъ его дней.—О Владыкѣ Государь принимался говорить неоднократно, чрезвычайно сожалѣлъ, что его нѣтъ сегодня здѣсь, что силы его слабы, что въ нынѣшній короткій пріѣздъ почти не видался съ нимъ. «Былъ ли онъ нынче въ Лаврѣ и долго ли жилъ

въ скиту?—Я отвѣчалъ, что за нездоровьемъ онъ долженъ былъ отложить поѣздку до іюля и пробылъ тамъ менѣе 4 недѣль.—«Онъ говорить, припомнилъ Государь, въ Геесиманіи тамошній лѣсной воздухъ для него полезенъ».—Этотъ воздухъ до нѣкоторой степени родной для Владыки: въ молодыхъ лѣтахъ онъ тутъ проводилъ лѣто, ибо Корбуха при м. Платонѣ служила какъ дача для учителей и учениковъ.—«Да при м. Платонѣ», повторилъ Государь. И сказалъ: въ «Геесиманскомъ скиту схимникомъ есть тоже морякъ, но кажется изъ матросовъ. Есть морякъ и на Валаамѣ».—О Саввинской обители Государь всегда вспоминаетъ съ удовольствіемъ и нынче разспрашивалъ, какъ устроились келіи въ скитѣ и освящена ли церковь?—«Какая прекрасная мѣстность, я имѣю желаніе опять быть въ Саввинѣ».—Позвольте мнѣ сообщить это братіи, чтобы она къ обычнымъ молитвамъ о васъ и вашемъ домѣ присоединила молитву о томъ, чтобы желаніе ваше исполнилось, и ей имѣть утѣшеніе снова видѣть васъ. Государь спросилъ: «здоровъ о. Антоній и что онъ дѣлаетъ?»—Слава Богу, здоровъ и по-прежнему неутомимъ.—«Скажите ему, что я ему кланяюсь и желаю здоровья».

Въ промежуткахъ, когда прерывался разговоръ съ Государемъ, со мною говорилъ в. к. Александръ А—чъ: Онъ началъ о Бокѣ. — «Георгій Тим. Бокъ очень сожалѣетъ, что въ эти немногіе дни ему никакъ нельзя было пріѣхать къ вамъ!» — Я отозвался съ похвалою о Бокѣ. «Да сказалъ в. к. прекрасный человекъ, образованный, благородный», и кажется прибавилъ: «дай Богъ, чтобы онъ съ нами пожилъ. Жалко, что мы такъ мало были въ Москвѣ».—Москва всегда бываетъ рада видѣть Государя и его августѣйшее семейство, которому она глубоко предана.—«Удивительно какъ хорошо принимаютъ здѣсь Государя».—Я позволю себѣ замѣтить предъ Вашимъ Высочествомъ, что русскому народу и Москвѣ въ особенности такъ свойственна любовь къ царямъ, что было бы не

только удивительно, но и ужасно, если бы охладѣлъ тотъ жарь, съ которымъ принимаютъ Русскіе Государя. В. к. сказалъ что-то о древностяхъ московскихъ.—Я отозвался: надобно уйти далеко отъ Москвы, чтобы удалиться отъ историческихъ воспоминаній. Измайлово имѣетъ 200 лѣтнюю исторію, но извѣстно ли вамъ, что подлѣ Измайлова есть село Черкизово, съ воспоминанія XIV вѣка.—«Нѣтъ, я совсѣмъ не знаю, я былъ въ селѣ Преображенскомъ на раскольническомъ кладбищѣ». — Въ Чудовѣ сохранилась собственная записка святителя Алексѣя: «Черкизово сельцо куплено на мое келейное серебрецо».

Церковь села Черкизова та самая, въ которой служилъ и молился свититель, и даже сохранилась та комната, въ которой стоялъ онъ, слушая литургію, когда самъ не совершалъ ее.—«А домъ сохранился ли»?—Нѣтъ комната эта, теперь обращенная въ алтарь придѣльной церкви, служила связью съ деревяннымъ домомъ, отъ котораго теперь кромѣ признаковъ фундамента ничего не осталось. В. К. спросилъ меня какъ я попалъ во флотъ, были ли у меня родственники во флотѣ. — Я повторилъ и ему, что сказалъ Государю о причинѣ, которая побудило меня идти во флотъ, ничего не говоря о монашествѣ. Услышавъ, что въ отрочествѣ я мечталъ быть уланомъ, вел. кн. что то сказалъ Ев. М—чу и потомъ обратясь ко мнѣ сказалъ: позвольте представить вамъ моего двоюроднаго брата, Евгенія М—ча. Князь Романовскій всталъ и поклонился мнѣ, я отвѣтилъ ему тѣмъ же, но въ разговоръ не вступилъ.—В. к. сказалъ: «онъ съ этимъ полкомъ былъ нынче въ лагерь, въ Красномъ Селѣ». Замѣтивъ подъ Андреевской лентой в. к. орденскій крестъ св. Владимира 4 степени, данный ему за военную службу въ мирное время, я сказалъ:—могу свидѣтельствовать в. в—ву, что общерадостно принято было извѣстіе о томъ, что Государь изволилъ возложить на васъ 4 ст. Владимирскаго ордена: мы знали, что Государь желалъ возвысить этотъ орденъ за гражданскіе заслуги: нельзя было лучше этого

сдѣлать, какъ возложивъ его на васъ: возвышая орденъ, онъ возвысилъ и заслуги, за которыя онъ установленъ.—«Да, Государю очень этого хотѣлось».—Вы изволили спросить, не было ли у меня родныхъ въ морской службѣ. Прежде меня не было, но я имѣю сестру, которая съ мужемъ своимъ плавала по восточному Океану.—Онъ спросилъ о мужѣ ея, и сказалъ, что у него братъ и двоюродный братъ моряки и что онъ самъ преимущественно любить и уважаетъ морскую службу. Въ концѣ стола в. к. спросилъ меня: «что прикажете передать Георгію Тим. Боку?»—Прошу передать ему, что я призываю благословеніе Божіе на его великое и священное дѣло.—«Непремѣнно передамъ: ему будетъ очень пріятно, что вы за него молитесь».

Когда, по окончаніи обѣда, встали изъ за стола, Государь поклонился мнѣ и пошелъ, а я стоялъ, уступая мѣсто в. князю, однако онъ не двигался, предоставляя мнѣ идти за Государемъ. Проходя мимо генераловъ, Государь тому-другому сказалъ по слову, остановился противъ своего портрета: небольшой, въ ростъ, на которомъ онъ изображенъ въ дѣтскомъ возрастѣ, въ казачьемъ кафтанѣ.

— «Никсъ», сказалъ онъ Ал—ру А—чу: «никогда не видалъ я этого портрета». Государь перешелъ въ другую половину залы, не занятую столами. На пути поговорилъ съ майоромъ Федоровымъ, о которомъ я успѣлъ сказать за обѣдомъ Государю. Пока за Государемъ двигалась толпа, ко мнѣ подошелъ человекъ невысокаго роста въ аннинской лентѣ и лицомъ очень знакомымъ. Только началъ онъ рекомендоваться, какъ я узналъ въ немъ А. А. Зеленаго. Мы разговорились, вспомнили моего зятя Петра Павловича Ушакова, говорили о сестрѣ, о службѣ подъ начальствомъ Трилина на фрегатѣ. Между тѣмъ Государь, переходя черезъ залу, замѣтилъ насъ вмѣстѣ, улыбнулся и сказалъ: «что сошлись, снова ознакомились». — Очень давнее знакомство, сказалъ Зеленый, и Государь пошелъ далѣе, достигъ до архимандритовъ, спрашивалъ ихъ о

должностяхъ, давно ли въ монашествѣ, о Владыкѣ и въ заключеніе сказалъ: «а вашъ преосвященный викарій изъ моряковъ». — Обошедъ и одаривъ почти каждаго своимъ словомъ, онъ, подходя къ выходнымъ дверямъ, раскланялся со всѣми. Я все еще стоялъ съ Зеленымъ и довольно далеко отъ Государя. Вмѣстѣ съ другими поклонился и я. Замѣтивъ это, Государь еще разъ подошелъ ко мнѣ, протянулъ мнѣ руку, которая уже была въ перчаткѣ, я подалъ ему свою, и онъ сталъ очень вѣжливо просить, чтобы я передалъ Владыкѣ, какъ онъ сожалѣетъ, что не видалъ его нынче у себя, что онъ желаетъ здоровья и просить молитвъ.—Я отвѣчалъ, что въ точности передамъ ему эти слова, равно и о томъ, какъ милостиво были мы приняты. Государь съ пріятностію сказалъ: «благодарю васъ», поклонился и пошелъ. Отъ Зеленаго я рѣшился вывѣдать, справедливъ ли слухъ о Польшѣ. «Смѣю положительно сказать, что несправедливъ. Одного только человѣка и знаю, который со всею твердostí стоитъ противъ множества. И мужчины и дамы жужжать ему объ этомъ въ уши, падаютъ въ обморокъ въ его кабинетъ; но это ни къ чему не служитъ. Онъ хочетъ передъ обществомъ поднять К. Н.—ча, но этого онъ не сдѣлаетъ». — Я выразилъ министру общую благодарность за то, что онъ такъ смѣло указалъ Государю на необходимость вызвать М. Н. Муравьева.

— «Это было единственнымъ средствомъ поднять М. Н.—ча для общей пользы. Если бы меня послушали и назначили бы въ Кіевъ Бибикова, то дѣла шли бы гораздо лучше и въ Юго-Западномъ краѣ. Тутъ нечего съ ними (съ поляками) церемониться». Я пожелалъ ему твердости въ совѣтѣ. Онъ сказалъ: лучше уйду, нежели стану говорить ложь. Государь пошелъ въ бараки инвалидовъ, а я поѣхалъ среди множества экипажей и толпы народа. Я поѣхалъ прямо ко Владыкѣ; у него сидѣлъ пр. Савва и докладывалъ. Я передалъ слова Государя и вкратцѣ рассказалъ, какъ что было и о чемъ говорилъ со мною.

Государь.—Въ 7 часовъ заблаговѣстили ко всеобщей, докладъ прекратился. Посидѣлъ я у Николая В., потолковалъ съ нимъ о томъ, какъ дурно, что у Владыки никто не побывалъ изъ гостей высокихъ, — чего никогда не бывало.—Только возвратился я домой, переодѣлся и велѣлъ писать депешу телеграфную къ о. арх. Антонію (съ благос. Владыки) съ словами Государя, какъ доложили: «полк. Бокъ».—Съ распростертыми объятіями встрѣтились мы, и Юрій Тимоѣевичъ сидѣлъ у меня почти до 10¹/₂. Три года, какъ мы не видались, и около трехъ лѣтъ онъ при дворѣ. Много говорили мы съ нимъ. Разговоръ этотъ очень плодовитый опишу особо. Онъ сказалъ мнѣ, что у его воспитаника былъ флюсъ, и потому они сидѣли дома два дня, и сегодня были только въ Кремль, а теперь онъ воспользовался отъѣздомъ его въ театръ и пріѣхалъ ко мнѣ съ дорожнымъ мѣшкомъ въ рукѣ; что наканунѣ вечеромъ Государь зашелъ къ нимъ въ комнату, пилъ съ ними чай, и онъ, Бокъ, рассказывалъ, какъ мы съ нимъ жили на морѣ и о томъ, что я уже позабылъ, какъ они приглашали меня читать, декламировать и проч., какой былъ у меня характеръ и т. д., что сегодня, возвратясь съ обѣда Евг. А—чь говорилъ: «я познакомился съ преосвященнѣйшимъ Леонидомъ», а А. А—чь: «а я и сидѣлъ подлѣ него». Во время нашего разговора раздался народный крикъ вдали: это Государя провожали отъ Иверской часовни... Бокъ едва не опоздалъ къ отбытію царскаго поѣзда въ 11 часовъ.

30. Далъ Богъ служить со Владыкою въ Успенскомъ Соборѣ. Онъ былъ въ Александровской лентѣ и въ Андреевской съ бриліантовымъ орломъ. Какъ нарочно, онъ и оба его викарія были въ фіолетовыхъ рясахъ. Онъ употребляетъ этотъ цвѣтъ при алой лентѣ, а подъ голубою лентою чаще случается видѣть его въ коричневой. Онъ принималъ насъ въ Чудовѣ. Владыка, благодареніе Богу, чувствовалъ себя крѣпкимъ настолько, что и на обѣдъ къ г. губ. пріѣхалъ. Собраніе, какъ и всегда, блистатель-

ное. Неглюдовъ представилъ мнѣ министра юстиціи Замятина, а Н. В. Сушковъ познакомилъ меня съ об. прок. Побѣдоносцевымъ, который только что сегодня покрылъ себя Станиславской лентой.

Министру, который спрашивалъ меня о морской службѣ, я имѣлъ случай сказать, что и теперъ вижу пользу для себя въ томъ что провелъ въ военной службѣ нѣсколько первыхъ лѣтъ службы, что хорошо дѣлаетъ Западная Европа, всѣхъ гражданъ опредѣляя въ солдаты, ибо эта служба учить повиновенію, которое нужно для того, кому суждено повелѣвать, и самообладанію, которое нужно для всякаго члена общества.

Владыка нынѣшнюю музыку называетъ революціонною и бѣшеною, говоря, что въ ней отразилось настроеніе европейскаго общества. При началѣ каждой пьесы (на хорахъ за зеленью скрывались военные музыканты). Владыка приказывалъ мнѣ разобрать по картѣ, что играютъ и чье сочиненіе, и принимался внимательно слушать, какъ музыкантъ отъ юности.

Государь, сказалъ Снегиревъ брату, отозвался о моемъ служеніи: «хорошо онъ служить: мнѣ нравится». Государь проводитъ день своего Ангела въ семейномъ кругу въ загородномъ дворцѣ Ольги Николаевны. Толмачевъ говоритъ, что старики его больше смотрѣли на меня, нежели на Государя, говоря, что Государя они въ прошломъ годѣ видѣли, а преосвященнаго никогда не видали, «да что бы ему у насъ совсѣмъ остаться», прибавили они просто-душно. Говорилъ тоже, что въ баракахъ Государь благодарилъ и цѣловалъ его.

31. Все утро принималъ, къ 5 часамъ запискою Владыки оба мы были къ нему призваны. Суворовъ, во все вмѣшивающійся, желаетъ знать мнѣніе Владыки о проектѣ. Устройства богадѣльнаго дома, на Преображенскомъ кладбищѣ. Владыка говоритъ, что цѣль передачи дома въ вѣдѣніе челоуѣколюбиваго общества была та, чтобы домъ мало по-малу упразднить, а проектъ даетъ ему сильную

организацію, которая на вѣки его упрочиваетъ, и М. Новгородскій всю эту дичь одобрилъ. Что дѣлать спрашиваетъ Владыка?

— Протестовать.

— Ни къ чему не послужить.

— По крайней мѣрѣ вы сдѣлаете дѣло по совѣсти и когда нибудь увидятъ, что не всѣ же архіереи были противъ истины, говорилъ хотя одинъ и за истину.

Въ Новомъ Іерусалимѣ судище между братією и настоятелемъ. Позорь!..

Владыка передавалъ разсказъ ген. Г—ра о графѣ Перовскомъ (Оренб. ген. губернаторъ). Въ 1812 году онъ ѣхалъ съ депешей, попалъ въ плѣнъ, посаженъ въ церковь Спаса на Бору, брошенъ въ подвалъ, отправленъ во Францію, голодалъ, спасенъ казаками. С—нъ говорилъ, что члены Сѣнода прогрессивнѣе свѣтскихъ. Заѣхалъ къ Каткову сказать, что Государь горюю противъ поляковъ, что журналы его и газета любимое чтеніе черезъ васъ...

Сентябрь 3. Владыка говорилъ, что въ Парижѣ до 800 тысячъ спиритовъ и пишутъ новое евангеліе, чтобы было еще выше Спасителя: «вотъ до какой гордости достигъ сатана, и тутъ ему гибель, какъ уповаю».

15. Былъ въ с. Рогачевѣ, чтобы видѣть тамошнее женское училище въ домѣ младшаго священника Воронцова. Такъ распространяется добро. С. А. Масловъ помогъ дмитровскому ключарю при опредѣленіи его на мѣсто и условился, чтобы онъ долгъ ему деньгами не платилъ, а завелъ бы училище, гдѣ наставниками были бы онъ и его жена, что и было выполнено съ успѣхомъ. Родственникъ ключаря Воронцовъ, по совѣщаніи съ о. Богоявленскимъ, также открылъ училище, получившее оффиціальнѣйшій характеръ училища 1 разряда. Въ немъ до 50 ученицъ, по сѣщаютъ училище не постоянно, большихъ успѣховъ быть не можетъ, но и то, что есть, уже не худо: знаютъ молитвы, кое-что припомнятъ изъ вѣроученія. Я совѣтовалъ практически преподавать имъ знаніе вѣры: лѣнливой ука-

зять на слова Апостола: *Не трудивыйся ниже да ястз;* гнѣвливой предложить тексъ: *да не зайдетъ солнце во зньтъ вашемъ* и т. д., чтобы, Св. Писаніе было ихъ училищемъ, ихъ совѣтникомъ, и тогда храмъ будетъ для нихъ прибѣжищемъ, и стануть онѣ живыми членами Церкви. Я взялъ съ собою экземпляръ учебныхъ книгъ, отъ министерства государств. имущ. издаваемыхъ. Онѣ способны ебить съ толку и толковую головку и, помрачивъ разумъ людей, сдѣлать ихъ орудіемъ мятежей. Хотятъ крестьянскимъ дѣтямъ въ тоненькихъ 4 брошюрахъ сообщить и азбуку, и естествовѣдѣніе, и космографію, и молитвы, и загадки, и множество другихъ вещей. Все это изложено или языкомъ непонятнымъ для крестьянина или пошлымъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРАВСТВЕННАЯ ОЦѢНКА ¹⁾.

Всѣ человѣческія дѣйствія, какъ проявленія нашей воли, имѣютъ какіе-либо мотивы и сопровождаются тѣми или другими слѣдствіями. При нравственной оцѣнкѣ человѣческихъ поступковъ возникаетъ вопросъ: на что слѣдуетъ обращать вниманіе—на мотивы ихъ или послѣдствія?

Въ рѣшеніи этого вопроса можно отмѣтить два направленія. Одно изъ нихъ извѣстно подъ именемъ телеологическаго. Оно сводитъ всю оцѣнку къ послѣдствіямъ поступковъ, опредѣляетъ нравственный характеръ ихъ цѣлью, которая имѣется въ виду при совершеніи этихъ поступковъ. Нравственно будетъ то, что имѣетъ добрыя послѣдствія для общаго человѣческаго благополучія. Такимъ началомъ руководится нравственная философія утилитаризма. Телеологическая оцѣнка принимается далѣе видными моралистами нашихъ дней—Спенсеромъ и Паульсеномъ. Мы называемъ предметы, разсуждаетъ Спенсеръ, хорошими или дурными въ общемъ смыслѣ сообразно лишь съ тѣмъ, хорошо или дурно они приспособлены къ достиженію предназначенныхъ имъ цѣлей. Хорошъ тотъ ножъ, который рѣжетъ; хорошо то ружье, которое беретъ далеко и вѣрно; хорошъ тотъ домъ, который даетъ въ

¹⁾ Изъ уроковъ по Нравственному Богословію въ Виѣанской семинаріи.—Литература вопроса: Паульсенъ. Основы этики.—Циглеръ. Что такое нравственность?—Липпсъ. Основные вопросы этики.—Макензи. Этика.—Гораденскій. Нравственное сознаніе человѣчества.—Поповъ. Естественный нравственный законъ.

должной мѣрѣ покровъ, уютъ и всѣ желаемыя удобства. И въ нравственной области слова «хорошій» и «дурной» сохраняютъ тотъ же самый смыслъ: они указываютъ на приспособленіе поступковъ къ ихъ цѣлямъ. Паульсенъ, отъправляясь отъ тѣхъ же самыхъ примѣровъ, приходитъ къ заключенію, что слово «хорошій» въ нравственномъ смыслѣ означаетъ пригодность вещи или лица къ выполненію извѣстнаго назначенія или цѣли. Здѣсь имѣются въ виду не фактическія послѣдствія отдѣльныхъ поступковъ, которыя могутъ зависѣть и видоизмѣняться отъ различныхъ условій. Поступки и опредѣленія воли хороши, если они *по своей природѣ* обладаютъ *тенденціей* дѣйствовать въ направленіи совершенствованія человѣческой жизни. Милосердіе по своей природѣ имѣетъ тенденцію уменьшать человѣческія страданія, поэтому оно хорошо. Ложь препятствуетъ нормальному развитію человѣческой жизни, значитъ она дурна.

Въ противоположность телеологическому пониманію нравственности существуетъ иное направленіе мысли, которое судитъ о нравственности человѣческихъ поступковъ по ихъ мотивамъ, обращаетъ вниманіе на настроеніе, съ которымъ совершаются они.

Первое—телеологическое—сужденіе превосходитъ второе своей кажущейся очевидностью. Истинные, дѣйствительные мотивы человѣческихъ поступковъ и отношеній извѣстны намъ очень рѣдко, потому что кто можетъ заглянуть другому въ душу? Мы сами часто не знаемъ въ точности истинныхъ и конечныхъ мотивовъ нашего собственнаго поведенія. Ясно, что опредѣлить эти мотивы у другихъ еще труднѣе. Тутъ имѣетъ полное приложеніе столь драгоцѣнное правило: «не судите, да не судимы будете».

Но совершенно такое же разсужденіе мы можемъ выставить противъ общаго блага, какъ телеологическаго начала нравственности. Оцѣнить или высчитать, будетъ ли извѣстный поступокъ имѣть для блага человечества или

для продолжительнаго благополучія одного даннаго народа добрыя послѣдствія, бываетъ совершенно невозможно. Защитники Севастополя полагали, напр., что они содѣйствуютъ благу Россіи. Но въ послѣдствіи оказалось, что проигранная война принесла намъ громадную пользу, наглядно показавъ все несовершенство нашего общественнаго строя. Если бы случайно мы оказались тогда побѣдителями, то національная гордость наша, нашедшая пищу въ удачѣ, совершенно усыпила бы въ нашемъ обществѣ всякое сознаніе потребности движенія впередъ и преобразованій жизни. Такимъ образомъ защитники Севастополя вредили Россіи, поскольку своими усиліями и самоотверженіемъ готовили ей побѣду надъ врагами. Съ точки зрѣнія общаго блага мы должны бы осуждать ихъ героизмъ, а не преклоняться предъ нимъ.—Вслѣдствіе такой неопредѣленности принципа общаго блага онъ оставляетъ полный просторъ для казуистики. Нѣтъ ни одного общественнаго злодѣянія, нѣтъ такого вопіющаго нарушенія справедливости, которое не оправдывалось бы именно съ точки зрѣнія общаго блага. Въ древнемъ Римѣ во имя общаго блага преслѣдовали и мучили христіанъ. Рабство въ древнемъ и новомъ мірѣ поддерживалось для общаго блага. Религіозныя преслѣдованія въ Византіи и на Западѣ имѣли ту же цѣль.

Изъ этихъ примѣровъ открывается невозможность сливать нравственную оцѣнку съ телеологической. Съ телеологической точки зрѣнія можно говорить о полезности, приспособленности, большей пригодности извѣстнаго рода поведенія для достиженія нравственныхъ цѣлей, но всѣ эти понятія не носятъ на себѣ строго нравственнаго характера. Эти понятія взяты изъ опыта, изъ эмпирической дѣйствительности. Между тѣмъ понятіе «нравственнаго» заключаетъ въ себѣ признакъ, возвышающій его надъ опытною дѣйствительностію: оно выражаетъ не то, что есть, но то, что быть должно.

Нисколько не помогаетъ видоизмѣненіе утилитарнаго

принципа въ томъ смыслѣ, что добродѣтели *по самой природѣ своей* обладаютъ тенденціей вызывать благопріятныя послѣдствія. Въдь тогда нравственность сводилась бы въ конечномъ итогѣ къ жизни, сообразной съ человѣческой природой, съ ея высшими стремленіями. Но для того, чтобы поступать нравственно, еще недостаточно слѣдовать своимъ наклонностямъ, хотя бы самымъ возвышеннымъ. Даже въ томъ случаѣ, когда нравственный поступокъ соотвѣтствуетъ природной склонности, не въ этомъ лишь соотвѣтствіи заключается его нравственное достоинство. Всѣ моралисты дѣлали различіе между благотворительностію или добротой по темпераменту, по природѣ и благотворительностію или добротой по свободному выбору. Быть тѣмъ, чѣмъ челоѣкъ есть по природѣ, не составляетъ никакой личной его нравственной цѣнности: природа нами получается. Но быть добрымъ по свободной рѣшимости—это великое достоинство, такъ какъ тутъ челоѣкъ поступаетъ нравственно во имя чего-нибудь, признаваемого имъ высшимъ, святымъ, обязательнымъ. Нравственность начинается съ того момента, когда въ сознаніи устанавливается противоположность между естественнымъ и должнымъ поведеніемъ челоѣка.

Несомнѣнно, въ обыкновенномъ словоупотребленіи мы называемъ всякое дѣйствіе хорошимъ, отраднымъ, если оно создаетъ доброе, или вызываетъ его къ жизни, если оно служить къ осуществленію нравственныхъ цѣлей. Но въ собственномъ смыслѣ нравственную цѣнность оно имѣетъ постольку, поскольку является симптомомъ или показателемъ нравственного строя личности. И это потому, что основная идея этики есть идея *личности челоѣка, единственнаго носителя нравственности*. Въ нравственной области главное значеніе имѣетъ личный починъ, личная творческая энергія или личное одушевленіе къ добру. Одаренъ ли извѣстный челоѣкъ много или мало, предназначенъ ли къ великимъ или малымъ дѣламъ, это здѣсь безразлично. Для нравственнаго сужденія имѣетъ

рѣшеніе только одно, именно, какъ мы внутренно, лично относимся къ своимъ нравственнымъ дѣйствіямъ. «Не ослабѣвать въ усердіи, духомъ пламенѣть» (Римл. 12, 11),— вотъ подлинно нравственное расположеніе души человѣческой. Поэтому о моральномъ достоинствѣ отдѣльнаго поступка мы судимъ не на основаніи его объективныхъ послѣдствій, а на основаніи той *симптоматической* цѣнности, которая принадлежитъ въ этомъ отношеніи данному единичному поступку. Такой именно смыслъ имѣетъ евангельское изреченіе: «по плодамъ узнаете ихъ» (Мѣ. VII, 16—18). Бѣднякъ, который дѣлитъ свои послѣднія крохи съ несчастнымъ, дѣлаетъ больше въ нравственномъ смыслѣ, чѣмъ миллионеръ, обезпечивающій послѣднему достаточное содержаніе. Евангельская вдова, сдѣлавшая ничтожный вкладъ въ церковную сокровищницу, положила, по словамъ Христа, больше всѣхъ богачей, потому что тѣ вдали отъ избытка своего, а она отъ скудости своей положила все, что имѣла.—Очевидно, нравственное величіе открывается не въ размѣрахъ самаго дѣла и вытекающихъ изъ него результатовъ, а въ личномъ устремленіи духа человѣческаго къ добру.

Личный, творческій характеръ нравственности въ новейшей философской литературѣ особенно ярко подчеркнутъ со стороны Ницше. Положительная заслуга его нравственной философіи состоитъ въ рѣзкомъ осужденіи пассивной нравственности, сводящейся къ воздержанію отъ пороковъ и соблюденію внѣшнихъ формъ и предписаній закона. «Существуютъ такіе, говоритъ Заратустра, которые сидятъ въ своемъ болотѣ и такъ говорятъ изъ тростника: добродѣтель значить тихо сидѣть въ болотѣ. Мы никого не кусаемъ и уходимъ съ дороги того, кто хочетъ кусаться». Пассивныя существа могутъ удовлетворяться такою добродѣтелью, но личность, богатая внутренней нравственной силой, воспитанной путемъ самоопредѣленія, жаждетъ положительнаго добра, выражающагося въ личномъ творествѣ. Больше жизни, движенія, личнаго

творчества, самоопредѣленія въ области добра,—вотъ положительныя черты ученія Ницше о сверхчеловѣкѣ.

Если личность, такимъ образомъ, имѣетъ столь важное значеніе въ нравственной области, то понятно, почему нравственная оцѣнка должна исходить изъ мотивовъ, настроенія дѣйствующей личности, а не изъ поступковъ съ ихъ слѣдствіями.

Противъ нравственной оцѣнки по мотивамъ иногда возражаютъ, что часто поступки вытекаютъ изъ чистыхъ, благородныхъ и идеальныхъ мотивовъ и однако не могутъ быть названы нравственными.

Извѣстенъ разсказъ о католическомъ святомъ Криспинѣ, который воровалъ кожу у богатыхъ людей для того, чтобы дѣлать сапоги бѣднымъ. Несомнѣнно, онъ руководился нравственнымъ мотивомъ состраданія и милосердія, но никто не назоветъ его поступокъ нравственнымъ. Итакъ, чистота мотивовъ не обезпечиваетъ нравственности поступковъ.

Но и это возраженіе можно въ свою очередь обратить противъ защитниковъ нравственной оцѣнки по результатамъ или по цѣли, къ которой направлены дѣйствія. Пресвященный Теофанъ совершенно справедливо замѣчаетъ: «цѣль худая въ добромъ дѣлѣ съѣдаетъ его доброту, а цѣль добрая въ дѣлѣ худомъ не сообщаетъ ему своей доброты. Въ томъ и другомъ случаѣ дѣло худо. Напр., кто поетъ или читаетъ въ церкви, чтобы показать свое искусство, а не назидать, тотъ доброе дѣлаетъ худымъ, а кто присвоитъ себѣ чужое, чтобы помочь, худо не дѣлаетъ добрымъ»¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ: неужели отъ служенія нравственной цѣли всякое дѣйствіе становится нравственнымъ? Несомнѣнно, приобрѣтать средства для матеріальнаго благосостоянія своей семьи — похвальная и добрая цѣль. Но неужели также похвально и нравственно грабить на боль-

¹⁾ Начертаніе христіанскаго нравоученія, стр. 104.

шихъ дорогахъ и отнимать чужое для этой цѣли? Если мы будемъ отвѣчать на подобные вопросы утвердительно, то не придется ли къ столь ославленному правилу іезуитовъ, что цѣль оправдываетъ и освящаетъ средства?

Мы видимъ, что возраженія противъ нравственной оцѣнки человѣческихъ дѣйствій и поступковъ по мотивамъ не существенны. Но мы имѣемъ и положительныя основанія предпочитать эту оцѣнку оцѣнкѣ по послѣдствіямъ. Нравственное сужденіе произносится собственно не о фактѣ, а о дѣйствующей личности. Это особенно ясно обнаруживается на вмѣняемости человѣку его собственнаго поведенія. Вмѣнять человѣку какое-нибудь дѣйствіе, значить измѣрять нравственную цѣнность дѣйствія по нравственной цѣнности личности, переносить нравственную оцѣнку съ дѣйствія на личность. Хорошимъ въ нравственномъ смыслѣ мы называемъ характеръ, духовный складъ, внутренній строй личности, а не отдѣльный поступокъ. И общество можетъ полагаться на человѣка, и онъ самъ можетъ быть увѣренъ въ себѣ только тогда и постольку, когда и поскольку онъ обладаетъ нравственнымъ характеромъ. Только тогда можно быть увѣреннымъ, что проникающій человѣка нравственный духъ проявитъ себя во всѣхъ отношеніяхъ и обстоятельствахъ, а не временно и случайно. Такимъ образомъ общество въ своихъ нравственныхъ сужденіяхъ направляется отъ внѣшняго къ внутреннему,—оно обращаетъ вниманіе на сущность, на образъ мыслей человѣка, на двигающіе имъ мотивы. Нравственная оцѣнка все болѣе и болѣе переходитъ съ внѣшняго на внутреннее, съ единчнаго на цѣлое. И чѣмъ выше требованія, предъявляемыя къ извѣстному человѣку, чѣмъ тоньше нравственное чувство, тѣмъ болѣе нужно знать не только отдѣльные поступки, но и всего человѣка по его духовному складу, по его внутреннему настроенію.

Высшая нравственность—христіанская—отдаетъ рѣшительное предпочтеніе настроенію, а на дѣло смотритъ, какъ на естественное послѣдствіе этого настроенія, ни-

сколько не увеличивающее его цѣнности. Стоитъ только прочесть нагорную проповѣдь Иисуса Христа, и мы увидимъ, что Онъ полагалъ сущность нравственности во внутренней настроенности, запрещая не худыя дѣла, какъ это было по преимуществу въ Моисеевомъ законодательствѣ, а самыя мысли дурныя и похотливое вожделѣніе. Евангеліе — законъ не буквы, а духа, опредѣляющій не частныя дѣйствія и поступки человѣка, а внутренней строй его жизни, внутреннія его расположенія и стремленія. Оно говоритъ собственно не о томъ, что долженъ и чего не долженъ дѣлать человѣкъ, но каковъ долженъ быть самъ человѣкъ въ его мысляхъ, желаніяхъ и чувствахъ. Если настроеніе не переходитъ въ дѣло по обстоятельствамъ, независящимъ отъ воли нравственнаго дѣятеля, этимъ нравственная цѣнность настроенія насколько не уменьшается. Представимъ себѣ, напр., разслабленнаго, который ничего не можетъ сдѣлать для человечества. Между тѣмъ это состояніе не препятствуетъ ему имѣть самый нравственный строй личности. Въ разсказѣ Тургенева «Живыя мощи» образъ парализной Лукерьи, до идеальности чуткой ко всему прекрасному и отзывчивой на все доброе, покорной и во всемъ довольной для себя, но жалостливо заступающейся предъ случайно навѣстившимъ ее бариномъ за бѣдныхъ крестьянъ, полонъ трогательной нравственной красоты.

Послѣ этого нужно признать полную справедливость словъ Канта: «добрая воля хороша не тѣмъ, что она дѣлаетъ, и не ея способностью къ достиженію намѣченной цѣли, а просто хороша добродѣтельною хогѣніемъ... Если бы вслѣдствіе особой немилости судьбы или скупости махи природы случилось, что у этой воли не хватало бы силъ осуществить предположенное намѣреніе, и въ результатѣ осталась бы только одна добрая воля (не простое желаніе, разумѣется, а непоколебимая рѣшимость), то и тогда она, подобно алмазу, блистала бы своимъ собственнымъ свѣтомъ, какъ заключающая всю цѣнность въ самой себѣ».

Добрая въ себѣ или чистая воля въ терминологіи Канта извѣстна подѣ именемъ «практическаго разума». Смыслъ этого названія тотъ, что воля опредѣляется къ дѣйствию сознаниемъ его разумности, его объективнаго значенія, а не въ силу какого-либо субъективнаго (личнаго) влеченія. Человѣкъ совершаетъ нравственныя дѣйствія по внутреннему сознанию ихъ разумности. Разумъ вноситъ въ нравственныя сужденія всеобщность и необходимость, придаетъ нравственнымъ истинамъ обязательность и безусловность. Кантъ такимъ образомъ устанавливаетъ наличность нравственныхъ нормъ и идеаловъ, своего рода нравственныхъ аксіомъ, которыя остаются истинами всегда и вездѣ, а не есть нѣчто относительное, соотвѣтствующее росту и развитію (эволюціи) извѣстнаго общества. Въ нравственной философіи Канта дана, слѣдовательно, цѣнная мысль, заложена предпосылка объ абсолютныхъ нравственныхъ началахъ, одинаково истинныхъ для всѣхъ временъ и народовъ, о вѣчной и единой нравственной правдѣ. Поэтому разумно понятое нравственное сознание должно соединяться съ опредѣленнымъ нравственнымъ содержаніемъ, съ опредѣленными нравственными требованіями. Для нравственности безразлично самое содержаніе ея, но она получаетъ свою цѣнность отъ этого содержанія. Нравственная оцѣнка должна отсюда опредѣляться не однимъ только чистымъ настроеніемъ доброй воли, но и соотвѣтствіемъ съ наивысшимъ по содержанію нравственнымъ идеаломъ, вѣчными и неизмѣнными нравственными принципами и положеніями. Долженъ быть и внѣшній критерій для нравственной оцѣнки. Такой критерій христіанская нравственность указываетъ въ Евангеліи.

Ив. Николинъ.

Старець о. Игумень Герасимъ.

Въ Великій пятокъ, 20 апрѣля 1907 г., въ Троице-Сергіевой Лаврѣ скончался старецъ, о. Игумень Герасимъ, 84 лѣтъ.

15-го апрѣля, въ день Входа Господня во Иерусалимъ, почившій готовился служить. Наканунѣ сего праздника, въ 11 ч. дня, постучались въ дверь кельи старца, но старецъ не вышелъ. Черезъ часъ на стукъ опять не послѣдовало отвѣта.

Спустя еще немного времени открыли дверь и нашли старца едва живымъ, разбитаго параличомъ. Немедленно была оказана медицинская помощь, а затѣмъ усиліями доктора П. И. Якуба больной приведенъ былъ въ сознаніе.

Послѣ удара о. Герасимъ жилъ шесть дней и не принималъ почти никакой пищи. Онъ отстранялъ отъ себя, даже когда поднесутъ ему чайную ложку молока. Напутствованный таинствами покаянія, Причащенія и Елеосвященія, о. Герасимъ тихо скончался въ 10 ч. вечера, въ день Крестной смерти Самого Спасителя.

Почившій трудился въ обители всего 62 года: сначала послушникомъ и монахомъ въ скиту, съ 1853 года въ Лаврѣ. Около сорока лѣтъ, въ санѣ іеродіакона и іеромонаха, о. Герасимъ проходилъ послушаніе у мощей Преподобнаго Сергія. За послѣднія 15 лѣтъ онъ состоялъ старцемъ (членомъ) Духовнаго Собора. За свои труды почившій награжденъ былъ въ разное время благословеніемъ Св. Синода, наперснымъ крестомъ, орденомъ Анны 3-й ст. и въ 1906-мъ году саномъ Игумена.

Служить каждый праздникъ для почившаго было великою радостью. Сильно разстраивался онъ, если кто-либо разговаривалъ за богослуженіемъ, или сидѣлъ во время литургии вѣрныхъ, особенно предъ пѣніемъ «Тебѣ поемъ». Если онъ былъ неслужащій, то самъ, бывало, подойдетъ къ нарушителю порядка и заставитъ разговаривающаго замолчать, а сидящаго встать, или выйти изъ храма, за что нѣкоторые и считали его строгимъ старцемъ.

Но строгость о. Герасима только въ томъ и была,— онъ не терпѣлъ безпорядка тамъ, гдѣ *архангелы и ангелы, лица закрывающе, служатъ Господу*. Строгъ почившій былъ самъ къ себѣ: избѣгалъ праздныхъ разговоровъ, любилъ уединеніе: храмъ и келья вотъ его мѣсто. Развѣ лѣтомъ можно было увидѣть старца, плетущагося съ корзиночкой на свое невинное удовольствіе—поудить рыбки на Виѳанскомъ пруду, причемъ всякій, видѣвши его, выражалъ свое удовольствіе.

По своему виѣшнему виду о. Герасимъ напоминалъ апостола Петра.

Въ прошломъ году профессоръ академіи художествъ усердно просилъ старца позволить съ него написать портретъ, но старецъ не согласился. По своему смиренію онъ никогда не снимался даже и на общей фотографической карточкѣ.

Погребеніе почившаго старца о. Герасима, во вторникъ на свѣтлой седмицѣ, совершалъ духовникъ его, еклисиархъ Лавры, архимандритъ Аполлосъ съ 12 іеромонахами. Пасхальный чинъ погребенія при стройномъ пѣніи Лаврскаго хора подъ управленіемъ о. Смарагда производилъ сильное впечатлѣніе на множество богомольцевъ и почитателей почившаго. Погребенъ старецъ близъ храма Пр. Михея, рядомъ съ своимъ другомъ о. Симеономъ, извѣстнымъ учителемъ живописи и рисованія въ Лаврскомъ иконописномъ училищѣ и мастерской.

При погребеніи Инспекторъ Училища Иконописанія, іеромонахъ Іонаѳанъ, произнесъ рѣчь, помѣщаемую вслѣдъ за симъ.

Рѣчь при погребеніи старца о. Игумена Герасима.

Христось воскресе!

Дорогой нашъ старецъ о. Герасимъ! Не слышимъ нынѣ твоего отвѣта, сомкнулись уста твои, но сердце наше чувствуетъ близость твою къ намъ. Ты здѣсь между нами, твоя душа близъ гроба твоего и отвѣщаетъ намъ: *во истину Христось воскресе!*

Братіе, нынѣ дни свѣтлой радости и ликованія духовнаго! Нынѣ изъ гроба воскресъ Христось Жизнодавецъ! Но вотъ предъ нами гробъ... Правда, мы не боимся смерти. Воскресшій Спаситель Своими страданіями и смертію разрушилъ узы ада... *смерти празднуемъ умерщвленіе, адово разрушеніе, много житія вѣчнаго начало!* Но все таки, при видѣ этого гроба, мы скорбимъ.

Скорбимъ не потому, что сей старецъ, какъ зрѣлый колосъ подвергся общему закону смерти, скорбимъ не за него, а за себя. Скорбимъ, что сей старецъ оставилъ насъ, ушелъ отъ насъ навсегда. Кто изъ насъ не испыталъ духовной силы старцевъ?!. Какъ дороги они намъ въ дни скорби, въ дни начальнаго житія въ обители! Старцы утѣшаютъ, ободряютъ и подкрѣпляютъ насъ. Какъ часто въ голосъ старца слышишь не голосъ земли, а голосъ неба.

Почившій старецъ жилъ въ обители 62 года. Это былъ человекъ порядка и закона, и молитва до самой смерти не сходила съ его устъ. Онъ настолько любилъ участвовать за длиннымъ богослуженіемъ, что служить въ праздникъ въ какой-либо малой церкви было для него скорбію. За богослуженіемъ старецъ весь погружался въ молитву, лицо его сіяло неземной радостію. Многіе считали за большое счастье молиться вмѣстѣ съ нимъ за его служеніемъ. Помню, одинъ профессоръ университета съ своимъ семействомъ причащался Св. Тайнъ за служеніемъ о. Герасима. Послѣ литургіи профессоръ спросилъ имя служа-

щаго старца и сказалъ: «это дивный старецъ! съ какимъ усердіемъ мы молились за его служеніемъ! какое сильное впечатлѣніе онъ произвелъ на всѣхъ насъ! какъ мы ему благодарны!».. Такъ богомольцы чтили нашего усерднаго къ службѣ о. Герасима. Смиранный видъ старца, его скромная походка, его добрый взглядъ привлекали къ нему многихъ. При встрѣчѣ кого-либо изъ братіи всякаго благословить, спросить: «какъ живешь?..» «Спасайся, братъ, трудись, да побольше молись», вотъ обычное его привѣтствіе.

О. Герасимъ настолько любилъ длинную службу, что даже сокращеніе каѳизмъ въ малыхъ храмахъ сильно его огорчало. Самъ дѣлалъ все въ порядкѣ, старался къ сему приучить и другихъ. Почившій старецъ имѣлъ особенную любовь къ братіи. Были случаи, когда даже предъ самимъ Владыкой Митрополитомъ онъ защищалъ братію отъ нареканій злыхъ человѣкъ.

Вѣчная тебѣ память, боголюбезный старецъ! Мы вѣримъ, что ты и нынѣ у Престола Божія предстоишь. Просишь Ты Господа послать смерть въ свѣтлую седмицу. Ты скончался въ день крестной смерти Самого Спасителя, и вотъ нынѣ пасхальными пѣснопѣніями мы провожаемъ тебя въ загробный міръ. Принеси о насъ молитву ко Господу, какъ и здѣсь ты всегда со слезами молился за всѣхъ насъ у Престола Божія. Мы же не престанемъ поминать тебя и молиться за тебя. А нынѣ, здѣсь на землѣ въ послѣдній разъ воспой съ нами: *Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертью смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ.*

СЧАСТЬЕ И ХРИСТИАНСТВО ¹⁾.

Правила жизни и добрые навыки

часто рекомендуются, какъ путь къ счастью. Дѣйстви-тельно, какъ въ обществѣ, такъ и въ повседневной жизни правила жизни и привычки иногда оцѣниваются даже выше, сравнительно съ ихъ достоинствомъ. Кто не поступаетъ буржуазными обычаями, остается вѣренъ своему призванію и слѣдуетъ общепринятымъ взглядамъ на нравственность и мораль, тотъ считается честнымъ и добрымъ, даже хорошимъ христіаниномъ и счастливымъ, если онъ въ свѣтѣ идетъ впередъ. Но подобно тому, какъ законъ не даетъ силы исполнять его, такъ и правила, принципы и предписанія касательно поведенія въ жизни не въ силахъ исправить жизнь и сдѣлать ее счастливою. Всякій человѣкъ, который честно относится къ дѣлу, долженъ будетъ согласиться, что онъ поступалъ не всегда по тѣмъ основаніямъ, которыя считалъ истинными и справедливыми, что въ рѣшительные моменты онъ оставлялъ ихъ совершенно въ сторонѣ, даже часто поступалъ по противоположнымъ взглядамъ. Человѣкъ, истинно честный, часто въ такихъ случаяхъ досадуетъ на самого себя, другіе же, если имъ извѣстны сколько нибудь его принципы, считаютъ его колеблющимся и ненадежнымъ; если же онъ ничего не дѣлаетъ согласно принципамъ, то онъ оказывается вовсе безпринципнымъ человѣкомъ, и, слѣдовательно, о вліяніи

¹⁾ Продолженіе. См. майскую кн. *Душепол. Чтенія* 1907 г.

правиль жизни и привычекъ на его жизненное счастье не можетъ быть рѣчи.

Никакая правоучительная проповѣдь, одна и сама по себѣ, не въ состояніи исправить человѣка и сдѣлать нравственнымъ. Единственно истинное правило жизни, основной принципъ въ сношеніяхъ съ міромъ и другими людьми, есть заповѣдь о любви къ ближнему. Но о дѣйствительной заповѣди о любви къ ближнему знаютъ и желаютъ знать только немногіе; для большей же части людей основнымъ положеніемъ является: «всякій самъ для себя есть ближній!», и сообразно этому правилу смотрятъ на окружающихъ, какъ на предметъ эксплуатаціи, откуда они пытаются извлечь столько выгодъ и наслажденій, сколько то допускаютъ буржуазные законы и взгляды на общество. На почвѣ христіанской любви, по которой каждый долженъ любить ближняго, какъ самого себя, разумъ наталкивается на затрудненіе, ибо никто по собственному побужденію не въ состояніи любить ближняго, какъ самого себя. Только того, кто позналъ, какъ возлюбилъ его Богъ, и что сдѣлалъ для него Христосъ, — только того такое знаніе освобождаетъ отъ эгоизма, предпочитающаго собственную выгоду всему, и только ему оно подаетъ силу возлюбить Бога въ Его тваряхъ.

Что значитъ любить Бога?

«Любящимъ Бога, призваннымъ по Его изволенію, все содѣйствуетъ ко благу» (Римл. 8, 28). На эти слова часто указываютъ, но еще чаще ихъ измѣняютъ и понимаютъ не вполне правильно. Говорятъ: «единственный путь любить Бога, быть близкимъ къ Богу, есть христіанство». Все это прекрасно, но какъ я люблю Бога? То, что обычно называютъ любовью къ Богу, Божиимъ дѣломъ, работой въ царствѣ Божіемъ и т. п., большею частью только красивыя слова, или въ иныхъ случаяхъ самоизмышленныя дѣла, безъ всякаго основанія выдаваемыя

за дѣло Божіе. Понятіе «любовь къ Богу» станетъ яснѣе, если мы приводимыя въ этомъ случаѣ слова изъ посланія апостола Павла къ Римлянамъ рассмотримъ въ связи со всею рѣчью. Мы «знаемъ, что любящимъ Бога, призваннымъ по Его изволенію, все содѣйствуетъ ко благу. Ибо кого Онъ предузналъ, тѣмъ и предопредѣлилъ быть подобнымъ образу Сына Своего... А кого Онъ предопредѣлилъ, тѣхъ и призвалъ; а кого призвалъ, тѣхъ и оправдалъ; а кого оправдалъ, тѣхъ и прославилъ» (VIII, 28—30). Итакъ, только тѣ любятъ Бога, которыхъ Онъ къ этому призвалъ и предопредѣлилъ; предопредѣлилъ же тѣхъ, кого предвидѣлъ по силѣ всевѣдѣнія. Не мы избираемъ Бога, но Богъ насъ избралъ. Онъ прежде позвалъ насъ, прежде возлюбилъ. Сами по себѣ, безъ помощи и содѣйствія Бога, мы совершенно не могли бы любить Его.

Въ чемъ же состоитъ любовь къ Богу, Котораго мы никогда не видѣли? Такъ какъ мы не можемъ чувственно познать Бога, то мы должны вѣрить въ Него: иначе мы не можемъ Его любить. Но «какъ вѣровать въ Того, о Комъ не слыхали»? (Римл. X, 14). На это отвѣчаетъ ап. Павелъ словами пророка: «какъ прекрасны ноги благовѣствующихъ миръ, благовѣствующихъ благое» (Римл. X, 15; ср. Ис. 52, 7). «По всей землѣ прошелъ голосъ ихъ, и до предѣловъ вселенной слова ихъ» (Jbid. 18; Псал. XVIII, 5). Апостоль обвиняетъ Израиля въ томъ, что онъ не слушалъ и не хотѣлъ слушать эти слова. То же и теперь: Божье ученіе лежитъ у каждаго передъ глазами; однако многіе не хотятъ ничего знать о немъ, или утверждаютъ что та или другая мысль въ писаніи, которая имъ не нравится, принадлежитъ не Богу, а человѣку, что она должна быть выражена иначе или, по крайней мѣрѣ, иначе пониматься, чѣмъ понимается. Все же, несмотря на подобныя утвержденія, такіе люди думаютъ любить Бога, Который открылъ Себя въ святыхъ писаніяхъ, Который посылалъ святыхъ мужей возвѣщать Свой слова, карать лжецовъ. Но они любятъ идоловъ, которыхъ впервые со-

здада та или иная челоѣческая мысль, и о которыхъ истинный Богъ сказалъ: «и не дамъ хвалы Моей истуканамъ» (Ис. XLII, 8).

Нѣкоторые могли бы засвидѣтельствовать любовь къ Богу своими дѣлами, гдѣ можно — «героическимъ поступкомъ», своего рода мученичествомъ, въ которомъ они, можетъ быть справедливо, видятъ счастье. Но въ наше слишкомъ «вѣротерпимое» время для нихъ не представляется подходящаго случая. При такихъ обстоятельствахъ, они обязаны вездѣ и всюду возвѣщать свою вѣру, въ особенности предъ невѣрующими и наказывать богохульство (такіе люди встрѣчаются чаще, чѣмъ обычно думаютъ). Такъ и въ наше время представляются случаи, когда можно напасть на «счастье», которому такъ радовались ветхозавѣтные пророки и новозавѣтные мученики.

Любовь къ Богу не есть простое чувство, одна мечтательность, «внутреннее услажденіе въ Богѣ, близость къ Богу, общеніе со Христомъ» и т. д.: все это громкія слова, которыя не всегда понимаются тѣми, изъ чьихъ устъ исходятъ. Любовь къ Богу проявляется въ согласіи челоѣческой воли съ волей Божественной, въ послушаніи Его ученію и въ дѣланіи Его заповѣдей. Всѣ же заповѣди заключаются въ одной: «люби ближняго твоего, какъ самою себя» (Мѡ. XIX, 19). «Любовь есть исполненіе закона» (Римл. XIII, 10). Итакъ, кто исполняетъ Божіи заповѣди, тотъ любитъ своего ближняго и въ немъ Бога; кто же нарушаетъ законъ Бога о любви въ самой незначительной степени, тотъ не любитъ ни ближняго, ни Бога, хотя бы его сердце было исполнено чувствъ, а уста—словъ любви.

Кто узналъ это изъ Писанія и увѣровалъ, тотъ знаетъ также, что онъ не можетъ любить Бога изъ одного только собственнаго усилія: мы любимъ только тогда, когда знаемъ, что Христосъ изъ послушанія Отцу осуществилъ любовь, которою мы были обязаны Богу, но не осуществили и не можемъ осуществить. Итакъ, если ложна вѣра,

то ложна также и любовь; не достаетъ вѣры—не достаетъ и любви; не позналъ человѣкъ Откровеннаго Бога,—онъ любить и служить самоизмышленному Богу, идолу.

Любовь есть орудіе вѣры, которая становится дѣятельною въ любви (Гал. V, 5). Христіанская жизнь съ внутренней стороны есть вѣра въ Бога, ведущая къ любви къ Богу, а съ внѣшней—любовь къ людямъ. Любовь къ Богу обнаруживается и познается черезъ любовь къ Божиимъ твореніямъ, черезъ любовь къ ближнимъ. «Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твою, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ. Сія есть первая и наибольшая заповѣдь. Вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя» (Мѣ. XXII, 37—39).

Онъ говоритъ: «какъ самого себя». Для всѣхъ другихъ законовъ примѣры приходится брать *совнѣ*, этотъ же законъ показанъ въ насъ самихъ... Примѣръ находится внутри, въ сердцѣ, живетъ и учитъ всего сильнѣе не писаніемъ и буквой, не голосомъ, не мыслью, но самымъ опытомъ. Кто же не позналъ Его въ совершенствѣ, какъ Онъ знаетъ всѣ вещи, тотъ раздумываетъ, разыскиваетъ, испытываетъ... Онъ говоритъ: какъ самого себя, ты долженъ любить своего ближняго, не менѣе, чѣмъ любишь ты самого себя. Какъ сильно ты любишь себя, никто не можетъ тебѣ сказать, кромѣ тебя самого: ты чувствуешь то, что не можетъ отгадать никто другой. Поэтому никто также не можетъ лучше сказать тебѣ, кромѣ тебя самого, что должно дѣлать, говорить или желать по отношенію къ ближнему... Ты самъ ясно знаешь, что гораздо лучше дѣлать ближнему добро, быть благожелательнымъ, милостивымъ, хорошо отзываться о немъ, быть полезнымъ и всю жизнь направить такъ, чтобы она была служеніемъ ближнему въ любви.

Кто любить Бога, можетъ дѣлать только то, чего хочетъ Богъ. Такъ какъ воля человѣка всегда противится волѣ Божіей, то и тотъ, кто дѣлаетъ, что хочетъ, что ему кажется справедливымъ, если честно соизмѣрять свое

дѣло съ Божиимъ закономъ, скоро узнаеть, что онъ очень часто преступаль Божиіи заповѣди, слѣдовательно, очень далекъ отъ истинной любви къ Богу. Точно также и тотъ, кто думаетъ, что уже достигъ высочайшей цѣли жизни исполненіемъ воли Бога, превозносится, обманываетъ самого себя, и истины нѣтъ въ немъ (1 Иоан. 1, 8).

Почему мы страдаемъ?

Съ плачемъ вступаетъ человекъ въ жизнь, страданія постоянно преслѣдуютъ его. Даже самый счастливый рѣдко имѣетъ веселый взоръ, не омраченный печалью или жалобой, страхомъ или заботой или иной неприятностью. Слабости и недостатки, болѣзнь и горе, нужды и бѣдствія, злоба, соблазны и всякаго рода несчастія преслѣдуютъ какъ богача, такъ и бѣдняка, и горька борьба со смертію.

Персы и другіе язычники приписываютъ зло нечистому духу, котораго они также признаютъ Богомъ. Пантеисты и матеріалисты считаютъ зло стадіей міровой эволюціи: ничто само по себѣ ни хорошо, ни дурно, все происходитъ отъ Бога и все прекрасно въ Немъ. Также и кальвинисты возводятъ зло до Бога. Но Богъ «не искушаетъ никого. Но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственною похотію. Похоть же, зачавши, рождаетъ грѣхъ; а сдѣланный грѣхъ рождаетъ смерть» (Іак. I 13—15). Отсюда всѣ несчастія. Но «всякое даяніе доброе и всякій даръ совершенный нисходитъ свыше, отъ Отца Свѣтовъ». (Ibid 17).

Богъ сотворилъ все добрымъ, создалъ совершенный міръ и высоко счастливаго, блаженнаго человека по Своему образу (Быт. I, 26). Но человекъ не долго могъ наслаждаться этимъ высочайшимъ счастіемъ; онъ усумнился въ истинности Божественнаго слова: «въ день, когда вкусишь отъ плода, умрешь», и захотѣлъ сдѣлаться равнымъ Богу; онъ нарушилъ Божественную заповѣдь: «отъ древа познанія добра и зла ты не долженъ ѣсть». Такъ какъ Богъ

создалъ человѣка по своему образу, то есть одареннымъ свободной волей, то послѣдній могъ исполнить Божественную заповѣдь или нарушить ее по собственному свободному выбору и рѣшенію. Отсюда это первое нарушеніе Божественной заповѣди, это отпаденіе отъ Бога, чрезъ которое человѣкъ изъ царства Божія попалъ въ царство сатаны и рабства, оказывается всецѣло и исключительно виной человѣка; это не есть какое либо потемнѣніе сознанія, несчастная случайность, но дѣйствительная вина, грѣхъ, сдѣланный человѣкомъ, при полномъ сознаніи, по собственному желанію и свободному выбору. И какъ Левій былъ одесятствованъ еще въ чреслѣхъ Авраама, такъ и все человѣчество согрѣшило въ Адамъ и Евѣ, своихъ общихъ предкахъ. Оброки же грѣха смерть. «Какъ однимъ человѣкомъ грѣхъ вошелъ въ міръ, и грѣхомъ смерть; такъ и смерть перешла во всѣхъ человѣковъ, потому что въ немъ всѣ согрѣшили» (Рим. 5, 12). Это—прежде всего смерть духовная: съ отпаденіемъ отъ Бога помрачилось знаніе Бога и его твореній, ослабѣли и затемнились духовныя способности.

Далѣе наказаніемъ за грѣхъ является смерть тѣлесная. Если бы Адамъ и Ева не согрѣшили, то какъ они сами, такъ и ихъ потомки должны были бы, не дѣлаясь несчастными, больными и слабыми, не умирая, восходить на небо, какъ Енохъ и Илія. Въ наказаніе же за преступленіе нашихъ прародителей мы всѣ прокляты, проклята земля и разрушено совершенство всего творенія. Наша смерть начинается съ рожденія, и вся жизнь наша есть постепенное умираніе.

Итакъ, грѣхъ есть первопричина всякаго страданія, всякаго бѣдствія въ мірѣ, дерево, плодъ котораго—нескончаемое несчастіе. Грѣхи принесены въ міръ сатаной и человѣкомъ, но не Богомъ. Однако Богъ самъ попускаетъ грѣхъ, какъ наказаніе, потому что грѣхъ ослабляетъ, портитъ и уничтожаетъ тѣло и духъ. Такимъ образомъ, наказаніе грѣхомъ снова возстановляетъ въ мірѣ разрушен-

ную грѣхомъ гармонію. Каждый чистосердечный человѣкъ, который соизмѣрилъ свои дѣянія и желанія съ Божественнымъ закономъ, долженъ признать, что его грѣхи заслуживаютъ его страданій.

Итакъ, всѣ страданія суть наказанія за грѣхъ. Невѣрующіе терпятъ, какъ дѣти гнѣва, какъ осужденные, только наказаніе. Но премудрый Богъ такъ направляетъ наказаніе, что страданіе можетъ и должно вести грѣшниковъ къ познанію своей вины и покаянію. Давидъ, ниневитяне и другіе свободно сознали свои грѣхи, совершили покаяніе и имѣли Бога своимъ прибѣжищемъ. Однако многіе вообще не замѣчаютъ, что Богъ излилъ на нихъ ярость своего гнѣва. Народъ не обращается къ Тому, Кто его поражаетъ, и не спрашиваетъ ничего у Господа Саваоа. Онъ не хочетъ знать о Божіей милости. Всѣ наказанія для нихъ безплодны. Розги бесполезны для злыхъ дѣтей.

Но ни въ коемъ случаѣ страданія не служатъ удовлетвореніемъ за наши грѣхи. Нѣтъ ничего ошибочнѣе, къ несчастью, очень распространеннаго мнѣнія, будто, если тотъ или иной человѣкъ пострадалъ, то Богъ обезпечитъ ему вознагражденіе,—счастливые дни и счастливую старость. Нарушеніе Божескихъ заповѣдей, въ которомъ каждый еще въ Адамѣ принялъ участіе, съ каждымъ днемъ увеличиваетъ нашу вину. Не можетъ его простить грѣшникамъ и святость Бога, Который «есть огонь поядающій» (Евр. XII, 29). Надъ вопросомъ объ удовлетвореніи за это оскорбленіе Бога неустанно, но напрасно, трудились Ибсенъ, Бьёрсонъ, Толстой и все язычество. Только Самъ Богъ могъ найти его разрѣшеніе и нашель, когда смерть Сына Своего привялъ за грѣхи міра и простилъ тѣмъ, которые вѣрують, что Самъ Богъ умеръ за нихъ, что страданія и смерть Иисуса Христа есть то наказаніе, которое они сами должны были понести.

Но грѣхъ остается, не можетъ не происходить и не повторяться,—его можно только простить. Отсюда тѣ кто

вѣрують, что имъ, ради заслугъ Христа, грѣхи не вѣчятся, еще не свободны отъ грѣха. «Если говоримъ, что не имѣемъ грѣха: обманываемъ самихъ себя, и истины нѣтъ въ насъ» (1 Иоан. 1, 8). Итакъ, они должны нести слѣдствія ихъ грѣховъ. Но «блаженъ человекъ, котораго наказываетъ Богъ» (Иов. 5, 17—26). «Смынь мой! не пренебрегай наказанія Господня, и не унывай, когда Онъ обличаетъ тебя. Ибо Господь, кого любить, того наказываетъ; бьетъ же всякаго сына, котораго принимаетъ. Если вы терпите наказаніе, то Богъ поступаетъ съ вами, какъ съ сынами. Ибо есть ли какой сынъ, котораго бы не наказывалъ отецъ? Всякое наказаніе въ настоящее время кажется не радостью, а печалью; но послѣ наученнымъ черезъ него доставляетъ мирный плодъ праведности» (Евр. XII, 5—11). «Кого Я люблю, тѣхъ обличаю и наказываю» (Апок. III, 19). Богъ наказываетъ нашу плоть, которая враждебна благодати (Рим. 8), и дѣла которой не угодны Богу, дабы мы не были осуждены съ міромъ, но получили блаженство.

Страданія нашей жизни ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ блаженствомъ, которое насъ ожидаетъ, «ибо кратковременное легкое страданіе наше производитъ въ безмѣрномъ преизбыткѣ вѣчную славу» (2 Кор. V, 17). Вотъ утѣшеніе для христіанина, который вдумается въ слова Господа: «кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крестъ свой, и слѣдуй за Мною. Ибо кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее; а кто потеряетъ душу свою ради Меня и евангелія, тотъ сбережетъ ее» (Мар. VIII, 34—35).

Само по себѣ страданіе не имѣетъ очистительной силы; но оно есть средство къ улучшенію и ведетъ къ вѣрѣ. Всякую скорбь и всякое страданіе Богъ посылаетъ изъ милосердія. Не будь скорби и страданія на землѣ, никто не могъ бы стать блаженнымъ. Страданіе удерживаетъ отъ похоти міра и отъ всякаго самовозвышенія (2 Кор. 12, 7) Если постигаетъ скорбь, ищутъ Бога и призываютъ

Его. «Блаженъ чловѣкъ, котораго ты, Господи, вразумляешь и закономъ Твоимъ учишь, чтобы дать ему покой во дни злыя» (Пс. 93, 12).

Итакъ, крестъ очищаетъ, исправляетъ и испытываетъ христіанина. Мы часто печалимся по поводу соблазновъ; но благодаря имъ наша вѣра оправдывается и становится болѣе драгоцѣнной, подобно переплавленному и очищенному отъ примѣсей золоту (1 Петр. 1, 7).

Также и другіе, видя стойкость христіанъ въ страданіяхъ и дивную помощь Божию страждущимъ, придутъ къ вѣрѣ и укрѣпятся въ ней. Такъ и страданіе ведетъ къ славѣ Божіей (Іоан. IX, 3; XI, 4). Поэтому очень часто страдаютъ въ мірѣ праведники, какъ Іовъ, тогда какъ безбожники бываютъ счастливы и обогащаются. Христіане должны много страдать за имя Христово; но «блаженны вы, когда возненавидятъ васъ люди, и когда отлучать васъ, и будутъ поносить, и пронесутъ имя ваше, какъ безчестное, за Сына чловѣческаго». Возрадуйтесь въ тотъ день, и возвеселитесь, ибо велика вамъ награда на небесахъ; такъ поступали съ пророками отцы ихъ. Напротивъ, горе вамъ богатые! Ибо вы уже «получили свое утѣшеніе» (Лк. VI, 22—24). Тѣ же «христіане», которые привязаны къ міру, большею частію люди невѣрующіе. «Не знаете ли, что дружба съ міромъ есть вражда противъ Бога» (Іак. IV, 4).

Истинное счастье и истинное христіанство.

Чловѣкъ, который, углубившись въ себя, призадумается надъ ходомъ вещей въ мірѣ, надъ самимъ собою, своею жизнію и стремленіемъ къ справедливости, не можетъ не сознаться, что ни имущество, ни власть, ни честь, ни знаніе, ни образованіе, ни культура, ничто не приноситъ желаемого удовлетворенія. Ни на одномъ земномъ деревѣ не вырастаетъ такихъ сладкихъ плодовъ, которые уничтожили бы всѣ желанія; ни изъ одного колодца.

не течетъ такой воды, которая навсегда могла бы утолить нашу жажду. Только во Христѣ мы находимъ полное удовлетвореніе, только въ Богѣ—покой и миръ. Богъ создалъ насъ, Онъ нашъ отецъ: мы нарушили Его заповѣди и въ Адамѣ разрушили богосыновство. Что мы не имѣемъ противовѣса нашимъ винамъ, что мы не можемъ вполнѣ и совершенно исполнить Божественныя заповѣди,—это знаютъ всѣ. Даже тѣ, которые отрицаютъ Бога и твореніе, не могутъ освободиться отъ чувства зависимости и виновности, хотя иногда и обманываютъ себя въ этомъ. Это чувство есть наше несчастье; устраненіе чувства виновности истинное счастье. Задача каждой религіи состоятъ въ возстановленіи первоначальнаго сыновняго отношенія людей къ Богу, Создателю ихъ и небесному Отцу.

Но о счастья вѣрующихъ мало кто хочетъ знать, поэтому и не видятъ его, а видятъ у христіанъ больше несчастья — бѣдность, униженія. Напротивъ, невѣрующіе—богаты, уважаемы, знатны. Мірѣ съ любовью покрываетъ ихъ грѣхи, тогда какъ ошибки благочестивыхъ старается преувеличивать. Невѣрующіе привлекаютъ къ себѣ любовь Бога, доброту и милость, хотя они не просятъ о томъ. Вѣрующіе боятся угрозъ и гнѣва Божія, хотя они и не испытываютъ ихъ. Отсюда, невѣрующіе превозносятся въ счастья и легко отчаяваются въ несчастіи. Вѣрующіе смотрятъ на счастье, какъ на незаслуженный даръ благого Бога, на несчастье, какъ на вполнѣ слѣдующее наказаніе, которое побуждаетъ ихъ къ улучшенію и къ упованію на Бога. Такимъ образомъ, для вѣрующихъ все служить на пользу, для безбожниковъ во вредъ, и счастье послѣднихъ превращается въ несчастье. Не всегда видитъ и знаетъ это разумъ здѣсь, на землѣ, но нѣкоторое соотвѣтствіе находитъ онъ въ справедливомъ міроуправленіи. Такъ какъ, однако, справедливое міроуправленіе не всегда выступаетъ съ очевидностью, то Божіе слово указываетъ намъ на потусторонній міръ, о которомъ наша плоть, конечно, не хочетъ знать. «Мы

не хотимъ утѣшать другъ друга вѣчной жизнью: еще здѣсь намъ нужно счастье», говоритъ Гете. Тѣмъ необходимо, поэтому, обратить вниманіе на то, что сообщаетъ писаніе о потустороннемъ мірѣ, чтобы не обвинять Божіе міроуправленіе въ несправедливости. Если многіе, въ особенности безбожники, отрицаютъ будущую жизнь, воскресеніе тѣлъ, не могутъ представить себѣ ни блаженства, ни адскихъ мученій,—то это не есть доназательство того, что они не существуютъ вовсе. Человѣкъ познаетъ ихъ дѣйствительность и не можетъ отъ нихъ укрыться.

Земное счастье, наивозможно полное удовлетвореніе всѣхъ желаній и потребностей, не есть послѣдняя цѣль человѣка: его цѣль — вѣчное блаженство. Многіе изъ тѣхъ, которые познали, что стремленіе къ этому блаженству уже здѣсь, на землѣ, приноситъ внутренній покой и примиреніе съ Богомъ, а чрезъ все это и истинное счастье, воздаютъ хвалу христіанству, какъ средству къ счастью. Но массы не могутъ уловить Духа Божія, — это предсказалъ Христосъ и это оправдывается всегда на нашихъ глазахъ: знать о словѣ Божіемъ хотѣть только немногіе. Еще меньше такихъ, которые питаются словомъ Божіимъ и вѣруютъ *всему*, что сказалъ Богъ. Поэтому расплывчатое, неясное христіанство въ настоящее время рекомендуется многими, какъ средство для того, чтобы всего достигнуть, все удовлетворить.

Фактически такое христіанство никого не удовлетворяетъ, вмѣсто приближенія человѣка къ Богу удаляетъ отъ Него и дѣлаетъ совершенно неспособнымъ къ воспріятію во всей полнотѣ Божественнаго слова и истиннаго христіанства. При такомъ христіанствѣ, что грѣховному человѣку не нравится въ святомъ писаніи, умалчивается, перетолковывается или вовсе отрицается; заповѣди Божіи толкуются, какъ человѣческіе законы, къ Божіему слову прибавляется человѣческое, на мѣсто служенія Богу ставится служеніе человѣку... Можетъ быть, и здѣсь еще остались зерна истины, но смѣшанная съ заблужденіемъ

истина вся становится ложью, и подобный обманъ не можетъ вести къ счастью.

Истины о твореніи, сохраненіи и управленіи міра Богомъ, равно какъ добродѣтель и любовь многіе считаютъ сущностью христіанства; при этомъ евангеліе представляется ученіемъ о добродѣтели, а нравственность, общечеловѣческая любовь, самопожертвованіе — цѣлью христіанства. Такъ какъ подобныя ученія и требованія, хотя и менѣе ясно, выражены и въ другихъ религіяхъ, то всѣ религіи можно было бы съ этой точки зрѣнія соединить, и только одна какая нибудь изъ нихъ, можетъ быть, была бы нѣсколько лучше другихъ. Но христіанство не есть хотѣніе и дѣланіе по собственной силѣ, но принятіе того, что сдѣлалъ для насъ Богъ. Поэтому всѣ тѣ, которые ограничиваютъ христіанство только исполненіемъ заповѣдей (хотя бы и въ духовномъ толкованіи нагорной бесѣды), не сознаютъ, что они не могутъ исполнить ни одной изъ нихъ, но всегда нарушаютъ всѣ.

Итакъ, христіанство не есть лишь добродѣланіе. Но оно не есть и одно простое ученіе. Конечно, какъ Самъ Христосъ, такъ и Его ученики оставили намъ свое ученіе, которое мы находимъ запечатлѣннымъ въ Новомъ Завѣтѣ. Это ученіе христіанинъ считаетъ истиной. Онъ проникнутъ надеждой на достиженіе того, что обѣщаетъ Божественное слово: «если пребудете въ словѣ Моемъ, то вы истинно Мои ученики. И познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными» (Іоан. VIII, 31—32). Христіанство не распадается также ни на теоретическое—которое занималось бы только священнымъ писаніемъ (литературою или чѣмъ другимъ), ни на практическое—которое обнаруживается въ жизни. Нѣтъ, христіанство всегда и всюду есть вѣра, дѣйствующая чрезъ любовь. Христовы слова суть духъ и жизнь, и кто вѣруетъ имъ, тотъ обновляется, получаетъ новую жизнь: онъ освобождается отъ грѣха въ мысляхъ, словахъ и дѣяніяхъ, — и чѣмъ сильнѣе вѣруетъ, тѣмъ меньше грѣшитъ. Только

тотъ, кто внутри имѣеть чистое ученіе и вѣрять *всѣмъ* словамъ Христа, можетъ поступать правильно, ибо «все, что не по вѣрѣ, грѣхъ» (Рим. XIV, 23). Но міръ не хочетъ знать объ этомъ; дѣлая то, что признается справедливымъ и добрымъ, онъ въ то же время не оставляетъ своего самолюбія, корыстолюбія, сластолюбія и другихъ грѣховъ. Но гнилое дерево не можетъ приносить хорошіе плоды. Кто хочетъ творить добро, долженъ прежде всего принять вѣрою Христово оправданіе и заслугу.

Противоположная дорога широка, многіе идутъ по ней, но она ведетъ къ осужденію; въ небесное царство попадаютъ только тѣ, которые «исполняютъ волю Отца небеснаго» (Мѡ. 7, 21), т.-е. тѣ, которые принимаютъ въ чистомъ, неизмѣненномъ видѣ ученіе вѣры.

Христіанство не имѣеть свою цѣлью обезпечить господство счастья на землѣ: *единственная его цѣль — сдѣлать душу блаженной*. Справедливо говорить объ этомъ Эйкень: «Величайшая опасность угрожаетъ религіи отъ увлеченія ея въ область мелочныхъ человѣческихъ интересовъ. Религія должна была постоянно охранять себя отъ того, чтобы не сдѣлаться средствомъ къ индивидуальному счастью, своего рода обезченіемъ счастья. Различныя партіи старались всегда привлечь къ себѣ на службу религію. Но едва ли когда-либо такъ открыто, можно даже сказать такъ безстыдно, какъ теперь, религія разсматривалась подъ угломъ соціальной пользы и трактовалась, какъ средство для мірскихъ и человѣческихъ цѣлей; едва-ли когда-либо прежде соединялось съ такимъ невѣріемъ такое притворство въ вѣрѣ».

Христіанство не есть «борьба и побѣда для всѣхъ», — *только немногіе избранны*. Христіанство не есть и міровая религія въ томъ смыслѣ, что всѣ люди когда-нибудь сдѣлаются христіанами; даже изъ тѣхъ, которые именуютъ себя христіанами, только очень немногіе истинные христіане. Христіанство всемірная религія въ томъ смыслѣ, что Христосъ своею жизнію и страданіями примирилъ съ

Богомъ *всѣхъ* грѣшниковъ: Онъ понесъ грѣхи *цѣлаго* міра. Но только немногіе принимаютъ то, что сдѣлалъ для нихъ Богъ, большинство же ничего не дѣлаетъ для своего спасенія и больше и больше оскорбляетъ милосердаго Бога, Который «славы своей иному не даетъ» (Ис. 48, 11).

Не всѣ тѣ христіане, которые называютъ себя христіанами: «если пребудете въ словѣ Моемъ, то вы истинно Мои ученики» (Іоан. VIII, 31); «соблюдайте *все*, что Я повелѣлъ вамъ» (Мѡ. XXVIII, 20). Итакъ, христіанами не могутъ быть самозванные вѣрующіе, которые почерпаютъ ученіе изъ разума. Менѣе же всего могутъ быть названы христіанами тѣ, которые равнодушны къ слову Божию, какъ бы они ни претендовали на названіе христіанъ,—а также и тѣ, которые оспариваютъ и переименовываютъ Слово Божіе, требуя послушанія собственному ученію и по своему направляя дѣло Божіе, хотя бы людямъ они и казались прекрасными, убѣдительными и назидательными. Въ церкви Христовой можетъ быть проповѣдуемо *только* Божіе слово: «говорить ли кто, говори, какъ слова Божіи» (1 Петр. IV, 19).

Христіанство не есть также родъ декораціи или учрежденіе, предназначенное для того, чтобы отъ колыбели до гроба провожать человѣка своими торжественными празднествами или разнообразить его будничную жизнь благочестивыми чувствами и идеальными требованіями.

Христіанство есть вѣра въ неизмѣнное, непреложное слово Божіе, которое, какъ законъ, открыло намъ, что всѣ мы рождены грѣшниками, отъ колыбели до гроба творимъ грѣхъ, но въ утѣшеніе возвѣстило намъ, что Богъ простилъ намъ всѣ грѣхи и ежедневно прощаетъ ихъ ради заслугъ Сына Своего, Который за насъ исполнилъ весь законъ и претерпѣлъ наказаніе, котораго заслуживали наши грѣхи.

Ап. Павелъ называетъ евангеліе «силою Божіею во спасеніе всякому вѣрующему. Въ немъ открывается правда Божія отъ вѣры въ вѣру» (Рим. I, 16—17), — что Христосъ умеръ

за наши грѣхи по писанію и что Онъ былъ погребенъ и воскресъ въ третій день по писанію, что Онъ Самого Себя предалъ за наши грѣхи и спасъ насъ отъ настоящаго злого міра. «Но если бы даже мы или ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анаеема» (Гал. I, 8). Также Самъ Господь, истинный Богъ, Который, какъ истинный человѣкъ, пришелъ въ міръ, чтобы взыскать и спасти погибшее (Мѣ. XIX, 1), подтвердилъ исповѣданіе Петра: «Ты Христосъ Сынъ Бога живаго» (Мѣ. XVI, 16).

Христіанство есть ученіе, согласно которому люди сами по себѣ не могутъ ни придумать, ни сдѣлать ничего такого, что могло бы избавить ихъ отъ навлеченнаго грѣхомъ осужденія. Они оправдываются Богомъ и дѣлаются блаженными только потому, что Богъ по милосердію своему даетъ имъ силу чрезъ вѣру получить пріобрѣтенное Христовыми заслугами прощеніе грѣховъ; собственныя же ихъ усилія не могутъ содѣйствовать ихъ оправданію. То же ученіе, согласно которому человѣкъ можетъ творить добро или сдѣлать что-либо для своего искупленія собственными силами, есть язычество.

Христосъ говоритъ: «подвизайтесь войти сквозь тѣсныя врата; ибо, сказываю вамъ, многіе поищутъ войти, и не возмогутъ» (Лк. XIII, 24). Тѣсныя врата и узкая дорога, которая ведетъ къ вѣчной жизни, есть Божіе Слово, священное писаніе. «Немногіе находятъ ихъ» (Мѣ. VII, 14). И многіе будутъ стремиться войти ими, но ничего не сдѣлаютъ. Они имѣютъ писаніе, стараются изслѣдовать его, яко-бы по ихъ разумѣнію, но, какъ говорится, бьютъ по воздуху, такъ какъ не вѣрятъ Слову Божію. Ихъ разумъ спрашиваетъ: какъ могъ Богъ предъявлять такія требованія? Какъ Онъ могъ давать такія обѣщанія? Какъ Онъ могъ совершить такія предсказанія? Какъ могутъ исполниться въ будущемъ напередъ данныя предсказанія? Божественныя требованія для нихъ слишкомъ широки; они думаютъ, что Богъ былъ бы удовлетворенъ, если бы они

сдѣлали, что могутъ; нужно де понимать не такъ строго не такъ буквально, другое—совершенно иначе, чѣмъ понимали доселѣ; здѣсь Господь приравливался ко времени и слушателямъ: это, слѣдовательно, для насъ непримѣнимо. Иныя времена требуютъ другихъ ученій, и Евангельская проповѣдь должна направляться сообразно потребностямъ слушателей, тогда какъ одинъ только Богъ знаетъ, что нужно на всѣ времена изнывшему сердцу грѣшника; многое также привнесено людьми и должно быть оставлено. Такъ попадаютъ они въ просторныя ворота и идутъ широкой дорогой, которая отклоняетъ отъ праведнаго пути и ведетъ къ осужденію.

Еще болѣе многіе легкомысленно думаютъ, что они достаточно полно и точно исполнили Божіе слово, чтобы достигнуть блаженства. Но «какъ вы говорите: мы мудры, и законъ Господень у насъ (Іер. VIII, 8). И Богъ говорить имъ, что они станутъ искать Его Слово и не найдутъ» (Амосъ VIII, 11).

Но кто не удовлетворяется современнымъ пониманіемъ христіанства, чье сердце ноетъ, не находя мира и истиннаго счастья, тотъ можетъ придти и съ Божьей помощью придеть къ истинному христіанству, если, надѣясь на милость Божію, ислѣдуетъ писаніе, безъ помощи, однако, современныхъ толкованій и безъ привнесенія собственныхъ мыслей.

* * *

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.')

(Изъ дневника инока).

Господи! Стыдно, стыдно намъ предъ Тобою! Мы—какъ раздѣтые, безстыдно-нагіе, нецѣломудренно-нагіе — предъ Твоимъ святѣйшимъ, чистѣйшимъ взоромъ. Если бы люди увидѣли насъ такими, мы бы сгорѣли отъ стыда, рады были бы провалиться сквозь землю, закрыть наготу свою хотя малымъ листочкомъ,—наконецъ, просто повернулись бы хотя въ сторону. А предъ Тобою?.. Прямо въ чистѣйшее Твое Лице дерзко стоимъ и смотримъ своимъ безобразіемъ, своею наглою нецѣломудренностію, своею скверною душевною нечистотою! И нечѣмъ закрыться намъ, если бы даже и захотѣли. Ты все видишь, вездѣ видишь! Одно остается поэтому намъ: не пряча наготы, беспомощно закрыть руками лицо свое безстыдное и воззвать: Господи! Не хочу и не могу скрыть отъ Тебя своего безобразія, своей жалости! Суди меня милостію Твоею! Суди состраданіемъ Твоимъ! Суди, какъ ту, которая вмѣсто побіенія камнями, вмѣсто заслуженной страшной казни, услышала отъ Тебя, Сокровище грѣшниковъ: «иди, и впредь не грѣши».

* * *

«Праведникъ седмижды въ день падаетъ» и все остается *праведникомъ*, по словамъ Премудраго. Почему?

*) Продолженіе. См. майскую кн. *Душепол.* Чт. 1907 г.

Потому, что онъ падаетъ *не желая паденія*,—погрѣшаетъ *не услаждаясь грѣхомъ*,—побѣждается немощію, *не переставая бороться съ немощами*. Постоянно уязвляемый стрѣлами лукаваго, онъ не выпускаетъ изъ рукъ меча Христова, не падаетъ духомъ, не ослабѣваетъ въ любви Христовой и въ жадѣ Божественной помощи и желаннаго возмездія, обѣщаннаго борцамъ до смерти, *борется и поверженный*, и, опять выправляясь, поднимается на ноги, зная одно—упорную и непримиримую борьбу съ врагомъ своимъ и Христовымъ.

* * *

«*Праведникъ, аще падетъ, не разбѣется, яко Господь подкрѣпляетъ руку его*». И великія паденія не вредятъ праведнику, а часто даже служатъ еще къ ббльшему разжженію его ревности по Бозѣ, жадны подвига Богоугожденія и приближенія къ идеалу Христову. Господь, попуская эти паденія, сохраняетъ невредимымъ настроеніе праведника, все сосредоточенное на угожденіи Богу и жадѣ Божественной, и послѣ всякаго уклоненія отъ этого настроенія беретъ себѣ обильнѣйшіе плоды его. Вода, текущая и остановленная какимъ-либо препятствіемъ, не оскудѣваетъ, но лишь накапливается больше и больше, и, по удаленіи препятствія, даетъ обильнѣйшую струю. Такъ и душа праведника, останавливаемая въ своемъ стремленіи къ Богу неизбѣжными препятствіями—паденіями.

* * *

Всѣ мы живемъ одинъ только разъ, одинъ разъ терпимъ свои невзгоды, скорби и бѣды, и это пригодится потомъ намъ на цѣлую вѣчность. Вѣчность!? Чтò значить передъ нею жизнь наша вся?—Моментъ. Помнимъ ли мы и вспоминаемъ ли когда зубную боль, бывшую давно и насъ уже не беспокоящую? Ничуть. А вѣдь бываетъ въ ея время не хуже ада какого страдаешь. И такъ всякія

скорби наши и страданія нѣкогда забудутся, какъ зубная боль. Воскреснетъ одна отрада, сладость и трепетное умиленіе сердца — въ блаженномъ чувствѣ объятій Отческихъ.

* * *

Если возражать противъ существованія монашества, то еще болѣе надо бы возражать противъ существованія разныхъ профессиональныхъ художниковъ—поэтовъ, живописцевъ, артистовъ и т. п., которые тоже *не вѣзмъ* нужны, не приносятъ *замѣтной* пользы своимъ существованіемъ и занятіемъ, и, однако, не только признаются, но и щедро оплачиваются—ради тѣхъ, кто въ нихъ имѣетъ пониманіе, *нужду* и извлекаетъ изъ ихъ служенія ту или другую, *невсегда* видимую, пользу, удовлетвореніе, духовное наслажденіе. Такъ и монашество—имѣетъ всѣ права на существованіе и поддержку общества ради того множества людей, которые находятъ въ монастырѣ высшее духовное наслажденіе, утѣшеніе и духовныя силы для несенія тяготы житейской и для борьбы со врагами спасенія.

* * *

«*Земля еси, и въ землю отъидеши!*» Долго не было человѣку другого утѣшенія въ жизни, ободряющаго терпѣніе и облегчающаго борьбу съ ея страданіями. И можно было жить, видя предъ собою лишь такой исходъ жизни. Но теперь—надо жить <по иначе>, какъ выразилась одна простая совершенно женщина. Надо теперь этотъ законъ *измѣнить* такъ: «земля еси, и *въ небо* отъидеши!» Въ небѣ—твоя цѣль, твой конецъ, предѣлъ и предметъ всѣхъ твоихъ стремленій и дѣйствій. Господь-Искушитель твой совершилъ этотъ переворотъ, твое произволеніе дѣлаетъ его для тебя возможнымъ, и благодать Духа Святаго—дѣлаетъ эту возможность осуществимой.

* * *

«Стоялъ еси предъ судищемъ мучителя, Христу яко Судии живыхъ и мертвыхъ предстои» — поеть о св. мученикѣ Іуліанѣ св. Церковь (кан. п. 3). Такъ и ты. Когда станешь лицомъ къ лицу съ какою-нибудь грѣховною возможностью, соблазномъ, искушеніемъ, помни, что въ этотъ моментъ стоишь на судѣ Христовомъ, который постигнетъ тебя карою, если ты впадешь во грѣхъ, и миуетъ тебя и воздастъ милосердіемъ, если устоишь. Помни, что въ эту минуту ты истинно даешь отвѣтъ Богу на испытаніе: «како вѣруеши?» и «како любиши Вѣруемаго»...

* * *

Какъ давно жили на землѣ многіе изъ Святыхъ Божіихъ! А и до-нынѣ и до скончанія вѣка пребудетъ память ихъ въ потомствахъ людей. И не можетъ никогда исчезнуть эта память на землѣ, потому что *не прекращается донынѣ* и не исчезаетъ служеніе Святыхъ человѣчеству и Богу на землѣ. Человѣчество живетъ ихъ умилительными примѣрами, укрѣпляется въ добрѣ ихъ нравственнымъ вліяніемъ, ободряется въ своихъ трудахъ ихъ дивными подвигами, утѣшается въ своихъ скорбяхъ и страданіяхъ ихъ терпѣніемъ, врачуются въ своихъ немощахъ душевныхъ и тѣлесныхъ ихъ благодатными молитвами, и получаютъ всякаго рода видимую и невидимую помощь во всѣхъ нуждахъ и потребностяхъ. Люди, никогда не знавшіе этихъ Святыхъ при жизни, отстоящіе отъ нихъ на сотни и тысячи лѣтъ, узнаютъ ихъ, испытываютъ на своей жизни и сердцахъ своихъ ихъ благодатно-живительное вліяніе, оцѣниваютъ ихъ, становятся къ нимъ въ отношенія, свойственныя современникамъ, и дѣлаютъ ихъ близкими и дорогими своему сердцу. И Святые вновь и вновь воскресаютъ въ своемъ благотворномъ служеніи людямъ, дѣлая невозможнымъ свое забвеніе. Они не забудутся, потому что не прекратится ихъ благодѣтельное служеніе людямъ.

Служа людямъ, Святые тѣмъ самымъ несутъ и свою

службу Богу, не переставая до конца вѣковъ выполнять заповѣдь Божию: *«такъ да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, яко да видятъ добрая дѣла ваша, и прославятъ Отца небеснаго»*, прославять особенно подражаніемъ этимъ дѣламъ.

* * *

Господи! Мнѣ *«просящему у Тебе дай»* милосердія Твоего, помощи Твоей и подкрѣпленія на борющіе меня помыслы грѣховныя, чувства нечистыя и поползновенія неподобныя. Ты и намъ заповѣдалъ давать просящему. Откажешься ли Самъ отъ заповѣди Твоей? О, какъ милосердъ Ты къ намъ, Господи! И насъ располагаешь къ милосердію, ибо и Самъ милосердъ несравненно болѣе, чѣмъ мы!..

* * *

Грѣховныя паденія бывають или *разовыя* (ударныя) или *длящіяся*. Первыя, какъ параличъ, сразу увлекають душу въ глубину паденія и повергають ее въ безпомощность и отчаянность; вторыя—какъ чахотка—помалу изнуряють душу, увлекають ее во власть порока и вытравляють въ ней все доброе и свѣтлое.

* * *

Во многихъ нашихъ грѣховныхъ паденіяхъ роль сатаны очень скромная: онъ дастъ лишь толчокъ малый, да и въ сторону: остальное *и безъ него* все додѣлаеть уже сама наша окаянная природа. Ему остается лишь, стоя въ сторонѣ, любоваться, какъ мы исполняемъ его адскій замыселъ и насмѣшку надъ нами.

* * *

Кто къ человѣку ближе родной матери? Бывають минуты, когда такъ хочется, чтобы она была съ тобою, такъ хочется припасть къ плечу родимой, высказаться

ей во всемъ, что тяготитъ душу, попросить ея сочувствія, состраданія къ себѣ и исцѣляющей ласки. И знаешь, и видишь, что она сострадаетъ, и все таки просишь, чтобы почувствовать еще и еще, глубже и глубже, это исцѣляющее состраданіе. И хочется высказать все это единственному неизмѣнному другу души,—все безъ остатка, потому что она одна пойметъ насъ вполнѣ, одна найдетъ извиняющія насъ обстоятельства, одна способна утѣшить, успокоить, простить намъ все и предать забвенію безъ дальнѣйшихъ напоминаній...

О, Пречудная Владычице Богородице! *Въ Тебѣ* сердце мое особенно указываетъ такую добрую, сердобольную, сострадательную къ моимъ немощамъ Матерь! Къ Тебѣ, къ Твоей Материнской груди, такъ хотѣлось бы припасть недостойнымъ челомъ, Тебѣ исповѣдать все мое убожество и немощь. Ибо Ты хотя и не испытала Сама этого тяжкаго сознанія немощности и грѣховности, но силою любви Своей къ намъ и проникновенія, понимаешь насъ такъ же, какъ понимаетъ насъ Сынъ Твой, Господь!

* * *

Въ жадѣ исповѣданія сердечнаго въ своихъ немощахъ мы страшимся обыкновенно святости, далекой отъ насъ, и ищемъ подобострастнаго намъ человѣка, который бы лучше могъ понять насъ, который бы самъ былъ искушенъ по всяческимъ, былъ въ нашемъ положеніи и могъ выслушать нашу исповѣдь такъ, какъ намъ желательно, снисходительно и сочувственно. Пусть этотъ человѣкъ теперь святъ и стоитъ выше всего нами содѣяннаго. Но его опытъ, его прошлое, подобное нашему, даютъ намъ смѣлость и довѣріе.

А почему же Господь, безгрѣшная Святость, тогда влечетъ насъ съ такою силою? Потому, что Онъ, хотя и не испыталъ Самъ грѣха, однако—именно свѣтомъ и силою Своей святости и милосердія проникаетъ и понимаетъ насъ не хуже подобострастнаго намъ человѣка и имѣетъ

авторитетъ Существа, никогда никого еще не отталкивавшего за искреннее исповѣданіе. Такъ и Матерь Божія— Сама не испытавшая многихъ нашихъ немощей, слабостей и грѣховъ, доступна нашему покаянному чувству и умѣетъ принять и выслушать исповѣданіе наше съ опытностію и ласкою человѣка, вполне понимающаго наше положеніе и душевное состояніе.

А. І.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИСТОРИЯ МАНЯВСКАГО СКИТА СЪ ЕГО ОСНОВАНІЯ ДО ЗАКРЫТІЯ (1611—1785 ГГ.).

Съ предисловіемъ А. А. Титова.

Докторъ Юліанъ Целевичъ, давно извѣстный своими обстоятельными монографіями, какъ, напримѣръ, о предводителѣ гайдамаковъ Добошѣ и вообще о гайдамакахъ XVIII вѣка въ восточной Галиціи, а также объ униі Русско-Угорской церкви съ Римомъ,—собралъ немало матеріаловъ и для исторіи Манявскаго скита, которую и напечаталъ въ Львовѣ въ 1887 году.

Дѣлая переводъ этой книги, мы исключили изъ нея лишь приложеніе нѣкоторыхъ грамотъ и другихъ документовъ, такъ какъ они въ общихъ чертахъ почти всѣ использованы авторомъ въ его изслѣдованіи. Мы дѣлаемъ переводъ исторіи Манявскаго скита съ экземпляра, подареннаго намъ въ Львовѣ въ 1903 году покойнымъ галицкимъ ученымъ — о. Антоніемъ Петрушевичемъ, выразившимъ тогда желаніе, чтобы эта печальная исторія, когда-то славнаго, монастыря сдѣлалась извѣстной православнымъ русскимъ читателямъ.

Основатель Манявскаго скита, несмотря на свое подвижничество, дальше предѣловъ Галицкой страны, повидимому, былъ мало извѣстенъ. Этимъ можно объяснить то, что житіе его и въ прежнее время составляло библиографическую рѣдкость, а у насъ въ Россіи почти и совсѣмъ не было извѣстно.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у московскаго букиниста С. Т. Большакова нами была приобрѣтена рукопись XVIII вѣка, заключающая въ себѣ «Житіе преподобнаго отца нашего Іова Скитскаго и о скончаніи его и о составленіи святаго обители Скитскія, иже въ Россіи на Покуть земли Галицкія».

При пересмотрѣ описаній рукописей всѣхъ извѣстныхъ собраній, описанія этого житія найти не приходилось и только, благодаря любезности редактора Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей—г. Бѣляева, приславшаго намъ Волынскія Епархіальныя Вѣдомости за 1878 г., мы могли ознакомиться съ литературой предмета преимущественно изъ статьи о. протоіерея А. Хойнацкаго.

Въ изданномъ въ Львовѣ Богданомъ Дѣдицимъ сборникѣ «Заря Галицкая, яко Альбумъ на годъ 1860» была напечатана (стр. 225 — 251) Антоніемъ Петрушевичемъ «Жизнь преподобнаго отца Іова, основателя ставропигіальной Скитской обители по чину св. Василія, списана современникомъ іеромонахомъ Игнатіемъ изъ Любарова». О. Петрушевичъ, бывши какъ-то въ обители въ Подгорцахъ Золочевского округа, нашель въ монастырской бібліотекѣ рукопись XVII в. полууставомъ, въ 8-ку, на 102 л., въ которой между прочимъ находилось житіе Іова съ записью: «Написася сіе житіе мною, многогрѣшнымъ іеромонахомъ Игнатіемъ зъ Любарова, въ то время жительствующу въ сей святой обители Скитской».

При этомъ о. Петрушевичъ присовокупляетъ, что обнаруженіемъ этого житія, важнаго для исторіи Русской церкви, особенно же монашества, устраняются нелѣпыя толки о мнимой древности Скитской обители и сказочныя подробности объ основаніи ея. Въ статьѣ о. Хойнацкаго, ¹⁾ основанной главнымъ образомъ на матеріалахъ по исторіи западно-русской православной церкви, помѣщенныхъ въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи за 1878

¹⁾ *Волынскія Епарх. Вѣд.* № 13, 1879 г.

года, указывается, что Иова Скитскаго смѣшивали съ Иовомъ Почаевскимъ. «Дѣйствительно», говоритъ о. Хойнацкій: «въ жизнеописаніи Иова, схимонаха и основателя Скитской обители, есть нѣкоторыя черты, относящіяся къ неподобному Иову Почаевскому. Схимонахъ Иовъ, какъ видно изъ житія, родился въ предѣлахъ Галицкихъ, глаголемыхъ Покутя. Онъ былъ близокъ къ кн. Острожскому, подвизался въ Угорникахъ и устроилъ Скитскую Воздвигенскую обитель. Иовъ, игумень Почаевскій ¹⁾, также родился въ предѣлахъ Покутскихъ, первоначально подвизался въ Угорницкомъ монастырѣ ²⁾, затѣмъ былъ настоятелемъ Дубенской обители Честнаго Креста, гдѣ находился также въ близкихъ отношеніяхъ съ кн. Острожскимъ. Преп. Иовъ Почаевскій и схимонахъ Иовъ были почти современники, вслѣдствіе чего нѣкоторые годы, отмѣченные въ жизнеописаніи Иова Скитскаго, поневолѣ смѣшиваются съ годами выдающихся событій въ біографіи Иова Почаевскаго. Но однако уже съ первыхъ строкъ cadaго житія видна разница.

Житіе Иова Почаевскаго написано іеромонахомъ Досіеємъ, его ученикомъ, а житіе Иова Скитскаго іеромонахомъ Игнатіемъ изъ Любарова. Иовъ Скитскій родился во градѣ Тисмянницѣ въ предѣлахъ Галицкихъ, глаголемыхъ Покутя ³⁾, отъ благородныхъ родителей, зовомыхъ Княжицкихъ, и былъ постриженъ на Аeonъ въ Ватопедскомъ монастырѣ. Иовъ Почаевскій родился также на Покутьи отъ благочестивыхъ родителей, по фамиліи Желъзо, и принялъ постриженіе въ Угорницкомъ монастырѣ. Иовъ По-

¹⁾ Иовъ, игумень Почаевскій. Житомиръ. 1878 г.

²⁾ Игумены монастыря Святотроицкаго въ скитѣ Манявскомъ, какъ напримѣръ Феодосій (1648 г.), подписывались такъ: „Многогрѣшный Феодосій, игумень Скитскій и Угорницъ, протъ монастырей воеводства русскаго, бельскаго и подольскаго властною рукою“. (Науковый сборникъ галицкой матицы 1868 г., стр. 157).

³⁾ Покутье—уголь, тушикъ. Красный уголь. Покуты—мысь разрѣчья, зоса между двухъ притоковъ.

чаевскій скончался 28 октября 1651 г., а Іовъ Скитскій— 29 декабря 1621 г. и т. д.

Въ іюльской книжкѣ Трудовъ Кіевской Духовной Академіи 1878 г. помѣщено письмо Іова Скитскаго къ іеромонаху Кириллу Транквилліону, заключающее въ себѣ критическій разборъ извѣстнаго, «Зерцала богословія», и притомъ написанный далеко не въ пользу автора «Зерцала», чѣмъ Транквилліонъ остался очень недоволенъ. Въ рукописи, изъ которой извлечено это письмо Іова къ Транквилліону, сдѣлана переписчикомъ такая замѣтка: «Отвѣтъ же на тотъ листъ (Транквилліона) же былъ полный ярости и гнѣва, же быся прочіе не соблазняются, для того ту его не клалъ» ¹⁾). Наша рукопись — Житіе Іова Скитскаго—имѣетъ варианты противъ напечатаннаго житія въ «Зарѣ Галицкой», и кромѣ того оно списано въ Россіи почеркомъ, не имѣющимъ особенностей южно-русскаго письма.

Самое житіе Іова Скитскаго и въ Галиціи очень рѣдко, что подтверждаетъ и о. Петрушевичъ, впервые напечатавшій его въ 1860 г. Онъ говоритъ: «Есть ли описанная мною рукопись самый подлинникъ или древнѣйшій списокъ ея?—Трудно мнѣ нынѣ рѣшить, пока не откроются другіе списки той же рукописи. Новѣйшій списокъ жизни препод. отца Іова находится въ посѣданіи благород. госп. А. Бѣлевскаго, директора Института Оссолинскихъ во Львовѣ». Слѣдовательно, наша рукопись съ житіемъ Іова пока есть третій изъ всѣхъ извѣстныхъ доннынѣ списковъ.

Въ 118 т. Сборника Русскаго Историческаго Общества ²⁾ о Велико-Скитскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія. Онъ находился близъ селенія Минява, въ Богородчанскомъ повѣтѣ Галиціи; былъ основанъ въ 1612 г. и пользовался извѣстностью въ XVII

¹⁾ Труды Кіев. Духов. Академіи 1878 г. іюль, прилож. VII, стр. 233.

²⁾ Сборникъ. Стр. 325. Свѣдѣнія доставлены редакторомъ этого сборника барономъ Ф. С. Остенъ-Сакевъ.

и XVIII вв. Послѣ турецкаго погрома 1672 г. ¹⁾ онъ получилъ денежное вспомошествованіе отъ царя Ѳедора Алексѣевича. Монастырь, владѣвшій значительными помѣстьями въ Буковинѣ, имѣлъ въ своемъ управленіи Сучавицкій монастырь; послѣдняя польская привилегія дарована монастырю въ 1767 году. Черезъ тринадцать лѣтъ послѣ перваго раздѣла Польши, а именно въ 1785 г., Крестовоздвиженскій монастырь былъ упраздненъ по распоряженію австрійскаго правительства. Развалины его существуютъ и по настоящее время.

Въ Архивѣ Св. Синода находится дѣло (подъ № 222),— въ которомъ, изъ доношенія Московской Синодальной конторы, между прочимъ, видно, что Императрица Екатерина II пожаловала 21 декабря 1771 г. бывшимъ въ этомъ году въ С.-Петербургъ Крестовоздвиженскаго монастыря игумену Авраамію и іеромонаху Дорошееу грамоту на сборъ пожертвованій въ Россіи въ продолженіе 8 лѣтъ ²⁾.

¹⁾ Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches. 2-te verb. Ausgabe. Pesth. 1835. III Band. pag. 663.

²⁾ Въ синодскомъ дѣлѣ № 222, по сообщенію профессора С. Я. Пташника, между прочимъ, находится:

Л. 9. Копія съ доношенія Св. Пр. Синоду:

... Крестовоздвиженскій ставропигиальный православный монастырь, скитъ великій прозываемый, въ королевствѣ Польскомъ, воеводствѣ Ускомъ, въ земли или повѣтѣ Галицкомъ, въ епархіи Левовской при границехъ Венгерской и Молдавской состоящей... Дочерью господаря Молдавскаго Іеремія созданъ...

1740 г. отъ великаго господаря Молдавскаго грамотою, подчиняющею ему приписной монастырь Сочавицы, снабденъ съ нѣсколькими отчинами... съ котораго припискою монастыря Молдавскаго и по сію пору всякое получается пропитаніе.

Въ 1660 г. отъ Ѳедора Алексѣевича грамотою жалованъ... черезъ осьмь и послѣ черезъ пять годъ на годъ по 35 рублевъ, всторые и въ 1766 г. выданы.

Въ 1771 г. февраля въ первыхъ числахъ графу Румянцеву монастырь Скитскій свидѣтельствовалъ поклонъ въ Яссахъ..., отправилъ своихъ депутатовъ съ даннымъ паспортомъ въ С.-Петербургъ просить поновленія упомянутой жалованной грамоты. Къ этому доношенію ружь

Приводя въ своемъ описаніи біографію Іова Скитскаго Юліанъ Целевичъ, между прочимъ, упоминаеть, что Іовъ происходилъ отъ роду Княгинецкихъ (а не Княжицкихъ), что архивъ и бібліотека монастыря много пострадали отъ пожара въ 1676 г. и при закрытіи скита, чѣмъ и объясняется скудость историческихъ данныхъ, относящихся къ жизни скита, и малочисленность списковъ житій его основателя.

А. Титовъ.

Часть I.

Русская православная церковь въ тѣхъ земляхъ, которыя входили въ составъ королевства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, находилась, какъ говорить галичскій лѣтописецъ, на краю гибели.

Русскіе старые княжескіе и боярскіе роды, хотя еще въ большинствѣ и не перешли въ католицизмъ, къ вѣрѣ отцевъ были совершенно равнодушны. Люблинская унія надѣлила ихъ тѣми же правами, какими пользовалась польская шляхта, и они, вращаясь среди польской аристократіи, занимались больше общественными, чѣмъ религиозными запросами.

Многіе изъ нихъ, получивъ заграничное воспитаніе и пріобрѣтя внѣшній лоскъ, стыдились своихъ меньшихъ братій; выходя изъ школъ, они не были уже православными, а скорѣе католиками или протестантами, такъ что въ половинѣ XVII вѣка русская церковь не много насчитывала русскихъ древнихъ родовъ въ числѣ своихъ исповѣдниковъ.

За этими аристократами потянулась и мелкая шляхта,

приложили Авраамій игуменъ и іеромонахъ Дороевъ, а подано августа 5 дня 1771 г.

и богатые мѣщане, которые также дѣлались католиками и протестантами.

Православное духовенство въ это время находилось, если такъ можно выразиться, на нижней степени своего развитія и было въ полномъ упадкѣ. Старый русскій обычай, по которому епископа выбирало духовенство вмѣстѣ съ боярами и горожанами, а король или великій князь литовскій только утверждали, пересталъ уже существовать, и только одинъ король сталъ дѣлать это назначеніе по своему произволу, большею частію вслѣдствіе просковъ и за подарки; зависимость отъ греческаго патріарха сдѣлалась больше номинальною, да и самые патріархи теряли свой авторитетъ, тогда какъ католическая церковь цвѣла пышнымъ цвѣтомъ во всей своей славѣ и величіи. Благодаря такимъ обстоятельствамъ, въ архіереи назначались люди совершенно негодные, женатые, даже двоеженцы. Принявъ санъ, они не переставали вести свѣтскій образъ жизни, буйствуя, пьянствуя, и на великій соблазнъ мірянъ занимались разбоями и грабежами.

Въ посланіи галицкой русской шляхты къ Кіевскому митрополиту Оницѣфору Дѣвочкѣ 1585 г. упоминалось: «ты самъ даешь открытые листы жидамъ противъ церкви Божіей на ихъ потѣху и на поруганіе нашего св. Закона. Въ монастыряхъ вмѣсто игуменовъ и братіи живутъ игумены съ женами и дѣтьми и изъ того, что дано въ честь и хвалу Бога, дѣлаютъ они святотатство. Переливаютъ изъ церковнаго серебра пояса, ложки и всякую посуду, изъ ризъ дѣлаютъ платье, изъ епитрахилей украшенія. Епископовъ поставляется по два на одну епархію. Бога ради опомнись, бери примѣръ со своихъ предшественниковъ и ревнуй къ благочестію. Намъ жаль твоей души, твоего паденія» ¹⁾. Такихъ укоризнъ было не мало. До насъ дошло также посланіе инока Ивана Вишеньскаго.

«Вмѣсто вѣры, надежды и любви», писалъ онъ, «обла-

¹⁾ Акты запад. Россіи т. III стр. 289.

даеть безвѣріе, распущенность, ненависть, зависть и мерзость. Нынѣ въ польской землѣ священники всѣ, якъ Іезавелини жрецы, чревомъ, а не духомъ службу совершаютъ. Покайтесь, а вы, православные христіане, не скорбите. На вашихъ пановъ русскаго рода не надѣйтесь, въ нихъ нѣтъ спасенія, они отступили отъ Бога живаго, отъ вѣры въ него. Пусть будутъ прокляты владыки, архимандриты и игумены, которые запустили монастыри и изъ святыхъ мѣстъ надѣлали себѣ хутора и въ нихъ съ своими друзьями и слугами весело проживаютъ. Собирають для себя деньги и съ доходовъ, данныхъ богомольцами, дѣлають своимъ дочерямъ приданое, одѣваютъ сыновей, украшаютъ женъ, умножаютъ слугъ, дѣлають себѣ кареты, въ которыя запрягаютъ сытыхъ и одношерстныхъ коней, а въ монастыряхъ нѣтъ иноковъ и вмѣсто бдѣнія, пѣснопловія и молитвы тамъ воють собаки. Безбожные владыки, вмѣсто правилъ книжнаго чтенія и поученія по закону Божию, день и ночь сидятъ надъ статутами и сутяжничаютъ¹⁾.

Легко можно было представить, въ какомъ положеніи находилось низшее духовенство. Въ монастыряхъ царствовала распущенность, Киево-Печерская Лавра не исполняла устава св. Василія. Монастырскія угодья и имущества переходили въ свѣтскія руки.

Игуменами въ монастыряхъ были свѣтскіе люди, гуляки, которые не думали о постриженіи, а лишь о томъ, какъ бы можно болѣе добыть денегъ и веселѣе жить; словомъ, какъ говорить современникъ: «оскудѣ благочестіе и угасло иноческое благочиніе и обители въ заустѣніе придоша»²⁾. На цѣлой литовской Руси не было до 70 годовъ XVI вѣка ни одной высшей школы, ограничивались лишь однѣми элементарными, гдѣ учили только читать и частію полуграмотному письму. Дѣло дошло до того, что легче было найти между русскими умѣющаго читать по-латыни и гре-

1) Акты югозап. Россіи II. 205 и сл.

2) Житіе Іова Скитскаго. Рукон. собр. И. А. Вахромѣева № 1116.

чески, чѣмъ по - церковно-славянскому и, по словамъ современника, «славянскій языкъ омерзѣлъ многимъ, его не любятъ и хулятъ»¹⁾.

При такомъ положеніи православной церкви не мудрено что много русскихъ уклонилось отъ православія, чему особенно способствовали іезуиты²⁾. Въ одномъ Новгородскомъ воеводствѣ изъ 600 православныхъ шляхетскихъ родовъ въ 1596 году осталось только 16, потому что всѣ прочіе перешли въ протестантизмъ. Глубокое возмущеніе и тяжкое горе звучитъ въ словахъ ревнителя православія кн. Конст. Острожскаго, писанныхъ не задолго до заключенія Брестской уніи 1596 года: «не стало у насъ учителей, не стало проповѣди слова Божьяго, не стало науки. Пришло наконецъ на насъ такое, что у насъ не осталось ничего, чѣмъ бы мы могли утѣшиться въ нашемъ законѣ. Можно сказать словами пророка: «кто дастъ головѣ нашей воду и очамъ нашимъ источникъ слезъ», чтобы мы могли оплакивать день и ночь упадокъ нашей вѣры и закона. Все разрушилось и упало; со всѣхъ сторонъ скорбь, смущеніе и бѣда, и если не очнемся, Богъ знаетъ, что съ нами будетъ»³⁾. Скорбитъ и львовское братство объ упадкѣ благочестія, о чемъ и доноситъ Константинопольскому патриарху Іереміи такими словами: «церковь наша православная наполнилась всякимъ зловѣріемъ, а люди тревожатся мыслію не приходитъ ли уже погибель. Многіе постановили уже предаться римскому

1) Акты запад. Россіи, т. II, стр. 210.

2) Перечисляя свои утраты, не находить тогда литовско - русская православная церковь между вѣрными княжескихъ родовъ Слуцкихъ, Заславскихъ, Збаражскихъ, Вишневецкихъ, Сангушковыхъ, Чарторыйскихъ, Проньскихъ, Рожинскихъ, Соломерецкихъ, Головчицкихъ, Каширскихъ, Масальскихъ, Горскихъ, Соколинскихъ, Лукомскихъ, Пузыньовъ и многихъ другихъ представителей славныхъ родовъ. Въ концѣ потерялъ вѣру своихъ предковъ и знаменитый на весь свѣтъ своей ревностью по благочестію родъ князей Острожскихъ (1698 г.).

3) Акты зап. Россіи, т. IV, стр. 63.

единоначальному архіерейству и пребывать подъ власти папы римскаго... Народъ говоритъ, что вѣра Христова можетъ православно исповѣдываться и подъ римскою властію, какъ то было прежде, потому что въ многоначалии нашемъ лежитъ безначаліе, законъ предковъ нарушенный, и ложь лицемѣрствующихъ православіемъ учителей покрыла церковь» ¹⁾. Опасенія львовскаго братства оправдались на Брестскомъ соборѣ 1596 года: пять русскихъ владыкъ и съ ними митрополитъ Мих. Рагоза приняли унію; лишь львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ и перемыскій Мих. Копыстыньскій сохранили православіе. Вообще послѣ брестскаго собора по исчисленію папскаго нунція уніатскихъ церквей было 2169, греко-православныхъ только 1089.

, Совершилось дѣло, съ котораго начинается новая эпоха въ исторіи русской церкви и русскаго народа. Русь отступила отъ своей матери — православнои церкви «поводству и неплодству матери — какъ справедливо замѣтилъ знаменитый проповѣдникъ Петръ Скарга — матери, которая уже не могла кормить, такъ какъ груди ея высохли» ²⁾. вмѣстѣ съ уніей русскій народъ сталъ сбли-

¹⁾ Акты зап. Россіи, т. IV, стр. 42.

²⁾ Но не тому нужно удивляться, что дѣло уніи совершилось такъ быстро, а скорѣе тому, что русская церковь долго не освобождалась отъ власти Константинопольскаго патріархата, представители котораго, султанскіе наемники, не имѣли ни желанія, ни власти заниматься дѣлами русской церкви, часто называемой стадомъ овецъ, которыхъ патріархи стригутъ, а не пасутъ. Извѣстно, что сумма въ 1000 дукатовъ, которую патріархъ обѣщалъ въ 1467 году заплатить султану, возросла въ слѣдующемъ году до 2000, а въ концѣ XVI в. патр. Митрофанъ заплатилъ за престоль уже 24000 дукатовъ. Черезъ нѣкоторое время Митрофана свергъ съ престола Никифоръ, заплативъ 40000. Сколько же митрополитовъ и епископовъ должны были патріархи то неставить, то свергнуть, то вновь утвердить, чтобы выручить такую сумму! А сколько пускалось въ ходъ клеветы, коварства, хитрости, если случалось, что патріархъ то принужденъ былъ уступать другому престолу, то снова возвращаться, и такъ иногда до пяти разъ. И все

жаться съ западно-европейской цивилизаціей, которая въ лицѣ верховнаго начальника католической церкви обѣщала хранить цѣлыми обряды и устои русской церкви и оберегать послѣднюю отъ притязаній господствующихъ классовъ въ Польшѣ, которые стремились склонить уніатовъ къ принятію католическихъ обрядовъ. Условія, заключенныя между папою Климентомъ VIII и королемъ Сигизмундомъ III, обеспечивали уніатской церкви полное равенство съ ея сестрой церковью католической, уніатскому духовенству и шляхетству давались одинаковыя права въ общественной жизни съ польскими. Въ эту пору наивысшаго упадка церковь русско-православная еще разъ собрала всѣ свои силы. Она надѣялась съ успѣхомъ отразить послѣдній ударъ, наносимый ей, старалась возвратить утраченныя ею позиціи и понесенныя потери.

Православіе еще держалось въ двухъ епархіяхъ Львовской и Перемышльской, хотя и въ нихъ высшее общество принадлежало уже къ церкви католической, въ остальныхъ же мѣстностяхъ православные составляли уже незначительное меньшинство. Можно было опасаться, что епископы и этихъ православныхъ епархій пойдутъ вслѣдъ за епископами—уніатами, хотя бы лишь потому, что съ переходомъ въ унію имъ улыбались матеріальныя блага, почести и т. д. Что касается массы темнаго сельскаго народа въ Львовской и Перемышльской епархіяхъ, то послѣдній совѣмъ не понималъ различія между православіемъ и уніей, никогда не интересовался вопросомъ, подъ чьею властью находится церковь: Рима или Царьграда, заботясь лишь о сохраненіи неприкосновенными своихъ обрядовъ и обычаевъ. Чтобы произвести, такъ сказать, реакцію въ пользу православія, необходимо было для пра-

это дѣлалось тогда, когда римская церковь, возрожденная послѣ Тридентскаго собора, сіяла ученостью и чистотою обычаевъ своего духовенства, взяла верхъ во всѣхъ отрасляхъ науки и успѣшно распространяла свѣтъ Евангельскаго ученія по всѣмъ странамъ.

вославныхъ епископовъ добиться права назначать себѣ преемниковъ, поднять упавшее монашество, основать братства, на обязанности которыхъ лежало бы открывать типографіи и школы съ цѣлью воспитанія будущихъ борцовъ и ревнителей православія. Всѣ мѣры, какія предпринимались въ этомъ направленіи восточными патріархами, встрѣчали себѣ противодѣйствіе со стороны польскихъ королей Стефана Баторія и Сигизмунда III. Такъ, напр., послѣдній приказывалъ особо избраннымъ людямъ свѣтскимъ и духовнымъ брать на себя завѣдываніе освободившимися русскими епархіями, церквями и монастырями, равняя такимъ образомъ церковь русско-православную съ римскою.

Въ 1620 году патріархъ Іерусалимскій Теофанъ, по просьбѣ гетмана малороссійскаго Петра Сагайдачнаго, поставилъ на Кіевскую митрополію Іова Борецкаго и 6 православныхъ епископовъ для Полоцка, Владиміра, Луцка, Холма, Пинска и Перемышля. Православные вздохнули свободнѣе. Скромные мѣщанскіе и ремесленные цехи стали сгруппировываться вокругъ церквей и монастырей, основывать братства съ цѣлями не узкоцерковно-экономическими, но съ широко-религіозными, съ цѣлью хранить святость и чистоту православной церкви. Нѣкоторые изъ братствъ открывали школы и типографіи, въ которыхъ для борьбы съ католицизмомъ печатались книги полемическаго характера. Не перечисляя всѣхъ основавшихся въ то время братствъ, укажемъ важнѣйшія изъ нихъ: Львовское, Кіевское, Слуцкое, Луцкое, Могилевское и Почаевское.

Эти братства считались ставропигіальными, т.-е. были независимыми отъ мѣстныхъ епископовъ и могли непосредственно обо всемъ доносить Константинопольскому патріарху, хотя бы, напр., о томъ, что который-нибудь изъ епископовъ начиналъ колебаться въ православной вѣрѣ и склоняться къ униіи ¹⁾).

¹⁾ Кромѣ указанныхъ ставропигіальныхъ братствъ, основано было

Перевоспитаніе самого духовенства и особенно монастырскаго взяли на себя русскіе аеонскіе монахи, которые отличались въ то время ученостію, ревностію по вѣрѣ и строго аскетической жизнью, а широкою и успѣшною дѣятельностію заслужили себѣ имя свѣточей православнои вѣры. На призывъ ревнителей православнои вѣры въ западно-русскихъ областяхъ оставляють они свои кельи на Аеонѣ, возвращаются на Русь и здѣсь словомъ и дѣломъ выступаютъ противъ всего того, что послужило къ упадку церкви, обличають іерарховъ въ ихъ распутствѣ, призываютъ грѣшниковъ къ покаянію, поддерживаютъ колеблющихся и сомнѣвающихся и. т. д.

Въ это время,—время преобразования монастырей, основывается Іовомъ Княгиницкимъ Манявская Великоскитская обитель. Іовъ происходилъ изъ мѣщанскаго рода. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ монастырѣ Уневскомъ, затѣмъ, познакомившись съ пріѣзжими аеонскими монахами, онъ сталъ стремиться къ жизни, посвященной на служеніе Богу. Онъ удалился на Аеонъ и здѣсь постригся въ монахи, принявъ имя Іезекіиля. Затѣмъ черезъ двѣнадцать лѣтъ онъ вернулся на Русь, такъ какъ видѣлъ, какіе тяжкіе удары сыпались одинъ за другимъ на русскую церковь, понималъ, что его родной край требуетъ людей, которые сумѣли бы поддержать угасающій огонь вѣры и разбудить всѣхъ для новой жизни въ вѣрѣ и благочестіи. Упавшее благочестіе требовало мужей съ сильной волей, подвижниковъ, которые умѣли бы тѣло свое томить «алчбою, жаждою, стояніемъ всенощнымъ, умилеіемъ и плачемъ», а душою «акаевати суетное житіе міра и мимошедшая лѣта живота своего». Слава благочестиваго пустытника гремѣла тогда на всю Русь. Іезекіиль, принявъ схиму съ именемъ Іова, по приглашенію

много и обыкновенныхъ, такъ напр. въ Рогатинѣ, въ Львовѣ пр. церкви св. Онуфрія въ Перемышлѣ, Мстиславѣ, Гроднѣ, Могилевѣ (1597), Брестѣ (1591), Минскѣ (1592) Оршѣ и др.

православныхъ епископовъ и игуменовъ ревностно принялся за преобразование жизни монастырей на началахъ строгаго аскетизма. Такъ имъ были преобразованы монастыри св. Михаила, Дерманскій и др. 1).

Но какъ ни горѣло его сердце къ переустройству монастырей, не по душѣ ему было пребываніе въ общежительныхъ обителяхъ: онъ сталъ скучать по безмолвной и уединенной жизни скитской. Вскорѣ онъ удалился въ горы въ окрестности Краснополя, гдѣ, поселившись въ глухой лѣсной чащѣ, сталъ вести уединенную жизнь. Тамъ, гдѣ въ рѣку Манявку съ правой стороны впадаетъ рѣчка Батерсъ, впослѣдствіи названная Скитцемъ, древній схимникъ построилъ себѣ «кущу подь смеречіемъ», гдѣ и проводилъ время въ молитвахъ, плачѣ и безмолвіи. Сюда стало стекаться къ нему много людей, какъ монашествующихъ, такъ и свѣтскихъ; нѣкоторые приходили за совѣтомъ въ дѣлахъ совѣсти, для молитвы, другіе—для того, чтобы тоже пожить въ безмолвіи и уединеніи. Послѣдніе часто вскорѣ же покидали пустынное мѣсто, не имѣя силъ выдержать великіе подвиги. Іовъ же, пока жилъ одинъ, питался только хлѣбомъ и водою; теперь же, когда число пустынниковъ около него умножилось, сталъ допускать скромное излишество въ пищѣ, позволяя употреблять елей или рыбу. Въ свободное отъ молитвы время пустынники занимались ручной работой: дѣлали лубяныя коробки, ложки, крестики или плели корзины; эти предметы они раздавали благочестивымъ людямъ, приносящимъ имъ пищу. Вскорѣ здѣсь была основана Петромъ Дяховичемъ церковь въ честь св. Іоанна Предтечи.

Іовъ часто удалялся отъ своей братіи въ глухую лѣсную чащу, гдѣ проводилъ, не смотря ни на какое время года, нѣсколько дней въ бдѣніи, молитвахъ и благочестивыхъ размышленіяхъ. Однажды, возвратившись послѣ такого отсутствія къ своей братіи, Іовъ сообщилъ имъ,

1) Житіе Іова.

что онъ нашелъ на берегу Батерса почти совершенно недоступное для людей мѣсто, гдѣ онъ задумалъ основать общежительную обитель и построить со временемъ церковь. Братія ревностно принялась помогать своему учителю въ расчисткѣ мѣста для новой обители: вырубали и выкорчевали дѣсь, выжгли корни и пни; вскорѣ пришли и плотники, присланные по просьбѣ Іова Анастасіею Воляновскою, которые и срубили здѣсь первую келью, сдѣланную такимъ образомъ фундаментомъ Великоскитской общежительной обители (1611 г.).

Іовъ оставилъ на время братію въ прежнихъ кельяхъ, для чего поставилъ надъ ними діакона Θεодосія, сдѣланнаго впоследствии первымъ игуменомъ новой обители, самъ же перезимовалъ въ новомъ скитѣ. Здѣсь съ весною 1612 года начали строить новую церковь. Въ постройкахъ, какъ церкви, такъ и келіи, ревностно помогали мастерамъ Іовъ съ братіею и староста Петръ Ляховичъ. По окончаніи работъ нужно было позаботиться объ освященіи церкви и келій и объ антиминосѣ. Съ этой цѣлью послѣ долгихъ мытарствъ вследствие нашествія татаръ на Галицкую землю, Іовъ съ діаконемъ Θεодосіемъ добрались до Унева. Здѣсь они получили отъ архимандрита Исаи и епископа Стагоньскаго Авраама антиминосъ и благословеніе на новое дѣло и возвратились съ духовникомъ уневскаго собора Пахоміемъ и др. священниками въ скитъ, гдѣ и была освящена новая церковь во имя Воздвиженія Креста Господня. Такъ основана была въ Манявѣ обитель, названная Великоскитской, «мѣсяца Сентября 13 года 1612, при великомъ королѣ Жигмондѣ третьемъ, и при старостѣ Галицкомъ Влодку, при Епископѣ Львовскомъ Іереміи Тесаровскомъ».

Новая обитель нѣкоторое время не имѣла своего священника; для совершенія же литургіи обыкновенно приглашали іеромонаховъ изъ какого-нибудь сосѣдняго монастыря. Вскорѣ епископомъ Авраамомъ былъ посвященъ въ пресвитеры для новой обители діаконъ Θεодосій.

Между тѣмъ, Іовъ, желая окончить свои дни въ уединеніи и подвигахъ, задумалъ сложить съ себя игуменство. Возвратившись однажды изъ пустыни, гдѣ онъ проводилъ время въ постѣ и молитвахъ, Іовъ въ присутствіи всей братіи предложилъ Θεодосію игуменскій жезлъ и книгу св. Василя, прося его «быть пастыремъ и учителемъ стада сего».

Долго не соглашался Θεодосій на просьбы Іова, прося послѣдняго сохранить въ рукахъ своихъ игуменскій жезлъ. Тогда Іовъ упалъ на лице свое и сказалъ: «не встану и не подниму глазъ моихъ, пока не исполнишь моего желанія». Θεодосій исполнилъ волю своего учителя, принявъ достоинство игумена. Іовъ возвратился въ свою пустыню. При новомъ игуменѣ обитель была расширена, построено было много новыхъ келій.

Между тѣмъ церковь скитская оказалась очень тѣсною: вначалѣ Іовъ съ Θεодосіемъ рассчитывали не принимать болѣе двѣнадцати монаховъ, число же ихъ съ теченіемъ времени возросло до сорока человекъ.

По мѣрѣ того какъ росла слава новой обители, увеличивалось и число богомольцевъ. Оба начальника задумали основать другую великую церковь по плану церкви Межигорской въ Кіевѣ. Въ этомъ великомъ предпріятіи они вскорѣ нашли себѣ и помощницу въ лицѣ дочери бышаго воеводы и господаря молдавскаго Іеремиі Могилы Маріи Могилянки, на средства которой и была заложена великая скитская Воздвиженская церковь весною 1619 года ¹⁾. Новый храмъ былъ благоукрашенъ богатыми иконами, ризами; заведено было «болгарское улейное пѣніе». Въ 1620 году патріархами Тимоѳеемъ Царьградскимъ и Кирилломъ Александрійскимъ прислана была грамота на

¹⁾ Кромѣ того архимандритъ Кіево-Печерской Лавры пожертвовалъ на постройку Скитской церкви 20 золотыхъ; игумень межигорскій Коментарій вручилъ Θεодосію тоже „нѣсколько златиць“; жертвовали на постройку храма и многіе монахи и міряне.

ставропигиальное право. Нужно замѣтить, что въ то время ставропигиальность монастырей и братствъ являлась сильнымъ оружіемъ въ борьбѣ съ уніей. Такъ свѣтскія ставропигиальныя братства могли наблюдать надъ дѣятельностью епископовъ, сгруппировывать вокругъ себя въ цѣляхъ сохраненія чистоты вѣры православной великую оппозиціонную силу изъ шляхетства и мѣщанства. Ставропигиальные же монастыри, изъ которыхъ наибольшимъ былъ Манявскій Скитъ, взяли на себя задачу дополнять дѣятельность братствъ, а именно преобразовывать монашескую жизнь ученостію и строгой аскетической жизнью, завладѣвать умами какъ мирянъ, такъ и духовенства, въ особенности чернаго, увлекать его за собой и дѣлать для епископовъ невозможнымъ переходъ въ унію, такъ какъ они въ такомъ случаѣ оставались бы безъ паствы. Великій Манявскій Скитъ съ самаго начала своего существованія славился богословскою ученостію своихъ монаховъ, святостію ихъ жизни и ревностію въ вѣрѣ и благочестіи.

Уже въ концѣ XVII вѣка въ двухъ только епархіяхъ Львовской и Перемышльской было 242 монастыря; кромѣ того въ краяхъ литовско-русскихъ 314, но для всѣхъ нихъ Скитъ былъ тѣмъ, чѣмъ былъ бургундскій Ключнякъ въ X и XI вѣкахъ для монастырей западной церкви.

Съ кускомъ хлѣба въ мѣшкѣ, съ книжкой въ одной и съ посохомъ въ другой рукѣ переходили аскеты черезъ неприступныя горы и дикія пустыни, сносились между собою и обсуждали всѣ средства для борьбы православія съ католичествомъ. Хотя уніатскій Базилианскій орденъ, благодаря участію уніатскаго митр. Велямина Рутскаго, ввелъ у себя строгую централизацію и, поддерживаемый католическимъ правительствомъ и духовенствомъ, побѣждалъ въ борьбѣ православныхъ, но все же нужно признать, что въ строгости жизни и исполненіи монашескихъ обѣтовъ онъ никогда не сравнялся съ монахами скитскими. Самъ основатель Великоскитской обители служилъ

во всемъ примѣромъ для великоскитскихъ аскетовъ. Во всѣхъ монастыряхъ, куда простиралось его вліяніе, онъ старался насадить строго-аскетическую жизнь. Подъ его добрымъ вліяніемъ процвѣтали монастыри въ Угорникахъ, Уневѣ, Дермани и др. Благодаря его трудамъ, возродилась Кіево-Печерская Лавра и приобрѣла ту мощь, съ какою она противостояла посягательствамъ униатовъ съ одной стороны, и московскихъ патріарховъ съ другой. Дѣятельность Іова въ этомъ отношеніи не знала усталости. Когда скончался Львовскій владыка Гедеонъ Балабанъ, Іовъ всѣми силами старался, чтобы на кафедрѣ не вступилъ человѣкъ, коего ревность и твердость въ вѣрѣ могли подлежать сомнѣнію. Подкрѣпивъ себя молитвою, постомъ и бдѣніемъ, онъ пустился въ путь, чтобы напомнить духовенству, панамъ, мѣщанамъ о ихъ обязанности блюсти чистоту вѣры и выбрать на освободившуюся кафедру мужа достойнаго.

А. Титовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Блаженный Софроній, 3-й Епископъ Иркутскій.

КРАТКОЕ ПОВѢСТВОВАНИЕ О ЕГО ЖИЗНИ, ДѢЯНИЯХЪ И БЛАЖЕННАЯ ПАМЯТЬ О НЕМЪ *).

Нынѣ исполнилось 100 лѣтъ, какъ, во вторникъ свѣтлой седмицы, святитель Софроній почилъ отъ трудовъ своихъ; вчера въ тѣ часы и минуты, когда душа его разлучалась съ тѣломъ, признано было благопотребнымъ и приличнымъ совершить надъ гробомъ его всенощное бдѣніе побѣдными пѣснями воскресенія. А сегодня, въ свѣтлый вторникъ, мѣсто сего покоища Свят. Софронія снова освящено,—послѣ исправленія въ храмъ Владычицы,—въ память того вторника Пасхи въ 1771 г., который былъ послѣднимъ днемъ житія Свят. Софронія на землѣ съ тѣломъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сталъ первымъ днемъ перехода въ небесныя обители и началомъ вѣчной жизни на небѣ. День, въ который предки наши плакали о кончинѣ чтимаго, семнадцать лѣтъ благословлявшаго ихъ, Іерарха, преобразился въ день особеннаго нарочитаго торжества для насъ, столѣтіемъ подготовленныхъ, свидѣтелей, какъ посѣянное въ тлѣніи—растетъ въ виду нашемъ въ нетлѣніе. (1 Кор. 15 гл. 42 и 43 стих.)

Что за богатство въ Православной церкви для духовнаго утѣшенія вѣрующихъ! И не одинъ духъ, а и зрѣніе, и слухъ, и обоняніе—все услаждается здѣсь отрадою, которую не замѣнять никакія забавы свѣта! Что мрачнѣе

*) Продолженіе. См. майскую кн. *Дум. Чит.* 1907 г.

гроба и что печальнѣе погребенія? А св. церковь и на эту самую, казалось бы, жалкую сторону бытія нашего—проливаетъ свѣтъ и радованіе,—и какой свѣтъ!—котораго тѣма не можетъ объять (Еванг. Іоанн. 1 гл.); и какое радованіе!—изъ временной жизни переходящее и сопровождающее вѣрныхъ служителей Истиннаго Свѣта—въ блаженную вѣчность! ¹⁾ Откуда же у церкви такое обиліе разнообразныхъ даровъ благодати на всякую потребу души христіанской? Она неоскудно почерпаетъ ихъ изъ одного живоноснаго источника—воскресенія Христова! ²⁾ Если бы Спаситель нашъ не сошелъ съ неба на землю, не пострадалъ, не умеръ за насъ грѣшныхъ и славнымъ Своимъ воскресеніемъ не увѣрилъ бы насъ и въ нашемъ общемъ съ Нимъ воскресеніи ³⁾; тогда мы были бы воистину злополучны: въ этой жизни удѣломъ нашимъ были бы скорби безутѣшныя, безотрадныя (1 Кор. гл. 15 ст. 17—19); ни вѣ, ни внутри себя не нашли бы мы никакой радости; а въ будущей—ожидала бы насъ вѣчная погибель!

Теперь совсѣмъ иное: веселіе вѣчное, такъ что скорби стали истинному христіанину даже недоступны ⁴⁾; если и набѣгутъ когда, какъ темныя тучи, то сейчасъ и разсвѣтъ ихъ лучезарное Солнце—Воскресшій и съ Собою вся воскресившій... Радуйтесь же, православныя, всегда о Господѣ! и паки реку, со Апостоломъ (или вѣрнѣе послѣдуя и повинувась гласу Ап. Павла, и я приглашаю васъ)—радуйтесь!.. Для насъ не должно быть печали!—и еще говорю, радуйтесь! Ни о чемъ не заботьтесь (не предавайтесь мірскому до печали, не увлекайтесь удовольствіями до забвенія Божественнаго)! но всегда въ молитвѣ и прошеніи съ благодарностію открывайте желанія свои

¹⁾ Кан. Пасхи п. 1 Ирмосъ 1-й.

²⁾ Кан. Пасхи п. 1 тр. 1; часы Пасхи троп. 6-й; октоихъ г. сѣдаленъ воскр.

³⁾ Симв. Вѣры 3, 4 и 5 члены.

⁴⁾ Вѣрнѣе — удобопереносимы, безотчаянны, не приводятъ къ отчаянію, а исполнены своего рода утѣшеніемъ.

предъ Богомъ; и миръ Божій, который превыше всякаго ума, соблюдетъ сердца ваши и мысли во Христвъ Исусъ (Филипис. 4 гл. 4, 6 и 7 ст.). Аминь ¹⁾.

Во время Богослуженія собраніе народа было многочисленное... Цѣлодневный Пасхальный трезвонъ закончилъ торжество столѣтія кончины Святителя Софронія и обновленія созданнаго имъ придѣла во имя и честь Той, которую съ воскресшимъ Христомъ Жизнодавцемъ во всѣ дни и во всю Пятидесятницу прославляетъ св. церковь и души христіанскія словами Ангела: «Чистая Дѣво, радуйся, и паки реку, радуйся,—Твой Сынъ воскресе!.. Ты же, чистая, красуйся Богородице о возстаніи Рождества Твоего! Радуйся Царице, Матерь—дѣвственна славо!.. ²⁾

Приведенное обстоятельство торжества столѣтія кончины Блаженнаго Софронія, соединеннаго съ третьимъ обрѣтеніемъ нетлѣнныхъ мощей Святителя и обновленіемъ и освященіемъ, созданнаго Софроніемъ, храма, многочисленное собраніе молящихся во главѣ съ своимъ Архіепископомъ и высшимъ Иркутскимъ духовенствомъ—достаточно поясняютъ отношеніе Иркутской паствы къ своему бывшему Архипастырю и то вліяніе, какое оказало на подъемъ религіознаго духа нетлѣніе тѣла, одежду Святителя и гроба, въ которомъ онъ сто лѣтъ уже почивалъ.

Кромѣ того В. Преосв. Архіепископъ Пареній еще ранѣе сего распорядился, чтобы особая коммиссія освидѣтельствовала тщательно и подробно гробъ и все погребальное и самое тѣло 100 лѣтъ нетлѣнно почивающее въ нетлѣнныхъ одеждахъ, въ нетлѣнномъ гробѣ, съ нетлѣнною разрѣшительною грамотою и животворящимъ крестомъ въ рукахъ Святителя Софронія. Коммиссія во главѣ съ Ректоромъ Семинаріи Архимандр. Модестомъ и ключаремъ Собора Іоанномъ Чирцевымъ, приготовившись должнымъ образомъ, т. е. отговѣвши и литургисавъ, — 5 фев. 1870 г.,

¹⁾ Слова и рѣчи прот. Прок. Громова, Иркутскъ 1875 г.

²⁾ Богослуж. журн. Ирк. Каѳедр. собора, кн. 2, 30 марта 1871 г.

исполнивъ волю и порученіе своего Архіеп. Пареевія, составили актъ и донесли Архіепископу и Консистоіи. Подробный актъ сего освидѣтельствования мы привели въ самомъ началѣ нашего жизнеописанія.

Архіепископъ Пареевій, какъ свидѣтельствуеть и послѣ Архіеп. Волынск. и Житомир. Модестъ, — доносилъ о семъ событіи письмомъ В. Преосв. Митрополиту С.-Петербургскому Исидору ¹⁾.

Блаженный Софроній свидѣствовалъ и самъ о благодатной силѣ, въ немъ почивающей и по смерти. Въ 1856 г. 24 дек. влючарь Ирк. Каедр. Собора протоіерей Іоаннъ Протопоповъ Архіепископу Аѳанасію доносилъ «въ навечеріе Рождества Христова во второмъ часу пополудни, вольнонаемный сторожъ Ирк. Кае. Собора казакъ 2-й Иргутск. станицы Косьма Туголуковъ, по случаю наступающаго праздника пошелъ въ холодную половину Каедр. Собора ²⁾, за какими-то нужными для Богослуженія вещами — прошелъ чрезъ Богоявл. алтарь въ Казанскій, и оттуда на солею Казан. придѣла, и увидѣлъ горящую восковую намѣстную (большую) свѣчу въ висячемъ подсвѣчникѣ предъ Казанскою иконою Богоматери. Желѣзная дверь собора была заперта, и никто ни въ этотъ день, ни наканунѣ въ холодный храмъ не входилъ, и вообще не было обыкновенія въ зимнее время зажигать тамъ свѣчи или лампы. Трапезникъ Туголуковъ, съ при-

¹⁾ Рукоп. музея при Кіев. духов. акад. № 128 — конечная приписка арх. Вол. и Житом. Модеста.

²⁾ Читатели припомнятъ, что Ирк. Каедр. Богоявл. соборъ, еще съ самаго своего основанія, раздѣлялся на двѣ части: теплую — Петропавловскій и Всѣхсвятскій придѣлы, занимавшіе сѣверозападную часть собора; и холодный храмъ — Богоявленскій, правый — Казанской иконы Богоматери, и лѣвый — Предтечевъ; входъ въ холодный былъ всегда зимою запертъ желѣзною дверью и замками, и туда никто ни ходилъ; лампы и свѣчи тамъ въ зимнее время не теплились. Такъ было до 1870 года, когда арки собора отдѣляющія теплую половину отъ холодной были выбраны, и весь соборъ сдѣланъ теплымъ.

ходомъ въ храмъ на литургію соборнаго старосты, повѣдалъ о семь купцу Павлу Баснину, каедр. протоіерею и ключарю собора¹⁾).

Въ этомъ событіи видѣли, что Преосв. Софроній, какъ бы живой, молитвенно, хотя и невидимо предстоить иконѣ Богоматери Казанскія и раздѣляетъ съ своею паствою торжество Рождества Христова.

Что Преосв. Софроній заявлялъ о себѣ и о благодатной силѣ, въ немъ почивающей, не только милостями, но и прещеніями, особенно неразумнымъ или легкомысленнымъ,—приведемъ примѣръ. Въ 1901 г. однажды, помню въ четвергъ,—послѣ соборной панихиды шелъ я на урокъ въ гимназію; меня догнала, идя тоже изъ собора, одна пожилая женщина Иркутская мѣщанка, ей было лѣтъ подь 60, но еще крѣпкая и бодрая. Она попросила меня выслушать отъ нея разсказъ. «Была я тогда еще молода и глупа; это было еще при покойничкѣ Парѣеніѣ» (Архіеп. Иркутскомъ), когда въ первый разъ стали открывать гробъ Святителя Батюшки Софронія; вотъ и я пришла посмотреть. Посмотрѣла на него-то Батюшку, да и думаю про себя,—а можетъ быть я тогда и въ соборѣ какой-нибудь изъ товарокъ своихъ сказала: «какія это св. мощи?! покойничекъ, такъ-таки покойничекъ онъ и есть въ гробу». Простите, батюшка! Я это теперь такъ говорю, а тогда я, глупая, прямо думала и, вѣроятно, говорила: «какія это мощи?—мертвякъ, онъ и есть мертвякъ въ гробу! какой это святой?! и запахъ кругомъ сырости, какъ въ могилѣ; еще не погнилъ въ гробу! вишь, и гробъ еще цѣлъ, и одежда! вѣстимо, что и само тѣло цѣло!» Вотъ и иду домой... Слышу, — заныли у меня зубы; прихожу домой, начало ломать у меня кости во рту, заболѣли зубы, и къ вечеру

¹⁾ Первый № въ книгѣ знаменій и чудесъ отъ преосв. Софронія. Рапортъ ключ. каедр. собора Протопопова. Архіеп. Аванасій, хотя уже былъ назначенъ архіеп. Казанскимъ, но еще не выѣзжалъ изъ Иркутска, а Нила еще не было.

у меня и все лицо и во рту распухло; отъ боли зубовъ—голову разламываетъ; я тѣмъ, другимъ лѣчить,—все хуже и хуже. Ночь не сплю. И пришла мнѣ мысль: ужъ не Господь ли меня наказалъ, что я, быть можетъ, угодника Его оскорбила, или похулила... И говорю: «Святитель Софроній, если это за тебя наказалъ меня Господь, прости мнѣ! завтра же пойду поклониться тебѣ, если избавишь меня отъ этой болѣзни» (а прежде я никогда зубной боли не знала, и теперь хранить меня Господь по молитвамъ угодника своего Софронія). И что же? Какъ это я такъ вслухъ возопила, да заплакала, ужъ молясь,—а отъ боли и слезъ-то не стало, — слышу: боль начала какъ будто утихать; тише... тише... я и уснула. Пробудилась на завтра—совсѣмъ здорова! И прямо въ соборъ! Молилась, просила прощенія, чтобы Святитель Софроній простилъ меня-глупую, что я по глупости своей оскорбила угодника Божія! Вотъ, батюшка, теперь, какъ на духу каюсь вамъ... Я долго боялась сказать, чтобы меня еще, какъ еретичку, за оскорбленіе святого подъ судъ не отдали. А теперь я слышала, что вы книжку пишете про Святителя батюшку⁴⁾, да и стара я стала, можетъ быть скоро и помру, надо при жизни принести покаяніе!» И просила молиться Святителю (Софронію) за нее—грѣшную.

Протоіерей Милій Чедрановъ, настоятель
Святотроицкой церкви при Императорскомъ
Россійскомъ Генеральномъ Консульствѣ въ
г. Ургѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

⁴⁾ Мною еще съ 1895 г. издавались печатно листки о Преосв. Софроніѣ и въ Богоявлен. соборѣ раздавались бѣднымъ даромъ, а состоятельные покупали

Экскурсія студентовъ Московской Духовной Академіи на Ближній Востокъ¹⁾.

13 іюня.

Сегодня плывемъ по Эгейскому морю; море древне-историческое. Припоминаешь факты изъ древней исторіи, связанные съ моремъ. Воображеніе рисуетъ картины греческихъ миеовъ. Вотъ на горизонтѣ видится Троя, какъ живые встаютъ передъ тобой греческіе герои: Елена, Парисъ, Ахиллесъ и проч.

Мы любуемся моремъ. Оно приняло синеватый видъ и около парохода, дающаго послѣ себя пѣну, походить на синюю ризу съ бѣлыми цвѣтами. Море начинаетъ пошаливать — начинается качка, которая на первый разъ дѣйствуетъ пріятно, но потомъ начинается томленіе духа, тошнить, настроеніе появляется такое, что не знаешь, куда дѣваться, дѣлать ничего не хочется. На носу и кормѣ качка дѣйствуетъ сильнѣе, въ срединѣ — менѣе; вотъ почему пассажиры носовой и кормовой части парохода всегда первые испытывали послѣдствія морской болѣзни. Насъ экскурскантовъ качка захватила какъ разъ въ послѣобѣденное время, время самое безопасное отъ качки. Кромѣ того многіе изъ насъ предъ обѣдомъ выпивали коньякъ (коньякъ въ Константинополѣ очень дешевъ), который дѣйствуетъ предохраняющимъ образомъ отъ качки.

¹⁾ Продолженіе. См. майскую кн. *Душепол.* Чт. 1907 г.

Проѣзжаемъ мимо группы острововъ Архипелага. Намъ показываютъ Митилену (Лесбось). Издали острова производятъ впечатлѣнія показывающихся на горизонтѣ облачковъ. При одномъ только произношеніи острововъ Лесбось, Хіосъ, Родось, невольно заглядываешь въ зеркало древнеисторической жизни. На этихъ островахъ когда-то процвѣтала греческая жизнь, обитатели ихъ, воспитанные на морѣ, боролись за свободу, имъ ненавистна была опека.

День склоняется къ вечеру, вѣтъ, какъ бы заигрывая, теплый вѣтерокъ, острова при заходѣ солнца кажутся подернутыми дымкой. Всюду видимъ просторъ. Голубое небо, голубое море. Картина однообразная и, по видимому, должна была бы скоро наскучить, а между тѣмъ не видимъ ни одного скучнаго лица, всѣ смотрять не насмотрятся, любятъ не налюбуются предестью необъятной картины, всѣ наблюдаютъ сосредоточеннымъ взоромъ. Хочется поговорить съ близкимъ тебѣ человекомъ, который не испытывалъ такихъ ощущеній, какія сейчасъ испытываешь. Вспоминаешь родину, своихъ родныхъ, знакомыхъ. Какъ хорошо было бы сейчасъ съ ними подѣлиться впечатлѣніями. Съ товарищами разговоръ какъ-то не клеится.

14 іюня.

Жизнь, жизнь, какъ ты бываешь иногда не мила человеческому сердцу, а иногда прекрасна, радостна! Вчера у меня было грустное настроеніе, почти весь день скучалъ, думалъ о родныхъ, знакомыхъ. Съ пріѣздомъ въ Смирну я почувствовалъ себя радостнымъ, спокойнымъ. Утромъ я рано всталъ, любовался восходомъ солнца. Предъ восходомъ солнца небо на востокѣ было красноватое. Ярко выступалъ на небѣ серпъ луны, такъ ярко, что я ничего подобнаго не видалъ нигдѣ. Красное небо стало свѣтлѣе и свѣтлѣе, и чуть-чуть начало выглядывать солнышко. До восхода солнца пріятно было смотрѣть на

Смирну, которая была вся въ огняхъ. Когда пароходъ остановился, мы всё высадились на берегъ. Идемъ по набережной Смирны. Мнѣ, по правдѣ сказать, не особенно хотѣлось гулять по городу, потому что заранѣ по Константинополю и Солуни составилъ представленіе о Смирнѣ, какъ о грязномъ городѣ. Но это представленіе сразу же исчезло, лишь только мы прошли нѣсколько минутъ по набережной Смирны. Набережная Смирны совершенно въ европейскомъ вкусѣ. Здѣсь все чисто. Трогуары изъ расписныхъ кирпичей. Почти вся публика въ европейскихъ костюмахъ. Публика обращаетъ на насъ вниманіе. Въ Солуни насъ принимали за портъ-артурцевъ; можетъ быть, и здѣсь въ Смирнѣ насъ принимаютъ за военныхъ (мы всё въ формѣ). Профессорская компанія отдѣлилась отъ насъ, и мы пошли самостоятельно. Къ нашему великому счастью мы встрѣтились съ милымъ Николаемъ Ивановичемъ (грекъ), преподавателемъ греческаго языка въ Уфимскомъ духовномъ училищѣ. Съ нимъ мы осмотрѣли три храма: св. Фотиніи, св. Георгія и великомученицы Екатерины. Архитектура и убранство послѣдняго храма на насъ произвели очень пріятное впечатлѣніе. Жаль, что храмъ не важно отдѣланъ. Въ греческихъ храмахъ мы замѣтили особенность: сѣверныя и южныя двери иконостаса служатъ и царскими дверьми, потому что онѣ ведутъ къ престоламъ: въ одномъ алтарѣ три престола. Осмотрѣвши храмы, мы пошли гулять по улицамъ Смирны въ сопровожденіи Николая Ивановича. По счастливой случайности мы подошли на дѣтскій шумъ къ школѣ. Одинъ изъ насъ справился, можно ли осмотрѣть школу. Намъ дали отвѣтъ положительный. Снаружи школа особеннаго впечатлѣнія не производитъ—школа, какъ наша заурядная русская школа. Входимъ въ зданіе школы. Ученики-мальчики греки, въ классахъ ихъ набито какъ сельдей въ бочкѣ. Учителя школы насъ приняли радушно. Черезъ Николая Ивановича мы ихъ закидали вопросами, на которые они отвѣчали очень любезно. Въ школѣ учать

3 учителя и четвертый — завѣдующій школою, 4 отдѣленія, преподаваемые предметы — Законъ Божій, греческій языкъ, ариѳметика, краткія свѣдѣнія изъ исторіи и географіи. Учителя школы — окончившіе курсъ Халкинскои богословскои школы, получаютъ въ мѣсяць по 40 рублей, одѣты не особенно чисто, на ихъ лицахъ написана робость. Въ школѣ идутъ экзамены. Мы попали на экзамень Закона Божія. Завѣдующій школою пригласилъ насъ на экзамень, просилъ учениковъ спрашивать. Мнѣ, какъ получившему специально педагогическое образованіе, интересно было познакомиться съ учениками. На предложенные черезъ переводчика вопросы ученики отвѣчали бойко, очевидно, наизусть. У нихъ на рукахъ имѣются маленькаго формата очень тоненькіе учебнички по Закону Божию. У дѣтей лица истомленные. Наши русскія дѣти гораздо счастливѣй греческихъ. У насъ экзамены въ школахъ кончаются къ первымъ числамъ мая, а здѣсь въ Смирнѣ начинаются въ срединѣ іюня. Кромѣ того надо принять во вниманіе разность климатическихъ условій—вѣдь въ Смирнѣ 14 іюня очень жарко. Мы поблагодарили учителей за пріемъ и вышли изъ школы съ грустнымъ чувствомъ. Завѣдующій школою рекомендовалъ намъ побывать въ греческой женской гимназіи и даже далъ въ проводники школьника. Мы съ удовольствіемъ пошли въ женское учебное заведеніе. Въ гимназическомъ дворѣ насъ встрѣтили три классныя дамы. Всѣ онѣ втроемъ въ любезностяхъ по отношенію къ намъ конкурировали. Насъ пригласили въ учительскую комнату. Здѣсь любезныя классныя дамы намъ показывали свидѣтельства, имѣющія быть выданными послѣ экзаменовъ воспитанницамъ. Осматривали работы воспитанницъ по руководѣлію. Я обратилъ вниманіе на очень изящно вышитый двуглавый русскій орелъ и на вышивку, изображающую турка, занимающагося игрой на зыкальномъ инструментѣ. Классныя дамы намъ присутствовать на экзамень въ 8 классѣ. Конечно, обрадовались такому неожиданному приглашенію.

Вошли мы въ довольно чистую просторную комнату, гдѣ происходилъ экзаменъ по французскому языку оканчивающимъ курсъ ученицамъ. На экзаменѣ присутствовали митрополитъ. Митрополитъ на насъ произвелъ слабое впечатлѣніе. Мы привыкли видѣть митрополита дома у себя въ роскошной цвѣтной рясѣ, въ бѣломъ съ брилліантовымъ крестомъ клобука, съ важнымъ и властнымъ видомъ, и непремѣнно на предсѣдательскомъ мѣстѣ. А греческій митрополитъ—скромный старичекъ въ плохенькой черной рясѣ и черномъ клобука, съ костью въ рукахъ, сидитъ на экзаменѣ чуть ли не на послѣднемъ мѣстѣ. Все это заставляетъ думать, что къ греческому митрополиту болѣе идетъ «смирный», нежели къ нашимъ епископамъ. Мы подошли къ митрополиту подъ благословеніе, онъ насъ привѣтствовалъ коротенькой рѣчью, въ которой высказалъ искреннее пожеланіе внутренняго и внѣшняго мира на Руси. На экзаменѣ предсѣдательствовалъ начальникъ гимназіи, онъ же и преподаватель французскаго языка. Насъ попросили сѣсть, причемъ митрополитъ обратился къ намъ съ просьбой спрашивать воспитанницъ. Мы всѣ были очень рады этому. Воспитанницы всѣ въ бѣлыхъ платьяхъ короткаго покроя, довольно вѣдвозрастныя, лѣтъ 17 — 20. На экзаменѣ вели себя образцово. Мы не могли надивиться, что онѣ не трусили на экзаменѣ при постороннихъ посѣтителяхъ. Онѣ какъ будто знали, что мы плохо понимаемъ греческій и французскій языки, можетъ быть потому ученицы не трусили и отвѣчали спокойно. Нѣкоторыя изъ нихъ намъ предлагали книги, по которымъ онѣ на экзаменѣ читали и переводили съ французскаго на греческій. Вообще отъ гимназіи осталось самое пріятное впечатлѣніе. У насъ въ Россіи ни за что не пустили бы туристовъ безъ особаго разрѣшенія въ женскую гимназію на экзаменъ съ правомъ спрашивать. Посидѣвши на экзаменѣ довольно порядочно мы стали прощаться. Все время мы разговаривали съ начальникомъ гимназіи, митрополитомъ, классными дамами и

ученицами черезъ переводчика Николая Ивановяча, но на прощаньи мы все-таки оскандалились изъ-за незнанія французскаго языка. Начальникъ гимназіи при прощаньи завелъ разговоръ на французскомъ языкѣ по поводу дружественныхъ отношеній Россіи и Франціи, но этого разговора никто изъ насъ не могъ поддержать. Намъ было стыдно, и въ глазахъ воспитанницъ, которыя уже догадались, что мы не умѣемъ говорить по-французски, мы значительно упали.

По дорогѣ къ пароходу товарищи заходили въ магазины сдѣлать покупки. Въ Константинополѣ, Солунѣ, Смирнѣ всѣ продукты страшно дешевы. Хорошій коньякъ можно купить за 40 к., 30 к. бутылку, абрикосы—15 к. око (око—3 русскихъ фунта), сахаръ 24 коп. око, открытки съ видами 2 коп. штука, одинъ изъ товарищей купилъ шляпу за 8 піастровъ (64 коп.), эту шляпу всѣ почти оцѣнили въ 1½ руб., шерстяная рубашка 30 коп. (у насъ 1 рубль), лимоны по копейкѣ штука, у насъ въ Россіи—7 коп.

Въ Солуни, Смирнѣ, Константинополѣ съ удовольствіемъ берутъ русскія деньги, особенно бумажки.

Вечеромъ часовъ въ 9 прибыли въ Хіосъ. Я любовался прекрасными видами Хіоса. Городъ Хіосъ расположенъ амфитеатромъ у самаго моря. На берегу виднѣется рядъ огней, которые какъ-то особенно хорошо выдѣляются въ южную темную ночь.

15 іюня.

На Хіосѣ добывается мастика — особая смола. Здѣсь очень дешево варенье; око (3 фунта) миндальныхъ орѣховъ стоитъ одинъ піастръ (8 коп.).

Сейчасъ плывемъ среди группы острововъ Цикладскихъ. Виденъ островъ Родосъ, въ бинокль хорошо можно рассмотреть расположенный на немъ городъ—отчетливо выдѣляются дома съ красными крышами, минареты, башни. Островъ Родосъ менѣе возвышается надъ уровнемъ моря, чѣмъ прочіе острова Архипелага.

Мы въ Средиземномъ морѣ. Припоминаются факты изъ древней исторіи. Названіе этого моря много говоритъ о земляхъ, которыми оно окружено со всѣхъ сторонъ. Здѣсь была сосредоточена вся культурная жизнь древняго міра.

Ни съ какой стороны не видно суши. Куда ни глянь, вездѣ море. Море бурное! Море лазурное! Море безмолвное! Ты во всѣ времена обращало на себя вниманіе. Сколько священныхъ и свѣтскихъ пѣсень воспѣваетъ море! Сколько пословиць сказано о морѣ всѣми народами! На какія глубокія думы наводитъ море. Когда человѣческая мысль хочетъ выразить что-нибудь трагическое, бурное, зловѣщее и, наоборотъ, прекрасное, воодушевляющее, — какъ часто она обращается за сравненіями къ морю.

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарованъ надъ бездной твоей,
Ты живо, ты дышишь, смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мнѣ глубокую тайну твою:
Что движетъ твое необъятное лоно?
Чѣмъ дышитъ твоя напряженная грудь?
Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
Далекое, свѣтлое небо къ себѣ?
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто въ присутствіи чистомъ его,
Ты льешься его свѣтозарной лазурью,
Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ горішь,
Ласкаешь его облака золотыя
И радостно блещешь звѣздами его.
Когда же собираются темныя тучи,
Чтобъ ясное небо отнять у тебя, —
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подьемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезаетъ, и тучи уходятъ;
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганныя волны,

И сладостный блескъ возвращенныхъ небесъ
 Не вовсе тебѣ тишину возвращаетъ;
 Обманчивъ твоей неподвижности видъ;
 Ты въ безднѣ покойной скрываешь смятенье,
 Ты небомъ любуясь, дрожишь за него ¹⁾).

На пароходѣ живется очень хорошо. Наша жизнь походитъ на дачную. Въ самомъ дѣлѣ, нашимъ взорамъ открываются картины природы, какихъ ни одинъ дачникъ не увидитъ, мы дышимъ самымъ чистымъ воздухомъ, частенько купаемся въ морѣ. Питаніемъ пользуемся, можно сказать, хорошимъ. Завтракаемъ въ 11 часовъ, обѣдаемъ въ 5, истребляемъ несмѣтное количество чаю. Сонъ прекрасный, причемъ спимъ, сколько хотимъ. Настроеніе всегда приподнятое, веселое, радостное. Незамѣтно никакой натянутости; преосвященный; ведетъ себя просто со студентами.

Наступаетъ ночь, темная южная ночь. Все небо усѣяно яркими, какъ брилліанты, звѣздами. Южное небо съ его блестящими звѣздами это, поистинѣ, риза Божія: «и отъ ризы сыплются звѣзды, и Богъ ихъ сотрясаетъ». Бывало глядишь не наглядишься на небо, уставишься глазами и даже не замѣчаешь, что происходитъ вокругъ тебя. И вотъ ночью на пароходѣ подъ открытымъ небомъ, усѣяннымъ мириадами звѣздъ, мы собирались всѣ вмѣстѣ. Проводили время прекрасно. Тутъ мы дѣлились впечатлѣніями нашего путешествія, остряли, смѣялись и пѣли пѣсни.

Такъ мы иногда безопасно и весело проводили время на пароходѣ. Но спустимся внизъ парохода. Мы здѣсь увидимъ кишацихъ, какъ муравьи, людей, которые питаются одними сухарями съ чаемъ, на пароходѣ они горячей пищи и не видали. Бѣдные матеріально, они богаты релігіознымъ размышленіемъ. Свободное время, а его очень

¹⁾ „Море“ Жуковскаго.

много на пароходѣ, они проводятъ въ благочестивыхъ разговорахъ, молитвѣ, постѣ. Когда посмотришь на нихъ, право, стыдно становится за свое поведеніе, которое едва-едва можно оцѣнить тройкой съ минусомъ. Во сколько разъ мы хуже ихъ!

16 іюня.

Пароходъ идетъ недалеко отъ берега Малой Азіи. Берегъ довольно возвышенный, красноватаго цвѣта, покрытый дымкой. Въ бинокль можно хорошо рассмотреть растительность берега, состоящую изъ породъ хвойнаго лѣса. Виднѣются долины, покрытыя травой. На носовой части парохода пассажиры, вооруженные биноклями, рассматриваютъ островъ Кипръ. Кипръ былъ свидѣтелемъ древне-исторической культуры, отсюда вывозили мѣдъ, вслѣдствіе этого и островъ получилъ свое названіе. Невольно вспоминается первое путешествіе апостола Павла на островъ Кипръ. Пока пассажиры болѣе интересуются берегомъ Малой Азіи, чѣмъ Кипромъ. Какъ хотѣлось бы сейчасъ высадиться на берегъ и походить по землѣ или забраться на самое высокое мѣсто и съ высоты полюбоваться окружающей природой. А природа береговъ Малой Азіи, по видимому, восхительная. Возвышенности берега имѣютъ разнообразную форму, особенно хорошо я запомнилъ три постепенно спускающіяся террасы.

Мы товарищи передаютъ, что вчера вечеромъ они наблюдали фосфорическое свѣченіе моря. Я заинтересовался этимъ явленіемъ. Мое желаніе увидѣть фосфорическое свѣченіе моря было удовлетворено только отчасти, ибо это явленіе чуть-чуть было замѣтно.

17 іюня.

Часовъ въ 10 утра прибыли въ Мерсину. Любезный консулъ на свой счетъ нанялъ намъ лодки для переезда отъ парохода до берега. Въ греческой церкви Преосвященнаго встрѣтилъ торжественно Архимандритъ. На фран-

пузскомъ языкѣ онъ сказалъ привѣтственную рѣчь. Въ свою очередь Преосвященный благодарилъ вообще грековъ за то радушіе, которое они намъ - паломникамъ оказываютъ на пути. Церковь была полна молящимися, которымъ, очевидно, понравилось наше пѣніе. Мы пропѣли: «Кирие елейсонъ», «Многая лѣта» Турчанинова.

Въ получасовомъ разстояніи отъ Мерсины находится Тарсъ, родина апостола Павла. Идемъ на станцію желѣзной дороги. Консулъ распорядился приготовить для насъ экстренный поѣздъ. Мы ѣхали и восхищались видами здѣшней мѣстности: здѣсь уже сжали пшеницу, вѣютъ и молотятъ ее при помощи паровыхъ машинъ. Кое-гдѣ виднѣются зеленѣющія травы, изрѣдка попадаются пальмы.

Послѣ 35 минутной ѣзды мы пріѣхали на станцію Тарсъ. Намъ были поданы коляски. По пыльной не затѣненной растительностью дорогѣ мы доѣхали до греческаго храма, гдѣ была устроена обычная торжественная встрѣча. Въ храмѣ я замѣтилъ особенности: 3 престола въ одномъ алтарѣ. Возвышеніе, которое устраивается въ католическихъ церквахъ для произношенія проповѣди, въ греческихъ церквахъ предназначается для чтенія евангелія. Изъ греческаго храма мы направились въ армянскую церковь. Настоятель армянской церкви любезно показываетъ Преосвященному и намъ принадлежности алтаря, который какъ и у католиковъ открытъ. Въ полномъ облаченіи настоятель отслужилъ намъ что-то вродѣ молебна, по окончаніи котораго мы прикладывались къ евангелію. Особенности облаченія: митра для іерея, фелонь имѣетъ четверугольную форму.

По узкой вымощенной камнемъ улицѣ мы пошли на мѣсто, гдѣ по преданію находится могила апостола Павла. По обѣ стороны улицы лавки, въ которыхъ продаются самые разнообразныя товары, но большею частію фрукты. Отъ солнечной жары улица защищена брезентами. Продавцы сидятъ на порогахъ своихъ лавочекъ, понуря голову. Они производятъ впечатлѣніе сонныхъ, неповорот-

ливыхъ людей. Только мы туристы сегодня ихъ немного расшевелили. Они смотрятъ на насъ съ удивленіемъ.

Когда мы пришли на могилу ап. Павла, было очень жарко. Настроеніе испытываешь подавленное, ничѣмъ не интересуешься, голова болитъ, во рту пересохло. Мы обрадовались, когда неподалеку нашли источникъ съ бѣлой какъ молоко водой. Теперь мы поняли, почему восточный человѣкъ производитъ впечатлѣніе соннаго лѣниваго человѣка. Причина этого страшная солнечная жара. Могилы апостола Павла мы не видали: намъ показывали только мѣсто ея. Мы, какъ богословы, должны считать за великое счастье, что удостоились побывать тамъ, гдѣ родился великій богословъ, апостоль языкъ.

Вернувшись въ Мерсину, мы посѣтили арабскій храмъ, въ которомъ арабы насъ встрѣтили (младшіе братья по вѣрѣ) любезно. Послѣ краткой литіи, священникъ арабъ 74 лѣтъ произнесъ по поводу нашего прибытія прочувствованную рѣчь. Преосвященный отъ себя и отъ насъ благодарилъ всѣхъ арабовъ за ихъ ласковый пріемъ, за то, что они приняли насъ не какъ странниковъ, а какъ гостей. «Благодарю искренно отъ души вашего батюшку и всѣхъ васъ за вашу встрѣчу и желаю благоденствія и единенія всѣмъ вамъ, вашимъ женамъ и дѣтямъ, митрополитамъ и патріарху. Отъ московскаго митрополита Владимира вашему патріарху я везу поклонъ. У гроба Господня мы за васъ будемъ молиться»...

Мерсина и Тарсъ своимъ вѣшнимъ видомъ особаго впечатлѣнія не произвели на насъ. Оба города замѣчательны только по священнымъ воспоминаніямъ.

Въ Мерсинѣ отъ бейрутскаго арабскаго митрополита Герасима нашъ ректоръ получилъ телеграмму слѣдующаго содержанія: «Не пожелаетъ ли Преосвященный участвовать въ богослуженіи, не пожелаетъ ли онъ и профессора завтракать у консула, но *затѣмъ* не желаютъ ли студенты отобѣдать у митрополита». Отвѣтная телеграмма гласитъ: желаю, желаемъ, желаемъ.

18 іюня.

Сегодня всё проснулись рано, въ 5 часовъ. У насъ въ Россіи въ это время бываетъ совершенно свѣтло, и солнышко поднимается довольно высоко, а здѣсь оно только восходить. Воочію пришлось убѣдиться, что на востокъ день почти равенъ ночи. Часовъ въ 9 мы стояли у пристани Александретты. Это небольшой городокъ, находящійся на самомъ берегу моря, позади его поднимаются холмы. Мы поѣхали купаться. Вообще у насъ было такое правило: какъ только пароходъ останавливается у пристани, мы спѣшили купаться. Купанье въ Александреттѣ замѣчательно тѣмъ, что купались непосредственно съ морского берега. Вода въ морѣ теплая, прозрачная, соленая, плавать легко, просто одно наслажденіе. Послѣ купанья чувствуется какъ-то особенно хорошо. Когда мы вернулись на пароходъ, то увидѣли удивительное зрѣлище. На двухъ плоткахъ привезли къ пароходу стадо быковъ и козловъ. То и другое стадо нужно было переправить на пароходъ. Но какъ? Подмостки съ плотовъ на морской пароходъ устроить нельзя, потому что отъ борта парохода до поверхности моря очень высоко. Мы уже были знакомы съ подъемной машиной. Намъ казалось, что ее можно употреблять въ ходъ только при нагрузкѣ и разгрузкѣ товаровъ. Къ нашему великому удивленію быковъ и козловъ перетаскивали съ плотовъ на пароходъ тоже при помощи подъемной машины. Задніе ноги животныхъ привязывали къ цѣпи машины и поднимали на значительную высоту, а потомъ спускали въ нижнюю часть парохода. Быковъ поднимали по парѣ, а козловъ штукъ по 12. Всѣ они при поднятіи страшно ревѣли и метались въ разныя стороны. Смѣшно и грустно было смотрѣть на эту процедуру.

Мы пошли дальше. Плыдемъ около берега Сиріи. Берега гористы, подернуты дымкой. Испытываемъ сильную

жару, несмотря на то, что вѣтъ небольшой морской вѣтерокъ. На полномъ ходу жара все-таки не такъ ощутительна, какъ во время стоянки парохода у пристани. Если намъ теперь кажется жарко, то въ Палестинѣ будетъ еще жарче. При этой мысли мы невольно содрогались и впадали въ уныніе. Сегодня на пароходѣ такъ было жарко, что ни къ какой дѣятельности я не былъ способенъ.

Дм. Марковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОДВИГИ И УСИЛІЯ ВЪ ДОБРОДѢТЕЛИ¹⁾.

Искореніе страстей есть дѣло благодати Божіей.

Нельзя искоренить страстей одними человѣческими силами безъ высшей помощи. Св. Θεодоръ Эдесскій пишетъ: «Никто изъ насъ собственною силою не можетъ преодолѣть коварствъ и ухищреній лукаваго, но только непобѣдимую силою Христа. Тѣ заблуждаются, которые мечтаютъ и хвалятся, что собственными подвигами и по собственной волѣ могутъ истребить грѣхъ, истребляемый одною только Божественною благодатію». «Если не Господь, учить Псалмопѣвецъ, созиждетъ домъ, все бдитъ стрегущій и труждающійся (Псл. 126, 1). Ибо невозможно наступать на аспида и василиска, и попрасть льва и змія, если кто прежде, сколько возможно человѣку, не очиститъ себя и не приметъ силы отъ Того, Который сказалъ Апостоламъ: Се даю вамъ власть наступать на змію и на скорпію, и на всю силу вражію (Лук. 10, 19). Потому-то и заповѣдано намъ въ молитвѣ просить Господа, чтобъ Онъ не ввелъ насъ во искушеніе, но избавилъ насъ отъ лукаваго. Ибо если мы хотимъ избавиться разженныхъ стрѣлъ лукаваго и удостоиться достигнуть безстрастія безъ содѣйствія и помощи Христовой, то напрасно трудимся, думая успѣть въ семъ собственною силою или тщаніемъ». «Никто не думай своею силою перенести труды и

¹⁾ Продолженіе. См. майскую вн. *Душепол. Чтенія* 1907 г.

успѣть въ добродѣтели». «Не исчисляй многихъ лѣтъ уединенной твоей жизни; не восхищайся терпѣніемъ въ пустынѣ и жестокостію подвиговъ; но всегда имѣй въ умѣ Господне слово, что ты рабъ неключимый и не исполниль заповѣди. Ибо доколѣ находимся въ настоящей жизни, мы еще не возвращены изъ плѣна; но все еще сидимъ при рѣкахъ Вавилонскихъ, все еще мучимся надъ дѣланіемъ кирпичей Египетскихъ, не выдавъ земли обѣтованія. Поелику мы еще не совлеклись ветхаго человѣка, истлѣвающего въ похотяхъ обольстительныхъ, еще не облеклись въ образъ небснаго, еще носимъ на себѣ образъ перстнаго. Итакъ мы не имѣемъ причины радоваться, но должны со слезами молиться къ могущему спасти насъ отъ бѣдственнаго рабства Фараонова, исхитить изъ жестокой власти его и ввести въ благую землю обѣтованія, дабы обрѣсть покой въ святилищѣ Божиѣмъ и явиться на десной сторонѣ величествія Всевышняго».

О согласіи и миролюбіи.

Святые Отцы и Учители Церкви трогательно изображаютъ благотворность и преимущества мира и согласія, и тѣ злополучныя дѣйствія, которыя вносятъ раздоръ, не согласіе и раздѣленіе. Св. Григорій Богословъ пишетъ: «Помыслимъ, во первыхъ, о превосходнѣйшемъ и высочайшемъ изъ всего сущаго—Богъ; помыслимъ, во вторыхъ, и о существахъ первыхъ отъ Бога и окрестъ Бога, т.-е. объ Ангельскихъ и небсныхъ Силахъ, которыя первыя пьютъ отъ Перваго Свѣта и, просвѣтляемыя словомъ истины, сами суть свѣтъ и отблески совершеннаго Свѣта. Симъ существамъ ничто такъ не свойственно, какъ миръ и безмятежіе. Ибо въ Богѣ нѣтъ несогласія; потому что нѣтъ и разъединенія: но въ Немъ столько согласія и съ Самимъ Собою и со вторичными существами, что Онъ преимущественно называется миромъ (Ефес. 2, 14), любовію (1 Іоан. 4, 16) и подобными именами, внушая намъ

самыми наименованіями стремиться къ стяжанію сихъ совершенствъ. А изъ ангеловъ, тотъ который дерзнулъ произвести возмущеніе и выше своего достоинства вознесъ выю противъ Господа Вседержителя, или, по слову пророческому, замыслилъ о престолѣ выше облакъ (Исаи. 14, 13—14), — понесъ наказаніе, достойное высокоумія, осужденъ быть вмѣсто свѣта тьмою, или, справедливѣе сказать, самъ сталъ тьмою. Между тѣмъ прочіе пребываютъ въ своемъ достоинствѣ, въ которомъ главное составляетъ миръ и безмятежіе». «Сверхъ сего, воззримъ еще на небо—горѣ и на землю—низу (Исаи. 8, 22), и вникнемъ въ законы твари. Небо, земля, море, словомъ—весь міръ, доколѣ стоитъ твердо и въ мірѣ съ собою, не выступая изъ предѣловъ своей природы, дотолѣ въ немъ ни одно существо не возстаетъ противъ другого и не разрываетъ тѣхъ узъ любви, которыми все связалъ художникъ—Творческое Слово: дотолѣ соотвѣтствуетъ своему названію и подлинно есть міръ — и красота несравненная; дотолѣ ничего нельзя представить себѣ славнѣе и величественнѣе его. Но съ прекращеніемъ мира и міръ перестаетъ быть міромъ.

«Когда въ мірѣ вещество возмутится само противъ себя и, своимъ смятеніемъ готова разрушеніе, сдѣлается неукротимымъ, или когда Богъ, въ страхъ и наказаніе чelовѣкамъ нарушить нѣсколько стройный порядокъ или наводненіемъ моря, или землетрясеніемъ, или необыкновенными дождями, или помраченіемъ солнца, или продолжительностію какого нибудь времени года, или изверженіемъ огня: тогда нестроеніе и страхъ разливаются на все, и среди смятенія отрывается, сколь благодѣтеленъ міръ. Не буду говорить о томъ, что миромъ поддерживаются, а отъ несогласія приходятъ въ разстройство города, царства, лики поющихъ, войска, дома, общества плывущихъ на одномъ кораблѣ, супружество и дружескія союзы: остановлюсь на Израилѣ... Не правда ли, что доколѣ Израильтяне сохраняли миръ между собою и съ Бо-

гомъ... дотолѣ назывались они языкомъ святымъ, частію Господнею и царскимъ священіемъ (Исх. 16, 6. Втор. 32, 9)?.. Но когда впали они въ болѣзнь, съ яростію возстали другъ на друга, раздѣлились на многія части, будучи доведены до послѣдней крайности крестомъ и своимъ упорствомъ, съ какимъ возстали противъ Бога и Спасителя нашего, не познавъ Бога въ человѣкѣ. Что тогда стало? Чего не потерпѣли они? Іеремія плачетъ о прежнихъ ихъ бѣдствіяхъ и сѣтуетъ о плѣненіи Вавилонскомъ: подлинно и то было достойно плача и сѣтованія. Какъ не пролить было горькихъ слезъ, когда стѣны раскопаны, городъ сравненъ съ землею, святилище разрушено, приношенія разграблены, нечистыя ноги вступаютъ въ недоступное, скверныя руки на службу сластолюбію берутъ неприкосновенное. Пророки умолкли, священники отводятся въ плѣнь, старѣйшинамъ нѣтъ милости, дѣвы предаются поруганію, юноши падаютъ: огонь чуждый и огонь брани, также рѣки крови заступаютъ мѣсто священнаго огня и крови, назореи влачimy по стогнамъ, пѣсни замѣнены плачемъ, и скажу собственными словами плача Іереміина — путіе Сіони рыдаютъ, яко нѣсть празднующихъ (1, 4)... Но кто изъ умѣющихъ слагать плачевныя пѣсни, и вполне изображать скорбь словомъ, достойно оплачетъ послѣдній ударъ, — переселеніе Израильтянъ, нынѣ тяготящее надъ ними иго рабства, всѣмъ извѣстное подъ Римскимъ владычествомъ униженіе? Какія книги вмѣстятъ сіе? Для нихъ одинъ памятникъ бѣдствія—цѣлая вселенная, по которой они разсѣяны, прекратившееся Богослуженіе, едва узнаваемое нынѣ мѣсто самого Іерусалима, который въ той только мѣрѣ для нихъ доступенъ и тѣмъ только ихъ услаждаетъ за прежнюю славу, что они, явившись тамъ на одинъ день, могутъ оплакивать запустѣніе»...

«Да не подумаютъ будто бы я утверждаю, что всякимъ миромъ надобно дорожить. Ибо знаю, что есть прекрасное разногласіе, и самое пагубное единомысліе; но должно любить добрый миръ, имѣющій добрую цѣль и соединяю-

щій съ Богомъ... Но когда дѣло идетъ объ явномъ нечестіи, тогда должно скорѣе идти на огонь и мечъ,—нежели пріобщаться лукаваго кваса и прилагаться къ зараженнымъ».

Св. Іоаннъ Златоустъ пишетъ: «Миръ тогда собственно и водворяется, когда зараженное болѣзнію отсѣкается, когда враждебное отдѣляется. Ибо чрезъ сіе только и возможно небу соединиться съ землею. Поелику и врачъ тогда спасаетъ прочія части тѣла, когда отсѣкаетъ отъ нихъ неизлѣчимый членъ; и военачальникъ возстановляетъ спокойствіе, когда злонамѣренныхъ единомышленниковъ приводитъ въ разногласіе. Такъ было и при столпотвореніи. Злой міръ разрушенъ добрымъ несогласіемъ, и водворенъ миръ. Такъ и Ап. Павелъ раздѣлилъ согласившихся противъ него (Дѣян. 23, 6). А согласіе противъ Навуооа было хуже всякой войны (3 Цар. 21). Единомысліе не всегда бываетъ хорошо; и разбойники бываютъ согласны».

Святой Григорій Нисскій, изображая преимущества добраго мира, согласія и примирительности, пишетъ: «Изъ всего, чѣмъ люди домогаются наслаждаться въ жизни, есть ли что сладостнѣе мирной жизни? Все, чтобы ты ни называлъ пріятнымъ въ жизни, все бываетъ пріятнымъ только тогда, когда соединено съ миромъ. Пусть будетъ все, что цѣнится въ жизни: богатство, здоровье, жена, дѣти, домъ, родные, слуги, друзья, земля и море, доставляющіе своего рода богатство; пусть будутъ прекрасныя сады, мѣста для веселыхъ пиршествъ и всѣ изобрѣтенія удовольствія; пусть къ сему присоединятся пріятныя зрѣлища, и услаждающая слухъ музыка, и все, почему жизнь бываетъ пріятна для людей, преданныхъ удовольствіямъ; пусть все сіе будетъ, но не будетъ мира, — что пользы въ томъ? Какая польза въ тѣхъ благахъ, когда война препятствуетъ наслаждаться ими? Итакъ, миръ не только самъ по себѣ пріятенъ для наслаждающихся миромъ, но и услаждаетъ всѣ блага жизни. Даже если случится съ ними, какъ это обыкновенно бываетъ съ людьми, какое нибудь несчастіе

во время мира, — и оно бываетъ сносно, потому что въ семь случаевъ зло умѣряется добромъ». «Ты самъ по себѣ разсуди, что за жизнь тѣхъ, которые враждуютъ между собою и подозрѣваютъ другъ друга? Они встрѣчаются угрюмо и одинъ въ другомъ всего гнушается; уста ихъ безмолвны, взоры отвращены, и слухъ одного закрытъ для словъ другого. Все, что пріятно для одного изъ нихъ, ненавистно для другого, и напротивъ, что ненавистно и враждебно одному, то нравится другому. Посему Господь хочетъ, что-бы ты съ такимъ избыткомъ умножалъ въ себѣ благодать мира, (чтобы не только самъ могъ наслаждаться имъ, но) чтобы твоя жизнь служила врачевствомъ противъ болѣзни другихъ».

«Кто предотвращаетъ другихъ отъ сего постыднаго порока, тотъ оказываетъ величайшее благодѣяніе, и справедливо можетъ назваться блаженнымъ и достопочтеннымъ», «тотъ творитъ дѣло силы Божіей, уничтожая въ природѣ человѣческой злое и вмѣсто того вводя общеніе благъ. Господь потому и называетъ миротворца сыномъ Божіимъ что доставляющій толикое спокойствіе человѣческому обществу дѣлается подражателемъ истинному Богу». «Податель и Господь блага всецѣло истребляетъ и совершенно уничтожаетъ все противоестественное и чуждое добру. Подобную же дѣятельность Онъ заповѣдуетъ и тебѣ; и ты долженъ погашать ненависть, прекращать войну, истреблять зависть, уничтожать ссоры, изгонять лицемеріе, угашать тлѣющее въ сердцѣ памятозлобіе, и вмѣсто его вводить все, что, за удаленіемъ тѣхъ золь, является какъ противоположное. Ибо какъ по разсѣяніи мрака появляется свѣтъ, такъ вмѣсто каждаго изъ сихъ золь приходитъ плодъ духовный—любы, радость, миръ, благость, великодушіе, словомъ, все собраніе благъ, изчисленныхъ Апостоломъ. Итакъ, не блаженъ ли тотъ, кто раздаетъ Божественные дары, кто подражаетъ Богу въ своихъ дарованіяхъ, чьи благодѣянія уподобляются великимъ дарамъ Божіимъ».

О милосердіи.

Заповѣдь сію имѣемъ мы отъ Бога Отца, какъ Самъ Господь въ Евангеліи говоритъ: Будите убо милосерди, якоже и Отець вашъ милосердъ есть (Лук. 6, 36); и во многихъ мѣстахъ Священнаго Писанія это можно видѣть. Св. Григорій Богословъ пишетъ: «Никакое служеніе такъ не угодно Богу, какъ милосердіе; потому что оно всего болѣе сродно Богу, Которому предходятъ милость и истина (Пс. 88, 15), и Которому должно приносить въ даръ милость прежде суда (Іак. 2, 13); и праведный Мздовоздатель, — ни за что такъ не вознаграждаетъ Своимъ человѣколюбіемъ, какъ за человѣколюбіе».

И еще пишетъ св. Григорій, говоря о бѣдныхъ. «Они одинаковое съ нами получили естество, изъ того же составлены брениа, изъ какаго и мы первоначально созданы; свяваны, какъ и мы, жилами и костями, и подобно всѣмъ облечены кожею и плотію, — или лучше, если должно упомянуть о важнѣйшемъ, они такъ же, какъ и мы, одарены образомъ Божиимъ, и хранятъ его, можетъ быть, лучше насъ, хотя и истлѣли тѣломъ, въ единого облечены Христа по внутреннему человѣку; одинаковый съ нами приняли въ сохраненіе залогъ Духа, участвуютъ въ однихъ съ нами законахъ, глаголахъ Божіихъ, завѣтахъ, собраніяхъ, таинствахъ, надеждахъ; за нихъ равно умеръ Христосъ, взявшій на Себя грѣхъ всего міра; они суть наслѣдники небесной жизни, хотя весьма много отчуждены отъ земной: они спогребаются Христу и совостаютъ съ Нимъ, страдаютъ съ Нимъ, дабы съ Нимъ и прославиться». «Итакъ, не презри брата твоего, не пробѣги мимо его, не гнушайся имъ, какъ нечистотою, какъ заразою, какъ чѣмъ-то отвратительнымъ и отверженнымъ. Это твой членъ, хотя и покрывило его несчастіе. Тебѣ оставленъ есть нищій (Пс. 9, 25), какъ самому Богу, хотя ты и слишкомъ надменно проходишь мимо него. Тебѣ предлагается случай доказать свое чело-

въколюбіе, хотя и отвращаетъ тебя врагъ отъ собственнаго твоего счастья. Вразумись чужими бѣдами. Дай хоть самую малость бѣдному: и то не будетъ малостию для того, кто во всемъ нуждается, и для самого Бога, если подаваніе будетъ по силѣ. вмѣсто великаго дара принеси усердіе. Ничего не имѣешь? Утѣшь слезою. Великое врачество злополучному, когда кто отъ души пожалѣетъ о немъ; несчастіе много облегчается искреннимъ соболѣзнованіемъ. Ты человѣкъ, не долженъ считатьъ человѣка хуже животнаго, которое законъ велитъ тебѣ поднять, когда оно упадетъ въ ровъ, или привести къ хозяину, когда оно заблудится (Исх. 23, 4—5). Въ самомъ дѣлѣ, если мы обязаны и къ безсловеснымъ быть милостивыми, то сколько же велика должна быть любовь наша къ тѣмъ, кои одного съ нами рода и достоинства? Такъ учатъ насъ и разумъ, и законъ, и справедливѣйшіе изъ людей.

Святый Іоаннъ Златоустъ пишетъ: «Всѣ мы люди, самую природою побуждаемся къ милосердію; и нѣтъ въ природѣ нашей столь добраго свойства, какъ сіе свойство.—Никто по природѣ не лѣнивъ, никто по природѣ не тщеславенъ, никто по природѣ не завистливъ. Но милосердіе природа вложила во всѣхъ, даже въ грубаго и жестокаго. И что удивительнаго, если мы оказываемъ милосердіе людямъ? Мы звѣрей милуемъ. Въ такомъ избыткѣ вложено въ насъ милосердіе. И если при видѣ львенка, мы нѣсколько трогаемся, то гораздо болѣе при видѣ однороднаго. Посмотри, сколько увѣчныхъ, часто говоримъ мы, зная, что и сего довольно для возбужденія въ насъ милосердія».

О подаваніи милостыни.

Милуяй нища, сказано, взаимъ даетъ Богови. Видишь самъ Господь принимаетъ отъ насъ милостыню чрезъ руки нищихъ; поэтому мы должны радоваться, когда представляется намъ случай подать что либо бѣднымъ. Св. Гри-

горій Богословъ пишетъ: «Мы должны отверзати утробу милосердія всѣмъ бѣднымъ и по какой бы то ни было причинѣ страждующимъ; должны, какъ чловѣки, приносить чловѣкамъ дань благотворительности, какая не заставляла бы ихъ нужда искать помощи: вдовство ли, или сиротство, или изгнаніе изъ отечества, или жестокость властителей, или наглость начальствующихъ, или безчеловѣчіе собирателей подати, или убійственная рука разбойниковъ, или алчность воровъ, или опись имѣнія, или кораблекрушеніе. Ибо всѣ они одинаковое имѣютъ право на сожалѣніе, и такъ же смотрятъ на руки наши, какъ мы на руки Божіи, когда чего просимъ».

«Раздробляй алчущему хлѣбъ твой, и нищія безкровныя введи въ домъ твой (Исаи. 58, 8), пишетъ Св. Григорій Милуій, сказано, съ добрымъ изволеніемъ (Рим. 12, 8); такимъ образомъ готовность твоя усугубитъ цѣну добраго твоего дѣла. Ибо что дѣлается съ печалію, или по нуждѣ, то не можетъ быть пріятнымъ и изящнымъ; оказывая благодѣянія, должно радоваться, а не сѣтовать».

И еще: «Ты никогда не будешь щедрѣе Бога, хотя бы и пожертвовалъ всѣмъ, что имѣшь, хотя бы отдалъ вмѣстѣ съ имуществомъ и самого себя, ибо и то самое, чтобы отдать себя Богу, чловѣкъ получаетъ отъ Него же. Сколько ты ни уплатишь Ему, все еще больше того будетъ оставаться на тебѣ, и ничего не дашь ты своего, поелику все отъ Бога». «Мы ничего не даемъ такого, что не принадлежало бы Ему, или что было бы внѣ круга Его щедрости».

По ученію Св. Іоанна Златоуста: «Милостыня, зараженная болѣзнію тщеславія, не есть уже дѣло милосердія, но хвастовство и жестокосердіе,—ибо симъ ты публично осмѣиваешь брата своего. Милостыня состоитъ не въ томъ, чтобы только давать деньги, но чтобы давать съ Христіанскимъ чувствомъ милосердія».

«Творить милостыню значитъ не просто давать, но съ усердіемъ, съ радостію и съ чувствомъ благодарности

къ принимающему. Поелику сказано: не отъ скорби, ни отъ нужды: доброхотна бо дателя любить Богъ (2 Кор. 9, 7). И такъ, если кто даетъ не съ такимъ расположеніемъ, то лучше не давай, ибо это не есть милостыня, а напрасная трата».

И еще: «Св. Павелъ заботился не о томъ только, чтобъ деньги были подаваемы бѣднымъ, но и о томъ, чтобы это дѣлалось съ совершеннымъ усердіемъ». «Вѣдь то и милостыня, когда подаешь ее съ радостію, и думаешь, что самъ больше получаешь нежели даешь».

И опять св. Златоустъ пишетъ: «Не богатымъ только, говоритъ Апостоль, внушаю это, но и бѣднымъ». «И бѣдность не можетъ быть препятствіемъ къ такому пожертвованію. Хотя бы ты былъ до крайности бѣденъ, но, вѣрно, не бѣдиѣ той вдовы, которая принесла въ даръ все свое имѣніе (Лук. 21, 2—4). Хотя бы ты былъ до крайности бѣденъ, но вѣрно не бѣдиѣ жены Сидонской, которая имѣя, только горсть муки, не отказалась принять пророка; видѣла она, что вокругъ ея ликъ дѣтей и грозитъ голодъ, и нѣтъ у нея ничего болѣе въ запасѣ, и однакожь приняла пророка съ великимъ усердіемъ (3 Цар. 17, 10)».

Еще св. Злат.: «Помысли, какъ вдова питала Илію! Не размышляла (она): что я получу отъ него? Онъ просить у меня пищи. Если онъ имѣлъ какую-либо силу, то не терпѣлъ бы голода, прекратилъ бы засуху, и не подпалъ бы тѣмъ же бѣдствіямъ? Ничего такого она не думала. Видишь ли, какъ хорошо благотворить съ простотою и не быть слишкомъ разборчивымъ, относительно принимающаго благодѣяніе? Если бъ она захотѣла много любопытствовать, то пришла бы въ недоумѣніе и не повѣрила бы. Такъ и Авраамъ если бъ захотѣлъ много любопытствовать, то не принялъ бы Ангеловъ. Ибо нѣтъ примѣра, чтобъ слишкомъ разборчивый въ таковыхъ случаяхъ принялъ когда-либо святого. Но таковой всего чаще попадаетъ на обманщиковъ». «По сему умоляю васъ, будемъ все дѣлать въ простотѣ».

ЧТО ТАКОЕ ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ?

(Опытъ научнаго опредѣленія по твореніямъ свв. аскетовъ).

**Духовная жизнь есть единственная истинная жизнь чело-
вѣка, внѣ которой возможна только смерть.**

Духовную жизнь нельзя понимать, какъ жизнь одной только высшей области человѣческаго существа и, такъ обр., противопоставать ее жизни тѣлесной, органической. Нѣтъ, это цѣльная жизнь всего челоѣка. «И плотскіе имѣютъ душу, и духовные—тѣло, но по причинѣ срасто- вренія и преобладанія того, чего въ челоѣкѣ больше, именованіе преобладающаго усвоится цѣлому челоѣку. Если въ челоѣкѣ плоть преобладаетъ надъ душою, то онъ плотской; а если преобладаетъ душа, то онъ духовный»¹⁾. Духовная жизнь обнимаетъ собою и жизнь органическую, только эта послѣдняя у духовнаго челоѣка подчиняется духу и является служебнымъ органомъ его. Подчиненіе духу не стѣсняетъ жизни тѣлесной, не ограничиваетъ ее, а, напротивъ, является условіемъ доступной для нея полноты и совершенства. Только подъ условіемъ подчиненія духу тѣлесная жизнь и бываетъ здоровою и нормальною. Плотская жизнь необходимо приводитъ тѣло къ разрушенію и смерти; напротивъ, при жизни духовной тѣло «утончается», «одухотворяется» и становится «причастнымъ нетлѣнію»²⁾. Даже въ посмертныхъ остаткахъ ду-

¹⁾ Пр. Ефремъ Сир., III т., 408—9 стр. (Изд. 1858 г.).

²⁾ Ibid., стр. 408, 410.

ховныхъ людей пр. Ефремъ указываетъ признаки жизни. «Видишь ли,—говорить онъ,—видишь ли жизнь въ останкахъ мучениковъ? Кто не повѣритъ, что они живы? Видишь ли, гробы ихъ полны жизни?.. Смерть не приближается къ нимъ» ¹⁾.—Подобно тому, какъ нельзя духовную жизнь противополагать жизни тѣлесной, ее также нельзя въ строгомъ смыслѣ слова противополагать жизни *экономической*. Хотя интересы духовнаго человѣка и все его вниманіе, все, такъ сказать, сердце дѣйствительно выше личныхъ, своекорыстныхъ расчетовъ, но идеальныя влеченія духа, помимо вѣдѣнія и намѣренія человѣка, сами по себѣ, наиболѣе отвѣчаютъ въ то же время потребностямъ самосохраненія и самоутвержденія человѣка; забывая о себѣ, духовный человѣкъ въ то же время самымъ надежнымъ способомъ устрояетъ свое личное спасеніе, пріобрѣтаетъ душу свою. На немъ сбываются слова Спасителя: *потерявшій душу свою ради Меня сбережетъ ее* (Мѡ. 10, 39). Вотъ почему Антоній Великій, напримѣръ, хотя совѣтуетъ христіанину «постоянно исполнять заповѣди Господни и ненавидѣть самого себя» ²⁾, но въ то же время говорить: «кто любитъ Бога, тотъ *любитъ самого себя*» ³⁾. Вообще, духовную жизнь, по воззрѣніямъ свв. о.о., слѣдуетъ противополагать не другому какому-либо виду жизни, но смерти, и понимать ее, какъ жизнь единственно возможную, истинную. Пр. Макарій Егип., обращаясь къ грѣшнику, говоритъ: «плачь, скорби и сѣтуй, потому что донныѣ не пріобрѣлъ еще ты вѣчнаго и духовнаго богатства, донныѣ не пріялъ еще *истинной жизни*» ⁴⁾. И, напротивъ, человѣку, находящемуся въ живомъ общеніи съ Богомъ, онъ говоритъ: «вотъ дѣйствительно пріобрѣлъ

¹⁾ V, 52—3, стр.

²⁾ Христ. Чт., ч. XX, стр. 317.

³⁾ Хр. Чт. 1826 г., ч. XIII, стр. 187.

⁴⁾ Бес. 1, гл. 12; см. также Антонія Вел. „8-е слово къ монахамъ“ (Хр. Чт., ч. XX, стр. 307).

и пріялъ ты сіе отъ Господа, чтобы жить тебѣ *истинною жизнію*» ¹⁾). То же понятіе о духовной жизни еще яснѣе выражается у отцовъ, когда они называютъ ее прямо *жизнію*, безъ всякихъ опредѣленій, чѣмъ даютъ разумѣть, что духовная жизнь есть жизнь единственно подлинная и даже единственно возможная для человѣка. «Пока не очиститъ себя человѣкъ,—говоритъ Макарій Егип.,—отъ всякой скверны плоти и духа, то онъ еще плоть и кровь и далеко отстоитъ отъ жизни» ²⁾).—«Жизнь закона поистиннѣ справедливо и называется *жизнію* и есть *жизнь*» ³⁾),—пишетъ пр. Маркъ Подвижникъ.

Духовная жизнь есть жизнь вѣчная.

Такъ какъ духовная жизнь вполне отвѣчаетъ понятію жизни и есть жизнь въ собственномъ смыслѣ слова, то она, далѣе, есть бытіе непрекращающееся, вѣчное. Мысль о вѣчности святой, подлинно-христіанской жизни находитъ для себя въ твореніяхъ свв. отцовъ вполне ясное выраженіе и обильное подтвержденіе. Такъ, наприм., пр. Макарій Егип. говоритъ о человѣкѣ истинно-христіанской жизни: «Если сдѣлался ты престоломъ Божиимъ, и Богъ возсѣдаетъ въ тебѣ..., то живешь уже ты *вѣчною жизнію*» ⁴⁾).—«Слава Вводящему душу въ царство *вѣчной жизни*, пока она *еще въ мѣръ семъ!*» ⁵⁾) Мысль о вѣчности духовной жизни приводитъ насъ къ тому заключенію, что безконечная жизнь будущаго вѣка тождественна по существу съ тою жизнію, какую проводятъ на землѣ свв. христіане,

¹⁾ Бес. 1, гл. 12; см. также Антонія Вел. „8-е слово къ монахамъ“ (Хр. Чт., ч. XX. стр. 307).

²⁾ Слово 7-е, гл. 6.

³⁾ „Нравственно-подвижническія слова“. М. 1858 г. Ст. 10, гл. 5. Паралл. у пр. Ефрема Сир. т. III, стр. 312—3.

⁴⁾ Ст. 5, гл. 12.

⁵⁾ Бес. 47, гл. 14.

представляет собою ея естественное продолженіе. Иначе и быть не можетъ. Жизнь истинная, или жизнь въ собственномъ смыслѣ слова, можетъ быть только одна, и при какихъ бы внѣшнихъ условіяхъ она ни проявлялась,—при условіяхъ ли данныхъ на землѣ, или при условіяхъ жизни загробной,—по существу своему она необходимо должна быть одна и та же. Вопросы о *содержаніи* жизни будущаго вѣка и о тождествѣ ея *по существу* съ жизнью, проводимой святыми на землѣ, мы коснемся ниже. Теперь же, пока мы еще не раскрывали самаго существа, или внутреннего содержанія, истинной жизни, мы только подтвердимъ высказанную мысль о тождествѣ духовной жизни съ жизнью небесною словами свв. отцовъ. «Почтивъ правду и соблюдши чистоту,—говоритъ подвижникамъ пр. Ефремъ Сиринь,—стали вы уже *внутри рая*» ¹⁾. Подобное говорить о себѣ самомъ пр. Макарій Вел.: «Въ иныя времена приходилъ я въ совершенную мѣру, вкушалъ и испытывалъ оный вѣкъ» ²⁾. Слѣдовательно, сходство между земной и загробной жизнью свв. людей отцы считаютъ настолько существеннымъ, что, по ихъ представленію, достаточно проводить святую жизнь на землѣ, для того, чтобы на опытѣ узнать и, такъ сказать, ощущать въ себѣ жизнь будущаго вѣка. Жизнь будущую, по мысли отцовъ, всякій опытно узнаетъ постольку именно, постольку онъ усвоилъ себѣ жизнь духовную. «Это необходимо нужно знать,—говоритъ Ефремъ Сир.,—что и отчасти исполнившіе заповѣди, соразмѣрно тому, входятъ въ царствіе» ³⁾.—«Мы не утверждаемъ,—пишетъ также пр. Маркъ Подвижникъ,—что здѣсь (на землѣ) будетъ всеобщее воздаяніе; но что должно прежде имѣть въ сердцѣ дѣйствующую благодать Св. Духа, и, такъ обр., по мѣрѣ ея въ насъ дѣйствія, войти въ царствіе небесное» ⁴⁾.

¹⁾ II, стр. 586.

²⁾ Сл. 6, гл. 12.

³⁾ IV, стр. 150.

⁴⁾ Сл. 2, стр. 148—9.

Послѣ этого понятно, что въ сознаниі свв. отцовъ духовная жизнь была неотдѣлима отъ жизни вѣчной, сливалась съ нею въ одномъ общемъ представленіи. Это особенно ясно видно въ твореніяхъ преп. Ефрема Сир., когда онъ, напр., говоритъ: «Любовь Господа даровала намъ жизньъ никогда непрекращающуюся, и временная смерть прерываетъ ее только не надолго» ¹⁾; или еще яснѣе въ другомъ мѣстѣ: «Кто идетъ (путемъ святости), о томъ нѣтъ сомнѣнія, что наследуетъ вѣчную жизнь, потому что самый путь есть жизнь» ²⁾.

Изложенное ученіе отцовъ о тождествѣ по существу духовной жизни и жизни вѣчной обыкновенно съ большимъ трудомъ воспринимается сознаниемъ человѣка въ его настоящемъ, грѣховномъ состояніи. Такому человѣку кажется, что жизнь духовная и жизнь вѣчная — двѣ вещи, не только не тождественныя и не сходныя, но и прямо противоположныя по существу, и что считать ихъ существенно тождественными такъ же странно, какъ, напримѣръ, считать тождественными трудъ наемника и плату за этотъ трудъ. Но такая разобщенность представленій о духовной жизни и о жизни вѣчной существуетъ только въ сознаниі падшаго человѣка и обуславливается не самымъ существомъ вещей, но грѣховнымъ состояніемъ человѣка. Падшій человѣкъ, проникнутый грѣхомъ, лишь въ себялюбіи, въ удовлетвореніи своихъ себялюбивыхъ потребностей находитъ то, что онъ ошибочно называетъ довольствомъ, блаженствомъ. Добродѣтельная жизнь для такого человѣка является подвигомъ, требующимъ страшнаго душевнаго напряженія; она для него достижима только подъ условіемъ усилій надъ собой, пожертвованій, кажущихся потерь, мученій. Поэтому онъ не только не можетъ считать за одно добродѣтель и счастье, но съ трудомъ удерживается отъ того, чтобы не считать добродѣтель тяжелымъ

¹⁾ IV. стр. 506.

²⁾ II, стр. 345.

ярмомъ, гнетущимъ его и лишаящимъ его всѣхъ доступныхъ ему радостей жизни. Очевидно, такой человѣкъ не можетъ понять, что вѣчная жизнь, съ которою у него соединяется представленіе о безусловномъ блаженствѣ, есть та же добродѣтель, съ именемъ которой у него, наоборотъ, соединено представленіе о всякомъ насилуваніи себя, самоограниченіи, мученіи и т. п. Совершенно иное мы видимъ въ писаніяхъ свв. отцовъ и вообще у людей духовной жизни: понятіе о жизни добродѣтельной и о жизни вѣчной у нихъ легко сводятся одно на другое; добродѣтель и блаженство для святаго человѣка—вещи вполне однородныя, чтобы только не сказать—однозначущія. Такъ мы видимъ, что свв. отцы не могутъ и представить себѣ добродѣтели безъ блаженства, такъ какъ въ добродѣтели именно они и поставляютъ свое высшее благо, именно въ ней и видятъ единственно-истинное блаженство. «Кто домогается духовнаго и подвизается для сего,—говоритъ пр. Ефремъ Сир.,—тотъ (этимъ самымъ) познаетъ сладость вѣчныхъ благъ»¹⁾. «Вождѣловать Бога,—говоритъ онъ въ другомъ мѣствѣ,—всегдашнее услажденіе и просвѣщеніе, всегдашняя радость»²⁾. Замѣчательно въ этомъ случаѣ также выраженіе аввы Исаи: «заповѣдь Божія есть жизнь вѣчная»³⁾. Какъ немыслима для отцовъ добродѣтель безъ блаженства, такъ точно немыслимо для нихъ и блаженство внѣ добродѣтели. Пр. Ефремъ, усматривая проявленіе благодати Божіей въ томъ, что грѣхи влекутъ за собою наказаніе, такъ обр. обосновываетъ свою мысль: Если бы грѣхъ не связанъ былъ съ наказаніемъ, то «каждый съ радостію продолжалъ бы грѣшить, такъ какъ никто не вразумляетъ его. Тогда благодать, столько для насъ полезная, обратилась бы во вредъ, потому что давала бы поводъ грѣшникамъ болѣе и болѣе

¹⁾ I, стр. 324—5.

²⁾ III, стр. 115.

³⁾ „Духовно-нравственныя слова“. М. 1860 г., 28-е сл., стр. 302.

умножать число грѣховъ своихъ» ¹⁾). Так. обр. въ грѣхѣ самомъ по себѣ, если бы даже его можно было отдѣлить отъ наказаній и бѣдствій, пр. Ефремъ видитъ зло; онъ не можетъ допустить блаженства внѣ добродѣтели, тамъ гдѣ царствуетъ грѣхъ. Ту же мысль выражаетъ пр. Антоній Великій, когда говоритъ: «въ мірѣ нѣтъ ничего твердаго и постояннаго (по связи рѣчи: ничего такого, на чемъ можно было бы основать прочное счастье), потому что нѣтъ ничего добраго» ²⁾). Такъ какъ блаженство въ сознаніи свв. отцовъ неотдѣлимо отъ добродѣтели, то, разъ дано блаженство, они непременно предполагаютъ, въ качествѣ основы его, добродѣтель. Поэтому, вѣчную, блаженную жизнь они представляютъ не иначе, какъ жизнью добродѣтельною. Такъ пр. Маркъ Подвижникъ, говоря, что «Боголюбивая и челоуколюбивая любовь подаетъ вѣчную жизнь» ³⁾, въ то же время пишетъ, что и «воздаяніе благихъ есть духовная любовь» ⁴⁾.—«Блаженство безсмертія,—пишетъ авва Исаія Подвижникъ,—заключается въ томъ, чтобы подвиги наши въ добродѣтеляхъ были чисты и постоянны и чтобы мы не возвращались къ тѣмъ грѣхамъ, о прощеніи коихъ молились» ⁵⁾). Так. обр. добродѣтель неотдѣлима отъ блаженства и блаженство невозможно внѣ добродѣтели. Между тѣмъ и другимъ не та внѣшняя, болѣе или менѣе случайная связь, какая существуетъ между трудомъ и наградой; нѣтъ, между добродѣтелью и блаженствомъ глубокое, внутреннее взаимоотношеніе, отношеніе сущности къ ея свойству. «Вообще Господь положилъ, чтобы за каждымъ дѣломъ, добрымъ или злымъ, приличное ему воздаяніе слѣдовало *естественно*, а не по особому назначенію, какъ думаютъ нѣкоторые, не знающіе духовнаго закона» (Маркъ Подвижникъ) ⁶⁾.

¹⁾ IV, стр. 424.

²⁾ Хр. Чт., ч. XX, стр. 181.

³⁾ Сл. 7, стр. 249.

⁴⁾ Ibid., стр. 252.

⁵⁾ Сл. 4, стр. 51.

⁶⁾ Сл. 5, стр. 190.

Мы видѣли, что въ твореніяхъ свв. отцовъ понятія святости и блаженства сводятся одно на другое, являются, можно сказать, однозначущими по своему существу. Чѣмъ же объяснить тогда, что въ тѣхъ же твореніяхъ мы находимъ выраженія, повидимому благопріятствующія иному взгляду на добродѣтель и блаженство, — именно тому взгляду, по которому онѣ являются вещами различными, какъ обыкновенно различны между собою трудъ и награда за него? Прежде всего нужно сказать, что этотъ послѣдній способъ выраженія, встрѣчаемый у отцовъ, самъ по себѣ вовсе не ошибоченъ. Онъ только тѣмъ отличается отъ перваго, что опредѣляетъ вещи не съ возможно большей точностью, не философски, а съ вѣйшей стороны или съ практической точки зрѣнія. Если же онъ преобладаетъ въ твореніяхъ отцовъ, то это естественно объясняется приспособленіемъ ихъ къ образу мыслей челоука-грѣшника, котораго главн. обр. и имѣли въ виду свв. отцы, когда писали свои назидательныя творенія. «При изложеніи ученія,—пишетъ пр. Маркъ Подвижникъ, — не скрывай отъ присутствующихъ приличнаго для нихъ;... но чего вмѣстить не могутъ, то предлагай загадочно» ¹⁾). Это правило и находить себѣ должное примѣненіе въ писаніяхъ свв. отцовъ въ данномъ случаѣ. Мы уже говорили, что челоукъ въ состояніи грѣховности не можетъ въ добродѣтели видѣть блаженство. Хотя, по словамъ пр. Ефрема, «свѣтлѣе сіяетъ рай, нежели солнце..., но мысленныя очи грѣшника слишкомъ темны для того, чтобы прозрѣть въ обитель радостей» ²⁾). Кромѣ того, сколько бы ни разъясняли грѣшнику, что добродѣтель сама въ себѣ есть высшее благо, это ни мало не побуждало бы *воли* его къ дѣятельному усвоенію святой жизни. «Тѣ, которые преобладаются духомъ міра, когда возвѣщается имъ духовное слово о свѣтѣ, о царствѣ, о другомъ вѣкѣ..., чув-

¹⁾ Сл. 2, гл. 177, стр. 76.

²⁾ IV, стр. 318.

ствують какъ бы неудовольствіе и скуку, не въ состояніи будучи вмѣстить въ себѣ слова Божія¹⁾. Въ виду такого состоянія человѣка грѣшника свв. отцамъ, въ цѣляхъ понятности и назидательности, естественнѣе всего было прибѣгнуть къ приспособительному образу выраженія. Это они и дѣлаютъ, пользуясь для уясненія блаженства и добродѣтели въ ихъ взаимоотношеніи подобіемъ труда и награды, подвига и вѣнца,—подобіемъ тѣмъ болѣе подходящимъ, что для падшаго человѣка добродѣтельная жизнь и есть именно подвигъ.

Духовная жизнь тождественна съ первобытнымъ состояніемъ человѣка до паденія.

Такъ какъ духовная жизнь есть жизнь единственно истинная и нормальная, то она необходимо должна быть признана тождественной по существу съ первобытнымъ состояніемъ человѣка до паденія, когда все на землѣ было нормально и «добро зѣло», и когда жизнь человѣка, въ частности, въ чистомъ видѣ выражала идею и волю Творца. Дѣйствительно, мы и видимъ, что усвоеніе человѣкомъ духовной жизни въ св.-отеческихъ твореніяхъ очень часто называется возвращеніемъ человѣка къ первобытному состоянію. «Укрась храмину состава нашего,—молится пр. Ефремъ Сир., — чтобы пришли мы *въ первобытную красоту*»²⁾.—«Будемъ молиться,—пишетъ также пр. Маркъ Подв.,—чтобы получить намъ благодать Св. Духа и войти туда, *откуда мы были изгнаны*»³⁾. Особенно ясно о христіанской жизни, какъ возвращеніи въ первобытное состояніе, учить пр. авва Исаія. «Слово плоть бысть,—пишетъ онъ,—чтобы *возвратить насъ въ первобытное,*

¹⁾ Ibid., т. III, стр. 504.

²⁾ V т., 2 стр.

³⁾ Сл. 7, стр. 254.

естественное состояніе. Являя человѣку Свое милосердіе, Богъ возводитъ его *опять въ рай*, сообщивъ такую силу желающимъ слѣдовать стопамъ Его и повиноваться даннымъ отъ Него заповѣдямъ, что они бывають сильны побѣждать тѣхъ, которые изринули насъ изъ нашей славы. Онъ предалъ намъ святое ученіе о Богопочтеніи и законъ чистый, по коему человѣкъ могъ бы *возвратиться въ то естественное состояніе, въ которомъ первоначально сотворенъ былъ Богомъ*. Итакъ, желающій *возвратиться туда* отсѣкаетъ всѣ свои плотскія хотѣнія, чтобы возвести умъ *въ прежнее состояніе* ¹⁾. Прекраснымъ восполненіемъ и завершеніемъ этой мысли является ученіе Антонія Великаго, который преимущественно предъ другими отцами училъ о близости добродѣтели къ человѣку, о ея сообразности съ человѣческой природой. Въ то время какъ другіе отцы говорятъ главнымъ образомъ о возрожденіи человѣка, какъ постепенномъ возвращеніи къ первобытному состоянію, Антоній Великій опредѣляетъ намъ самую святость, или христіанскую жизнь въ ея совершенномъ, идеальномъ видѣ, какъ состояніе естественное, равное первобытному. Добродѣтель «образуется въ душѣ,—говоритъ онъ, наприм.,—у которой разумныя силы дѣйствуютъ *согласно съ ея естествомъ*. А сего достигаетъ душа, когда пребываетъ, *какою сотворена*; сотворена же она доброю и совершенно правою... Душѣ быть правою значить разумной ея силѣ быть въ такомъ согласіи съ естествомъ, *въ какомъ она создана*. Когда уклоняется душа и дѣлается несообразною съ естествомъ, тогда называется это порокомъ души. Итакъ, это дѣло не трудно. Если пребываемъ, *какими созданы*, то мы добродѣтельны» ²⁾.—Так. обр., духовная жизнь, являясь, по св.-отеческому ученію, начаткомъ вѣчной жизни будущаго вѣка, въ то же время есть возвращеніе человѣка къ первобытному состоянію его до

¹⁾ Сл. 2, стр. 6.

²⁾ См. у Аванасія Вел., ч. 3, стр. 224.

паденія. Отсюда видно, что рай наших прародителей и тѣ обители, которыя уготовляетъ Христосъ Спаситель всѣмъ святымъ въ домѣ Своего небснаго Отца,—по существу своему одно и то же. Свв. аскеты такъ это и понимаютъ. Пр. Ефремъ, наприм., въ своемъ твореніи «О раѣ» ¹⁾ весьма подробно характеризуетъ (именно съ внутренней стороны, со стороны содержанія) жизнь обитателей рая. Если бы мы спросили, что это за рай и кто живетъ въ немъ: обитель ли это наших прародителей, или это будущее вѣчное царство; то пр. Ефремъ отвѣтилъ бы намъ въ своемъ твореніи, что тотъ самый рай, въ которомъ жили наши прародители, сдѣлается въ будущемъ вѣкѣ удѣломъ всѣхъ святыхъ, и та самая жизнь, какую проводили люди до паденія, будетъ жизнью и всѣхъ праведниковъ. — Итакъ, мы видимъ, что 1) первобытное состояніе людей, 2) будущая вѣчная жизнь и 3) духовная жизнь въ узкомъ смыслѣ этого слова—по существу своему представляютъ одну и ту же жизнь. Это и понятно. Жизнь истинная, или жизнь въ собственномъ смыслѣ слова, и должна, и можетъ быть только одна.

Архим. Кирилл.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ V т.

ЧУДЕСНАЯ ТРОЙКА.

(Скудный вѣнокъ на могилу сельскаго священника ¹⁾).

Сколько добрыхъ, беззавѣтно преданныхъ великому дѣлу любви и созиданія Божьяго дѣла разбросано по матушкѣ—Россіи!

И однако они вѣчно неизвѣстны. Вѣчно хранится подъ спудомъ ихъ скрытая дѣятельность, никому невѣдомая, непримѣтная, а тѣмъ не менѣе живучая, какъ невидный ручей, журчащій подъ тающимъ снѣгомъ весною, — ручей, скрытый лѣсною чащей.

Особенно это нужно сказать о сельскихъ труженикахъ: батюшкахъ и псаломщикахъ, учителяхъ и т. д. Вдали отъ города, отъ глазъ людскихъ, часто въ глуши лѣсной и болотной, они живутъ тихою, медленною жизнью, терпя всѣ невзгоды сельской жизни, раздѣляя не только радости пасомыхъ сельчанъ, но и ихъ труды, и болѣзни.

Со всѣмъ мирится сельскій батюшка, и только немногая, незначительная часть изъ этого порой доносится до людского говора и людского взора,—и тогда всѣ удивляются, какъ человѣкъ могъ жить при такихъ условіяхъ.

Еще менѣе людямъ извѣстна духовная сторона жизни сельскаго духовенства, живущаго съ природой, вблизи ея и тѣсно соприкасающагося съ народомъ и его законами.

¹⁾ Какъ личность священника, о. Петра Дмитріевича Обновленскаго, такъ и чудесный случай есть истинная дѣйствительность. Священникъ былъ въ одномъ изъ селъ Ряз. губ. Умеръ 1905 года.

Поэтому позвольте мнѣ рассказать про одного такого священника и про его жизнь вообще, а главное про удивительный, бывший съ нимъ, случай.

Г л а в а I.

Студентъ Духовной Академіи Дмитрій Павловичъ Добротворскій въ годину тяжелыхъ минутъ взволновавшейся общественной жизни, когда старые взгляды рушились, а новые еще не наладились, былъ въ страшной растерянности.

Окончательно бросить старое онъ не могъ органически, потому-что воспитался въ церковной средѣ и школѣ, вблизи Бога и религіи. Тяготѣть къ старому не было возможности, потому-что онъ видѣлъ много недостатковъ въ современной жизни. Да къ тому же юношескія силы влекли въ кипучую работу.

Всѣ его старанія выяснить свое положеніе теперь и цѣль бытія вообще разбивались и никакъ не могли связаться во что-нибудь цѣлое и ясное.

Проведя все лѣто около умиравшей сестры, измучившись къ тому же и физически, онъ послѣ ея смерти рѣшилъ отправиться куда-нибудь въ село.

Гдѣ же и искать успокоенія, какъ не въ селѣ, гдѣ-нибудь въ тихомъ домикѣ кого-нибудь изъ сельскаго духовенства.

Итакъ, онъ рѣшилъ ѣхать къ дальнему родственнику о. Петру, заштатному священнику села Благихъ.

Сѣвши на повозку, онъ съ удовольствіемъ расположился у окошка и отдался воспоминаніямъ далекаго прошлаго, когда онъ еще въ дѣтствѣ бывалъ у этого батюшки. Тогда онъ былъ тамъ съ своимъ отцомъ и матерью, теперь уже умершими. Иногда ему сопутствовала сестра, которую онъ только что схоронилъ.

Какъ пріятно дѣйствовала постепенная перемѣна природы.

Тамъ, гдѣ онъ жилъ, было уже холодно, уже наступала осень. Чѣмъ дальше онъ подвигался на югъ, тѣмъ было теплѣе, и природа оживленнѣе.

На станціи же, на которой онъ слѣзъ, было уже совсѣмъ тепло, и онъ пошелъ въ село, отстоящее отъ станціи на десять верстъ, въ одной только тужуркѣ, положивъ шинель на руку.

Не долго пришлось итти. Его посадилъ попутчикъ и довезъ до квартиры о. Петра.

Вотъ и о. Петръ. Сѣденькій, согнувшійся старичокъ, ходитъ уже только при помощи наемной пожилой старухи—крестьянки и своей старой, какъ и онъ палки.

— Здравствуй, здравствуй, внучекъ! Добро пожаловать!

— Долго не видались. Забылъ совсѣмъ, прибавляетъ бабушка.

— Ну давайте здороваться, сказалъ студентъ, отряхнувшись отъ пыли и грязи.

По очереди подошелъ онъ къ двоюродному дѣду, а потомъ и къ бабушкѣ, при чемъ оба его благословили. О. Петръ, благословляя, сталъ какимъ-то другимъ, просвѣтленнымъ. Сосредоточенная, святая серьезность мелькнула по лицу.

Въ подражаніе дѣдушкѣ и бабушка перекрестила внука. Такъ они сродны стали другъ другу.

Время было обѣденное. Поэтому скоро всѣ собрались къ столу.

О. Петръ предъ обѣдомъ долго молился. Истово вжалъ кресты старческою рукою, старательно сложивъ пальцы для крестнаго знаменія, какъ маленькое дитя, только начинающее молиться. Взоръ его былъ полонъ такой вѣры и свѣта, что онъ невольно тронулъ всѣхъ и навѣялъ благоговѣйное, торжественное настроеніе.

Старуха придерживавшая его, обычно всегда ворчавшая и сердитая, и та примолкла и прислушивалась къ устамъ, шептавшимъ молитву.

О. Петръ сѣлъ на свое кресло и благословилъ широ-

кимъ крестомъ кушанья. Видъ его былъ величественъ. Онъ походилъ на древняго патріарха.

Однакоже ѣсть онъ почти не могъ. Какъ только проглатывалъ нѣсколько ложекъ, такъ поднимался страшный кашель. Тогда всѣ переставали ѣсть и въ испугѣ смотрѣли на него, на что онъ сердился.

— Ну что вы уставились? Али ѣсть не хотите? Природа не воспринимаетъ. Къ Богу то итти, про пищу-то и земное забывать нужно.

Старикъ, очевидно, конфузился своей слабости старческой, когда умъ его еще былъ бодръ, свѣжъ и даже веселъ.

Обѣдъ скоро кончился. Всѣ стали разбредаться по своимъ комнатамъ, чтобы прилечь по древнему обычаю.

Поплелся и о. Петръ въ свой кабинетъ, опираясь на руку старухи и свою палку.

Трудно было старику пройти этотъ краткій путь отъ обѣденнаго стола до своей комнаты. У окна ужъ остановиться нужно. Поотдохнуть, да кстати и посмотрѣть на свое хозяйство. Тоже вѣдь своимъ трудомъ сколачивалось. Своими руками, потомъ и заботами воздвигнуты всѣ эти покривившіяся строенія: дворъ, амбарчики, рига, виднѣющаяся за дворомъ.

«Какъ смотреть дѣдушка на свое помѣстье, подумалъ студентъ, наблюдая его со стороны. Какая печаль написана на его лицѣ! Ничего ужъ ему теперь не надо. Ничего съ собой не возьметъ. А жаль старику своего родного. Жаль при видѣ этой обвалившейся соломенной крыши на скотномъ дворѣ; жаль этой лошадки, которая стоитъ у грубаго сѣна на дворѣ, смѣшаннаго съ соломой, — лошадки, которая возила его. Сколько ихъ было у дѣдушки, когда онъ еще мальчикомъ прѣзжалъ сюда.

— Ишь, крыша-то обвалилась, говорилъ о. Петръ. Нужно бы поправить. Скажите-ка Ивану, чтобы подставилъ какъ-нибудь.

Постоявъ немного, старенькій священникъ направился дальше, поминутно остонавливаясь и кряхтя.

Вотъ и бабушка поплелась къ себѣ въ комнату отдохнуть.

Слѣдуя примѣру другихъ, и студентъ, взявъ подушку, растянулся на диванѣ.

Легко стало послѣ дорожной усталости. Постепенно расправлялись утомленные мускулы. Мысли, торопившіяся одна за другой, все больше о дорожныхъ впечатлѣніяхъ, и этихъ дальнихъ, сельскихъ родственникахъ, постепенно начали сосредоточиваться на этихъ послѣднихъ.

Вотъ мелькнулъ образъ любимой, умершей сестры, вызвавъ лишній разъ уколъ сердца, и уплылъ куда-то далеко. Вотъ промелькнули два, три дорожныхъ попутчика. А вотъ и дѣдушка, согнувшись идетъ куда-то. И съ этимъ онъ заснулъ.

Долго спалъ Дмитрій Павловичъ, какъ древній богатырь, забывъ свое горе и печали.

Не совсѣмъ еще проснувшись, онъ смутно прислушивался къ звону чайной посуды и ложечекъ: подготавлился уже вечерній чай. Слышался кашель дѣдушки и голосъ бабушки. Вечернія тѣни пробѣгали уже въ комнатѣ. Солнышко бросало свои послѣдніе лучи, и они, пересѣкаясь, производили какую-то странную причудливую картину.

Студентъ прислушивался къ отдаленному шуму голосовъ, присматривался къ причудливымъ переливамъ свѣта. Такъ не хотѣлось ему нарушать этой чудной, ушедшей куда-то вдаль, минуты.

Бодрый отъ сна, онъ вышелъ къ чаю.

— Долго, долго спалъ, внучекъ, — привѣтствовала бабушка. Да мы нарочно не будили тебя. Съ дороги-то нужно отдохнуть. Садись-ка, попей чайку-то.

Студентъ присѣлъ и началась обычная бесѣда, болѣе серьезная и обстоятельная, чѣмъ за обѣдомъ.

Г л а в а II.

Жизнь пошла своимъ тихимъ, разъ заведеннымъ, безыскусственнымъ, темпомъ.

Студенту не сидѣлось дома. Дни стояли чудные. Солнышко посылало свои послѣдніе обаятельные лучи и живительное тепло.

Пользуясь этимъ, онъ все время бродилъ по окрестностямъ, полямъ, лугамъ и огородамъ.

Крестьяне, не желая упускать благопріятнаго момента, спѣшатъ убраться къ зимѣ. Вотъ и послѣднія работы на огородахъ. Всюду роютъ картофель. Огороды полны народу, разрывающаго рыхлую землю и выбирающаго оттуда картофель. Мальчишки съ веселыми лицами возятъ его на телѣгахъ къ дому и сваливаютъ въ подвалъ.

Давно не бывалъ студентъ въ деревнѣ. Все ему интересно. Тамъ остановится. Здѣсь поговорить.

— Богъ на помощь!

— Спасибо, миленькій! Откуда будешь?

— Да далеко! Отсюда не видать. Много ли картофеля собрали?

— Да какая нынче картофель? Самъ видишь. Сѣмена вырчимъ, и то спасибо говори и т. д.

Вотъ и рѣка. Какая большая, красивая! Какъ странно погибается она среди этихъ полей луговъ и огородовъ. «Какъ, бывало, маленькимъ все время здѣсь проводилъ, задумался студентъ, стоя надъ рѣкой. Разъ пять сбѣгаешь купаться, бывало. А сейчасъ, какая холодная вода, опускаетъ студентъ руку въ воду. Осень! Только утѣмъ холодъ ничего не значить. Ухъ! Какъ онѣ поплыли, разсѣвая воду и оставляя на ней длинный слѣдъ. Кого онѣ испугались».

Оттуда Дмитрій Павловичъ идетъ мимо церкви. Церковь была отперта. Тамъ возился дьячекъ, что-то прибиралъ. Заходитъ въ церковь. Перекрестившись на об-

раза, онъ осматриваетъ темныя, закопченныя стѣны, кой-гдѣ подновленныя, вообще съ бѣдными украшеніями, бѣднымъ иконостасомъ, бѣдною живописью... И здѣсь подъ этими сводами, пятьдесятъ лѣтъ слишкомъ, раздавался голосъ дѣдушки, подумалъ студентъ. Пятьдесятъ лѣтъ. Боже мой! Вѣдь это не пятьдесятъ часовъ, даже не пятьдесятъ мѣсяцевъ. Какъ долго! Сколько видалъ онъ здѣсь и горя, и радости. Видалъ онъ, какъ радостные отецъ и родственники приносили только рожденныхъ дѣтей для крещенія. Сколько неподвижнаго веселья, вѣроятно, наблюдалъ онъ, когда этихъ выросшихъ на его глазахъ людей приводили для вѣчанія. Видалъ и слезы, и бабьи причитанья при покойникахъ. И вотъ теперь спокойно и радостно самъ идетъ туда же за своими пасомыми.

— Что, пришлось вамъ служить съ о. Петромъ?

— Какъ же, пришлось, отвѣчалъ дьячокъ. Хорошій былъ батюшка. Хорошій. Не видать больше такого. Рѣдкій священникъ. Нечего сказать. Дурного никто не молвить.

Псаломщикъ разговорился съ студентомъ. Много онъ разказалъ послѣднему: и про то, какъ прихожане жалѣли своего стараго батюшку, какъ плакали всѣ при прощаніи, при уходѣ за штатъ, какъ много съѣхалось священниковъ на прощальный вечеръ.

Студентъ самъ оживился, увлекся и сталъ припоминать, что въ жизни о. Петра бывало не мало очорченій, что дѣтей у него было много, много и заботъ, много и слезъ, когда они умирали; особенно горевалъ старикъ, какъ умеръ его сынъ, кончившій семинарію, университетъ, ставшій уже докторомъ. Какой чудный сынъ былъ, какъ говорятъ. И умяга малый, и душой добрый. Умѣлъ говорить, артистически передавать всякое настроеніе человѣка, и радость, и горе на скрипкѣ. Сколько слезъ, сколько горя доставила эта смерть. И вотъ онъ, умирающій старикъ, ясенъ и радостенъ, и только ниже и покорнѣе склонилъ свою голову предъ Промысломъ Божиимъ, испытывающимъ человѣка и все устрояющимъ во благо его.

«О дѣдушка, подумалъ студентъ, откуда ты набрался такой силы. Скажи, гдѣ ты ее почерпалъ, и что заставило тебя такъ кротко сносить эти невзгоды, а не озлобляться и не роптать, какъ мы дѣлаемъ на каждомъ шагѣ».

Такъ проводилъ студентъ время. Днемъ ходилъ по окрестностямъ. Отдыхалъ. Набирался силъ для будущей работы. Наблюдалъ окружающую жизнь осенью.

Остальное время онъ проводилъ дома. Будучи порядочнымъ столяромъ, что-нибудь мастерилъ. Починилъ дѣдушкѣ кровать. Для бабушки починилъ крыльцо, чтобы удобнѣе было сходить по ступенькамъ на тарантасъ, который довозилъ ее въ церковь праздниками, хотя церковь была и рядомъ съ домомъ. Читали сообща газетку маленькую, дешевенькую, еженедѣльную. Говорили, вспоминали прошлое, молодое и веселое.

Бабушка была на это особенно охотница. Ея умъ, мѣнѣе образованный и болѣе житейскій, съ удовольствіемъ останавливался и отмѣчалъ въ своей памяти такіе факты простой жизни, какъ поѣздка въ Кіевъ на богомолье, какъ тамъ она остановилась у родственника, профессора Духовной Академіи, и какъ онъ угостилъ ее обѣдомъ, который стоилъ три рубля.

— Три рубля заплатилъ. Такъ вотъ и не пожалѣлъ. Цѣлыхъ три рубля.

Бабушка доселѣ поражена громадной цифрой денегъ, потраченныхъ профессоромъ.

Мысли дѣдушки были явно направлены на болѣе возвышенные предметы: о приготовленіи къ смерти, Богъ. Онъ, было видно, старался даже меньше говорить, особенно о пустякахъ. Центръ его жизни уже перенесся на духовныя явленія и потребности. Поэтому онъ больше все читалъ правило священническое въ своемъ кабинетѣ, да Евангеліе. Къ тому же ему и труднѣе отвѣтъ держать предъ Богомъ. Не за себя вѣдь только. За цѣлый приходъ. Легкое ли дѣло!

Иногда эта тишина, царившая въ домѣ, нарушалась сильнымъ стукомъ чего-то, паденіемъ, крихтвнїемъ и крикомъ бабушки.

— Дмитрій Павловичъ! Поди ка скорѣе! Что то съ дѣдушкой случилось.

Дѣдушка спалъ и часто сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ одинъ и никому ходить безъ зова къ себѣ не позволялъ обычно.

— Ступай! Ступай, не спрашиваясь, торопила бабушка, вся блѣдная и трясущаяся.

Дмитрій Павловичъ бѣжитъ въ комнату о. Петра и видитъ, на полу около божницы лежитъ дѣдушка, силясь подняться.

Вопреки ожиданію лицо его весело, онъ улыбается и говоритъ:

— Вотъ хотѣлъ перекреститься и поклониться, да что-то закружилась голова, и потерялъ равновѣсіе. Слабъ сталъ, слабъ сталъ старикъ. Ну поднимай, поднимай старика.

Студентъ спѣшно поднимаетъ и сажаетъ его на кресло.

— Ну спасибо, спасибо, дорогой, Богъ тебѣ отплатитъ. Невѣсту хорошую желаю тебѣ. Спасибо! Спасибо! Ну теперь ступай. Я еще помолюсь.

Дмитрій Павловичъ уходитъ и сообщаетъ встревожившейся бабушкѣ, что все благополучно. Бабушка пришла въ себя и крестилась.

Какъ трогательно было видѣть эту робость за мужа, эту дѣтскую привязанность къ мужу, съ которымъ прожито столько лѣтъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ какъ трагична была эта тишина вслѣдъ за паденіемъ: не умеръ ли, не ушибся ли, живъ ли. У всѣхъ замирало сердце въ такую минуту.

Какъ бы то ни было, но вокругъ старика священника и старушки матушки создавалась какая то поэтическая, святая атмосфера.

И часто можно было видѣть такую картину. Вечеръ. Наглухо закрыты окна и двери отъ холода, наступающаго вечеромъ. На столѣ стоитъ старинная лампа, еле освѣщая собравшихся къ столу: старика священника, старушку и молодого юношу. Юноша набиваетъ папиросы и слушаетъ, какъ они говорятъ, какъ припоминаютъ прошедшее, прожитое.

Старенькая мебель, кой гдѣ продырявившаяся, старыя картины, портреты царей: Николая I, Александра II, Александра III, покупавшихся послѣдовательно въ свое время, въ годъ коронаціи и теперь изображавшихъ уже прошлый фактъ; эти священническія грамоты, развѣшенные по стѣнамъ съ обозначеніемъ награды священнику: скуфи, камилавки, благочинническаго званія, наперснаго креста вплоть до ордепа св. Владимира, дававшаго личное дворянство; эти большія иконы въ углу, эта мерцающая лампада предъ ними, — все это затрогивало мысль и воображеніе и создавало мучительное желаніе проникнуть за эту виѣшнюю сторону въ глубь души человѣка, столько пожившаго, испытавшаго, наблюдавшаго и пережившаго.

Узнать тайники его сердца для студента сдѣлалось прямо таки потребностью.

Случай бросить туда свой мимолетный, недолгій взоръ скоро представился.

Г л а в а III.

Гуляя по старинному барскому парку, наблюдая опадающіе листья деревьевъ, расхаживая по правильно распланированнымъ дорожкамъ, подчищеннымъ и посыпаннымъ пескомъ, сторонясь отъ несущагося по вѣтру вороха древесныхъ листьевъ, желтыхъ, багряныхъ и зеленоватыхъ, прислушиваясь къ завывающему вѣтру, проно-

сящемся между высокими, могучими деревьями, любясь игравшемъ солнечныхъ лучей въ чащѣ густыхъ, кое-гдѣ оголившихся, деревьевъ, присматриваясь къ огромному развалившемуся дворцу прежнихъ сельскихъ «господъ», рассматривая барельефныя изображенія на внутренней сторонѣ дома,—студентъ опять мучительно сталъ соображать и думать, что дѣлается тамъ, вдали отсюда, въ центрахъ Русскаго государства, откуда стали доноситься отдаленные раскаты поднимавшейся страшной темной тучи и огненной грозы.

Опять понеслись мрачныя мысли, какъ эти вотъ нависшія облака, куда то безцѣльно несущіяся, повисшія надъ землею и давяція своею тяжестью, закрывая порой теплое, радостное солнышко.

«Зачѣмъ они несутся, куда спѣшать, зачѣмъ закрываютъ они солнышко? Зачѣмъ опадаютъ эти древесныя листья?»

«Нужны ли наши силы въ этой поднявшейся грозѣ? Что мы значимъ съ своимъ жалкимъ, маленькимъ богатствомъ семинарскихъ познаній. Единственный выходъ, какъ говорить о. Петръ, изъ такого состоянія это положиться на чудесный промыслъ: куда-нибудь вывести на счастливую дорогу. Одно нужно съ нашей стороны, какъ утверждаетъ дѣдушка: Бога не забывать и дѣлать такъ, какъ онъ заповѣдалъ, содѣйствуя всему хорошему, доброму, помня, что это не все, что совершенствованіе безконечно.

«Что дѣлать? Событія новыя, неизвѣстныя для семинарскаго работника. Что добро, что зло, теперь не опредѣлить почти.

«Итакъ, буду стремиться къ добру во имя Бога и самого добра.

«Время можетъ быть научить точности. Пусть простятъ мнѣ Богъ и люди».

Въ такихъ размышленіяхъ Дмитрія Павловича засталъ однажды молодой крестьянинъ, учившійся во второклассной школѣ.

Юноша—крайне любознательный. Все ему интересно. Все хочется узнать. Это отчего? Это почему? Эхъ! хорошо ученому! Все, небось, знаетъ.

Студентъ качалъ головой и думалъ: «какъ еще неопытенъ этотъ юноша!»

Скоро разговоръ какъ-то съѣхалъ на чисто народныя темы, которыя постоянно и вездѣ служатъ главнымъ сюжетомъ всѣхъ сказокъ, былинъ, страшныхъ разсказовъ. Заговорили о домовыхъ, оборотняхъ, чудесныхъ случаяхъ.

— Какая чушь! сказала Дмитрій Павловичъ, и вы вѣрите въ это, а еще учитесь, пора бы поумнѣй быть! Что вы такъ недалеко ушли отъ сельской темноты.

— Нѣтъ! Вы напрасно сердитесь и отрицаете. Я самъ видѣлъ. Мои родственники тоже разсказывали. — Да что? Вы лучше попросите о. Петра разсказать. Ему то, небось, лучше извѣстно. Про него тоже въ селѣ много разсказываютъ.

— Что же?

— Вотъ, на примѣръ, былъ большой пожаръ у насъ въ селѣ. Онъ быстро распространился по вѣтру. Пріѣхалъ о. Петръ, благословилъ, и все стало утихать.

— Когда это было?

— Да давно, лѣтъ; восемь, девять.

— А, вспоминаетъ студентъ. Я тогда былъ еще маленькимъ здѣсь. И въ мозгу студента смутно проносится образъ священника-старика, ходившаго кругомъ пожара, скорбѣвшаго о горѣ бѣдныхъ пасомыхъ, величественно и молитвенно крестившаго огонь, какъ древній пророкъ, мановеніемъ руки покорявшій стихіи.

Долго разсказывалъ крестьянинъ студенту и про худыя дома, гдѣ кто-то шалить, и про кладбища, и про покойниковъ, которые выходили изъ могилъ. Во всѣхъ этихъ разсказахъ о. Петръ, будто бы, имѣлъ сильное дѣйствіе своею молитвою и чтеніемъ Евангелія.

Всѣмъ этимъ онъ такъ заинтересовалъ студента, что тотъ прямо послѣ разговора направился къ о. Петру.

«Вотъ теперь, вѣроятно, наконецъ исполнится мое желаніе, я обязательно проникну въ скрытую душевную жизнь стараго священника».

О. Петръ немного посмѣялся, когда студентъ сталъ спрашивать. Обратней совсѣмъ отвергнувъ. Про владѣща, «худыя дома», что-то промолчалъ сосредоточенно и задумчиво, а потомъ сразу оживился и сказалъ.

— Нѣтъ. Вотъ въ моей жизни что было особенное, что вспоминается мною и почитается, какъ очевидное дѣйствіе Промысла Божія.

Это было давно. Я былъ тогда еще семинаристомъ. Весною, когда все уже начало таять вокругъ, намъ пришлось съ матерью ѣхать изъ своего села въ городъ на лошади. Поѣхали мы въ городъ. Тамъ задержались лишнее. Ёдемъ оттуда. До дому-то еще далеко. Ёхали, ёхали, наконецъ, приблизились къ рѣкѣ Окѣ. А моя родина-то Касимовскій уѣздъ, гдѣ течетъ эта рѣка. Ока-то уже вздулась кой-гдѣ. Вода уже во многихъ мѣстахъ покрыла ледъ.

Какъ быть? Ёхать нужно, потому что иначе не попадешь домой мѣсяца два. А гдѣ же жить? Знакомыхъ и родныхъ поблизости нѣтъ. Да и къ празднику поспѣшать нужно. Отецъ ждетъ, беспокоится. Моя мать была женщина благочестивая и начала она акаѳистъ читать Николаю Угоднику про себя.

Только что мы такъ кручинились у рѣки, не рѣшаясь ѣхать, какъ сзади откуда-то взвилась тройка рѣзвыхъ лошадей. Промелькнула мимо насъ такъ быстро, что мы даже не успѣли взглядѣться, кто ёхалъ. Показалось, что какой-то батюшка, а тамъ Богъ его знаетъ.

Мать моя рѣшила ѣхать за ними. Толкнула кучера: «ну-ка, Семень, поѣзжай поскорѣй за ними, авось доѣдемъ какъ-нибудь. Богъ вынесетъ».

Заерзалъ Семень, погоняя лошадей, а самъ весь блѣдный и встревоженный: точно на вѣрную смерть ёхали. Перекрестился, погонять лошадей началъ, да за тройкой наровиль.

И хоть была уже темнота, минутъ черезъ двадцать мы были уже на другомъ концѣ. Отдохнули, убираемся. Глядимъ, а тройки-то уже нѣтъ. Что за притча? Куда ей такъ быстро дѣваться? И какъ она не боялась? Прямо и быстро понеслась она, когда мы стояли, глядѣли и охали.

Успокоились, да въ путь скорѣе: недалеко деревня была. Проѣзжаемъ тамъ, спрашиваемъ, не видали ли тройку, проѣхавшую у насъ предъ глазами.

«Нѣтъ не видали. Никого въ цѣлый день не было. А вы какъ дѣхали?»—«Такъ вотъ стояли у рѣки и думали, какъ предъ нами проѣхала тройка коней, тамъ сидѣлъ какой-то батюшка. Мы за нимъ. Да куда же онъ скрылся?»

«Ну вотъ что, сказали намъ крестьяне. Молитесь Богу. Васъ спасъ не иначе, какъ Николай Угодникъ. Потому проѣхать нельзя. Допрежь тебя, слышь, только что цѣльный обозъ провалился. Что народу, что коней, что товару. Все ко дну пошло. И ничего сдѣлать нельзя было».

Тутъ только мы опомнились, доканчивалъ о. Петръ свой разсказъ. И сознали мы, что не иначе, какъ чудеснымъ образомъ спаслись. А тройка была тоже чудесная, потому что никто не проѣзжалъ, какъ говорили въ соседнихъ селахъ. И рѣшили мы съ матерью, что спасъ насъ, св. Николай Угодникъ.....

...Старикъ кончилъ свой разсказъ. Тихо мерцала лампадка у иконъ. Слабо, жутко завывалъ вѣтеръ въ трубѣ и за окнами. Вѣтки дерева били настойчиво о стекла.

Дмитрію Павловичу стало жутко. Его какъ-то коробило. Дрожь пробѣжала по тѣлу... «Вода... Шаткая почва... Вдругъ все обрывается подъ лошадьми... Въ хаосѣ, съ дикимъ крикомъ проваливаются въ воду... Вода забирается за одежду... въ ротъ... Тянетъ ко дну и подъ ледъ... Нѣтъ спасенія... Боже спаси!..» И ничего этого нѣтъ. Вотъ дѣдушка спитъ спокойно въ креслѣ. Онъ уже сѣдой и старый и только вспоминаетъ объ этомъ прошломъ.

Многое о. Петру должно быть извѣстно, многое имъ

перечувствовано. Сколько интереснаго въ его прошлой, много-содержательной дѣйствительности.

Кто знаетъ м. б. въ его долгой жизни была еще масса подобныхъ случаевъ, и всѣ они хранятся въ его памяти, и всѣ они уйдутъ съ нимъ въ могилу, никому неизвѣстные, никому не переданные.

«Такъ нѣтъ же, сказалъ себѣ студентъ, я не дамъ погибнуть этому славному имени священника и при первой возможности опишу этотъ чудный, свѣтлый обликъ неизвѣстнаго сельскаго пастыря, богатаго своимъ опытомъ, богатаго событіями и движеніями своей духовной жизни, хотя онъ всѣ пятьдесятъ лѣтъ провелъ здѣсь, въ этомъ селѣ, хотя никто на свѣтѣ о немъ не знаетъ, даже не предполагаетъ.

«Кто знаетъ про этого священника? Кто знаетъ про другого батюшку, похороненнаго вонъ тамъ у этой церкви, у котораго на могильномъ крестѣ написано: «Здѣсь погребенъ о. Стефанъ Миролюбовъ, умершій въ 48 году, заразившійся отъ пасомыхъ, которыхъ онъ напутствовалъ св. Тайнами и молитвою въ другой міръ. А вѣдь то—родной дѣдъ мой, мой священный родоначальникъ».

«Пусть же всѣ знаютъ, что помимо видимой, всѣмъ извѣстной жизни есть еще другая, скрытая, и что такую жизнь бываетъ богатъ каждый человѣкъ, особенно же такіе люди, какъ этотъ о. Петръ».

«Миръ вамъ, отцы - пастыри».

Съ новыми силами, съ новой вѣрой въ лучшія силы народа и человѣка поѣхалъ студентъ къ себѣ въ академію, унося лучшія представленія о далекихъ, дорогихъ, добрыхъ людяхъ, творившихъ въ тиши свои добрыя дѣла.

Звоили къ обѣднѣ, когда уѣзжалъ Дмитрій Павловичъ Добротворскій. Народъ, одѣтый по праздничному,—парни въ суконныя свитки и поддевки, дѣвушки и бабы въ красные, зеленые платки,—шелъ къ обѣднѣ.

Комнаты о. Петра съ только что вымытыми чисто полами и постеленными половичками, съ зажженными лампадками производили какое-то свѣтлое, святое впечатлѣніе. Вотъ бабушка садится и ѣдетъ въ церковь, хотя она и была рядомъ.

Одинъ о. Петръ, сгорбившійся и состарившійся, стоитъ, поддерживаемый старухой, у окошка. Молится на свою церковь, гдѣ онъ столько лѣтъ служилъ. Молится, старательно поднимая старческую руку для креста, вспоминая свою тяжелую, долгую жизнь, прося Бога о прощеніи себя и этихъ людей. Стоитъ жалкій, немощной, но и свѣтлый, святой.

Проходящіе мимо крестьяне, видя черезъ окно своего дорогого батюшку, почтительно раскланивались съ нимъ.

Вокзалъ былъ полонъ народу. Всѣ безтолково толпились, безтолково смотрѣли другъ на друга. Поѣзда не ходили: была всеобщая забастовка. Правильнаго движенія не было. Однако изрѣдка проходили поѣзда, которыя ѣздили на свой страхъ, встрѣчая препятствія со стороны другихъ людей.

Въ полночь всѣ зашевелились, стали собираться: ѣдетъ поѣздъ. Посыпали всѣ на платформу. Медленно изъ тьмы ночи выросло черное чудовище безъ обычныхъ своихъ огненныхъ глазъ, опасаясь нападенія, людского противодействия на пути.

Быстро зашевелились путники со своими узелками. Наскоро разсѣлись въ вагонахъ и ждутъ отхода поѣзда.

Безшумно, безъ звонковъ двинулся поѣздъ дальше, унося боязливыхъ, слабыхъ людей, застрявшихъ въ пути, унося отъ станціи, тускло и мало освѣщенной, въ страшную жуткую тьму дѣйствительности.

НЕПРАВДА СТАРООБРЯДЦЕВЪ ¹⁾.

Старообрядчество появилось въ Русской Церкви около 250-ти лѣтъ назадъ тому при Святѣйшемъ патріархѣ Никонѣ. Поводомъ къ отдѣленію отъ святой православной Церкви нѣкоторыхъ духовныхъ и мірскихъ лицъ, т. е. къ образованію старообрядчества, послужило исправленіе богослужебныхъ книгъ при означенномъ патріархѣ. Казалось бы, что за преступленіе совершилъ патріархъ Никонъ, что исправилъ вкравшіяся въ церковныя книги ошибки? Вѣдь исправленіе книгъ было и ранѣе патріарха Никона; еще за сто лѣтъ ранѣе его необходимость исправленія церковныхъ книгъ призналъ Стоглавый Соборъ, когда началось печатаніе книгъ. Ранѣе того церковныя книги, какъ и другія, писали писцы и во многомъ ошибались; другіе писцы, переписывая книги, сами ошибались и къ прежнимъ ошибкамъ прилагали новыя ошибки; и вотъ въ богослужебныхъ книгахъ явилось множество ошибокъ. Передъ печатаніемъ богослужебныхъ книгъ ихъ просматривали и исправляли, но не могли всѣхъ ошибокъ исправить, — ихъ было очень много. Книги исправлялись и при предшественникахъ патріарха Никона — патріархѣ Филаретѣ и особенно при патріархѣ Іосифѣ. При послѣднемъ патріархѣ учреждена была цѣлая справочная коммиссія, которая много исправленій сдѣлала въ богослужебныхъ книгахъ. Къ сожалѣнію, члены этой коммиссіи

¹⁾ Изъ бесѣдъ пастыря съ простыми людьми. *Бесѣда первая.*
часть II.

были люди мало образованные; они не знали греческаго языка, на которомъ первоначально были написаны богослужебныя книги и съ котораго переведены были на славянскій языкъ. Чтобы вѣрно исправить сомнительныя слова въ славянской богослужебной книгѣ, нужно узнать, какъ они читаются въ подлинной греческой книгѣ, а этого не могли сдѣлать Іосифовскіе справщики по незнанію ими греческаго языка. Къ тому нужно еще прибавить, что Іосифовскіе справщики очень много думали о себѣ и погрѣшительно учили, какъ надобно складывать персты руки для изображенія на себѣ крестнаго знаменія, и что ни одной буквы въ богослужебныхъ книгахъ нельзя измѣнять.

Послѣ блаженной кончины патріарха Іосифа при благовѣрномъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ вступилъ на патріаршій престолъ Никонъ, мужъ необыкновеннаго ума, твердой воли и самой строгой подвижнической жизни. Сынъ крестьянина Нижегородской губерніи, онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ полюбилъ иноческую жизнь и, выучившись грамотѣ, поступилъ послушникомъ въ монастырь. Но родители его заставили жениться, и онъ сначала былъ псаломщикомъ, потомъ священникомъ приходской церкви. Нѣкоторые изъ Московскихъ жителей, познакомясь съ нимъ, увидѣли въ немъ достойнѣйшаго пастыря, и по ихъ ходатайству сельскій священникъ былъ переведенъ въ Русскую столицу—Москву. Здѣсь онъ лишился всѣхъ своихъ дѣтей и, имѣя непреклонное желаніе посвятить себя иноческимъ трудамъ, убѣдилъ свою жену поступить въ женскій монастырь, а самъ удалился въ одну пустынную обитель на сѣверѣ и велъ самую строгую подвижническую жизнь. Бѣдность обители заставила Никона, тогда уже настоятеля ея, отправиться за сборомъ милостыни въ Москву. Здѣсь встрѣтился съ Никономъ благочестивый царь, увидѣлъ въ немъ необыкновеннаго инока и оставилъ его въ Москвѣ, поставивъ архимандритомъ Новоспасскаго монастыря. Царь сблизился съ Никономъ и полюбилъ его за его пронипцательный умъ; истинно благо-

честивую жизнь и милосердіе въ несчастнымъ. Никонъ каждую пятницу долженъ былъ представляться царю и могъ ходатайствовать предъ нимъ за бѣдныхъ, несчастныхъ и обиженныхъ, и многимъ изъ нихъ Никонъ отеръ горькія слезы, испросивъ имъ милость у царя. Когда же открылось свободное мѣсто митрополита въ Новгородѣ, Никонъ, какъ достойнѣйшій, былъ поставленъ митрополитомъ Новгородскимъ. Мудрый архипастырь, снискавшій необыкновенное благоволеніе царя, съ великою пользою для пасомыхъ, управлялъ Новгородскою митрополіею. Достойнѣйшимъ святителемъ Никонъ явился во время Новгородскаго бунта. Жители Новгорода, недовольные воеводою Новгородскимъ, взбунтовались противъ него и хотѣли его убить. Спасая отъ неминуемой гибели несчастнаго воеводу, м. Никонъ укрылъ его въ своихъ покояхъ, а самъ отправился въ соборъ, чтобы тамъ отправить божественную литургію. Разъяренная толпа народа бросилась на митрополита, укрывшаго воеводу, и избилла его до полусмерти. Прийдя въ себя, святитель дошелъ до собора, совершилъ божественную литургію и съ крестнымъ ходомъ отправился къ толпѣ бунтовщиковъ, которые притихли при видѣ святаго креста и святыхъ иконъ. Незлобивый святитель убѣждалъ народъ прекратить бунтъ и даже обѣщаль просить мятежникамъ милости у царя. Смирился народъ и принесъ повинную митрополиту, а черезъ него и царю. Царь отдалъ мятежниковъ во власть самого митрополита, и великодушный святитель простилъ преступниковъ, такъ жестоко оскорбившихъ его самого. По кончинѣ патріарха Іосифа царь призвалъ на патріаршій престолъ въ Москву достойнѣйшаго изъ святителей Русскихъ, Новгородскаго митрополита Никона, который съ великою честію перенесъ изъ Соловецкаго монастыря нетлѣнныя мощи святаго митрополита Филиппа, мученически скончавшагося при царѣ Грозномъ. Ставши патріархомъ Всероссійскимъ, Никонъ сталъ еще ближе къ царю, который безъ совѣта съ мудрымъ патріархомъ не предѣли-

нималъ ни одного важнаго дѣла. Особенную услугу царю оказалъ святѣйшій патріархъ тѣмъ, что, во время отсутствія царя изъ Москвы, сохранилъ царскую семью отъ губительной моровой язвы, тогда свирѣпствовавшей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи. Первосвятитель Никонъ устроилъ, въ 40 верстахъ отъ Москвы, знаменитый Воскресенскій монастырь, такъ называемый Новый Іерусалимъ. Побывавъ въ этомъ монастырѣ, увидимъ много подобнаго святымъ мѣстамъ въ Старомъ Іерусалимѣ. А самое важное дѣло, великую услугу святой Церкви православной оказалъ патріархъ Никонъ тѣмъ, что въ небываломъ до него совершенствѣ исправилъ богослужебныя книги. До патріарха Никона исправляли эти книги по спискамъ, какіе находили у насъ въ Россіи, часто неисправнымъ. Но мудрый Никонъ хотѣлъ дѣло сдѣлать основательнѣе: онъ послалъ на востокъ архимандрита Арсенія Суханова и велѣлъ, не жалѣя денегъ, приобрести самыя древнѣйшіе и самыя вѣрнѣйшіе списки богослужебныхъ книгъ, и такихъ списковъ привезъ Сухановъ нѣсколько сотъ; изъ нихъ нѣкоторые списки были написаны за 300 и болѣе лѣтъ тому назадъ. Исправлять книги патріархъ Никонъ поручилъ людямъ образованнымъ, которыхъ вызвалъ изъ Кіева, удаливъ отъ этого дѣла прежнихъ справщиковъ. И, благодареніе Господу, важнѣйшее дѣло исправленія книгъ совершилось вполнѣ успѣшно. Это-то основательное исправленіе богослужебныхъ книгъ хулятъ старообрядцы и даже проклинаютъ святѣйшаго патріарха Никона. Бога не боятся хулители великаго патріарха! Посудите сами,—развѣ можно хулить его за святое дѣло? Если патріарховъ, бывшихъ до Никона, никто не хулитъ за исправленіе богослужебныхъ книгъ, то никакъ не слѣдуетъ хулить за то же исправленіе книгъ и святѣйшаго патріарха Никона. Правда, патріарха Никона, по жалобѣ на него царя, судилъ и осудилъ соборъ, бывшій въ 1666—1667 годахъ, но вовсе не за исправленіе книгъ, а за то, что онъ, лишившись по проискамъ нѣкоторыхъ бояръ благоволенія царя, са-

мовольно оставилъ управление патріархіею и удалился въ устроенный имъ Воскресенскій монастырь — Новый Іерусалимъ. Самое исправленіе имъ книгъ соборомъ одобрено, и на противниковъ св. Церкви и хулителей исправленія книгъ наложена клятва, подъ которою и находятся всѣ старообрядцы, отпавшіе отъ святой Церкви православной, и хулители ея. Передъ смертію патріарха Никона вселенскими патріархами было снято осужденіе его соборомъ, и онъ умеръ и погребенъ, какъ святѣйшій патріархъ.

Старообрядцы, порицающіе святѣйшаго патріарха Никона за исправленіемъ имъ богослужебныхъ книгъ, утверждаютъ, что онъ не исправилъ, а повредилъ книги, повредилъ самую вѣру православную, сталъ еретикомъ, а равно и великороссійская Церковь, принявшая поврежденные патріархомъ Никономъ книги, перестала быть православною, стала церковью еретическою, въ которой спастись нельзя. За такую страшную хулу на святую Церковь православную порицатели ея дадутъ отвѣтъ Господу Богу и Спасителю нашему, Главѣ святой церкви. Мы знаемъ, что для осужденія и одного еретика, какъ-то: Арія, Македонія, Несторія, собирались соборы, даже вселенскіе; разбирали ихъ ученіе, осуждали оное, какъ несогласное съ ученіемъ Самого Спасителя. Кто же судилъ патріарха Никона за исправленіе имъ, или, какъ утверждаютъ старообрядцы, за поврежденіе богослужебныхъ книгъ? Никто. Правда, удаленные патріархомъ Никономъ отъ своей должности и озлобленные на него прежніе справщики богослужебныхъ книгъ сильно порицали и осуждали его, но осужденіе патріарха озлобленными противъ него священнослужителями, нѣкоторыми мірянами и однимъ архіереемъ, Павломъ Коломенскимъ, не могло имѣть никакого значенія. Осуждавшіе патріарха не могли составить законнаго собора, который могъ бы судить даже простаго мірянина за его еретическое ученіе, а не то, что патріарха. Отъ святѣйшаго патріарха Никона исправ-

ленные богослужбныя книги приняты были какъ его преемниками святѣйшими патріархами, такъ и всюю російскою церковью. Если бы при патріархѣ Никонѣ богослужбныя книги были повреждены, то ужели бы никто изъ просвѣщенныхъ и богобоязненныхъ русскихъ святителей въ теченіе многихъ лѣтъ и даже цѣлыхъ столѣтій не указалъ на это поврежденіе книгъ? Эгого не могло быть; не вѣрьте же старообрядческимъ учителямъ со всѣмъ необразованнымъ; не вѣрьте, будто святѣйшій патріархъ Никонъ повредилъ или испортилъ богослужбныя книги: это сущая клевета на патріарха Никона, это чистая ложь; онъ ихъ исправилъ, а не повредилъ. Сколько бывало споровъ у учителей старообрядцевъ съ православными миссіонерами объ исправленіи богослужбныхъ книгъ, и никто изъ старообрядцевъ не доказалъ, что наши книги церковныя были повреждены или испорчены при патріархѣ Никонѣ. Если же при патріархѣ Никонѣ богослужбныя книги были только исправлены согласно съ древнѣйшими списками и греческими подлинниками, а не повреждены, не испорчены, то очевидно, что и святая вѣра православная не могла быть повреждена святѣйшимъ патріархомъ Никономъ, и онъ не могъ стать еретикомъ, а съ нимъ и вся Русская Церковь не могла сдѣлаться еретичествующею. И посудите сами, ужели святая вѣра повредилась, и мы стали еретиками оттого, что по новымъ книгамъ стали служить литургію на пяти просфорахъ, а не на семи, какъ указано было по старымъ книгамъ? Ужели мы стали еретиками оттого, что при крещеніи вокругъ купели, при бракъ вокругъ аналоя и при крестныхъ ходахъ стали ходить не слѣва направо, а справа налево? Ужели мы стали еретиками оттого, что стали изображать на себѣ крестное знаменіе не двумя, а тремя перстами, поклоны класть не въ подручники, а въ полъ, или въ постилку половую? Ужели мы стали еретиками оттого, что въ молитвѣ къ Богородицѣ называемъ Ее благодатною, а не обрадован-

ною, и въ прогимнѣ на освященіе воды говоримъ: *кого убоюся, а не кого ся убою*, какъ сказано въ старыхъ книгахъ? Святая вѣра православная кратко изложена въ Символѣ вѣры, но онъ не измѣненъ въ новыхъ книгахъ, кромѣ седьмого и восьмого членовъ его; въ седьмомъ членѣ: Его же царствію нѣсть конца, слово «нѣсть» замѣнено—не будетъ. Здѣсь говорится о томъ царствѣ Христовомъ, которое будетъ или откроется послѣ воскресенія мертвыхъ и страшнаго суда Христова, и о томъ царствѣ будущемъ нужно сказать, что ему не будетъ конца, а не нѣсть или нѣтъ конца. И въ подлинномъ греческомъ символѣ вѣры, составленномъ святыми отцами на двухъ первыхъ вселенскихъ соборахъ, стоитъ въ седьмомъ членѣ символа вѣры: «Его же царствію не будетъ конца», какъ стоитъ въ исправленныхъ при патріархѣ Никонѣ книгахъ а не такъ, какъ въ прежнихъ—нѣсть конца. И никакой порчи св. вѣры въ томъ нѣтъ, что вмѣсто «нѣсть конца» сказано «не будетъ конца». Вотъ если бы въ новыхъ книгахъ стояло вмѣсто нѣсть или нѣтъ конца «будетъ конецъ»,—это было бы поврежденіемъ св. вѣры, но этого нѣтъ. Восьмой членъ символа вѣры читается въ старыхъ книгахъ такъ: «и въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго»; въ новыхъ же книгахъ слово «истиннаго» пропущено и потому пропущено, что этого слова нѣтъ въ подлинномъ греческомъ символѣ вѣры, составленномъ святыми отцами по внушенію Святаго Духа. Зачѣмъ же намъ прибавлять это слово? Развѣ мы лучше или умнѣе святыхъ отцевъ? Грѣхъ намъ такъ думать о себѣ! Расколуучители за опущеніе нами слова «истиннаго» сильно порицають насъ и утверждаютъ, будто мы, пропуская свою «истиннаго», не вѣруемъ, что Святой Духъ есть истинный Господь, истинный Богъ равный Богу Отцу и Сыну Божію. Явная клевета на насъ. Если мы читаемъ въ символѣ вѣры: «И въ Духа Святаго Господа Животворящаго, Иже отъ Отца исходящаго, Иже со Отцемъ и Сыномъ спокланяема и славима», то оче-

видно, что мы вѣруемъ, что Духъ Святой есть истинный Богъ животворящій и подающій жизнь всѣмъ тварямъ; что Ему нужно поклоняться и Его славить нужно наравнѣ съ Богомъ Отцемъ и Сыномъ, какъ истиннаго Бога. Итакъ, святая вѣра православная въ исправленныхъ при святѣйшемъ патріархѣ Никонѣ богослужебныхъ книгахъ ни въ чемъ не повреждена, и этотъ великій патріархъ не еретикъ. И сами здравомыслящіе старообрядцы признаютъ то, что святая православная Церковь не заключаетъ въ себѣ никакой ереси, какъ то сказано въ такъ называемомъ окружномъ посланіи, принятомъ цѣлымъ лже-соборомъ старообрядцевъ.

Что старообрядцы не составляютъ истинной Христовой Церкви, что у нихъ нѣтъ святой соборной и апостольской Церкви,—это видно изъ того, что у нихъ вскорѣ послѣ отдѣленія ихъ отъ святой Церкви не стало не только епископовъ, но и священниковъ, и старообрядцы остались какъ овцы безъ пастыря, и некому было у нихъ совершать святыя таинства. Вынужденные крайностью, они стали сманивать къ себѣ священниковъ Греко-Россійской Церкви, но эти бѣглые священники и попы не могли быть истинными пастырями, они были въ полномъ подчиненіи у старообрядцевъ. Въ истинной Церкви Христовой съ самаго начала ея всегда были и до скончанія вѣка будутъ всѣ три степени священства: епископы, священники и діаконы. Церковь безъ епископа все равно, что человекъ безъ головы,—не церковь, а трупъ. И такая-то безголовая церковь существовала у старообрядцевъ 180 лѣтъ. Вполнѣ сознавая, что ихъ безголовая церковь не церковь, старообрядцы всѣми мѣрами старались добыть себѣ епископа, но долгое время не могли достать его; и только въ 1846 году имъ удалось сманить къ себѣ проживавшаго въ Константинополѣ безъ кафедры митрополита Амвросія, который, измѣнивъ истинной Церкви Христовой и обольщенный золотомъ, рѣшился убѣжать къ старообрядцамъ.

Но Амвросій, какъ измѣнникъ православной Церкви,

какъ отломленная отъ живого дерева вѣтга, лишенный оживлявшей его благодати Божіей, не могъ оживить бездушное тѣло—старообрядческое общество, не могъ сообщить благодати Божіей рукоположеннымъ имъ епископамъ и пресвитерамъ. Послушаемъ, что говорятъ правила святой Церкви: «Епископъ да не дерзаетъ внѣ предѣловъ своей епархіи творити рукоположенія во градѣхъ и въ селѣхъ, ему не подчиненныхъ. Аще же обличенъ будетъ, яко сотвори сіе безъ согласія имѣющихъ въ подчиненіи грады оныя или села: да будетъ изверженъ и онъ, и поставленіи отъ него». (Правило апостольское 35 е).

«Ни который епископъ да не дерзаетъ изъ единыя епархіи переходити въ другую, ни поставляти кого-либо въ церкви ея для совершенія священнослуженія, ниже приводити съ собою другихъ: развѣ прибудеть бывъ призванъ грамотами митрополита и сущихъ съ нимъ епископовъ, въ область которыхъ приходитъ. Аще же ни кѣмъ не бывъ призванъ, внѣ порядка пойдетъ для рукоположенія нѣкоторыхъ, и для устроенія церковныхъ дѣлъ, до него не принадлежащихъ: то все содѣянное имъ да будетъ не дѣйствительнымъ, и онъ, за безчиніе свое и за безразсудное начинаніе, да понесетъ приличное наказаніе, чрезъ немедленное изверженіе изъ своего чина святымъ соборомъ». (Правило соб. Антиохійскаго 13-е).

Видите, епископъ не посланный святымъ соборомъ, а самовольно поставляющій въ священный санъ, въ неподчиненной ему области, извергается изъ своего чина, равно лишаются священства и рукоположенные имъ. Не меньшей, а большей карѣ подлежитъ и митрополитъ Амвросій, убѣжавшій къ противникамъ святой Церкви православной, — а всѣ поставленные имъ въ священный санъ, лишаются священства ¹⁾. Очевидно, что всѣ епи-

¹⁾ Къ тому еще нужно присовокупить, что м. Авросій поставилъ епископомъ Кирилла—человѣка недостойнаго, совершенно невѣжественнаго и противника православной Церкви—поставилъ за деньги. А по

скопы, священники и діаконъ, поставленные, какъ самимъ Амвросіемъ, такъ и поставленными имъ его ставленниками не могутъ имѣть священнаго сана, а остаются простыми мірянами. И вотъ все Австрійское священство, происшедшее отъ Амвросія, есть ложное священство, и совершаемая имъ таинства не суть таинства и благодати Божіей сообщать не могутъ. Не обольщайтесь же, старообрядцы, у васъ нѣтъ священства, и вы остаетесь безъ церкви. То же нужно сказать и о бѣгло-поповцахъ: и у нихъ нѣтъ святой Церкви Христовой, потому что нѣтъ епископа, а бѣгле священники, измѣняя св. православной Церкви, тѣмъ самымъ лишаются благодати Божіей и священнаго сана.

Если ужъ нѣтъ истинной Церкви Христовой у старообрядцевъ поповцевъ, у которыхъ есть хотя ложное священство и таинства, то нѣтъ и не можетъ быть святой Церкви Христовой у старообрядцевъ безпоповцевъ, у которыхъ нѣтъ и тѣни церкви: нѣтъ у нихъ священства, нѣтъ св. таинствъ, чрезъ которыя подается спасительная благодать Божія и чрезъ которыя и можетъ только христіанинъ спастись. Дивитесь только нужно, какъ это вѣрующіе во Христа Спасителя и въ Его святую Церковь могли дойти до такого безумія, что отвергли священство и таинства, и стали обходиться безъ нихъ. Развѣ кому неизвѣстно, что съ самыхъ временъ апостольскихъ въ святой Церкви Христовой всегда были епископы, священники и діаконъ, всегда совершалась божественная литургія и таинства.

Протоіерей Іоаннъ Постоловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

22-му правилу VI вселенскаго собора, поставленный за деньги, а вмѣстѣ и поставившій, извергаются изъ сана.

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ Грузинской агиологiи.

(По поводу изслѣдованiя профессора Н. Я. Марра).

Въ засѣданiи предсоборнаго присутствiя 17 ноября 1906 г. ¹⁾ указывалось на сравнительную ничтожность древнихъ печатныхъ памятниковъ по исторiи Грузинской церкви. О. протоiерей Восторговъ указалъ, что только одинъ Сабининъ въ качествѣ ученаго, да и то на деньги, дарованныя отъ щедротъ покойнаго государя Александра III, издалъ въ 80-хъ годахъ старинныя рукописи — житiя Грузинскихъ святыхъ ²⁾.

Приглашенный къ совѣщанiю по вопросу о Грузинской церкви профессоръ С.-Петербургскаго университета Николай Яковлевичъ Марръ сожалѣлъ, что Грузинскiй языкъ мало изучается. Всѣ богатѣйшiе памятники Грузинской церковной письменности остаются не только безъ вниманiя, но и въ пренебреженiи.

Ему извѣстно, что во многихъ монастырскихъ и церковныхъ архивахъ хранятся замѣчательнѣйшiе древнѣйшiе (напр. X вѣка) списки священнаго писанiя на Грузинскомъ языкѣ. Богатыя собранiя житiй святыхъ не изучались и не издавались, и всѣ эти сокровища гниютъ въ архивахъ и не находятъ средствъ на печатанiе. Я, говоритъ Н. Я. Марръ, собралъ богатую коллекцiю весьма цѣнныхъ памятниковъ съ древнихъ рукописей по библиотекамъ и

¹⁾ Приложение къ 51—52 № *Церковныхъ вѣдом.* 1906 г.

²⁾ Еще въ 1871—1873 гг. Сабининымъ, какъ кандидатомъ С.-Петербургской Духовной Академiи, было напечатано „Полное жизнеописанiе Святыхъ Грузинской церкви“ въ 3 частяхъ съ 32 жизнеописанiями.

архивамъ Аѳона, Іерусалима и другихъ мѣстъ, но нѣтъ средствъ для ихъ изданія. Ими не интересуются... Но однако давно ли стали интересоваться и русскими древними памятниками письменности? Вѣдь и теперь большая часть житій древнерусскихъ святыхъ не напечатаны по подлинникамъ и остаются лишь въ рукописяхъ. Нѣтъ житія Симона Воломскаго, сохранившагося въ единственномъ спискѣ Синодальной рукописи XVII вѣка и еще съ нѣкоторыми вариантами XVIII в. въ собраніи И. А. Вахрамѣева, а между тѣмъ какъ это житіе, такъ равно и Ѳерапонта Мокзенскаго принадлежитъ по своему содержанію къ числу важнѣйшихъ источниковъ для исторіи монастырской колонизаціи XVI и XVII вѣка¹⁾.

Конечно, не безъ сожалѣнія должно сказать, что не смотря на то, что Грузинская церковь входитъ въ составъ Грекороссійской, Грузинская агиологія намъ почти не извѣстна²⁾. Даже авторъ знаменитаго сочиненія «Полный мѣсяцесловъ востока» преосв. Сергій въ своемъ обширномъ изслѣдованіи удѣлилъ Грузинскимъ святымъ всего лишь нѣсколько строкъ. Онъ упомянулъ только, что «преподобный Евфимій, втиторъ Иверской Аѳонской обители († 1028 года) перевелъ нѣкоторыя книги и житія святыхъ и краткій Синаксарь на Греческій языкъ».

Св. Георгій († 1066) перевелъ въ числѣ многихъ Бого-служебныхъ книгъ и полный Синаксарь, что же касается до Грузинскихъ святыхъ, то число ихъ не велико, и памяти ихъ помѣщаются въ кавказскихъ и русскихъ календаряхъ; полныя жизнеописанія ихъ составлены Михаиломъ Сабининымъ³⁾.

Недавно, въ послѣднемъ VII томѣ записокъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества⁴⁾ Н. Я. Марръ сдѣлалъ изслѣдованіе объ одномъ подобномъ памятникѣ древней Грузинской письменности. Онъ напечаталъ изслѣдованіе съ русскимъ переводомъ: «Дѣяніе трехъ Святыхъ близнецовъ мучениковъ Спевсипа, Еласипа и Меласипа».

¹⁾ Ключевскій древн. русск. житія святыхъ, стр. 344.

²⁾ Библиографія въ указателѣ Русскихъ книгъ и брошюръ и богословскимъ наукамъ С. Н. М. 1891 г. стр. 19.

³⁾ Поли. мѣсяц. Востока т. 1 стр. 316. М. 1875 г.

⁴⁾ Ч. 2. стр. 286—344.

Мы не станемъ касаться ученаго изслѣдованія этого древне-Грузинскаго памятника, сдѣланнаго талантливомъ ученымъ, но желаемъ хоть отчасти познакомить съ Грузинской агіологіей и обратить вниманіе на богатство матеріала такъ мало извѣстнаго, а равно и на характеристику житій Грузинскихъ подвижниковъ. Въ своемъ изслѣдованіи Н. Я. Марръ указываетъ и на Грузинскій Синоксарій Георгія святогорца упоминаемый пр. Сергіемъ въ мѣсяцесловѣ Востока. Въ этой пергаментной рукописи XI—XII вв., находящейся въ Императорской публичной бібліотекѣ, подь числомъ 17 января значится:

«Въ этотъ же день (память) трехъ святыхъ отроковъ, мучениковъ Спевсипа, Еласипа и Меласипа и матери отца ихъ (бабушки) Неонилы. Они были изъ Каппадокіи, всѣ три родившіеся близнецами, прославленные укротители жребцовъ и коноводы на ристалищѣ. И когда они совершали какой-то праздникъ позорнаго Зевеса (Діо), тогда они пригласили къ трапезѣ Неонилу, свою бабуку. А она учила ихъ домостроительству Христа и словами жизни, точно грудями, кормила, такимъ же образомъ повѣствовала соотвѣтственно о суетѣ идоловъ и поносила ихъ соблазнъ, говоря: это безуміе и ложь надежда на нихъ и сила ихъ. И вдругъ поученіе ея стало источникомъ ихъ спасенія, такъ какъ каждый изъ нихъ вспомнилъ видѣніе минувшаго вечера, которое вело къ вѣрѣ во Христа и научало благочестію. Въ тотъ же мигъ они сокрушили идоловъ и смѣло исповѣдали Бога, и были ввергнуты въ огненный костеръ своими господами и такимъ образомъ прияли мученическіе вѣнцы».

Полный переводъ житія и страданія мучениковъ, сдѣланный Н. Я. Марромъ съ древней рукописи, заключающей въ себѣ 93 стр., очень интересенъ. Въ этомъ сказаніи все дышитъ Востокомъ. Цвѣтистыя фразы о вѣрованіи и страданіяхъ намъ кажутся діаметрально противоположными подобнымъ повѣствованіямъ, заносимымъ въ русскую агіологію. Для ознакомленія съ текстомъ Грузинскаго повѣствованія мы буквально приводимъ первыя пять стр. и три послѣднихъ:

1) Во время несчастія, когда благочестивые подвизались, ненасытный соблазнъ безбожья совершался, и дьяволъ усиливался, въ Каппадокійской странѣ были три отрока, возгордившіеся множествомъ богатства, ибо имущество ихъ было многочисленно, рабы и рабыни несмѣтны.

2) И ими были воздвигнуты идолы, уничтоженіе которыхъ заповѣдывалъ Иисусъ Христосъ, сынъ Бога вседержителя и первородное Слово Бога, Онъ же пребываетъ въ лонѣ Отца, Богъ отъ Бога живаго.

3) Съ ними мощно сразились малые отроки Евлогистъ, Евсевій и Теофилъ, внуки Леонила, Христовой рабы, три отрока отъ одного чрева распустились, какъ три вѣтки розы, и какъ вѣтки масличнаго дерева, полныя плодовъ.

4) Имъ нарекли плотскія ихъ господа имена Спевсипъ, Еласипъ и Меласипъ, и они были обучены.

5) Леонила, бабушка ихъ, также училась у искусниковъ во врачеваніи и умѣла писать рецепты. Тѣже три отрока были очень свѣдуши въ обученіи лошадей, ибо они тѣшились, упражнялись на лошадяхъ тѣлесныхъ своихъ господъ.

Далѣе повѣствуется, что блаженные отроки участвовали въ идолослуженіи; бывали въ мѣстечкѣ «Пасомасо», гдѣ былъ идолопоклонническій храмъ съ кровавыми жертвоприношеніями.

Разъ, когда они пригласили свою бабушку Леонилу вкусить такую жертву, то она въ витіеватыхъ фразахъ отказалась и просила ихъ прекратить это безбожіе. Затѣмъ имъ было ночное видѣніе и они сокрушили всѣхъ идоловъ, за что были повѣшены на деревья внизъ головами, а потомъ и сожжены. Кромѣ того отсѣкли голову и Леонила и еще одной женщинѣ христіанкѣ Ивнила: далѣе продолжаемъ окончаніе рукописи.

Ст. 90. А Турбонъ нѣкій описалъ это мученичество, сложилъ скрижали и передалъ ихъ рабу своего друга, а самъ убѣжалъ въ кумирню и сокрушилъ всѣ кумиры, какіе только остались.

Ст. 91. И онъ исповѣдывалъ Бога и говорилъ «я также христіанинъ и я вѣрую въ Господа Иисуса Христа, который былъ распятъ на крестѣ». И такимъ образомъ заставили его скончаться въ мукахъ.

Ст. 92. А замучены были святые въ мѣсяцъ Милранъ 16 (числа), Турбонъ же описалъ побѣду блаженныхъ отроковъ Спевсипа, Еласипа, Меласипа, Леонила, Ивнилы.

Ст. 93. И такъ свидѣтельствовалъ онъ благое исповѣданіе во Христѣ Иисусѣ Богѣ нашемъ, которому Слава и вѣрность съ Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Записки Восточнаго Отдѣленія распространены лишь среди ограниченного круга читателей, преимущественно между специалистами и членами. Въ виду же интереса къ Грузинской духовной литературѣ, такъ горячо затронутой предсоборнымъ засѣданіемъ 17 ноября, мы и обращаемъ вниманіе на этотъ превосходный трудъ Н. Я. Марра, который вѣроятно находится кромѣ записокъ и въ отдѣльныхъ оттискахъ.

А. Титовъ.

Взаимодѣйствіе церкви и государства на служеніи обществу *).

III.

Каждое государство нуждается въ авторитетѣ; человечество тоже нуждается въ немъ: оно можетъ достигать совершенства, какъ общество, только тамъ, гдѣ есть сильная государственная власть. Между тѣмъ государство не создаетъ авторитета; оно предполагаетъ его самопонятнымъ. Но что для него самопонятно, то вовсе не таково для сознанія каждаго человѣка,—авторитетъ государства нуждается въ обоснованіи и оправданіи предъ тѣмъ, что есть самаго глубокаго въ человѣкѣ, — предъ нравственнымъ сознаніемъ. Но это основаніе подкапывается и колеблется, если государство хочетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только продуктомъ историческаго развитія: исторически возникшее можетъ также снова исчезнуть; притомъ, оно часто не заслуживаетъ ни уваженія, ни пощады. Также воля общества, большинство народа не составляютъ никакой нравственной опоры для авторитета: простая масса, голое число не заключаетъ въ себѣ нравственнаго освященія. Она (масса) представляетъ силу, но не право; она и силу представляетъ только до тѣхъ поръ, пока не встрѣчается съ большою массою, съ большимъ числомъ. Освященіе получаетъ авторитетъ только чрезъ возведеніе

*) Окончаніе. См. майскую кн. *Дух. Чт.* 1907 г.

правового и нравственного порядка жизни къ Богу. Нападеніе на религію, говоритъ Платонъ, колеблетъ основы общества; основатель самаго свободнаго государства Георгъ Вашингтонъ замѣчаетъ: «народъ безъ религіи есть погибшій народъ». Даже свободомыслящій философъ Циглеръ признаетъ, что «вопросъ о нравственномъ воспитаніи народа безъ религіи есть еще не разрѣшенный вопросъ будущаго»¹⁾. Потому-то государство имѣетъ полное основаніе покровительствовать вѣрѣ и высоко держать ея знамя; потому-то въ своихъ общественныхъ установленіяхъ оно не можетъ оказывать атеизму того же самого уваженія и относиться къ нему такъ же, какъ къ религіознымъ исповѣданіямъ. Потому-то современное государство должно было бы особенно цѣнить и чтить дѣятельность христіанской церкви: она не только проповѣдуетъ вѣру въ нравственный авторитетъ, она сама, какъ видимое установленіе, есть «высшая школа авторитета», какъ сказалъ Гизо. Только ничтожные умы могутъ утверждать, что принадлежность къ церкви несовмѣстима съ исполненіемъ гражданскихъ обязанностей. Случаи конфликта между вѣрою и гражданскою обязанностію, конечно, возможны, но они не уничтожаютъ общаго правила; они возможны именно тамъ, гдѣ религія не идетъ въ рабское услуженіе государству.

Прогрессъ человѣчества и безконечное разнообразіе современной жизни естественно ведутъ къ тому, что церковный авторитетъ постоянно держать предъ своими глазами высшія религіозныя цѣли и ставить ихъ въ качествѣ знамени надъ всѣми національными, политическими контрастами, а въ политической, соціальной и экономической областяхъ предоставляетъ работу и отвѣтственность подлежащимъ народамъ, призваннымъ и заинтересованнымъ кругамъ. Если основныя правила вѣры и нравственности становятся закваскою для умовъ и сердецъ вѣрующихъ, то, подъ влияніемъ этого христіанскаго настроенія, люди сами получаютъ способность правильно обсуждать гражданскія задачи, свойственныя ихъ состоянію и положенію въ обществѣ.

Государство основывается на *традиціи*; каждая здоровая государственность консервативна. Памятниками исто-

¹⁾ Religion und Religionen, s. 75.

риі развивается и укрѣпляется любовь къ родинѣ, которая составляетъ естественный корень патріотизма. «Люди умираютъ, государство вѣчно», говорили древніе,—вѣчно, какъ можетъ быть вѣчнымъ земное явленіе. Но гдѣ традиція такъ культивируется и такъ свято сохраняется, какъ не въ церкви? Болѣе, чѣмъ къ государству, приведенное изреченіе примѣнимо, поэтому, къ церкви: «люди умираютъ, церковь вѣчна».

Устоємъ государственности служить законъ, какъ всеобщая, объективно обязательная норма дѣйствованія: законъ составляетъ какъ бы позвоночный хребетъ въ государственномъ организмѣ. Нѣтъ правового порядка, нѣтъ также нравственности, если воля отдѣльнаго человѣка не преклоняется предъ «всеобщю максимую», предъ воплощенною въ законъ идею добра и права. Но нынѣ мы видимъ, что безграничный индивидуализмъ все смѣлѣе поднимаетъ голову: «нѣтъ объективнаго, естественнаго права, а только субъективныя притязанія; нѣтъ имѣющаго вѣчное достоинство нравственнаго закона, а только личное чувство и переживаніе»¹⁾. Этому настроенію духа, этому теченію въ общественной жизни государство ничего не можетъ противопоставить; противъ идей бороться оружіемъ нельзя. Противъ этой опасности церковь является величайшею благодѣтельницею для общества. Въ теченіе столѣтій она возвѣщаетъ нравственные принципы — объективныя нормы поведенія,—возвѣщаетъ настолько твердо, что о нихъ разбиваются волны заблужденій времени, и настолько широко, что на нихъ можетъ соиздаться и возвышаться зданіе здоровыхъ нравовъ и культуры. Въ важнѣйшихъ областяхъ соціальной жизни, какъ, напр., въ бракѣ и семьѣ, она обнаруживаетъ ясность идей, непреклонность осуществленія права,—что предохраняетъ чело- вѣчество отъ нравственнаго одичанія. Въ вопросахъ, въ которыхъ государство и общество ставили ее въ затрудненіе, какъ, напр., въ вопросѣ о дуэли, она успѣвала

¹⁾ Подобныя идеи нынѣ широко проводятся въ сознаніе общества, особенно путемъ литературныхъ произведеній модныхъ писателей, какъ Гауптманъ, Зудерманъ и ихъ безчисленные подражатели. Въ произведеніи Зудермана „Содомъ“ прямо говорится: нѣтъ любви, а только нервы; нѣтъ обязанности, а только нервы“. См. *Лифениндорфъ*, „Иисусъ Христосъ въ современной духовной жизни“, стр. 133.

глубоко проникающее зло почти совершенно изгонять и создавать повиновение закону Божию и закону гражданскому. Нельзя отрицать, что есть стороны и области, въ которыхъ такіе плоды дѣятельности христіанской церкви очень мало проявились; но это доказываетъ только, что даже самые превосходные законы и учрежденія одни не способны обновить жизнь народовъ: нужны живыя личныя орудія—люди, которые бы ихъ возвѣщали, соблюдали, отстаивали. Мораль церкви требуетъ, въ качествѣ дополненія, всесторонняго, разумно примѣнительно къ обстоятельствамъ времени поставленнаго, душепопеченія. Гдѣ оно стоитъ на заднемъ планѣ или тормозится внѣшними препятствіями, тамъ не можетъ развиваться нравственная сила вышеупомянутыхъ нормъ и установленій. На обязанности духовныхъ лицъ, какъ душепопечителей, лежитъ, поэтому, великій долгъ — могучій потокъ нравственной энергіи, который струится отъ Церкви, дѣлать полезнымъ для всѣхъ областей человѣческой дѣятельности ¹⁾).

Законы образуютъ какъ бы раму картины культуры, остовъ государственнаго организма, но нынѣшнее государство желаетъ содѣйствовать также заполненію этой рамы, оно хочетъ этотъ остовъ облечь плотію и кровію. Нынѣшнее государство не желаетъ быть только полицейскимъ или правовымъ государствомъ, оно хочетъ быть государствомъ культуры и благосостоянія. И съ религіозной точки зрѣнія цѣлью государства должно служить усовершеніе человѣчества. Это указаніе цѣли государства, чтобы не быть ложно понятымъ, нуждается вообще въ болѣе точномъ научномъ опредѣленіи. Для насъ достаточно уже тотъ фактъ, что, чѣмъ болѣе государство вырастаетъ изъ мундира ночнаго сторожа и воина, чѣмъ болѣе оно облачается въ тогу покровителя науки или, говоря кратко, въ древнюю королевскую мантию отца народа,—тѣмъ въ болѣе тѣсное соприкосновеніе оно приходитъ также съ религіозными силами и установленіями, тѣмъ болѣе оно научается, рядомъ съ мечемъ, сознательно цѣнить крестъ, это прекраснѣйшее украшеніе короны христіанскаго государя. Развитіе современной духовной и

¹⁾ См. подробнѣе проф. Пибоди, „Иисусъ Христосъ и социальный вопросъ“, конецъ гл. VII, изд. 2-е.

экономической жизни несомненно таитъ въ себѣ опасность просто *кажущейся* культуры, безъ содержанія, безъ здоровой силы и внутренняго удовлетворенія. Необходимо должны присоединиться, составляющія соль апостольской дѣятельности, серьезныя идеи религіи креста о потустороннемъ мірѣ, чтобы создать благородную и достойную человѣка культуру.

Но, съ другой стороны, дѣятельность церкви необходимо должна также ясно видѣть задачи времени. Обстоятельства времени вынуждаютъ представителей церкви — учителей, проповѣдниковъ, духовныхъ отцевъ, церковную власть считаться съ повышенной культурною жизнію нашего времени, съ развитымъ чувствомъ свободы у современнаго человѣка, съ критическимъ настроеніемъ людей образованныхъ, какое нынѣ возбуждено наукою, парламентаризмомъ и прессою. Прежде всего древнее христіанское основное положеніе: «молись и трудись» и вообще принципъ нравственной цѣнности всего истинно-естественнаго — работы, науки и искусства должны получить современное освѣщеніе, найти выраженіе въ формулахъ примѣнительно къ современной дѣятельности. Болѣе, чѣмъ прежде, необходимо также вѣдрять въ сознаніе народа, что какъ культъ есть прямое служеніе Богу, такъ культура можетъ и должна стать косвенно также служеніемъ Богу, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ лучше и угоднѣе Богу приносить жертвы для постоянныхъ цѣлей науки и соціальной помощи, чѣмъ для цѣлей развитія пышнаго благолѣпія въ храмахъ. Болѣе, чѣмъ прежде, высокопоставленныя іерархическія лица, при всемъ противодѣйствіи современнымъ блужданіямъ, должны признавать, что въ неустанной и самоотверженной работѣ многихъ лицъ, дѣйствующихъ на разныхъ поприщахъ жизни, хотя бы они были внѣ церкви, есть чистый нравственный элементъ, что ревность такихъ современныхъ борцовъ является пристыжающею даже и для иныхъ церковныхъ людей, которые, къ стыду церкви и христіанскаго общества, ввѣренныя имъ таланты закапываютъ или оставляютъ на съѣденіе ржавчины.

Церковь, наконецъ, каеолічна. Государство представляетъ собою общеніе народа или страны на основѣ права и, слѣдовательно, своимъ отличительнымъ признакомъ имѣетъ особность, отдѣльность отъ другихъ госу-

дарствѣ. Здѣсь также открывається не только противоположность между государствомъ и церковію, но и возможность плодотворнаго восполненія. Идея Христовой Церкви, которая должна обнять весь міръ, нѣкогда преоблѣдила древнюю ненависть между расами и нынѣ является самымъ яснымъ протестомъ противъ столь широко распространеннаго въ настоящее время натуралистическаго самовозвеличенія расъ, національнаго родства,—этой одной изъ величайшихъ опасностей истинной культуры духа. Церковь есть урожденная «лига мира», самая успѣшная колонизаторская сила, самое древнѣйшее интернаціональное «ученое общество», величественнѣйшее учрежденіе къ созиданію человѣчности и нравственности. Чѣмъ болѣе нынѣ пути сообщенія устраниаютъ всѣ границы и препятствія по части общенія между народами, тѣмъ яснѣе обнаруживается необходимость интернаціональнаго обсужденія многихъ жгучихъ вопросовъ времени, успѣхъ котораго возможенъ только на почвѣ духовнаго сближенія между народами. Интернаціоналенъ нынѣ капиталъ, интернаціональна социалистическая борьба противъ него, интернаціональны крупповскія пушки и блиндажныя плиты и, однакоже, все это—не средства къ истинному примиренію между народами; это — силы раздѣленія, а не единенія, это — орудія насилія, а не духа мира. Кто вѣритъ въ человѣчество, тотъ можетъ только радоваться, что существуетъ иного рода интернаціональная сила — Церковь Христова, которая работаетъ надъ созиданіемъ единаго братскаго союза изъ всѣхъ народовъ и частей земли, которая дѣлаетъ свои завоеванія силою идей и нравственнаго величія,—Церковь, которая самое высокое на землѣ—религію — выводитъ изъ тишины дома, изъ границъ національности и возвышаетъ на степень славнаго царствія Божія на землѣ, долженствующаго обнять всѣ народы, весь міръ.

С. П. Н.

В О З В А Н І Е.

Кто взаимно любитъ Христа,

доказавшаго къ намъ Свою безмѣрную любовь, пролитою за насъ кровію и страшными муками; кто любитъ «меньшаго брата Христова», сидящаго «въ темницѣ» невѣжества, страждущаго бѣдняка-пахаря, питающаго фабричный и интеллигентный міръ, своимъ кровавымъ потовымъ трудомъ; кто желаетъ увѣковѣчить свое имя, написавъ его въ книгѣ жизни на небеси; кто любитъ не словами, а дѣломъ красоту Божія храма и хочетъ быть за это освященъ молитвою церкви Христовой; тѣ благоволите выразить эти святые, драгоценныя чувства, помощью бѣднымъ крестьянамъ имѣть свой храмъ. Уже 15 лѣтъ болѣе 2½ тысячъ такихъ горемычныхъ бѣдняковъ алчутъ и жаждутъ Божіей службы, ибо приходскій храмъ по ветхости разрушенъ и приходъ закрытъ, а въ сосѣднія церкви далеко итти, особенно старикамъ, беременнымъ и малолѣтнимъ. Нынѣ Господь положилъ конецъ скорби православныхъ; приходъ возстановляется. Со слезами радости народъ несетъ свои, кровавымъ потомъ добытые, гроши на храмъ говоря: «хвала тебѣ Боже, теперь мы увидимъ свѣтъ!» Но еще далеко до свѣта. Крестьянскихъ денегъ не вполне хватить даже на причтовые постройки, а на храмъ народъ можетъ дать только камень и чернорабочую силу, и доставить къ мѣсту все нужное, а на постройку храма и покупку всего остального матеріала не знаетъ, гдѣ взять средствъ. Съ благословенія нашего Владыки-Высокопреосвященнѣйшаго Никандра, Строительный Комитетъ умоляетъ сострадательныхъ къ бѣдному крестьянству людей,

особенно интеллигентовъ, стоящихъ за благо народа, притти на помощь съ посильными средствами въ постройкѣ храма во имя Скорбящей Божіей Матери въ Западномъ окатоличиваемомъ краѣ, въ селѣ Сваткахъ, Виленской губерніи, Вилейскаго уѣзда. Сжальтесь, благодѣтели, утѣшите печальныхъ людей, и Царица Небесная утѣшитъ васъ въ скорби здѣсь и избавитъ отъ вѣчной скорби въ будущей жизни. Нужны деньги, 7 тысячъ, колокола, иконы, иконостасъ, облаченія для престола, жертвенника, аналоевъ и для священнослужащихъ, сосуды и вся утварь.

Адресъ почтовый: Ст. Долгиново Виленской губ. Погостъ Мосты, Строительному Комитету Сватковской церкви, или: Предсѣдателю Комитета Священнику Габской церкви, Іоанну Левицкому. Адресъ для грузовъ желѣзнодорожный: Ст. Кривичи Николаевской желѣз. дор. предъявителю дубликата.

Предсѣдатель Строит. Комитета *свящ. І. Левицкій.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ

НОВЫЯ КНИГИ:

СИРЕНЕВАЯ ВѢТКА.

Цѣна 55 коп.

Архимандритъ Варлаамъ, ректоръ Полтавской Семинаріи.

РЕНАНЪ И ЕГО „ЖИЗНЬ ИСУСА“.

Изложеніе содержанія и критическій разборъ при свѣтъ Евангельскаго ученія.

Популярно-научное изслѣдованіе. Цѣна 75 коп.

Главный складъ изданія у автора: Полтава. Духовная Семинарія. Можно получать также: у Тузова (С.-Петербургъ), Ступина (Москва), Оглоблина (Кіевъ), Дубровина (Казань) и др.

Содержаніе апрѣльской книжки журнала

„ХРИСТІАНИНЪ“.

1907 годъ.

Открытое письмо. *Епископа Евдокима*. — Слово огласительное во свѣтлую Пасху *Св. Иоанна Златоуста*. — Мы не сироты. *Епископа Евдокима*. — Начальникъ жизни. *П. А. Флоренскаго*. — Современность и христіанство. (Поддѣлки). *Архим. Θεодора*. — Путь вѣры. *Н. Н. Цеплюева*. — Блаженство страждущей любви. *Проф. М. Д. Муретова*. — Дѣти, какъ мыслители и политики. *Проф. С. С. Глаголева*. — Соціалистическое движеніе среди современной русской молодежи. (Психологическія основы). *Пр. А. А. Бяляева*. — Христось. (Религіозный этюдъ). *Свщ. М. Менстрова*. — Сила совѣсти. (Разсказъ). *Ив. Бабанина*. — Религіозно-философскій смыслъ драмы Ибсена „Брандъ“. *Проф. А. И. Покровскаго*. — Старый звонарь. *Н. Короленко*. — Русскій переводъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ пасхальныхъ пѣснопѣній. — Стихотворенія: Два завѣта. *М. Д. Муретова*. — Христось. *Н. Ермолаева*. — Колыбельная пѣсня. *Пр. А. Л—нъ*. — Звѣздная дружба. (Сюита). — I. — На мотивъ изъ Платона. — II. — У окна. — III. — Два рыцаря. — IV. — Свиданіе „тамъ“. — Звѣздъ Утренней. — In Расе. (Акаеистъ). *П. А. Флоренскаго*. — *** *Вас. Ласкина*. — Внутренняя миссія въ Германіи. *Иеродіакона Христофора*. — Письма изъ-за границы. Иерусалимъ. — Аѣка — Дамаскъ. *Фози Хури*. — Дорогой гость въ Академіи. *Николая Концевича*. — Пожертвованія на голодающихъ. — Вновь вышедшія книги и брошюры. — Изданія Пастырско-просвѣтительнаго Братства при Московской Духовной Академіи. — Періодическія изданія. — Объявленія.

Первый годъ изданія.

Открыта подписка на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ

МЕНТАЛИЗМЪ

(Подписной годъ съ декабря мѣсяца).

Въ годъ 12 номеровъ. Выходитъ 12 числа каждаго мѣсяца.

Журналъ посвященъ исключительно Ментализму и оккультнымъ наукамъ, дающимъ возможность каждому развивать свои духовныя способности для примѣненія ихъ въ жизни, такъ какъ сила внутри насъ, и искусство правильно пользоваться этой силой можетъ дать блестящіе результаты въ достиженіи успѣха въ своихъ предпріятіяхъ. Къ несчастью, очень многіе игнорируютъ эту силу, не подозревая ея присутствія, и терпятъ всякаго рода лишенія и неудачи. А между тѣмъ мысль безгранично могущественна, она даетъ полную возможность сдѣлать счастливымъ не только себя, но и другихъ. Нашъ журналъ будетъ посвящать своихъ читателей въ принципы наукъ, берущихъ свое начало въ Ментализмъ. Личный и лѣчебный магнетизмъ, гипнотизмъ, телепатія, ясновидѣніе и проч. будутъ подробно изложены на страницахъ „Ментализма“, а также много будетъ дано матеріала для изученія френологіи, физиономики, графологіи, хирософіи и др. Кроме этого намѣчено много статей изъ популярнаго журнала „Новыя Мысли“, имѣющаго въ Новомъ и Старомъ Свѣтѣ громадѣйшую аудиторію читателей. Источниками служатъ корифеи оккультныхъ наукъ, какъ-то: В. Аткинсонъ, Мартинъ де-Баскали, Д. Бодиско, Эрнестъ Боскъ, С. Гута, Дарель, Г. Джексонъ, Дюрвиль, Ле-Зоаръ, Элфасъ Леви, Карль дю-Прель, Баронъ Карль фонъ-Рейхенбахъ, Роша, д-ръ Старъ, В. Торнболь, д-ръ Ж. Энкосъ (Папюсъ), К. Фламарионъ и др. Для болѣе легкаго и удобнаго изученія статей по спеціальнымъ вопросамъ онѣ будутъ снабжены многочисленными рисунками. Являясь первымъ пионеромъ для Россіи въ популяризациі ментальной силы, редакція задалась мыслью создать сознательную ментальную семью изъ своихъ подписчиковъ для успѣшной борьбы съ житейскими невзгодами; для чего и включаетъ ихъ бесплатно въ члены Перваго въ Россіи Кружка Менталистовъ, чтобъ каждый изъ нихъ, войдя въ цѣпь ментальной вибраціи, могъ пользоваться на практикѣ Ментальной силой. Портретная галерея свѣтилъ оккультизма.

Подписная цѣна на годъ 12 рублей, за границу 15 рублей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Марьяна роша, Старое шоссе, 1-й пр., д. Урусовой, кв. № 6. Тел. 105-50.

Редакторъ-Издатель *Н. В. Бутковъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новый сельско-хозяйственный и экономический журнал

ХОЗЯИНЪ-СЪВЕРЯНИНЪ.

„Хозяинъ-Съверянинъ“ органъ еженедѣльный, что дастъ возможность отмѣчать текущую жизнь своевременно, — будетъ выходить отдѣльными выпусками — книжками (всего 52 въ годъ) по слѣдующей программѣ:

1. С.-хозяйственно-экономическія мѣропріятія и распоряженія Правительства. 2. Хозяйственная хроника. 3. Земская жизнь. Работа земствъ въ хозяйственно-экономическомъ отношеніи. 4. Животноводство. 5. Молочное дѣло. 6. Земледѣліе и луговое хозяйство. 7. Промыслы подсобные въ сельскомъ хозяйствѣ. 8. Сельско-хозяйственная технология. 9. Сельско-хозяйственное образованіе. 10. Землепользованіе и землеустройство. Община и подворное владѣніе. Мелиораніи. Опытное дѣло. 11. Лѣсное дѣло. 12. Дѣятельность сельско-хозяйственныхъ обществъ, товариществъ, коопераций, съѣздовъ. 13. Корреспонденціи сел.-хозяйственно-экономическаго характера. 14. Обзоръ научно-хозяйственной литературы. 15. Библиографія. Критическій обзоръ. 16. Вопросы и отвѣты. 17. Спросъ и предложеніе. 18. Торговля извѣстія. Сельско-хозяйственные рынки. 19. Объявленія.

Подписная цѣна (съ доставкой и пересылкой): на 1 годъ 2 руб., на полгода 1 руб. 20 коп.

На меньшіе сроки подписка не принимается.

Число постоянныхъ сотрудниковъ обѣщаетъ быть весьма значительнымъ, т. к. Редакція обратилась къ болѣе чѣмъ 300 различныхъ специалистовъ.

Кромѣ того Редакціи обѣщаны отдѣльныя статьи отъ многихъ выдающихся писателей, по экономическимъ и сельско-хозяйственнымъ вопросамъ.

Вниманію гг. авторовъ и книгоиздателей. Въ наше время, когда книжный рынокъ сильно освѣжился массой интересныхъ, разнообразныхъ и популярныхъ книгъ по самымъ различнымъ отраслямъ народнаго хозяйства—Редакція считаетъ необходимымъ поставить возможно шире „Библиографическій отдѣлъ“ и приглашаетъ всѣ книжныя фирмы (а также отдѣльныхъ издателей) присылать свои изданія для отзѣва, подробнаго разбора и объявленія о нихъ на страницахъ „Хозяина-Съверянина“.

Редакція принимаетъ помѣщеніе объявленій въ „Хозяинъ-Съверянинъ“ какъ отъ сельско-хозяйственно-промышленныхъ фирмъ, такъ равно и о предложеніи и спросѣ труда по сельскому хозяйству по слѣдующей таксѣ:

Цѣлая ($\frac{1}{1}$) страница (позади текста) 10 р., $\frac{1}{2}$ страницы 5 р., $\frac{1}{4}$ страницы 2 р. 50 к., $\frac{1}{8}$ страницы 1 р. 25 к.

Спросъ и предложеніе труда 10 коп. строка.

При помѣщеніи объявленій нѣсколько разъ дѣлается скидка.

Издатели: А. В. Гудковъ-Бѣляковъ, М. А. Кушныренко Кушныревъ и М. А. Малининъ.

Адресъ редакціи: г. Вологда, типографія А. В. Гудкова-Бѣлякова (противъ Александровскаго сада).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“,
ежемѣсячное

3 р. годъ для ивогор. **общедоступное изданіе А. В. КРУГЛОВА**, **3** р. годъ для городск.

заключающее въ себѣ стихотворенія, романы, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія, очерки, статьи по разнымъ вопросамъ литературы, науки, искусства, критическія статьи, обзоры журналовъ, разборы книгъ, выдержки изъ современной печати, смѣсь (юмористика, сатира и пр.).

12 КНИЖЕКЪ ВЪ ГОДЪ 12

Въ каждой книжкѣ **Бесѣда** по текущимъ вопросамъ жизни, литературы, политики. Въ „Дневникѣ“ будетъ дано мѣсто серьезнымъ и интереснымъ письмамъ со стороны по поводу вопросовъ, затронутыхъ въ „Дневникѣ“.

По мѣрѣ надобности **иллюстраціи** къ тексту, разные снимки съ картинъ, мѣстностей; **портреты** выдающихся дѣятелей на поприщахъ общественной, государственной, ученой и художественной службы.

Въ каждой книжкѣ разнообразное чтеніе

Въ моемъ собственномъ изданіи я буду служить тѣмъ же основамъ, которымъ служилъ тридцать шесть лѣтъ, какъ журналистъ и беллетристъ, сотрудничая въ чужихъ изданіяхъ. О моихъ взглядахъ ясно и опредѣленно говорятъ мои статьи и книги, потому что я всегда открыто исповѣдывалъ мою вѣру. Я всегда ставилъ задачею писателя: укрѣплять чувства любви къ ближнему, къ родинѣ, къ человечеству, поддерживать сознание гражданскаго долга, отстаивать здоровыя начала жизни—какъ семейной, такъ и общественно-государственной.

„Дневникъ Писателя“ будетъ выходить въ двадцатыхъ числахъ каждаго мѣсяца. № 1-й выйдетъ въ началѣ декабря сего года.

Всѣ годовые подписчики „Дневникъ Писателя“ получаютъ безплатно при 12-мъ номерѣ Сборникъ рассказовъ.

Подписная цѣна: съ перес. по Россіи и дост. на домъ въ Москвѣ: На годъ (съ 1 янв. 1907 г.) 3 р., на полгода 1 р. 65 к., на три мѣсяца 1 р., отдѣльная книжка 40 к.

Безъ доставки: на годъ 2 р. 60 к., на полгода 1 р. 50 к. отд. книжка 25 к. (въ конторѣ ред.), 30 к. въ маг. и кіоскахъ.

За границу только на годъ 5 р.

Подписку ивогородніе адресуютъ: въ Редакцію „Дневника Писателя“ на имя Александра Васильевича Круглова, Москва, Тверская, уголъ Брюсовскаго пер., д. граф. Олсуфьевой. Лично подписка принимается въ конторѣ „Дневника Писателя“ (адресъ тотъ же).

Редакторъ-издатель А. В. Кругловъ

П Р И Р Е Д А К Ц И И

„ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІА“

МОЖНО ПРИОБРѢТАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ протоіерея Д. Ѳ. Касицына редактора журнала „Душеполезное Чтеніе“ съ приложеніемъ портрета, факсимиле и рисунка. Москва. 1902 г. Цѣна 1 руб. съ пересылкой.

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНІЕ ЯЗЫЧЕСТВА. Опытъ философской исторіи естественныхъ религій. Проф. М. Д. Акад. А. И. Введенскаго, т. I (стр. XII+752). Цѣна 3 руб. съ пересылкой.

Полное собраніе РЕЗОЛЮЦІЙ ФИЛАРЕТА, Митрополита Московскаго. (Съ приложеніемъ портрета М. Филарета) съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. И. Н. Корсунскаго и протопресвитера В. С. Маркова. Томъ I. (XX+2+619 стр.). Цѣна 2 руб. съ пересылкой. Томъ II (вып. 1, 2 и 3). Цѣна 2 р. съ пересылкой.

Д. Б. ЕПИСКОПА ВИССАРИОНА: 1) Поученія, говоренныя въ Костромѣ въ 1897 году. Ц. 80 к., съ пер. 1 руб. 2) Костромскія поученія за 1898 годъ. Ц. 1 руб., съ пер. 1 руб. 20 к. 3) Костромскія поученія за 1899 годъ. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп. 4) Костромскія поученія за 1900 годъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. 5) Костромскія поученія за 1901 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 6) Костромскія поученія за 1902 годъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 7) Костромскія поученія за 1903 годъ. Цѣна 80 коп. съ перес. 1 руб. 8) Костромскія поученія за 1904 годъ. Ц. 50 к., съ пер. 70 коп. 9) Толкованіе на париміи изъ новозавѣтныхъ книгъ. 1895. Ц. 40 к., съ перес. 50 к. 10) Толкованіе на париміи изъ книгъ пророковъ: Іереміи, Іезекииля, Даниила, Іоиля, Іоны, Михея, Софоніи, Захаріи и Малахіи. 1892 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р. 11) Толкованіе на париміи изъ книги пророка Ісаи. Ц. 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 50 к. 12) Голосъ пастыря. 1893. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 13) Духовная пища. Сборникъ для религіознаго чтенія. 1891. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 14) Изъясненіе молитвы Господней. Ц. 15 к. 15) Христіанскіе уроки. Второе изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 16) Сборникъ для назидательнаго чтенія. Второе изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 17) Духовный свѣтъ. Второе изданіе. Ц. 1., съ пер. 1 р. 20 к. 18) О вечернѣ. Два публичныхъ чтенія. Изд. 1891 г. Ц. 30 к., съ пер. 35 к.

Расколы первыхъ вѣковъ христіанства. Монтеизмъ, новаціанство, донализмъ и вліяніе ихъ на раскрытіе ученія о Церкви. Исслѣдованіе Д. Касицына. Выпускъ первый. 1889 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сказаніе о житіи оптинскаго старца Іеросхимонаха отца Амвросія. Архим. Григорія (Борисоглѣбскаго). Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

Святитель Теофанъ, затворникъ и подвижникъ Вышенской пустыни. И. А. Крутикова. 1899 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Высокопреосвящ. Иннокентій, Арх. Таврической. Ц. 1 р. съ пересылкой.

Преподобный Серафимъ Саровскій. Ц. 60 к. съ пересылкой.

Христіанство и соціальная реформа. Ц. 15 к. съ пересылкой.

Указатели къ Душеполезному Чтенію: за 1860—1869 гг., 1880—1889 годовъ, по 15 к. за каждое десятилітіе.

Кромѣ сихъ книгъ тамъ же можно пріобрѣтать слѣдующія брошюры Епископа ВИССАРІОНА:

1. **Грѣхи чувствъ:** зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе, осязаніе и внутреннее чувство. Ц. 6 коп.
2. **Раздоръ между мужемъ и женой.** Ц. 5 к.
3. **Духовное завѣщаніе.** Ц. 4 к.
4. **Гордость.** Ц. 4 к.
5. **Старость.** Четвертое изданіе. Ц. 7 к.
6. **Братя и сестры.** Ц. 4 к.
7. **Свекрови и невестки.** Ц. 5 к.
8. **О христіанскихъ именахъ.** Ц. 3 к.
9. **Изреченія слова Божія, располагающія къ покаянію.** Третье изданіе. Ц. 2 к.
10. **О тѣлесныхъ дѣйствіяхъ при богослуженіи и молитвѣ** (стояніе, козѣнопреклоненіе, паденіе ницъ, воздѣяніе рукъ, поклоненіе лицомъ на востокъ, крестное знаменіе). Третье изданіе. Ц. 3 к.
11. **Радости и скорби родителей о дѣтяхъ.** Пятое изданіе. Ц. 2 к.
12. **Многочадіе и безчадіе.** Четвертое изданіе. Ц. 3 к.
13. **Святость брачнаго союза.** Изданіе второе. Ц. 4 к.
14. **Дружба.** Шестое изданіе. Ц. 4 к.
15. **О путешествіяхъ къ святымъ мѣстамъ.** Второе изданіе. Ц. 3 к.
16. **Лица безбрачныя.** Шестое изданіе. Ц. 4 к.
17. **Утѣшеніе и совѣты людямъ, живущимъ въ бѣдности.** Пятое изданіе. Ц. 2 к.
18. **Доброе имя.** Шестое изданіе. Ц. 2 к.
19. **Женихи и невесты.** Шестое изданіе. Ц. 4 к.
20. **Отчимы и мачехи, пасынки и падчерицы.** Шестое изданіе. Ц. 4 к.
21. **Изясненіе краткихъ изреченій, употребляемыхъ въ богослуженіи.** Четвертое изданіе. Ц. 5 к.
22. **Нѣчто о вечеринкахъ и балахъ.** Изд. 2-е. Ц. 4 к.
23. **Убогіе.** Изд. 5-е. Ц. 4 к.
24. **Сиротство.** Изд. 5-е. Ц. 4 к.
25. **Вдовство.** Изд. 5-е. Ц. 4 к.
26. **Инокъ ПАРФЕНІА. Число раскольниковъ.** Ц. 2 к.
27. **Преосвященнаго ІЕРЕМІИ—отшельника. Врачевство духовное отъ міра собираемое** (52 стр.). Ц. 10 к.
28. **Врачи и ихъ пациенты.** Второе изданіе исправленное и дополненное. Ц. 5 к.
29. **Лѣствица добродѣтелей.** Уроки христіанскаго усовершенствованія по руководству **ЛѢСТИЦЫ** преподобнаго отца нашего Іоанна, игумена Синайской горы. **Лѣстничника** (52 стр.). Цѣна 10 к.
30. **Высокое значеніе храма Божія.** Изданіе второе. Цѣна 4 коп.

Всѣ 30 брошюрь (въ нихъ около 825 стран.) съ пересылкой 1 р. 25 к.

При выпискѣ книгъ и брошюрь сразу на 25 и болѣе рублей 20% уступки и пересылка на счетъ редакціи.

Нѣкоторые спрашиваютъ **Душеполезное Чтеніе** за всѣ годы его изданія, но, вмѣсто изданія за **сорокъ семь лѣтъ**, полные экземпляры **Душеполезнаго Чтенія** имѣются только за **пятнадцать лѣтъ**, за 1887, 1888, 1890, 1893, 1894, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904,

1905 и 1906 годы, которые и продаются по **2** рубля, каждый годъ, съ пересылкой.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ЛЕОНИДА, АРХІЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКАГО *).

Октябрь 6 (1864 г.). Докладъ былъ такъ продолжителемъ, что Владыка, посмотрѣвъ на часы, наконецъ сказалъ: «да вѣдь это милостивые Государи, съ 5½ часовъ». Домой возвратился я въ три четверти одиннадцатаго.

9. Докладъ продолжался пять часовъ.

11. Ставилъ во іерея къ церкви Виленскаго миститута двѣицъ духовнаго званія. Потомъ были: Кн. Е. П. Долгорукая, Н. В. Сушковъ. Всѣ очень заняты юбилеемъ академіи; всѣ встревожены свиданіемъ двухъ императоровъ; поджогами, безначаліемъ, сепартизмомъ.

Дровяникъ говорить: «6 сыновей умерло, и слава Богу. Нонче дѣти отцовъ бьютъ». — Кто виновать?—«Не смѣю сказать: тотъ, кто все распустилъ»—Императрица перестала читать *Московскія Вѣдомости*. Наслѣдникъ чуть не поссорился съ к. Горчаковымъ, который не хотѣлъ допустить мысли о поѣздкѣ Наслѣдника въ Римъ. Фонъ Визинъ, вице-губ., кормилъ обѣдомъ Фиркса. Всѣ взываютъ ко Владыкѣ. Онъ пишетъ записки и проекты постоянно; но его не слушаютъ, дѣлаютъ наперекоръ. Изумительная дѣятельность его: съ утра до вечера приѣмъ, а вотъ въ пятницу читалъ намъ и чинъ освященія плащаницы съ прекрасною молитвою его пера, и отношеніе къ начальнику палаты Государственныхъ имуществъ въ защиту

*) Продолженіе. См. іюньскую кн. *Душепол. Читанія* 1907 г. часть II.

сельскаго законоучителя. Возникъ вопросъ, упоминается ли въ церковномъ уставѣ о площади, тотчасъ велѣлъ принести книгу и справился. Сегодня служилъ онъ въ Успенскомъ соборѣ и напутствовалъ святыню до Лобнаго мѣста и до Иверской. Я былъ у Владыки послѣ вечерни; я радъ, когда имѣю поводъ быть у него вечеромъ воскреснаго дня: праздникъ какъ то законченнѣе и свѣтлѣе. Я говорю Владыкѣ:—«съ неожиданнымъ подвигомъ».—«И этотъ подвигъ, отвѣчаетъ онъ, и для меня былъ неожиданный: хотѣлъ я идти до Лобнаго мѣста, а потомъ почувствовалъ, что могу идти и дальше. Передъ литургіею я имѣлъ время отлежаться и получилъ силы. Но странно: когда обращаюсь отъ страны къ странѣ для осѣненія, то кажется, что упаду».—Владыка не надобно все это приписывать возрасту, а также и необыкновенной жизни вашей.—«Какой необыкновенной жизни?»—Въ постоянномъ сидѣчемъ трудѣ, безъ движенія и безъ воздуха.—«Что же мнѣ дѣлать: иного способа нѣтъ по множеству дѣлъ».—Владыка жаловался на слабѣющую память и сказалъ: «трудно такъ жить. Вчера, чтобы сегодня не забыть, я взялъ и положилъ листъ съ молитвою (молитва довольно длинная и прекрасная, составлена Владыкою на освященіе плащаницы) поверхъ другихъ бумагъ; но на этотъ листъ попалъ другой, и я вспомнилъ объ этомъ на дорогѣ. Тотчасъ посылаю одного изъ служителей (Владыка всегда ѣздитъ въ шорахъ, на шести вороныхъ коняхъ, съ двумя лакеями), чтобы сказалъ Данилову найти листъ и очки, и прислать. Но я не сказалъ ему, чтобы нанялъ извозчика, и листъ ко времени не послѣлъ, и такъ молитву я говорилъ наизусть».—О Владыка! Забылъ листъ, заключаетъ, что память ослабѣла, а прочиталъ наизусть длинную молитву—за это память не похвалилъ. Владыка сказалъ, что Спасскій, оберъ-секр., былъ въ Коломнѣ его учителемъ, позже за взятки отставленъ. Хвалилъ англичанъ за серьезный умъ государственный. Гладстонъ говоритъ, что связь между правительствомъ и народомъ

кряпнеть.—Вечеръ кончилъ у родныхъ. Братъ сказывалъ, что финляндскіе депутаты на сельскохозяйственной выставкѣ ведутъ дѣло свое примѣрно.

12-го Гр. Бобринскій говоритъ, что Аксаковъ написалъ: «государство Россійское и Русская земля одно и то же». Цензоръ вычеркнулъ эти слова, а редакторъ напечаталъ и только того и ждетъ, чтобы наложили на него штрафъ; но боятся это сдѣлать, ибо онъ грозитъ подать въ такомъ случаѣ жалобу въ сенатъ, чтобы такимъ образомъ сенатъ рѣшилъ: одно ли и то же Россійское государство и Русская земля?—Пожары Симбирскіе испугали все поволжье, и общая опасность сближаетъ помѣщиковъ и крестьянъ.—Мы рѣшили, что нѣсколько лицъ, желающихъ заняться переводомъ статей изъ Church Journal, станутъ трудиться въ тиши и можетъ быть послужатъ основой для общества сближенія съ американскою епископальною церковью. — Долго сидѣла у меня вечеромъ Н. П. Кирѣевская, а въ 8 часовъ поѣхалъ я къ графу Толстому, и просидѣлъ до 10.

У Владыки докладъ около 5 часовъ. Я читалъ дѣла 4 часа ровно. Владыка началъ смѣяться: «прошу прощенія у в. п.—ства! Въ вашей резолюціи я произвелъ революцію». Онъ вспомнилъ книгу средневѣковую 11 вѣка съ пророчествомъ о папахъ: послѣ нынѣшняго будетъ еще десять; теперешняго символъ: крестъ за крестомъ. Въ монастырѣ, гдѣ теперь Берлинъ, тоже въ 15 и 16 в. были пророчества о Пруссіи, но не сбылись на нынѣшнемъ королѣ: протестантство падеть, но не падаетъ.—Какъ это понимать: миръ духовный такъ устроенъ, что оттуда сверху къ намъ все видно, а туда отсюда не видно?

15. Экзаменъ въ Екатерининскомъ Институтѣ.—Хорошо говорятъ.—К. Лобановъ-Ростовскій сказалъ: «нынче барство исчезаетъ, а чванство усиливается». Это очень вѣр-

но. Ему императрица сказала: «старайтесь, чтобы ученицы имѣли хорошій французскій выговоръ», а онъ отвѣтилъ: «постараюсь особенно о томъ, чтобы они были хорошими русскими женщинами».

16. Владыка говоритъ: «одно горе прошло, а другое горе грядетъ; академическій юбилей прошелъ, наступаетъ семинарскій, что прикажете?—Первое горе благополучно прошло; какъ это? гдѣ дѣлать актъ, дѣлать ли обѣдъ, какой, гдѣ, сколько тостовъ?»

20. Служилъ въ Чудовѣ. Вечеромъ опять владыка заговорилъ о юбилеѣ. «Синодъ въ денежныхъ наградахъ отказывается, желая, чтобы онѣ замѣнены были другими. Я говорю, что по обстоятельствамъ нѣкоторыя награды замѣнены быть не могутъ: напримѣръ, профессору Бѣляеву, у котораго въ семьѣ болѣе 16 человекъ, и потому прошу, чтобы Св. Синодъ утвердилъ награды, а *денги дамъ* я». — Думаю, владыка, что такого представленія со времени учрежденія Синода въ Синодъ не поступало, замѣтилъ я.

22. Съ вечера было дурно головѣ, и не надѣялся служить, однако Богъ сподобилъ. Владыка служилъ въ Казанскомъ соборѣ.—Я имѣлъ время хорошо заняться англійскимъ переводомъ и окончилъ письмо. Очень раздражилъ меня сельскій іерей. Самъ благодарить меня за то, что я указалъ ему на дурныя качества жениха его дочери—буйнаго, вора и проч., а потомъ говоритъ: «нельзя ли попросить, чтобы его же взять мнѣ въ зятя». — Такое безсмысліе и безчувствіе вывело меня изъ себя, я сказалъ ему нѣсколько рѣзкихъ словъ и поспѣшилъ уйти.

27. При Толстомъ было у меня два іерея. Онъ удивляется Московскимъ іереямъ, и мы оба приписали это тому, что есть рука, которая духовенствомъ твердо управляетъ.

28. Отъ 10 до 3 посѣтители. Между прочимъ к. Волконскій, почти молодой человекъ, пять разъ битый параличомъ; лѣто и зиму проживаетъ въ Вологодскомъ имѣніи, весну и осень при Лаврѣ; онъ женатъ и богатъ, почитаетъ себя ученикомъ Н. А. Жеребцова. Находить подтвержденіе въ вѣрѣ и особенно чтить Пр. Сергія. Генераль Шванебахъ разсказалъ: Въ В. Училищѣ его было между юнкерами 7 поляковъ, нынче 27, и онъ сталъ замѣчать, что они обособляются. Взявъ во вниманіе, что они остаются безъ надзора, пока православные у всенощной, онъ созвалъ всѣхъ иновѣрцевъ и сказалъ: «Православіе господствующее вѣроисповѣданіе, мы съ вами иновѣрцы, но душой и сердцемъ мы русскіе, поэтому намъ неприлично не знать обрядовъ православія, и надобно оказывать ему уваженіе; когда будете офицерами, то должны будете участвовать во всѣхъ торжественныхъ молитвенныхъ собраніяхъ православныхъ; наконецъ порядокъ и единство дѣйствій заведенія требуютъ, чтобы особняковъ не было. Итакъ, гг., станемте же ходить въ церковь съ православными всѣ: и католики, и лютеране, и армяне, и вы, магометанинъ.—Но въ первомъ корпусѣ для католиковъ есть церковь особая, возразилъ кто-то.

— А здѣсь ея нѣтъ, отвѣтилъ генераль. Тамъ католики не ходятъ въ православную, ибо ходятъ въ свою, а здѣсь католической нѣтъ; поэтому всѣ мы, дессиденты, пойдемъ въ православную.

— Ваше ли распоряженіе или свыше?

— Я не обязанъ на это отвѣчать; но скажу вамъ, что это самое распоряженіе пока мое. Но дѣло идетъ не о томъ, чтобы разсуждать, а о томъ, чтобы взять вамъ во вниманіе: 1, хотите ли жить со мною подъ одною кровлею

или не хотите. 2, чтобы вы не боялись пропаганды, я вамъ рѣшительно говорю, что если бы кто изъ васъ изъ-явилъ мнѣ желаніе переменить вѣру, я выгоню изъ училища. Въ то же время генераль призывалъ ксендза и сказалъ ему, что приличіе и порядокъ требуютъ, чтобы всѣ юнкера безъ различія исповѣданій были у всеобщей, и поэтому онъ просить отца ксендза, чтобы онъ внушилъ юнкерамъ католикамъ необходимость съ полною готовностію подчиниться этому распоряженію.

Слыша часто польскій языкъ, онъ укорилъ поляковъ за худой выговоръ и выразилъ желаніе, чтобы они чисто говорили по-русски: польскій языкъ не слышится. Ксендзу онъ сказалъ, чтобы въ классѣ употребляемъ былъ русскій языкъ. Онъ знаетъ, что ксендзъ иногда говоритъ по польски, но не боится этого. У нихъ принято, что бы къ приходу начальника все оставалось въ такомъ видѣ, какъ было; противное сему дѣйствіе заклеяно именемъ лицемерія; но естественно, что ксендзъ, говорящій по польски, при входѣ въ класъ начальника, заговоритъ по русски. Этимъ онъ самъ себя будетъ ронять въ глазахъ юнкеровъ и, безъ усилія начальства, потеряетъ авторитетъ.— Что въ церкви? — Ходятъ всѣ, стоятъ, какъ вкопанные, изъ католиковъ двое въ пѣвчихъ, магометанинъ готовъ креститься.

— Вечеромъ Комитетъ Тюремнаго Общества у Владыки: 2½ часа, Владыка былъ добръ, разговорчивъ, внимателенъ, говорилъ то строго, то любезно. Засѣданіе было оживленное, но мирное.

30. Докладъ продолжался 5½ часовъ. Владыка говорилъ, что когда онъ еще былъ студентомъ, передъ окончаніемъ курса его приглашали въ Коломну во священники къ церкви (Воскрес.) Онъ отвѣчалъ: просите у начальства. Ректоръ отозвался, что я еще слишкомъ молодъ и меня оставили. Тогда спрашивали меня, какъ рѣшался я идти въ Коломну, когда могъ занять мѣсто въ Москвѣ? Я отвѣчалъ: нѣтъ Москвы я боюсь: священники здѣсь такіе страшные, недоступные, въ бархатныхъ рясахъ.

Ноябрь 1 (воскр.). Въ Московской семинаріи 50-лѣтній юбилей. Всенощную наканунѣ служилъ въ семинарской церкви пр. Можайскій съ ректорами академіи, обоихъ семинарій и инспекторомъ. Сегодня въ 9½ началось служеніе литургіи. Совершалъ владыка съ еп. Дмитровскимъ, ректоромъ и инспекторомъ семинаріи и 4 священниками изъ наставниковъ; владыка былъ въ золотомъ глазетѣ, я въ малиновомъ бархатѣ съ омофоромъ изъ сѣтки серебряной, архимандриты въ ризахъ, сдѣланныхъ еще мною, а 4 іерея въ серебряныхъ съ крестами въ голубыхъ кругахъ (жертва старосты). Проповѣдь говорилъ, и очень хорошо, прот. Алексинскій. На молебенъ вышли и пр. Евгений, и пр. Савва, и много іереевъ. Приложены были прошенія, къ случаю сему составленныя (они и въ академіи читаны были). Въ заключеніе многолѣтіе сказано было Государю и Дому его, Св. Синоду и владыкѣ, первому ректору семинаріи в—шему архіеп. Евгению и наставникамъ и воспитанникамъ оной. Вѣчная память: императору Александру I и Николаю I; преосвященнѣйшимъ Августину, Пареевию, Виталию, наставникамъ и воспитанникамъ. Застегивая мантию, владыка подозвалъ меня и сказалъ: «съ пр. Евгениемъ войдите въ комнату, гдѣ приготовленъ чай, а я поѣду къ ректору: когда я собирался ѣхать, пришли гостинцы изъ Петербурга». Въ классѣ былъ приготовленъ чай и закуска. Послѣ мы перешли въ богословскій классъ, обращенный въ актовую залу. Каедрa стояла направо отъ дверей лицомъ къ больницѣ. Противъ нея между оконъ кресло для митрополита и отъ него по обѣ стороны полукружіемъ кресла для посѣтителей. Передъ владыкинымъ кресломъ столъ и на немъ, на блюдѣ, икона Спасителя, покрытая пеленою. Вскорѣ вошелъ владыка въ лиловой рясѣ, имѣя, между прочими знаками, и докторскій крестъ. Какъ только мѣста были заняты, секретарь прочиталъ указъ о дозволеніи юбилея. Затѣмъ проф. Цвѣтковъ (вмѣсто автора, Бѣляева, слабаго грудью) читалъ историческую записку и читалъ долго, но

по мѣстамъ занимательно. Здѣсь живыхъ не хвалили, кромѣ владыки, упомянули о дѣятельности перваго ректора и благодарили меня, когда рѣчь шла о храмѣ семинарскомъ и богослуженіи. Впрочемъ по желанію моему имя мое вначалѣ упомянуто не было; но владыка при чтеніи предварительномъ сказалъ, что непременно надобно назвать имя. Вслѣдъ за симъ владыка при краткомъ словѣ вручилъ ректору св. икону для семинаріи. Въ заключеніе секретарь прочиталъ о наградахъ: ректору коронку на аннинскій крестъ, проф. Алексинскому и Шаврову 2 ст. Анны, Кедрскому и Скворцову третью степень, но лучшая награда — это врачу, В. Н. Рахманову — чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника!.. Бѣляеву и Писареву даны годовые оклады жалованья. Владыка прошелъ черезъ столовую и тутъ упросилъ пр. Евгенія, чтобы онъ остался обѣдать и, поручивъ его мнѣ, самъ уѣхалъ, по его словамъ, «прямо въ постель». Обѣдъ накрытъ былъ въ столовой учениковъ и стоилъ 1000 р. Сервировка и кушанья были прекрасныя, гостей было болѣе 150 человекъ. Деньги отъ владыки. Тосты были за Царя и его Домъ, за Синодъ, владыку и пр. Евгенія—перваго ректора, за благоденствіе академіи и семинаріи и здравіе ихъ начальниковъ и т. д. На дальнихъ столахъ подъ конецъ раздавались страшныя вскрикиванія и ура, такъ что пр. Евгеній спросилъ наконецъ: «что это, за здравіе пьяныхъ?..» Кромѣ этого все было стройно, прилично, пріятно.

3. На докладѣ, который длился 4 часа, я узналъ, что утромъ владыка былъ въ подвигѣ: служилъ въ Грузинахъ и освящалъ прибѣжище для престарѣлыхъ іереевъ, устроенное въ домѣ гр. Толстой, подлѣ ея новаго дома. Владыка говорить: протоіерей написалъ проповѣдь: духовенство прекрасное, потому его должно лучше кормить, а потомъ ругаетъ духовенство, такъ какъ многіе погрязаютъ въ грязной средѣ прихожанъ. Говорить, что Церовскіе искали

развода, Петербургская консисторія пропустила; въ Синодѣ владыка остановилъ по невѣроятности показаній. Оберъ-прокуроръ К. Мещерскій сталъ его просить, говоря: у Перовскаго жена развратная, но, чтобы спасти дочь, онъ принимаетъ позоръ на себя.—Тогда, говорить владыка, я подписалъ протоколъ. Монахини изъ Вильно возвратились: и м—ть и М. Н—чь очень довольны и м—ть полагаетъ Флавіану сдѣлать игуменію, а Антонію казначеей. Флавіана дѣйствуетъ умно и твердо.

4. Въ 10½ пріѣхалъ изъ Кіева А. Н. Муравьевъ и по обычаю у меня остановился. Былъ гр. А. П. Толстой и выражалъ опасенія, что А. П. Ахмамовъ, по болѣзни, откажется. Говорить, что владыка нашъ — послѣдняя плоть: подними ее, воды хлынутъ, заревутъ и все потопятъ. Тѣмъ страшнѣе, что гибельныя идеи проникаютъ и въ архіереевъ. А. Н. Муравьевъ говорить: Россія цвѣла пока жила своею жизнію, а жизнью ея было благочестіе при глубокомъ уваженіи къ Церкви, ея іерархіи, ея постановленіямъ. Когда лишили ея основъ, то она и повисла въ воздухѣ.

5. Присутствовалъ на экзаменѣ въ Елисаветинскомъ институтѣ. Здѣсь наилучшіе успѣхи по Закону Божію. Нѣсколько лѣтъ назадъ спрашиваю владыку: поѣдетъ ли туда на экзаменъ?—Зачѣмъ, отвѣчалъ онъ,—я знаю, что тамъ хорошо. Священникъ умѣетъ учить и обращаться. И прежняя и нынѣшняя начальницы его любятъ. Государыня осматривала руководлія ученицъ. Между прочимъ ей было представлено дѣтское бѣлье для ожидаемаго на свѣтъ дитяти у священника. — Послѣ экзамена пилъ кофе у графини. Она водила меня опять по всѣмъ комнатамъ, чтобы я видѣлъ ихъ при свѣтѣ дня: у нея небольшая зала, довольно большая гостиная, кабинетъ и спальня, далѣе можетъ быть дѣтская и людскія (тѣхъ не видалъ).

Она успокоена за смертію мужа царскою милостію. Былъ въ церкви: и архитектура, и отдѣлка, и чистота поразительны. Для домово́й церкви лучшаго не надо желать. Ученицы пѣли—превосходно. Я общалъ имъ Аѳонскаго напѣва ноты. Грессеръ (П. А—чъ) указалъ мнѣ, что знаменія, мѣромъ положенныя на стѣнахъ, покрыты бронзовыми плоскими крестами, чтобы рабочіе ихъ не закрашивали. Вниманіе лютеранина, котораго не видалъ я въ православномъ.

6. Владыка служилъ въ память родителя своего, протоіерея Михаила; угощалъ обѣдомъ А. Н. М—ва и принималъ насъ обоихъ. Побывавъ у пр. Можайскаго, съ нимъ возвратился я ко владыкѣ къ 8 час. и 4½ продолжался докладъ. «Нужно ли послать образъ Каткову?»—Необходимо, отвѣчалъ я, зная, что объ этомъ владыка рѣшилъ въ умѣ своемъ и даже кому-то высказывалъ. Еще до обѣда я чувствовалъ маленькую боль верхней части живота; къ вечеру болѣзнь усилилась; докладъ читать мнѣ было трудно, дыханіе было коротко. Въ 11 часовъ я велѣлъ растереть себѣ бокъ.

7. Ночь провелъ я дурно, однако слушалъ и утреню, и раннюю литургію; принималъ врача. Онъ нашелъ простуду мускуль въ боку; далъ мазь и микстуру, чтобы вызвать испарину. Мнѣ было очень тяжело: ни кашлянуть, ни чихнуть, ни говорить, и дышать можно только короткими дышками. Такъ весь день. Послѣ всенощной я послалъ благословенный хлѣбъ Мих. Н. Каткову.

8. Исповѣдался, сподобился приобщиться св. Тайнъ; послалъ Михаилу Никифоровичу просфору и икону пр. Саввы, съ надписью на серебропозлащенной рамкѣ: «О Христъ возлюбленному Михаилу Никифоровичу усердный его бо-

гомалець Леонидъ, еп. Дм. Москва, 8 ноября 1864 г.». — Пр. Можайскій, вмѣсто меня, сослужилъ владыкѣ въ Архангельскомъ соборѣ и сказалъ, что икона св. Архистратига Михаила стояла на престолѣ, и послѣ служенія окроплена владыкою, и отослана къ Каткову. Когда дали первый духовный концертъ, который не понравился к. Ник. Ив. Трубецкому, тогда меня стали обвинять, что я ввелъ въ это владыку. Я говорилъ, что инициатива не моя; но я убѣжденъ, что концертъ дѣло не худое, только надлежитъ умно обставить дѣло, и послѣ концерта прямо сказалъ владыкѣ, что сожалѣю объ одномъ, что на концертѣ этомъ не былъ. — Теперь Н. В. Сушковъ выдумалъ, что я, въ качествѣ политическаго агитатора, подбилъ владыку послать Каткову образъ, что онъ самъ (Сушковъ) хлопоталъ объ адресѣ; но владыкѣ не слѣдовало участвовать въ демонстраціи. Я убѣдилъ его, что тутъ нѣтъ демонстраціи, а пастырское благословеніе къ человѣку изъ его паствы, коего достоинства ему извѣстны и любезны. — Катковъ избранъ почетнымъ членомъ Кіевскаго университета.

9. Пока я служилъ вечерню пріѣхалъ Катковъ. Онъ очень доволенъ сочувствіемъ многихъ, но въ отчаяніи отъ порядка вещей, и если такъ продлится, то хочетъ уйти за границу.

Пр. Савву просилъ передать владыкѣ, что и Катковъ, который хвалитъ движеніе западныхъ іереевъ, которые собираются для разсужденія о церковныхъ дѣлахъ, называетъ ихъ нашими передовыми борцами, — и Катковъ удивленъ тѣмъ, что іереи имѣютъ права собираться, а епископы не имѣютъ. Впрочемъ у насъ такъ распорядились дѣломъ церковнаго управленія, что ему никогда не возстать, по мнѣнію А. Н. М—ва.

13. На докладѣ былъ и Андрей Н—чь. Мы все нападали на владыку, такъ что онъ уже замолчалъ: умоляли его, чтобы устроилъ областное и соборное управленіе. «Цѣлыя поколѣнія епископовъ будутъ на васъ сѣтовать, если этого не сдѣлаете», сказалъ я. — «Я напишу нѣсколько листовъ, тѣмъ и ограничуся». — Пр. Можайскій возразилъ: «вы оставите идею». — Раскольники хотятъ соединить, по возможности, все толки и учредить законнаго происхожденія іерархію и вывести ее изъ-подъ всякаго вліянія Церкви и Синода, такъ что будетъ въ Россіи два православія. Владыка уговорилъ единовѣрцевъ просить, чтобы съ нихъ сняли патріархи клятву 1667 года и уже подъ просьбою много собрано подписей. Народъ начинаетъ узнавать, что владыка благословилъ Каткова образомъ и этому дается высокое значеніе.

15. Кн. А. Валент. Шаховскій заѣхалъ прямо съ дороги; онъ съ А. Н. Муравьевымъ ѣздилъ къ Троицѣ и рассказываетъ, что тамъ нынче заведены на воскресные и праздничные дни всенощныя бдѣнія. Очень это жаль: изъ челоуѣкоугодія древній обычай нарушается.

17. Владыка торжественно праздновалъ день пр. Никона: наканунѣ выходилъ на величаніе; въ самый день совершилъ литургію дома; въ 2 часа кормилъ обѣдомъ обоихъ викаріевъ и А. Н. Муравьева. «Садитесь ближе, потому что будете далеко», сказалъ онъ Муравьеву. Владыка былъ веселъ и много говорилъ.

18. Вечеромъ были мы часа 4½ на докладѣ; пр. Савву на слѣдующій день благословилъ собрать засѣданіе комитета о духовныхъ училищахъ, а мнѣ велѣно приходитъ на другой день.

24. Записка отъ владыки: «Не посвятите ли, ваше преосвященство, меня больного, предъ полуднемъ, не отлагая до вечера? Ф. М. М. ноябр. 24. 1864». Это меня встревожило и, разумѣется, я поспѣшилъ. Владыка служилъ дома и 21 и 22 и схватилъ простуду съ болью въ головѣ, ознобомъ, кашлемъ и насморкомъ. Онъ прочиталъ, сократилъ, исправилъ мою записку о проэктѣ 3 членовъ духовенства на счетъ женскаго училища на Заборовскомъ подворьѣ. Вечеромъ велѣлъ прїѣхать: «это меня отвлечетъ отъ постоянного чтенія». Докладъ продолжался до 8¹/₂; сидѣли въ кабинетѣ: жаръ нестерпимый.

Декабрь, 1-го. На литургіи какъ въ этотъ день, такъ же точно въ день своего посвященія, я употребляю омофоръ, поручи, сулокъ, жалованные владыкою. На омофоръ по моему желанію вышито золотомъ: «возложенъ на в—шаго Филарета, м. М. при посвященіи его во епископа въ С.-Петербургѣ 5 авг. 1817 года (годъ моего рожденія). Къ этому я присоединяю золотую мою ризницу и приказываю, чтобы употреблено было все наилучшее, какъ въ великій праздникъ.

6. Вечеромъ ѣздилъ я ко владыкѣ и гр. А. Толстой. Упала со стола книга; я поднялъ ее, владыка сказалъ: «Догматическое богословіе пр. Черниговскаго. Я думалъ, что онъ гнѣвается, однако нѣтъ».—Владыка уже успѣлъ просмотрѣть ее, и вотъ его отзывъ: «Много учености, много мыслей, и въ 2-хъ томахъ этихъ содержится конечно не менѣе, чѣмъ въ 5 том. Богословія Макаріева; но все въ этой книгѣ безпорядочно, неосмотрительно, небрежно. Мысли сыплются у него какъ табакъ (пр. Черниговскій много и неопратно нюхаетъ). Ветхій и новый завѣты это одно тѣло, а преосвященный думаетъ, что сдѣлалъ великое дѣло, показавъ усиліе раздѣлить ихъ рѣзкою чертою. Такъ, онъ говорить, будто Богъ въ Вет-

хомъ Завѣтъ не называется Духомъ. Неправда, кромѣ другихъ многихъ мѣстъ, у пр. Исаи говоритъ Мессія: *Духъ Господень на Мнѣ, Его же ради помаза Мя*. Говорить Мессія, какой же это духъ, посвящающій его на служеніе, какъ не Духъ Божій и Богъ? — «Въ Вѣтхомъ Завѣтѣ антропоморфическое представленіе о Богѣ»; неправда: *небо небеси не довлѣетъ Ти, или небо престолъ Твой, земля подножіе ногъ Твоихъ*. Неужели это антропоморфическія выраженія? «Вѣтхій Завѣтъ внушаетъ чело-вѣку благоговѣніе и страхъ къ Божеству, а не любовь». Неправда: *возлюбихъ, яко услышалъ еси молитвы моя; возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и пр.* — Указать бы ему на недостатки. — «Надобно написать новую книгу; на каждахъ 4 страницахъ ихъ найдешь».

11. Заѣзжалъ я къ Каткову: «нельзя не поздравить побѣдителя въ день побѣды», сказалъ я, ибо сегодня напечатанъ уставъ о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ такою основою классицизма, что реальная гимназія не даетъ права на вступленіе въ университетъ М. Н.—чь въ уныніи. Валуевъ, говоритъ онъ, соединился съ Головинымъ, и ихъ противодѣйствіе таково, что устоять одному чело-вѣку невозможно; но что пріятно: сердце его скорбями все болѣе и болѣе смягчается: онъ былъ религіозенъ болѣе умомъ, а теперь и сердцемъ.

В. И. (Рахмановъ) былъ у владыки и приписываетъ болѣзнь утомленію отъ сидячей работы; требовалъ, чтобы докладъ продолжался $\frac{1}{2}$ часа, что невозможно. Мы сидѣли около 3-хъ. Впрочемъ владыка болѣе лежалъ.

17. Поѣхалъ я ко владыкѣ по дѣламъ. Была свѣжная вьюга, очень сильная, и на высокомъ и открытомъ дворѣ Сухаревскаго подворья едва могли подвигаться впередъ. Меньше часа сидѣлъ я у владыки, но когда вышелъ къ подѣзду, вьюги не было, и звѣзды блистали. Онъ все

еще нездоровъ и принималъ въ кабинетъ, гдѣ жаръ нестерпимый для свѣжаго человѣка. Заѣзжалъ въ Бахметевымъ. Она печатаетъ новое изданіе Житій; по совѣту моему каждаго дня святой, которому служба, будетъ имѣть жизнеописаніе.

18. Послѣ обѣдни былъ у владыки съ докладомъ о томъ, какъ нашелъ семинарію. Тутъ, по словесному моему представленію, далъ онъ распоряженіе открыть могилу Александра Н—ча Муравьева, для поставленія надъ его гробомъ гроба сына его Іоанна. Владыка тронуть былъ имъ рассказомъ о его кончинѣ. Отъ простуды болѣзнь изъ ногъ поднялась къ сердцу, растроила органы сердца, расширила его, и больной, среди страданій великихъ, но въ полномъ сознаніи умеръ на 35-мъ году, въ день годовщины смерти своего родителя 18 дек. Приобщался онъ 16 какъ и родитель и погребенъ 21, въ день похоронъ отца. Также передъ смертію слушалъ Евангеліе, сожалѣлъ, что боль не даетъ сосредоточить мыслей, говорилъ, что умирать не страшно, но надобно *загодя* готовить себя къ смерти, надѣялся скоро яснѣе видѣть то, о чемъ благовѣствуетъ Евангеліе и сожалѣлъ, что не подѣлится впечатлѣніями съ оставшимися; наконецъ онъ сказалъ: «вотъ я уже оглохъ, уложите меня, вотъ свѣтъ въ глазахъ меркнетъ, вижу только зеленныя полосы»... Черезъ пять минутъ души уже не было въ тѣлѣ.

21. Вечеромъ былъ у владыки. Тамъ пр. Можайскій дочитывалъ мнѣніе комитета о проектѣ устава семинарій: проектъ дышетъ идеальнымъ аскетизмомъ, а комитетъ демократизмомъ самымъ наглымъ. Владыка сказалъ: я не ожидалъ этого отъ Московскаго духовенства: или исправьте, или я противъ этого напишу въ Синодъ. Я рѣшился сказать о правдѣ: свѣтское общество далеко не имѣетъ такого предубѣжденія противъ монашества, какъ

бѣлое духовенство: оно съѣло бы всѣхъ монаховъ, если бы могло.

22. Владыка наконецъ вышелъ въ гостинную, въ полушубкѣ, который впрочемъ скоро снялъ и замѣнилъ холодною рясою. Докладъ продолжался до десятаго часа.

25. Прямо изъ церкви ко владыкѣ. Онъ служилъ въ домово́й церкви въ навечеріе и въ самый праздникъ, утомился, едва отдохнулъ, не хотѣлъ отказать пр. Евгенію, а съ нимъ вошелъ пр. Савва, старшее духовенство и нѣкоторые изъ свѣтскихъ. Когда, съ просфорой въ рукѣ входилъ я ко владыкѣ, до него не безпрепятственно надо было добираться: столько народу толпилось въ гостинной. Едва я успѣлъ сѣсть, пр. Евгеній сталъ подыматься; простившись съ нимъ, владыка радъ былъ, что есть съ кого начать отпускъ, обратился ко мнѣ и сказалъ: извините не въ силахъ долѣе. Я простился, а за мною и прочіе. Въ это время доложили о соборнахъ Успенскаго собора.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧТО ТАКОЕ ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ?¹⁾

(Опытъ научнаго опредѣленія по твореніямъ св. аскетовъ).

Духовная жизнь есть жизнь Божественная.

Такъ какъ духовная жизнь есть жизнь истинная, то она далѣе, состоитъ въ общеніи съ Богомъ. Одному только Богу принадлежитъ жизнь въ собственномъ смыслѣ слова, Онъ одинъ только есть *Сый*, а твари могутъ жить лишь постольку, поскольку причащаются жизни Божественной, поскольку прививаются, какъ вѣтви, къ Самосущей Лозѣ Божественной жизни. Внѣ Бога — одно небытіе, въ противленіи Богу — только смерть; если же говорится о жизни истинной, то этимъ самымъ предполагается общеніе съ Богомъ. — Богообщеніе не есть такая цѣль, къ которой *стремится только* человѣкъ духовный, не представляетъ собою лишь окончательнаго завершенія духовной жизни, Нѣтъ. Безъ общенія съ Богомъ не возможно, по мысли свв. отцовъ, ни развитіе, ни самое начало духовной жизни. Если человѣкъ живетъ духовною жизнью, то это значитъ, что человѣкъ этотъ — въ общеніи съ Богомъ. «Во-первыхъ, надобно знать, — пишетъ пр. Маркъ Подв., что Богъ есть начало, середина и конецъ всякаго блага. Нельзя ни вѣровать блатому, ни совершать оное иначе, какъ только во Христѣ Иисусѣ и въ Духѣ Святомъ»²⁾. «Начало всякой добродѣтели есть Богъ, какъ и дневнаго свѣта —

¹⁾ Окончаніе. См. іюньскую кн. *Душепол. Читенія* 1907 г.

²⁾ Сл. 1, гл 2.

солнце»¹⁾; поэтому, исполнивъ добродѣтель, вспомни Сказавшаго: безъ Мене не можете творити ничесоже» (Іоан. 15, 5)²⁾.

Какъ невозможно безъ Бога начало духовной жизни, такъ немыслимо безъ Него и какое бы то ни было *развитіе* ея. Человѣкъ не имѣетъ въ себѣ самомъ необходимыхъ условій для истинной жизни. У него есть только жажда жизни, вложенная въ его природу Творцомъ, а самый источникъ жизни — внѣ его, въ Богѣ. Безъ живого общенія съ Богомъ человѣкъ обреченъ на безысходныя томленія, на жажду только жизни безъ самой жизни, такъ какъ въ одномъ только его стремленія находятъ себѣ естественный исходъ, свое удовлетвореніе и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимыя условія для своего дальнѣйшаго развитія. Для уясненія этой мысли пр. Макарій Егип. пользуется заимствованнымъ изъ органической жизни подобіемъ, о которомъ онъ, впрочемъ, два раза замѣчаетъ, что это не одни слова (т.-е. не простое сравненіе), но дѣло, поистинѣ въ душѣ совершаемое. Подобно тому, какъ тѣло наше не изъ собственной своей природы заимствуетъ себѣ жизнь, пищу, питіе, одежду, но получаетъ все это совнѣ, и безъ благопріятныхъ внѣшнихъ условій оно не могло бы жить; и душа человѣка не изъ собственной своей природы, но отъ Бога заимствуетъ свойственную ей духовную пищу, питіе и одѣянія, *въ чемъ и состоитъ ея истинная жизнь*»³⁾. Удовлетворяя духовнымъ стремленіямъ человѣка, Богообщеніе тѣмъ самымъ укрѣпляетъ и еще болѣе возбуждаетъ ихъ и, так. обр., является необходимымъ условіемъ духовнаго роста, или развитія духовной жизни въ человѣкѣ. Пр. Ефремъ, говоря, что «благодать Божія, умножаясь въ человѣкѣ, утоляетъ голодъ и устужаетъ жажду его», въ то жъ время говорить, что она «какъ огонь жжетъ ут-

¹⁾ Ibid, гл. 40.

²⁾ Ibid, гл. 41.

³⁾ Бес. 1, гл. 10—11.

робу его и сердце его» ¹⁾), т.-е. еще болѣе возбуждаетъ стремленія духа его. Так. обр., какъ начало духовной жизни, такъ и развитіе ея невозможны безъ общенія человѣка съ Богомъ. Самую жизнь можно опредѣлить, какъ Богообщеніе. «Жизнь и покой души,—пишетъ пр. Макарій Егип.,—есть таинственное и неизреченное *общеніе* съ небеснымъ Царемъ» ²⁾). Онъ же жизнью души часто называетъ Бога ³⁾ въ томъ, конечно, смыслѣ, что духовная жизнь есть причастіе жизни Божественной.

Въ чемъ состоитъ общеніе человѣка въ жизни Божественной, уяснить это намъ весьма трудно. Самъ Макарій Великій, знакомый съ дѣломъ по собственному внутреннему опыту, неоднократно говоритъ, что дать понятіе о Богообщеніи человѣку, не испытавшему его, невозможно. Представляя общеніе Бога съ душою то подъ видомъ брачнаго общенія ⁴⁾, то подъ видомъ «срастворенія души со Св. Духомъ» ⁵⁾, то подъ другими образами, пр. Макарій даетъ при этомъ понять, что это не болѣе, какъ приближительныя только выраженія таинственной дѣйствительности, но вовсе не точныя ея опредѣленія. Тѣмъ не мѣнѣе остается несомнѣннымъ, что общенія съ Богомъ нельзя смѣшивать съ тѣмъ субъективнымъ *созерцаніемъ* Бога, которое основывается на подобіи человѣческой души Богу. Духовный человѣкъ не только «*въ душѣ своей*, какъ въ зеркалѣ, созерцаетъ Господа», не только «*въ сердцѣ своемъ* всегда «имѣетъ образъ Божій, который живописуется добрыми дѣлами», но находится, кромѣ того, въ *дѣйствительномъ взаимообщеніи* съ ипостаснымъ Богомъ. Хотя это видно уже изъ свойства всего вышеизложеннаго ученія отцовъ касательно богообщенія, но можно при-

¹⁾ I т., 129—30.

²⁾ Бес. 4, гл. 15.

³⁾ Бес. 4, гл. 12; Бес. 30, 5; *ibid*, гл. 9.

⁴⁾ Бес. 47, 17; Бес. 46, 6 и др.

⁵⁾ Бес. 18, гл. 10.

вести еще нѣсколько святоотеческихъ изреченій, которыя не оставляють никакого сомнѣнія въ *объективномъ* характерѣ общенія духовнаго человѣка съ Богомъ. Душа, омытая слезами покаянія, «дѣлается храмомъ, и вселяется въ нее Божество, сотворившее міры» (пр. Ефремъ Сир.) ¹⁾. «Дивно сіе, братіе: Недоступный для всякаго ума входитъ въ сердце и обитаетъ въ немъ; Сокровенный отъ огнезрачныхъ обрѣтается въ сердцѣ»... и т. д. (Онъ же) ²⁾. «Нѣтъ иной такой близости и взаимности, какая есть у души съ Богомъ и у Бога съ душою» (пр. Макарій Егип.) ³⁾. «Богъ создалъ душу такую, чтобы сдѣлаться ей невѣстой и сообщницей Его, чтобы и Ему быть въ единеніи съ нею и ей быть съ Нимъ въ единый духъ» (Онъ же. Бес. 46, гл. 6). Всѣ подобныя выраженія не оставляють никакой возможно сомнѣваться въ личномъ и непосредственномъ общеніи между Богомъ и духовнымъ человѣкомъ.

Хотя богообщенія нельзя смѣшивать съ нравственною близостью человѣка, или подобіемъ его Богу, но тѣмъ не менѣе фактически подобіе Богу и общеніе съ Нимъ вещи неразрывно связанныя между собою и одна другую условливающія. Поэтому, если духовный человѣкъ живетъ общеніемъ съ Богомъ, то, значитъ, онъ богоподобенъ. Выше мы видѣли, что, по ученію св. аскетовъ, духовная жизнь человѣка, ея начало и развитіе, стоятъ въ тѣсной зависимости отъ общенія человѣка съ Богомъ. Кратко это ученіе можно выразить словами пр. Евагрія Монаха: «люди дѣлаются лучше, *когда приближаются къ Богу*» ⁴⁾, вступаютъ въ богообщеніе. Но какъ уподобленіе Богу зависитъ отъ общенія съ Богомъ, такъ, въ свою очередь, и богообщеніе условливается подобіемъ Богу. Тотъ же пр. отецъ въ другомъ мѣстѣ пишетъ, что «сочетаніе съ

¹⁾ IV, стр. 314.

²⁾ IV, стр. 446.

³⁾ Бес. 45, гл. 5.

⁴⁾ Добротолюбіе въ русск. перев., т. I, стр. 634.

бестѣлесными (вообще) возможно лишь при подобочастрое-
 нии съ ними» ¹⁾. Это условіе имѣетъ мѣсто и въ отно-
 шеніяхъ между Богомъ и человѣкомъ. «Душа, желающая
 сочетаться (съ Господомъ Иисусомъ) и вожделѣвающая
 придти въ единый съ Нимъ духъ, говоритъ пр. Ефремъ,
 должна уподобиться пречистой красотѣ Его» ²⁾. Выраженіе
 той же мысли находимъ у пр. аввы Исаи. «Души грѣшни-
 ковъ читаемъ у него,—не могутъ быть невѣстами Христовы-
 ми, потому что онѣ не подобны Ему дѣлами своими. Братъ,
 видишь ли какимъ образомъ Онъ хочетъ, чтобы человѣкъ
 былъ Ему подобенъ, не растлѣвъ ничѣмъ противоесте-
 ственнымъ, чтобы душа могла быть Его невѣстою» ³⁾.
 Подобіе Богу не только дѣлаетъ *возможнымъ* для человѣка
 общеніе съ Богомъ, но и *необходимо* влечетъ его за со-
 бою, какъ бы даже заключаетъ его въ себѣ. Духовную
 близость, или сродство, въ мірѣ нравственномъ можно
 сравнить съ пространственнымъ сближеніемъ тѣлъ въ мірѣ
 вещественномъ. Такъ, по представленію пр. Макарія Ве-
 ликаго, «душа человѣка чрезъ преслушаніе какъ бы на
 великое разстояніе удалилась отъ Бога, не могла къ Нему
 приблизиться и совершенно познать Создавшаго ее»; и
 напротивъ, возникая изъ вещественныхъ и нечистыхъ по-
 мысловъ и познавая истину, она (тѣмъ самымъ) «прихо-
 дитъ въ сраствореніе съ безначальнымъ Умомъ» ⁴⁾. Такую
 необходимую и неразрывную связь, не какую-л. только
 внѣшнюю, но глубокую, внутреннюю связь, устанавли-
 ваютъ между богообщеніемъ и богоподобіемъ всѣ свв.
 отцы. Приведемъ наиболѣе сжатое и сильное изреченіе
 пр. Марка Подвижника: «Господь сокровенъ въ Своихъ
 заповѣдяхъ и обрѣтается по мѣрѣ исполненія ихъ» ⁵⁾,

¹⁾ Ibid. стр. 613.

²⁾ III т. стр. 516.

³⁾ Сл. 26, стр. 280—1.

⁴⁾ Сл. 4-ое, гл. 18.

⁵⁾ Сл. 1-ое, гл. 190.

т.-е. уподобленіе Богу необходимо обусловливаетъ, какъ бы заключаетъ уже въ себѣ, приближеніе къ Богу.

Признакъ богоподобія открываетъ намъ возможность проникнуть во *внутреннюю* жизнь духовнаго человѣка, опредѣлить самую сущность, или содержаніе, духовной жизни. Уяснимъ этотъ признакъ, насколько возможно, св. отеческимъ ученіемъ. Самымъ обычныхъ опредѣленіемъ подобія Богу является *добродѣтели* или *святости*. Антоній Великій, говоря о той или другой части добродѣтели, обыкновенно прибавляетъ, что она дѣлаетъ человѣка богоподобнымъ ¹⁾. «Хочешь ли быть святымъ и непорочнымъ храмомъ Божиимъ?—пишетъ также пр. Ефремъ.—Всегда имѣй въ сердцѣ своемъ образъ Бога..., который непрестанно и чисто живописуется въ душѣ *добрыми дѣлами*» ²⁾. Подобіе Божіе,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—имѣютъ не всѣ, а только одни *добродѣтельные и святые*, сколько возможно человѣку подражающіе въ благодости Богу» ³⁾. Итакъ, подобіе Богу состоитъ въ добродѣтели, или въ святости. Но понятіе добродѣтели не вполне ясно и само требуетъ себѣ точнѣйшаго опредѣленія. Въ чемъ же полагаютъ свв. аскеты добродѣтель? Нечего, конечно, доказывать, что всѣ они далеко отъ того узкаго взгляда на добродѣтель, по которому подъ именемъ ея разумѣются извѣстныя внѣшнія дѣла человѣка. По св. отеческому ученію, понятіе добродѣтели опредѣляетъ собою все существо человѣка, глубочайшее, основное направленіе всей его души, самое сердце его. Добродѣтелей, строго говоря, не можетъ быть много, по представленію отцовъ; добродѣтелей не столько, сколько бываетъ внѣшнихъ дѣлъ, или сколько видовъ внѣшней дѣятельности. «Добродѣтель только одна, говоритъ пр. Маркъ Подв.,—но имѣетъ мно-

¹⁾ См. наприм. „Слово къ монах“. Хр. Чт., ч. XX, 299.

²⁾ III т., 115 стр. Паралл. у Евагрія М. см. Добротоу. I т., стр. 634.

³⁾ III, 634 стр.

гообразныя дѣйствія» ¹⁾ (т.-е. внѣшнія проявленія). Подобно ему мысль о единствѣ, или «одноличности» совершенной добродѣтели, утверждаетъ пр. Ефремъ Сир. ²⁾ и Макарій Егип. ³⁾. Это и понятно. Понятіе добродѣтели, при строгомъ употребленіи слова, опредѣляетъ собою самое общее и глубочайшее направленіе всей сознательно-свободной жизни человѣка, гдѣ не можетъ быть мѣста для двойственности или для множественности. Съ отрицательной стороны добродѣтель, по ученію отцовъ, есть неповрежденность природы человѣческой, свобода отъ всего, «что собственно принадлежитъ врагу» ⁴⁾. Со стороны положительной она есть *стремленіе къ добру*, стремленіе опредѣляющее всю жизнь и личность человѣка, подчиняющее и объединяющее въ себѣ всѣ другія стремленія человѣка и вообще всѣ проявленія его жизни. Если есть у человѣка это стремленіе къ добру, то и безъ всякихъ внѣшнихъ дѣлъ онъ уже добродѣтеленъ. «Чей трудъ,— пишетъ пр. Ефремъ,— равноцѣненъ (вѣчному) царству? Кто можетъ получить царство по правдѣ, если не наследуетъ его туне?.. Трудъ человѣка и малъ, и великъ; малъ на самомъ дѣлѣ, великъ по волѣ, которой желаніе безпредѣльно... Если Воздаятель воздаетъ безъ мѣры, то значить сіе, что Онъ пріемлетъ во вниманіе волю» ⁵⁾ (т.-е. стремленіе, любовь къ добру). Итакъ, сущность добродѣтели состоитъ въ устремленіи всѣхъ силъ, всей жизни человѣка къ добру. На ряду съ этимъ опредѣленіемъ добродѣтели мы гораздо чаще въ твореніяхъ свв. аскетовъ встрѣчаемъ другое опредѣленіе ея, которое сущность добродѣтели полагаетъ *въ любви къ Богу*, въ устремленіи къ Нему Единому всѣхъ силъ и всего сердца человѣка.

¹⁾ Сл. I, гл. 195.

²⁾ I т., 114, 115 стр.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Автонія Вел. Письмо 1-е (Хр. Чт. 1862 г., ч. 22, стр. 45).

⁵⁾ V т., 276 стр.

«Дѣлать, сколько силъ есть у насъ, всѣ свои дѣла сообразно съ волею Господа, — вотъ чтò должны мы! — говорить пр. Антоній Великій.—Это свойственно природѣ нашей и кромѣ этого ничего большаго не должно требовать отъ добродѣтели нашей. Кто служитъ Богу и ищетъ Его отъ всего сердца своего, тотъ дѣйствуетъ сообразно съ своею природою». — «Истинно умный человѣкъ *одну* имѣетъ заботу — вседушно повиноваться и угождать Богу *всѣхъ*. Тому и *единственно* тому поучаетъ онъ душу свою, какъ бы благоугодить Богу»¹⁾. Подобнымъ образомъ и Макарій Великій убѣждаетъ насъ «всецѣло приступить ко Господу и Ему посвятить себя самихъ, сверхъ всего прочаго, по евангелію, отрекшись и души своей, возлюбить Его Единаго, не любя притомъ ничего иного»²⁾. «Весь преукрашенный вѣнецъ добродѣтелей чрезъ одну и единственную *заповѣдь о любви къ Богу* пріемлетъ совершенство»³⁾, — пишетъ тотъ же отецъ. Также учать о любви къ Богу и всѣ свв. аскеты. Она называется у нихъ «исполненіемъ всего закона, возглавленіемъ, солью всѣхъ добродѣтелей, причиной всѣхъ благъ, концомъ закона, столпомъ добродѣтелей» и т. п. Пр. Ефремъ, по мысли котораго, какъ мы видѣли, сущность добродѣтели заключается во всецѣлой преданности человѣка *добру*, между тѣмъ говорить въ другомъ мѣстѣ: «Такъ все дѣлай и такъ обо всемъ думай, чтобы *угодить Господу*; (иначе) потерять цѣну дѣланіе»³⁾. Всѣ дѣла добродѣтельнаго человѣка являются, по представленію пр. Ефрема, выраженіемъ любви къ Богу, и всѣ частныя добродѣтели—видоизмѣненіями ея. Проходитъ ли кто какое-либо послушаніе или служеніе, онъ долженъ исполнять ихъ «какъ Господню заповѣдь», «какъ дѣло Божіе». «Прекрасное упражненіе свое, — пишетъ онъ,—освящайте благоговѣніемъ и любовію къ Богу».

¹⁾ Бес. 4, гл. 18.

²⁾ Сл. 2, гл. 13.

³⁾ I т., 522 стр.

Даже поить жаждущаго чашей студеной воды должно во имя ученика, т.-е. «по Богу», «изъ любви ко Христу»¹⁾. Вообще, всѣ дѣла любви къ ближнему должны имѣть своимъ основаніемъ и своею душою любовь къ Богу²⁾. Только та любовь къ брату, которая вытекаетъ изъ любви къ Богу, и можетъ быть признана чистою, святою³⁾. Также простота, кротость, молитва, вообще послѣдованіе всѣмъ заповѣдямъ Божиимъ только «чрезъ одну единственную и первую заповѣдь о любви къ Богу поистинѣ получаютъ точную полноту»⁴⁾. Вообще, добрымъ и хорошимъ можетъ быть только то дѣло, «которое совершается для Бога»⁵⁾. Поэтому пр. Ефремъ и совѣтуетъ во всѣхъ подвигахъ добродѣтели «не скрывать отъ себя самую дѣйствительность ея, т.-е. любовь къ Богу»⁶⁾. Такимъ образомъ сущность добродѣтели свв. аскеты понимаютъ то какъ устремленіе всѣхъ силъ человѣка къ добру, то какъ любовь къ Богу, охватывающую также все существо человѣка. Здѣсь, конечно, нѣтъ никакого внутренняго противорѣчія. Стремленіе всего сердца къ добру всегда сопровождается любовью къ Богу, и эта послѣдняя возможна только подъ условіемъ стремленія всѣхъ силъ къ добру. Стремленіе къ добру и любовь къ Богу неразрывно связаны между собой и въ дѣйствительной жизни никогда не встрѣчаются отдѣльно. Для человѣка святаго, алчущаго и жаждущаго правды, Богъ является естественнымъ концомъ всѣхъ желаній. Въ Немъ добродѣтельный человѣкъ находитъ не только идеаль для подражанія, — этого мало, тѣмъ болѣе что идеаль можетъ предноситься сознанію человѣка и насильственно, — но находитъ и окончательный отвѣтъ на

1) III т., стр. 554—5.

2) III т., см. стр. 537, 555.

3) III, 538—9 стр.

4) III, стр. 539.

5) III т., стр. 539. 540.

6) Тамъ же, стр. 569.

запросы своей природы, послѣднюю цѣль всѣхъ своихъ стремленій. Добро не въ Бога. Любящій всѣмъ сердцемъ добро любить и Бога. Какъ неразрывны въ сознаниі свв. аскетовъ представленіе о Богѣ и представленіе о добрѣ, можно видѣть, наприм., изъ слѣдующихъ словъ пр. Евагрія М., гдѣ онъ опредѣляетъ глубочайшій мотивъ христіанской жизни. «Добро не должно быть для чего-либо другого, напротивъ все другое должно быть для него. Если это не будетъ допущено, явно, что подвизающее насъ къ дѣланію добра цѣннѣе для насъ самаго добра, а было бы крайней нелѣпостью—воображать нѣчто *высшее Бога*»¹⁾. Стремленіе къ добру, такимъ образомъ, сливается въ сознаниі пр. Евагрія съ стремленіемъ къ Богу и само добро представляется неотдѣлимымъ отъ Бога. Обобщая св.-отеческое ученіе о *внутреннемъ содержаніи* духовной жизни, можно сказать, что духовная жизнь есть общеніе съ Богомъ, основывающееся на подобіи Ему; другими словами, духовная жизнь это любовь къ Богу, приводящая человѣка къ живому общенію съ Нимъ.

Начиная опредѣленіе духовной жизни, мы на первомъ мѣстѣ поставили истинность, или подлинность ея, въ качествѣ такого существеннаго, основнаго признака духовной жизни, изъ котораго можно вывести всѣ другія свойства ея. Послѣ уясненія духовной жизни со стороны ея внутренняго содержанія этотъ отвлеченный, формальный признакъ истинности и другія, тѣсно связанныя съ нимъ, свойства не просто мыслятся съ логическою принудительностью, но становятся ясными для нашего сознаниія и какъ бы осязательными. Такъ, мы видѣли, когда касались *внутренняго* содержанія духовной жизни, что человѣкъ духовный «живетъ блаженною жизнью *Божіею*, поелику онъ самъ по обоженію сдѣлался богомъ»²⁾. Послѣ этого для насъ понятно, что такая жизнь есть истинная,—жизнь въ

¹⁾ Добротол. т. I, стр. 596.

²⁾ Маркъ Подв. Ст. 10, гл. 5.

собственномъ смыслѣ слова, такъ какъ, усвоивъ ее, человекъ становится причастникомъ жизни самосущей, которая въ себѣ самой имѣетъ оправданіе и источникъ своего бытія. Почему и пр. Маркъ, сказавъ, что духовный человекъ живетъ блаженной жизнью Божіей, прибавляетъ при этомъ, что такая жизнь «поистинѣ справедливо и называется жизнью и есть жизнь»¹⁾, т.-е. есть жизнь въ собственномъ смыслѣ этого слова. — Равнымъ образомъ, съ раскрытіемъ внутренняго существа духовной жизни, и другой внѣшній признакъ ея, именно вѣчность, мыслится съ большою полнотою и съ большою, такъ сказать, необходимостію. Мы представляемъ теперь духовную жизнь вѣчною не на томъ только, хотя твердою, но совершенно отвлеченномъ основаніи, что она есть жизнь въ собственномъ смыслѣ, жизнь истинная, но также потому, что внутреннее содержаніе ея составляетъ любовь къ безконечному и всесовершенному Существу. И въ самомъ чувствѣ любви, и въ Предметѣ этого чувства мы находимъ новое объясненіе нескончаемаго развитія духовной жизни, или ея вѣчности. Чистая любовь есть такое чувство, или лучше—такое стремленіе, которому не свойственно уменьшаться отъ удовлетворенія. Макарій Великій называетъ любовь «ненасытимымъ желаніемъ». При удовлетвореніи это желаніе не утоляется, а напротивъ, еще болѣе возбуждается. «Въ какой мѣрѣ,—пишетъ пр. Макарій о святыхъ,—сподобляются они духовныхъ дарованій, въ такой же, по ненасытимости небеснаго желанія, съ большимъ еще напряженіемъ взыскуютъ оныхъ; чѣмъ больше ощущаютъ въ себѣ духовнаго преслѣванія, тѣмъ паче алчутъ и жаждутъ причастія и приумноженія благодати; чѣмъ больше обогащаются духовно, тѣмъ паче какъ бы обнищиваютъ по причинѣ ненасытимости духовнаго желанія стремиться къ небесному Жениху, какъ говоритъ Писаніе: ядущіи Мя еще взалчутъ, и піющіи Мя еще вжадутся»

¹⁾ Ibid.

(Сирах. 24, 23) ¹⁾. Понятно, что въ такомъ чувствѣ, если оно охватываетъ всего человѣка и составляетъ весь смыслъ, все содержаніе его жизни, заключается залогъ нескончаемаго развитія и, слѣдовательно, вѣчнаго бытія. Залогъ безконечности духовной жизни заключается и въ самомъ Источникѣ ея—всесовершенномъ и безконечномъ Богѣ, любовью къ Которому живетъ духовный человѣкъ. Если любовь къ человѣку иногда не находитъ конца, не знаетъ, какъ говорить, сытости, тѣмъ болѣе этимъ свойствомъ должна, очевидно, обладать любовь къ Богу. «Господь безконеченъ и непостижимъ,—говоритъ Макарій Великій,—и никто никогда не смѣетъ сказать, что постигъ Его (вполнѣ)» ²⁾. Такъ безконеченъ и неисчерпаемъ въ своихъ совершенствахъ Предметъ христіанской любви. Чѣмъ больше человѣкъ будетъ приближаться къ Нему, тѣмъ больше этотъ послѣдній будетъ привлекать его, тѣмъ больше будетъ являться достойнымъ его любви. Всегда, слѣдовательно, у человѣка останется возможность любить Бога еще больше и чрезъ это еще ближе познавать Его; отсюда опять стремиться къ Нему еще больше, и т. д. въ безконечность. — Наконецъ, съ раскрытіемъ содержанія духовной жизни, уясняется сущность блаженства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возвышенный, безкорыстный характеръ его. Теперь понятно, что блаженство духовнаго человѣка есть блаженство любви, которая составляетъ все содержаніе его жизни. «Любовь составляетъ радость и веселіе» ³⁾ духовнаго человѣка, «духовная любовь служитъ воздаяніемъ святымъ» ⁴⁾. Понятно также, что блаженство духовнаго человѣка не имѣетъ другого, равнаго себѣ, такъ какъ блаженство любви выше всякаго другого блаженства. «О сладости любви Вожіей кто въ состояніи будетъ сказать

¹⁾ Бес. 10, гл. 1.

²⁾ Бес. 26, гл. 17.

³⁾ Ефр. III т., стр. 268.

⁴⁾ Маркъ Подв. Сл. 7, стр. 252.

достойнымъ образомъ? Ап. Павелъ свидѣтельствуеть..., что ничто въ совокупности не можетъ разлучить отъ любви Божіей душу, вкусившую сладости ея¹⁾. Понятно также, почему духовнаго человѣка, который жаждетъ блаженства, нельзя назвать себялюбцемъ. Блаженство, къ которому онъ стремится, заключается въ чистой любви; слѣдовательно, по существу своему оно прямо враждебно грѣховному эгоизму. Святая любовь стремится только къ тому, чтобы быть въ общеніи съ Любимымъ и жертвовать собою для Него. Нельзя назвать себялюбцемъ того, кто взываетъ къ Богу вмѣстѣ съ пр. Ефремомъ: «я желаю самъ быть осужденнымъ, только бы послужить мнѣ къ славѣ Твоей. Желаю умереть, чтобы Ты славился». Нельзя обвинять въ своекорыстіи того, кто дерзновенно говоритъ съ апостоломъ: «азъ не точію связанъ быти хочу, но и умрети готовъ есмь за имя Господа Іисуса» (Дѣян. 21, 13). Такая любовь не только совершенно свободна отъ себялюбія, но для грѣшнаго себялюбца даже непонятна.

Сводя къ единству всѣ указанные выше черты духовной жизни, мы получимъ такое опредѣленіе ея: духовная жизнь есть единственная истинная жизнь, отвѣчающая природѣ и назначенію человѣка, вѣчная, блаженная, возводящая падшаго человѣка къ первобытному нормальному состоянію его и къ жизни будущаго вѣка, состоящая въ безконечномъ развитіи богоподобія и богообщенія.

Архим. Кирилл.

¹⁾ Ефр. Сир. II т., стр. 93.

КНЯГИНЯ-ПОДВИЖНИЦА.

(Памяти преподобной Евфросинии. По поводу 500-лѣтія со дня кончины ея 1407—1907 г. † 7 іюля).

Казалось бы, что современность, расширяющая права женщины и дающая возможность работать ей вмѣстѣ съ мужчиной, а иногда и вмѣсто него, создастъ и новый типъ женщины, покажетъ дѣйствительное превосходство «правоспособной» соперницы мужчины предъ смиренной помощницей его давно-минувшаго.

И однако, какъ еще неясенъ доселѣ образъ новаго порожденія — образъ новой культурной женщины. Мы не видимъ какихъ-либо новыхъ идеальныхъ чертъ ея характера, но за то ясно сознаемъ, что, въ погонѣ за правами, она часто забываетъ о своихъ обязанностяхъ матери и семьянинки. Мы слышимъ о воплощеніи въ нѣкоторыхъ изъ нихъ талантовъ и способностей мужчинъ, и въ то же время замѣчаемъ, какъ незрѣваютъ, недонашиваются эти таланты, какъ мало уживаются они въ слабѣйшей половинѣ человѣческаго рода...

Но все же для женщины всегда оставалась, остается и доселѣ одна область, въ которой женщина была всегда внѣ конкуренціи съ мужчиной — это область домашняго очага, область воспитанія дѣтей, гдѣ такъ нужна собственная лучшей женщинѣ религіозность, нѣжность и задушевность. А въ этой-то области, кажется, очень немного преуспѣваетъ женщина нашихъ дней. Достаточно только упомянуть о томъ, что во Франціи — въ странѣ свободы

Преподобная Евфросинія.

(Снимокъ съ иконы, находящейся въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ).

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

„Иисусъ Галилеянинъ“.

Такъ называется новая книжечка психіатра-профессора П. И. Ковалевскаго, въ теченіе четырехъ—пяти мѣсяцевъ, выдержавшая два изданія ¹⁾). Тайна этакого успѣха заключается: въ затронутой авторомъ темѣ, въ имени самого г. Ковалевскаго и въ живой и увлекательной передачѣ земной жизни Христа.

Проф. Ковалевскій начинаетъ такъ: «Христіанская религія говоритъ намъ, что Иисусъ Христосъ есть второе лицо Святой Троицы,—Онъ Сынъ Божій, пришедшій въ міръ грѣшныя спасти. Для того Онъ, будучи Богомъ, воспріялъ человѣческую плоть и сталъ Бого-человѣкомъ. Это дѣло религіи. Это дѣло вѣры. Такимъ образомъ Святое слово различаетъ въ Иисусѣ два естества: божеское и человѣческое. Въ этомъ направленіи мы имѣемъ цѣлую теологическую библіотеку. Я лично ни подъ какимъ видомъ не имѣю цѣлю отрицаніе божественныхъ свойствъ Иисуса, однако о божественной природѣ Иисуса я не считаю себя компетентнымъ говорить. Это дѣло теологовъ. Но Иисусъ былъ и человѣкъ. Онъ имѣлъ человѣческій обликъ и человѣческую натуру. Съ этой точки зрѣнія и было бы интересно посмотрѣть, что это былъ за человѣкъ. Какова его натура, каковъ былъ характеръ?»

Человѣческому мыслящему уму присуще разсматривать всѣ предметы не только съ точки зрѣнія вѣры, но и съ точки зрѣнія разума. Я думаю, что мое изученіе Иисуса послужитъ не къ паденію вѣры, а къ подкрѣпленію ея разумомъ».

¹⁾ Проф. П. И. Ковалевскій. „Иисусъ Галилеянинъ“. Изданіе второе. Спб. Изданіе *Вѣстника Душевныхъ Болѣзней*. 1907. Цѣна 50 коп.

СОДЕРЖАНИЕ II ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1907 г.

МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ и АГУСТЪ.

	<i>Стран.</i>
1. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ЛЕОНИДА, АРХИ- ЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКАГО.	3—18 159—175 309—324 455—475
2. „ТЩЕСЛАВІЕ“ ИЛИ УРОКЪ? (Въ защиту памяти Оптинскаго старца Амвросія). Ректора Волынской семинаріи, архимандрита Виссаріона.	19—21
3. ВСЕОБЩНОСТЬ И ЕДИНСТВО ПРАВСТВЕННОСТИ. Ив. Николина.	22—29
4. РАВСТВО И СВОБОДА. Свящ. П. І. Архангельскаго..	30—45
5. КРАТКОЕ ПОВѢСТВОВАНИЕ О ЛЖЕ-ПАТРИАРХѢ ИГНАТИИ. А. Титова.	46—54
6. ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ. (Изъ дневника инока. А. І. ...)	55—60 206—212 351—357 476—482
7. ПОДВИГИ И УСИЛІЯ ВЪ ДОБРОДѢТЕЛИ. Ипполита.	61—67 250—259
8. ИЗЪ МОСКОВСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ СТАРИНЫ. Протопресвитера Московскаго Большаго Успенскаго собора В. С. Маркова.	68—76 367—374 514—522
9. ПИСЬМА ОПТИНСКАГО СТАРЦА ІЕРОСХИМОНАХА ОТЦА АМВРОСІЯ. Сообщилъ Начальникъ Оптинскаго скита, о. Іеромонахъ Іосифъ.	77—82
10. УРОКИ ХРИСТИАНСКАГО ДѢЛАНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПАТЕРИКА ПЕЧЕРСКАГО. (Къ 3-му мая — дню памяти преподобнаго отца нашего Θεодосія, игумена Печерскаго). А. Зеханда.	83—87
11. ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ ТИПЪ ДІАКОНСТВА, ВЪ СВЯЗИ СЪ ВОПРОСОМЪ О ПРИЗРѢНІИ БѢДНАГО ДУХОВЕНСТВА И ВОСПИТАНІИ ДУХОВНАГО ЮНОШЕСТВА ВЪ ПРЕЖНЕЕ ВРЕМЯ. Діаконъ Георгій Евстаѣевичъ Солнцевъ. Протоіерея Алексѣя Щукина.	88—96
12. ФИЛОСОФІЯ БЕЗРЕЛИГІОЗНАГО ОТЧАЯНІЯ. („Жизнь человека“ Леонида Андреева). Свящ. Н. А. Колосова.	97—110
13. СЧАСТЬЕ И ХРИСТИАНСТВО. * * *.	111—127 189—205 358—366
14. БЛАЖЕННЫЙ СОФРОНІЙ, 3-й ЕПИСКОПЪ ИРКУТСКІЙ. Краткое повѣствованіе о его жизни, дѣяніяхъ и блаженная память о немъ. Протоіерея Милія Чефранова, настоятеля Святотроицкой церкви при Императорскомъ Россійскомъ Генеральномъ Консульствѣ въ г. Ургѣ.	128—136 231—236 560—568
15. ЭКСКУРСІЯ СТУДЕНТОВЪ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ НА БЛИЖНІЙ ВОСТОКЪ. Дм. Маркова.	137—145 237—249 438—477 578—588

16. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Графъ Л. Н. Толстой объ анархизмѣ. **И. Н.** — Взаимодѣйствіе церкви и государства на служеніи обществу. **С. П. Н.**..... 146—158
17. ПРАВСТВЕННАЯ ОЦѢНКА. **Ив. Николина.** 176—184
18. СТАРЕЦЪ О. ИГУМЕНЪ ГЕРАСИМЪ. 185—188
19. ИСТОРИЯ МАНЬВСКАГО СКИТА СЪ ЕГО ОСНОВАНІЯ ДО ЗАКРЫТІЯ (1611—1785 гг.). Съ предисловіемъ **А. А. Титова.**..... 213—230 404—420 523—538
20. ЧТО ТАКОЕ ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ? (Опытъ научнаго опредѣленія по твореніямъ свв. аскетовъ). **Архим. Кирилла.** 260—270
325—337
21. ЧУДЕСНАЯ ТРОЙКА. **Г. П. Любомирова.**..... 271—286
22. НЕПРАВДА СТАРООБРЯДЦЕВЪ. Протоіерея **Іоанна Поспѣлова.** 287—296 397—403
23. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ Грузинской агиологии. (По поводу изслѣдованія профессора **Н. Я. Марра**). **А. А. Титова.**—Взаимодѣйствіе церкви и государства на служеніи обществу. **С. П. Н.** ... 297—306
24. КНЯГИНЯ-ПОДВИЖНИЦА. (Памяти преподобной Евфросиніи. По поводу 500-лѣтія со дня кончины ея 1407—1907 г. † 7 іюля). (Съ приложеніемъ рисунка). **Димитрія Введенскаго.** 338—350
25. МОЖНО ЛИ ЖИТЬ БЕЗЪ ВѢРЫ? (Евангельская исторія въ изображеніи Леоніда Андреева). **Свящ. Н. А. Колосова.** 375—393
539—556
26. ОТВѢТЫ ОПТИНСКАГО СТАРЦА ІЕРОСХИМОНАХА АМВРОСІЯ НА ВОПРОСЫ ОТНОСИТЕЛЬНО МОНАШЕСКИХЪ СКОРБЕЙ. Сообщено изъ Оптиной пустыни **А. К.**... 394—396
27. ВѢРОТЕРПИМОСТЬ. Перевелъ съ англійскаго священникъ **М. Ойвейскій.**..... 421—437 497—513
28. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“. (Замѣтка). **Павла Россіева.**..... 448—458
29. О ПРАВСТВЕННОМЪ ДОЛГѢ. **Ив. Николина.**..... 483—496
30. ВЪ ПАФНУТЦЕВОМЪ МОНАСТЫРѢ. **Павла Россіева.**... 569—577
31. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. „Иисусъ Галилеянинъ“. **Павла Россіева.** — Проф. **Н. Н. Глубоковскій.** (По вопросамъ духовной школы (средней и высшей) и объ Учебномъ Комитетѣ при Святѣйшемъ Синодѣ. С. Петерб. 1907 г.). Т. II, 589—598

ОБЪЯВЛЕНІЯ.